

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»



ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

*Материалы II международной
научно-практической интернет-конференции
(г. Вологда, 16–18 мая 2017 г.)*

**Вологда
2017**

УДК 330.341
ББК 65.9-962
П78

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

П78 Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий [Текст] : материалы II международной науч.-практ. интернет-конференции, г. Вологда, 16–18 мая 2017 г. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. – 408 с.

ISBN 978-5-93299-386-6

Редакционная коллегия:

Т.В. Ускова

д.э.н., зам. директора, зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.В. Лукин

к.э.н., ведущий научный сотрудник, зам. зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

С.А. Кожевников

к.э.н., старший научный сотрудник, зав. лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАН

М.А. Печенская

к.э.н., старший научный сотрудник, зав. лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАН

В сборнике представлены материалы II международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей в г. Вологде 16–18 мая 2017 г.

Участие в конференции приняли экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы и факторы развития экономики регионов и отраслевых комплексов – машиностроения, сельского хозяйства, лесного сектора, туризма и других. Затрагиваются особенности развития северных территорий России. Рассматривается широкий круг вопросов оценки бюджетного потенциала, рационализации управления территориальными бюджетами и повышения устойчивости доходной базы бюджетов регионов. Освещаются различные аспекты организации налогового регулирования в России, проблемы и пути повышения его эффективности.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России.

Доклады представлены в авторской редакции.

УДК 330.341
ББК 65.9-962

ISBN 978-5-93299-386-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обеспечение устойчивого экономического роста – центральная проблема мировой экономики. Большие объемы и высокие темпы роста валового внутреннего продукта – свидетельство могущества страны и мирового лидерства. В настоящее время в Российской Федерации наблюдаются негативные социально-экономические тенденции, страна утрачивает свои позиции в мировой экономике. Вопрос о перспективах роста российской экономики выходит в ряд наиболее актуальных.

В экспертной среде и политических кругах страны развернулась дискуссия, в фокусе внимания участников которой факторы и причины падения экономики, а также те меры, которые следует принять для преодоления негативных тенденций и вывода экономики на траекторию устойчивого роста.

ФГБУН ВолНЦ РАН (до реорганизации – ФГБУН ИСЭРТ РАН) не остается в стороне от обсуждения этих вопросов. Центр выступает организатором научно-практических конференций с привлечением широкого круга ведущих российских ученых, представителей органов регионального и местного управления, руководителей социальных учреждений и хозяйствующих субъектов.

С 2016 года в отделе проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ежегодно проходит научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий».

В первой интернет-конференции (27-29 апреля 2016 г.) был представлен 31 доклад. Участие приняли ученые и эксперты из регионов России (Апатиты, Белгород, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Курск, Москва, Санкт-Петербург) и Украины (Донецк). На официальном форуме конференции прошло активное обсуждение докладов. По итогам конференции подготовлен сборник материалов, размещенный в РИНЦ. Каждый автор получил именной сертификат участника конференции.

Во второй интернет-конференции (16-18 мая 2017 г.) формат проведения мероприятия претерпел изменения. В первый день было организовано пленарное заседание, которое проводилось в режиме вебинара с подключением докладчиков из различных регионов и стран.

География участников значительно расширилась, конференция получила статус международной. Заявки подали 75 участников из научных учреждений и вузов России (Москва, Уфа, Тюмень, Новосибирск, Нижний Новгород, Владивосток, Самара, Екатеринбург, Апатиты, Киров, Ульяновск, Петрозаводск, Сыктывкар, Волгоград, Курган, Белгород и др.), а также из стран ближнего зарубежья:

- Беларуси (Витебск, Могилев, Минск);
- Украины (Переяслав-Хмельницкий, Днепр, Донецк);
- Узбекистана (Ташкент);
- Казахстана (Алматы).

Пленарное заседание открыл доклад кандидата экономических наук, заведующего лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил ФГБУН ВолНЦ РАН Сергея Александровича Кожевникова, посвященный исследованию особенностей проектного управления, выявлению проблем, тормозящих его внедрение в органах исполнительной власти. Затем выступили эксперты Института экономики Карельского научного центра РАН доктор экономических наук ведущий научный сотрудник Олег Викторович Толстогузов и кандидат экономических наук научный сотрудник Марина Валерьевна Морошкина. Олег Викторович посвятил выступление исследованию системных факторов развития экономики региона. Марина Валерьевна рассказала об изучении динамики социально-экономического развития приграничных регионов, оценке уровня дифференциации приграничных регионов России и Финляндии.

Представитель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского кандидат экономических наук доцент Людмила Федоровна Суходоева выступила с докладом об особенностях оценки рыночной стоимости активов территории как инструмента анализа ее финансовой устойчивости.

Благодаря современным информационным технологиям были организованы выступления зарубежных участников. Кандидат экономических наук старший научный сотрудник, и.о. директора Донецкого научного центра Евгений Валериевич Котов познакомил присутствующих с теоретическими подходами к пониманию реиндустриализации. Об исследовании вопросов укрепления финансовой самодостаточности регионов Узбекистана рассказал старший научный сотрудник Института прогнозирования и макроэкономических исследований Ташкента Фарух Тошмухамедович Абдувалиев.

Обсуждение докладов осуществлялось на интернет-форуме конференции, на котором в ходе онлайн-дискуссии участники и все заинтересованные лица могли задавать вопросы и присылать комментарии авторам.

Наибольший интерес вызвала тематика секции 1 «Проблемы социально-экономического развития и управления территориями» (модератор – м.н.с. лаборатории моделирования и прогнозирования социально-экономического развития территорий Е.Г. Леонидова). На ней поднимались вопросы развития территорий, эффективного использования их ресурсного потенциала, перспективы экономической интеграции, направления экспортной специализации и другие актуальные проблемы. Самым обсуждаемым в этой секции стал доклад д.э.н. профессора, зав. лабораторией международной торговли и новой экономической географии Белгородского государственного национального исследовательского университета Светланы Николаевны Растворцевой и магистранта кафедры финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова Дэвики Нираджевны Кумар о роли туристской сферы в экономическом развитии региона, а также доклад младшего научного сотрудника ФГБУН ВолНЦ РАН Светланы Юрьевны Егорихиной о становлении института магистратуры в России.

В секции 2 «Проблемы и перспективы пространственного развития территорий» (модератор – зав. лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил к.э.н. С.А. Кожевников) освещались особенности реализации проектного подхода к управлению территориями, вопросы стратегического планирования развития территорий, а также состояние и тенденции развития отдельных отраслей экономики. Наиболее обсуждаемыми стали доклады студента факультета трансферных специальностей Ульяновского государственного университета Олега Игоревича Клевцова о стратегическом планировании развития территорий в рамках становления Евразийского экономического союза и инженера-исследователя ФГБУН ВолНЦ РАН Ивана Владимировича Артамонова о возможностях использования ГИС-системы в анализе доступности инфраструктуры здравоохранения региона.

В секции 3 «Проблемы и пути повышения финансовой устойчивости территории» (модератор – зав. лабораторией исследования проблем развития общественных финансов к.э.н. М.А. Печенская) рассматривались актуальные проблемы обеспеченности прозрачности бюджетного процесса, самофинансирования муниципальных образований, вопросы финансовой самодостаточности и безопасности территорий. Наибольшее количество вопросов задано младшему научному сотруднику ФГБУН ВолНЦ РАН Александру Викторовичу Россошанскому, представившему доклад о влиянии субъективной оценки качества жизни на потребительское поведение населения, и представителям Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета имени Григория Сковороды кандидатам экономических наук Людмиле Юрьевне Леваевой и Светлане Юрьевне Кучеренко, которые рассказали об особенностях обеспечения прозрачности бюджетного процесса.

Хочется отметить высокий уровень представленных докладов конференции, активность участников интернет-форума, а также широту рассматриваемых вопросов.

Ускова Тамара Витальевна
научный руководитель конференции
зам. директора, зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН д.э.н.

СЕКЦИЯ 1.

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ**

Оптимизация программы выпуска инновационной продукции промышленных предприятий при условии достижения нескольких одновременных целей

Аннотация. Оптимизация производственной программы по выпуску инновационного продукта позволяет эффективным образом использовать внутренние ресурсы компании, получать от них наибольший экономический эффект и сокращать издержки. Данная задача может быть решена при помощи методов линейного программирования.

Ключевые слова: оптимизация, линейное программирование, многозадачность, инновации, производство.

Ведение инновационной деятельности организаций сопровождается рядом проблем и задач, которые обнаруживаются при планировании хозяйственной деятельности промышленных предприятий. В соответствии с основными стадиями инновационного процесса (рис.) можно выделить ряд принципиально разных явлений, которые требуют по отношению к себе индивидуального подхода и отдельных различных средств, в том числе математического и инструментального характера.

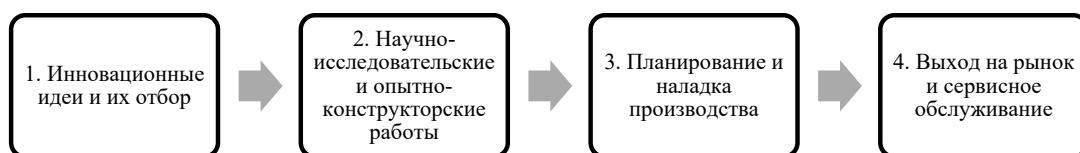


Рис. Основные этапы инновационного процесса [12]

Так, для этапа планирования производства и выпуска продукции необходимо оптимизировать производственную программу [5], где под оптимизацией понимается сокращение затрат, полное использование имеющихся ресурсов (штат кадров, сырье и материалы, полуфабрикаты, рабочее время) при заданных ограничениях мощностей, достижение максимальных целевых индикаторов, размещение парка станков и оборудования в пространстве для наиболее эффективного и быстрого их использования и др. В связи с этим оптимизация этапа производства инновационной продукции является важной экономической задачей, которую необходимо решить.

Цель данного доклада можно определить как построение математической оптимизационной модели производственного этапа инновационного процесса. Сопутствующими задачи будут являться:

¹ Алферьев Дмитрий Александрович (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

– построение математической модели производства инноваций при однокритериальном целевом условии;

– построение математической модели при условии многокритериальности.

Под условием однокритериальности будем понимать наличие в производственной задаче единой целевой функции, т. е. руководитель компании стремится достигнуть одну единственную цель. При многокритериальной системе возможно одновременное существование нескольких целевых функций [7]. Подобными индикаторами могут стать выручка, затраты, прибыль, рентабельность [13]. Данные показатели в виде функциональной зависимости от количества инновационной продукции и товаров старого ассортимента (при их наличии) в формализованном алгебраическом виде выглядят следующим образом:

$$F_1(X) = \sum_i p_i x_i \rightarrow \max, \quad (1)$$

$$F_2(X) = \sum_i c_i x_i + C \rightarrow \min, \quad (2)$$

$$F_3(X) = \sum_i (p_i - c_i) x_i - C \rightarrow \max, \quad (3)$$

$$F_4(X) = \frac{\sum_i (p_i - c_i) x_i - C}{\sum_i c_i x_i + C} \rightarrow \max, \quad (4)$$

$$X = \{x_i\}; i = \overline{1, m}; m \in N,$$

где $F_k(X)$; $k = \overline{1, 4}$ при – четыре критерия оптимизации:

при $k = 1$ – функция выручки;

при $k = 2$ – функция затрат;

при $k = 3$ – функция прибыли;

при $k = 4$ – функция рентабельности производства;

x_i – количество i -й продукции, производимой предприятием (как инновационной, так и старого ассортимента при его наличии);

p_i – стоимость единицы i -й производимой продукции;

c_i – переменные затраты единицы i -й производимой продукции;

C – постоянные затраты.

Три из выделенных функций должны быть максимизированы для извлечения максимального экономического эффекта. Данными индикаторами являются выручка (1), прибыль (3) и рентабельность (4). Функция затрат (2) соответственно должна быть минимизирована [11]. Достижение данных целей по отдельности может быть успешно достигнуто даже при наличии различного рода условий. Стремление же к одновременному достижению всех возможных критериев оптимальности на практике является невозможным, так как подобного рода системы имеют противоречащие и взаимокомпенсирующие факторы [6]. Таким образом, при наличии многокритериальности в задаче оптимизации производства руководителю организации необходимо идти на определенного рода уступки или выработать последовательность выбора приоритетов при наступлении и выполнении в экономической среде различных условий и явлений.

Условиями, ограничивающими достижение целевых функций (1)-(4), могут являться трудовые кадры; нормы расхода сырья, материалов, полуфабрикатов, необходимые для создания продукции; загруженность станкопарка; время выполнения работ; затраты на водоканал и электроэнергию [10] и т. д. Формализованная алгебраическая запись перечисленных факторов выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} a_{11}x_1 + a_{21}x_2 + \dots + a_{m1}x_m \leq b_1 \\ a_{12}x_1 + a_{22}x_2 + \dots + a_{m2}x_m \leq b_2, \\ \dots \\ a_{1n}x_1 + a_{2n}x_2 + \dots + a_{mn}x_m \leq b_n \end{cases} \quad (5)$$

$$\begin{cases} j = \overline{1, n}; n \in N, \\ x_i \geq 0, \end{cases} \quad (6)$$

где

a_{ij} – норма использования на единицу i -й продукции j -го ресурса;

b_j – запас j -го ресурса.

В агрегированной форме запись (5) может выглядеть как:

$$\sum_{i=1}^m a_{ij}x_i \leq b_j \quad (7)$$

Дополнительным условием при создании инновационного продукта может быть использование продукции старого ассортиментного ряда в новой отлаженной производственной цепочке [4]. Данное условие подробно рассмотрено в работах Новожилова В.В. [8] и Леонтьева В.В. [3] на примере математической модели межотраслевого баланса, где спроектировано использование продукции одной отрасли народного хозяйства при выпуске продукции другой отрасли. Алгебраическая запись данного ограничения выглядит следующим образом:

$$x_i \geq \bar{y}_i + \sum_{l=1}^m z_{il}\hat{x}_l, \quad l = \overline{1, m}, \quad (8)$$

где

\bar{y}_i – конечное потребление i -й продукции;

z_{il} – использование i -й продукции при производстве единицы l -й продукции;

x_l – количество l -й продукции, где l является новой последовательностью, аналогичной последовательности i .

Конечная математическая модель оптимизации выпуска продукции промышленного предприятия при единственном критерии оптимальности в целостном виде представляет собой запись:

$$F_k(X) \rightarrow \begin{cases} \max \\ \min, \end{cases} \quad (9)$$

$$\begin{cases} \sum_{i=1}^m a_{ij}x_i \leq b_j \\ x_i \geq y_i + \sum_{l=1}^m z_{il}x_l \\ x_i \geq 0. \end{cases}$$

При условии линейности целевой функции и ограничений-условий решением данной системы будет являться точка вершины абстрактного выпуклого многомерного многогранника. Ее поиск может быть осуществлен при помощи симплекс-алгоритма, [2] разработанного советским экономистом-математиком, лауреатом Нобелевской премии Канторовичем Л.В.

При наличии одновременного достижения целей по нескольким локальным критериям, как уже было отмечено ранее, возникает серьезная проблема. Очевидно, что подобная ситуация невозможна. Точнее реализация одновременного выполнения всех поставленных целей не может быть осуществлена при едином плане производства продукции. Выход заключается в том, что следует прибегнуть к наиболее удовлетворяющему нас компромиссу.

Для решения данной ситуации могут быть использованы разделы теории игр, связанные с антагонистическими играми с природой [1].

Для формирования компромиссного плана используем критерий Вальда [9]. Данное условие основано на гипотезе о том, что игрок (в нашем случае руководитель промышленного предприятия) стремится получить результат при любом состоянии неблагоприятной для него среды (критерий максимина). Недостаток критерия выражается в том, что он отвергает оптимистичные варианты событий из-за своего крайнего пессимизма. На дальнейшем этапе введем новые обозначения.

Пусть f_1, f_2, \dots, f_s – заданные веса разных, найденных при решении однокритериальных задач вариантов производственных планов. При этом $s \leq k$, а сумма $f_1 + f_2 + \dots + f_s = 1; f_1 \geq 0, f_2 \geq 0, \dots, f_s \geq 0$.

Тогда $(F_1(X) = \max) - (F_1^1 \cdot f_1 + F_1^2 \cdot f_2 + \dots + F_1^s \cdot f_s)$, где степень функции F_k – номер оптимального плана при соответствующем ему оптимуме. Данное выражение является отклонением по выручке от реализации продукции инновационного характера и старого ассортимента при компромиссном плане от максимальной. Аналогичным образом найдем оставшиеся отклонения.

$(F_2^1 \cdot f_1 + F_2^2 \cdot f_2 + \dots + F_2^s \cdot f_s) - (F_2(X) = \min)$ – отклонение затрат при компромиссном плане от минимальных;

$(F_3(X) = \max) - (F_3^1 \cdot f_1 + F_3^2 \cdot f_2 + \dots + F_3^s \cdot f_s)$ – отклонение прибыли от максимальной;

$(F_4(X) = \max) - (F_4^1 \cdot f_1 + F_4^2 \cdot f_2 + \dots + F_4^s \cdot f_s)$ – отклонение рентабельности производства от максимальной.

Если максимальное из рассмотренных отклонений равно e при X , то выполняются условия:

$$\begin{cases} (F_1(X) = \max) - (F_1^1 \cdot f_1 + F_1^2 \cdot f_2 + \dots + F_1^s \cdot f_s) \leq e \\ (F_2^1 \cdot f_1 + F_2^2 \cdot f_2 + \dots + F_2^s \cdot f_s) - (F_2(X) = \min) \leq e \\ (F_3(X) = \max) - (F_3^1 \cdot f_1 + F_3^2 \cdot f_2 + \dots + F_3^s \cdot f_s) \leq e \\ (F_4(X) = \max) - (F_4^1 \cdot f_1 + F_4^2 \cdot f_2 + \dots + F_4^s \cdot f_s) \leq e \end{cases} \quad (11)$$

Чтобы e было минимальным, существует такая функция $F(f, e) = e \rightarrow \min$. При данных условиях имеет место новая задача линейного программирования аналогичная тем, что построены для нахождения оптимального производственного плана при едином заданном локальном критерии. Общий алгебраический вид новой задачи будет выглядеть как:

$$\begin{cases} F(f) = e \rightarrow \min, \\ F_1^1 \cdot f_1 + F_1^2 \cdot f_2 + \dots + F_1^s \cdot f_s + e \geq F_1(X) = \max \\ F_2^1 \cdot f_1 + F_2^2 \cdot f_2 + \dots + F_2^s \cdot f_s - e \leq F_2(X) = \min \\ F_3^1 \cdot f_1 + F_3^2 \cdot f_2 + \dots + F_3^s \cdot f_s + e \geq F_3(X) = \max \\ F_4^1 \cdot f_1 + F_4^2 \cdot f_2 + \dots + F_4^s \cdot f_s + e \geq F_4(X) = \max \\ f_1 + f_2 + \dots + f_s = 1 \\ f_1 \geq 0, f_2 \geq 0, \dots, f_s \geq 0, e \geq 0 \end{cases} \quad (12)$$

Таким образом, найдя веса f_1, f_2, \dots, f_s , можно вычислить значения объемов выпуска инновационной продукции при компромиссном плане.

Данные модели могут быть использованы в хозяйственной деятельности промышленных предприятий для обоснования выпуска производства инновационной продукции. Особенностью модели при единственном локальном критерии оптимальности является то, что при выпуске товаров и услуг они сами могут быть задействованы при параллельном производстве другой продукции. Разработка математической модели при условии множества локальных критериев оптимальности позволяет на основании критерия Вальда сделать выбор в пользу такой производственной программы, которая учитывает негативные факторы ведения бизнеса. Дальнейшим направлением математического моделирования в планировании производственного этапа инновационного процесса может быть поиск дополнительных путей решения при условии достижения нескольких целей одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диксит, А. К. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни [Текст] / А. К. Диксит, Б. Д. Нейлбафф. – Издательство : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 494 с.
2. Канторович, Л. В. Математико-экономические работы [Текст] / Л. В. Канторович. – Новосибирск : Наука, 2011. – 760 с.
3. Леонтьев, В. В. Межотраслевая экономика [Текст] / В. В. Леонтьев. – М. : Экономика, 1997. – 479 с.

4. Лукин, Е. В. Направления использования межотраслевого баланса в анализе и моделировании развития социально-экономических систем [Электронный ресурс] / Е. В. Лукин // Вопросы территориального развития. – 2017. - № 1 (36). – Режим доступа : http://vtr.vscs.ac.ru/article/2125/full?_lang=ru
5. Мазиллов, Е. А. Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона / Е. А. Мазиллов, К. А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3. – С. 71–84.
6. Мазиллов, Е. А. Развитие промышленного комплекса в контексте модернизации экономики региона [Текст] : монография / Е. А. Мазиллов. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 168 с.
7. Математические и инструментальные методы экономики: учебное пособие [Текст] / П. В. Акинин, В. А. Королев, С. Г. Кочергин, Е. Л. Торопцев, А. С. Мараховский, И. Б. Брежнева, Ю. Н. Дьякова. – 2-е изд., стер. – М. : КНОРУС, 2016. – 224 с.
8. Новожилов, В. В. Проблемы измерения затрат и результатов для оптимального планирования [Текст] / В. В. Новожилов. – М. : Наука, 1972. – 432 с.
9. Петросян, Л. Теория игр [Текст] / Л. Петросян. – 2-е изд. – СПб. : БХВ-Петербург, 2012. – 424 с.
10. Сорокина, Е. А. Теория факторов производства и доходов от них, получаемых и распределяемых между субъектами промышленных корпораций [Электронный ресурс] / Е. А. Сорокина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 32 (247). – С. 29–32. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/247/005.pdf>
11. Сюлина, С. П. Методология анализа оптимизации ассортимента продукции на долгосрочную перспективу [Текст] / С. П. Сюлина // Экономический журнал. – 2010. – Т. 19. – № 3. – С. 26–36.
12. Теребова, С. В. Активизация инновационного процесса в регионе [Текст] : монография / С. В. Теребова, Е. С. Губанова. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. – 179 с.
13. Ярыгина, Л. В. Анализ вариантов производственной программы предприятия при помощи надстройки «Поиск решения» MS Excel / Л. В. Ярыгина, Н. А. Никитина. – Вологда : ВоГТУ, 2013. – 48 с.

Внутренний контроль как механизм реализации риск-ориентированного подхода к организации системы управления

Аннотация. Оптимизация производственной программы по выпуску инновационного продукта позволяет эффективным образом использовать внутренние ресурсы компании, получать от них наибольший экономический эффект и сокращать издержки. Данная задача может быть решена при помощи методов линейного программирования.

Ключевые слова: оптимизация, линейное программирование, многозадачность, инновации, производство.

В организационном аспекте ведущими целями службы внутреннего контроля традиционно являются обнаружение нарушений регламентов и правил, а также выявление нарушивших режим, одновременно целью эффективной системы внутреннего контроля (СВК) является распознавание и адекватное реагирование на риски. В данной подглаве мы изложим основы методики построения ориентированного на риск внутреннего контроля.

Улучшение работы системы внутреннего контроля, ее адаптация к характеру и масштабу осуществляемых банком операций способны повысить уровень управления и эффективность банковской деятельности. Развитие теории и практики риск-менеджмента в банковском деле позволяет в частных случаях минимизировать потери банка, но не гарантирует безубыточную деятельность в будущем, что подтверждают периодические банкротства кредитно-финансовых учреждений на протяжении последних четырнадцати месяцев. Подобные примеры банкротств не останавливают остальных участников кредитно-финансового рынка в стремлении к максимизации доходов. Однако внутренний контроль выступает основным ограничением такого стремления. Под внутренним контролем будем понимать процесс, который осуществляется руководством и всеми сотрудниками организации, созданный для предоставления собственникам разумной уверенности (разумных гарантий) в завтрашнем дне, а также в том, что будут достигнуты поставленные кредитной организацией цели в областях:

- эффективности и результативности деятельности (в т. ч. сохранности активов);
- полноты и достоверности финансовой отчетности;
- не противоречия ее деятельности законодательству и правилам.

Так деятельность СВК уменьшает степень риска потери активов, способствует обеспечению достоверности отчетности и соответствия законодательству.

В целом система внутреннего контроля отвечает не за внутренний контроль, а за его независимую оценку и помощь руководству в его совершенствовании. В условиях ограниченности ресурсов достижение этой цели возможно только путем применения ориентированного на риск подхода. Концепция ориентированного на риск внутреннего контроля, который основан на определении и мониторинге уровня риска, приемлемого для кредит-

¹ Альнакула Мажд (Россия, г. Белгород) – аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

ной организации, предполагает передачу на все уровни управления, во все подразделения ответственности за идентификацию рисков и их оценку. Процессы контроля, которые ограничивают риск, должны быть встроены в бизнес-процессы.

На данный момент можно говорить о двух подходах в работе системы внутреннего контроля (табл.) [1].

Таблица. Сравнение подходов в работе СВК

Признаки	Работа в традиционной модели	Работа в новой модели
Стандарты	Нормативные акты и внутренние регламенты	Приемлемость уровня риска, обеспеченного системами внутреннего контроля (в том числе риска несоответствия законодательству)
Акты сверок СВК	Общий отчет о проделанной работе и выявленных нарушениях	По каждому выявленному факту проводится анализ уязвимости системы контроля, информируется руководство (прилагаются перечень фактов, оценка рисков и рекомендации СВК)
Подготовка мероприятий по выявленным отклонениям	План мероприятий готовит СВК, согласовывает в распоряжении	Факты и выводы подтверждаются банковским бизнесом, план действий готовит подразделение, заинтересованное в уменьшении риска
Подготовка отчетов	Краткий отчет для руководства с перечнем наиболее серьезных нарушений	Итоговый отчет с ключевыми проблемами оценивает адекватность предложенных действий и выпускает согласованное с зампредами распоряжение с планом действий
Контроль	Нерегулярный контроль исполнения распоряжений	Ежемесячный контроль выполнения плана действий

В условиях мировой нестабильности рынков и роста теневой экономики российская экономика характеризуется нарастанием факторов неопределенности при осуществлении финансовой и хозяйственной деятельности. Ориентированный на риск подход (риск-ориентированный подход) к службе внутреннего контроля и аудита, который предъявляет им требования оптимальной эффективности и результативности деятельности при обеспечении ее качества на уровне передовой международной практики, становится логичным ответом на изменение экономических условий.

Система подобного подхода внутреннего контроля и аудита позволяет дать оценку защищенности компании, выявить риски, создать и (или) скорректировать план мероприятий по минимизации рисков, улучшить взаимодействие отделов, ответственных за контроль и управление рисками [2].

С учетом значительного роста в области рисков и контроля в службах внутреннего аудита многих компаний сосредоточивают сферу внутреннего аудита на областях, содействующих привнесению ценностей в организацию. Осуществляя поддержку во внедрении культуры сознательного контроля и единой системы управления рисками, внутренний аудит имеет возможность уделять большее внимание вопросам повышения эффективности и экономии затрат [3].

Таким образом, организованная риск-ориентированная СВК и аудита позволит собственникам получить взгляд со стороны на деятельность компании в целом, а также по-

нять, необходимые шаги, которые следует предпринять для повышения эффективности ее работы с учетом требований международных стандартов, международной и отечественной практики в области внутреннего контроля и аудита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письмо Банка России от 06.02.2012 № 14-Т «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору «Принципы совершенствования корпоративного управления» (ред. от 10.10.2013) [Текст].
2. Внедрение стандартов Базеля II / Базеля III в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Implementing-Basel-in-Russia-Rus/\\$FILE/Implementing-Basel-in-Russia-Rus.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Implementing-Basel-in-Russia-Rus/$FILE/Implementing-Basel-in-Russia-Rus.pdf) – Дата обращения 25.04.2017.
3. Михайлов, А. М. Риск-ориентированный внутренний контроль в системе корпоративного управления банком [Текст] / Михайлов А. М. // Экономика и управление: проблемы и решения : материалы международной заочной научно-практической конференции. – М. : НИУ ВШЭ. - 21.11.2011.

Предоставление государственных услуг малому и среднему бизнесу в Республике Башкортостан в 2016 году

Аннотация. В статье рассматриваются программа по развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан, ее цели, задачи, основные положения, а также реализация на практике. Автор проводит оценку результативности проведенных мероприятий и выделенных субсидий из федерального и республиканского бюджета в 2016 году лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность на территории Республики Башкортостан.

Ключевые слова: субсидии, государственные услуги, предпринимательство, инновации, новые рабочие места.

Благодаря функционированию организаций сферы малого и среднего бизнеса население имеет возможность получать те товары и услуги, которые не в силах им предложить крупные предприятия. Речь идет о бытовых услугах, мелкой торговле и т. д. В свою очередь, крупные предприятия находятся в определенной зависимости от субъектов малого бизнеса. В данном случае предприятия сферы малого бизнеса выполняют обслуживающую функцию.

Субсидирование в развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан в 2016 году производилось из местного и федерального бюджета согласно программе «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан на 2013 - 2018 годы» [1]. Даная республиканская программа нацелена на создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности в Республике Башкортостан, повышение рентабельности от всех видов предпринимательской деятельности, вовлечение в предпринимательскую деятельность большего числа граждан Республики Башкортостан.

В 2016 году общий объем финансирования малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан составил, согласно программе «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан на 2013 - 2018 годы», 556500 тыс. рублей [1]. При этом из федерального бюджета выделено 1310198,4 тыс. рублей, из бюджета Республики Башкортостан 125725,0 тыс. рублей, из местных бюджетов 57283,1 тыс. рублей, из местных бюджетов 51053,0 тыс., а из внебюджетных источников 6100,0 тыс. рублей.

Государственные услуги в 2016 году в нашей республике приняли более 17 тысяч субъектов малого и среднего предпринимательства. Данные меры поддержки способствовали созданию на территории Башкирии более 3 тысяч новых и сохранению более 20 тысяч рабочих мест. Согласно данным, предоставленным официальным сайтом Госкомитета по предпринимательству и туризму, инфраструктурную поддержку получили 3309 субъек-

¹ Ахмедина Эльмира Азатовна (Россия, г. Уфа) – бакалавр, Институт экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета.

тов малого и среднего предпринимательства нашей республики. Также более 12,5 тысячи предпринимателей Башкортостана были предоставлены в ушедшем году информационно-консультационные и образовательные услуги [8].

В качестве одной из наиболее ощутимых государственных услуг выступило то, что в 2016 году лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, были выделены субсидии из федерального и республиканского бюджета, в том числе:

1. Субсидии на погашение части лизинговых платежей, сюда относится также возмещение первоначального взноса по договорам лизинга.
2. Субсидии «молодым» предпринимателям, направленные на погашение первого взноса по договору лизинга оборудования;
3. Субсидии лицам, начинающим собственную предпринимательскую деятельность;
4. Субсидии, направленные на покрытие некоторой части затрат субъектов социально-предпринимательства;
5. Субсидии предпринимателям, направленные на покрытие некоторой части затрат, связанных с приобретением высокотехнологичного инновационного оборудования [1].

Далее, с мая 2015 по март в 2016 года субъектам малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан были предоставлены «налоговые каникулы» и в рамках данной программы 385 патентов стоимостью 8 млн рублей. «Налоговые каникулы» были введены в целях стимулирования населения к открытию собственного предпринимательского дела. Программа была успешно реализована, ею воспользовались 1127 граждан республики [7].

Помимо субсидий, грантов, освобождения от налогов «молодых» предпринимателей государственные услуги в 2016 году включали предоставление актуальной информации и консультаций предпринимателям по направлениям кредитования, правовой защиты, образовательных услуг, налогообложения, грамотного развития предпринимательской деятельности и т. д.

Также предпринимателям на безвозмездной основе предоставлялись такие услуги, как прохождение образовательных курсов в целях обогащения знаний, навыков, формирования инновационного мышления и поведения, понимания востребованных направлений бизнеса в регионе и стране в целом, механизмов ведения предпринимательского дела и т. д. Проводились различные семинары, на которые были приглашены успешные российские и иностранные предприниматели [2; 20].

Наряду с указанными мероприятиями в 2016 году проводился Республиканский форум-выставка «Предпринимательство. Малые города и территории – точки роста», а также «Неделя предпринимательства Республики Башкортостан», которая стала площадкой для открытых дискуссий по различным направлениям предпринимательства.

В рамках данного события также были продемонстрированы последние инновационные достижения в сфере бизнеса, были награждены лучшие предприниматели года за эффективную деятельность, новаторский подход и вклад в развитие предпринимательства в регионе [5; 80].

Согласно статистике за 2016 год, в сфере малого и среднего предпринимательства предоставленные государственные услуги способствовали существенным позитивным сдвигам. Это наглядно демонстрируют следующие данные, представленные на официальном сайте

Министерства промышленности и внешнеэкономических связей Республики Башкортостан: количество рабочих мест в сфере малого и среднего предпринимательства в нашей республике увеличилось за прошедший год на 9 тысяч и достигло 125,5 тысяч работников, численность субъектов малого предпринимательства увеличилась на 7 тысяч и достигла 93 тысячи единиц [9]. Также изменения коснулись и среднего предпринимательства: здесь численность субъектов увеличилась на 25, достигнув 360 единиц. Таким образом, по численности занятых в малом и среднем бизнесе наша республика обеспечила себе в 2016 году первое место в Приволжском федеральном округе.

Таким образом, проанализировав все вышеперечисленное, необходимо добавить, что для успешного функционирования малого и среднего бизнеса в Республике Башкортостан необходимо совершенствовать механизм поддержки инновационных бизнес-проектов малых и средних предприятий, снижать стоимость аренды помещений под ведение бизнеса, увеличивать объем бюджетных средств, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства, предоставлять государственные услуги не только на этапе становления предприятий, но и на дальнейших жизненных стадиях организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 июля 2012 года № 249 «О государственной программе «Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан» (с изменениями на 19.03.2016).
2. Королева, Е. В. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России в сфере инноваций // Экономика и предпринимательство. - 2017. - № 3. - С. 54–60.
3. Рабцевич, А. А. Инициативность населения как фактор инновационного развития региона // Начало в науке: материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов и аспирантов, 18–19 апреля 2014 г. – Ч. 3. – Уфа : Аэтерна, 2014. – с.36–38.
4. Рабцевич, А. А. Механизм инновационной ориентации трудовых ресурсов в экономике региона // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 8. – С. 58–70.
5. Эдиева, А. К. Формирование эффективной инфраструктуры государственной поддержки развития малого предпринимательства в Республике Башкортостан // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 4. – С. 67–80.
6. Янгиров, А. В. Эффективность производства как индикатор инновационной ориентации работодателей в региональной экономике / А. А. Рабцевич, А. В. Янгиров // Актуальные вопросы университетской науки : сборник научных статей. – Т. 1. – Уфа : БашГУ, 2016. – С. 166–189.
7. Общественный совет при УФНС России по РБ: «Налоговые каникулы» – время для создания бизнеса // Портал малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mbbash.ru>

8. Официальный сайт Государственного комитета Республики Башкортостан по предпринимательству и туризму [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tourism.orenpublic.ru>
9. Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://economy.bashkortostan.ru>

Информатизация общественной организации как ключевой аспект повышения эффективности ее деятельности

Аннотация. В статье рассматривается специфика работы общественных объединений в сети Интернет. Представлены результаты авторского социологического исследования, проведенного методом интервьюирования, экспертами которого стали штатные сотрудники общественных объединений (N=20). Анализируются риски информатизации, предлагаются пути их минимизации.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информатизация, сеть Интернет, коммуникации, медиапродвижение, трансформация, общественные объединения.

Молодежные общественные объединения аккумулируют в своем составе различные социальные группы подростков и молодежи, реализация их программ сопряжена с проектами по волонтерству, трудовой занятости, формированию и развитию молодежного предпринимательства, культивированию здорового образа жизни и, как следствие, развитию спорта, поиску и продюсированию молодых дарований, национально-культурному возрождению, рекреации и т. д. [1, с. 110]. Одновременно с этим, общественные объединения, явно не позиционирующие себя как молодежные, уделяют достаточно много времени формированию в своем составе молодежного актива, работе с ним, а также разработке программ по сотрудничеству с молодежными организациями. Это делает недопустимым рассмотрение молодежных общественных объединений в отрыве от ряда других, с которыми они тесно сотрудничают.

Реалии характеризуются стремительным ростом масштабов использования, сопряженным со значительным повышением значимости информационно-коммуникационных технологий как в деятельности социальных субъектов в целом, так и, что логично, в детальности общественных объединений. Это говорит о том, что для любого общественного объединения информационно-коммуникационные технологии становятся действительно динамическим, стратегическим и просто незаменимым ресурсом в реализации его генеральной миссии, цели.

Среди наиболее известных в могилевском регионе общественных объединений можно отметить филиалы Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи», Республиканского общественного объединения «Белая Русь», Белорусского профессионального союза студентов, Республиканской молодежной общественной организации «Лига добровольного труда молодежи», Общественного объединения «Белорусский фонд мира», Общественного объединения «Белорусская республиканская пионерская организация», Общественного объединения «Могилевский женский центр

¹ Бельский Александр Михайлович (Беларусь, г. Могилев) – координатор студенческого научного объединения «Социолог», Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова.

поддержки и самообразования». Представители данных объединений вошли в число экспертов в рамках проведенного методом интервьюирования авторского социологического исследования (N=20), касающегося специфики использования информационно-коммуникационных технологий в общественном объединении.

Соответственно обозначенной логике видится верным обратиться к анализу частоты наполнения своих профилей общественными организациями в целом, что будет свидетельствовать о том, как часто потенциальные члены объединения смогут обращать внимание на интересную акцию, сколько в целом событий происходит в жизни организаций, информацией о которых можно поделиться с общественностью, и насколько ответственно подходят члены объединения к освещению своей деятельности. Ровно половина общественных объединений занимается этим несколько раз в неделю, но явным позитивным моментом является то, что 10% совершают обновления ежедневно, а 20% объединений создают контент несколько раз в сутки. Так, в ОО «БРСМ» отметили: «Мы же сами молодежь, мы всегда в сети и готовы поделиться со своими членами теми актуальными новостями, которые мы находим, пусть даже это будет чем-то пустяковым вроде новой, но веселой песни, мы семья и мы всегда на связи». Безусловно, наличие ответов «несколько раз в месяц» в количестве 10% в современных реалиях является недопустимым.

Переосмысление управленческой структуры и должностных обязанностей в сложившихся условиях ведет к анализу феномена интернет-маркетинга, который рассматривается как практика использования всех аспектов традиционного маркетинга в интернете с генеральной целью получения максимального эффекта от потенциальной аудитории [2, с. 113], в данном случае, в рамках медиа-продвижения общественного объединения. В целом, нет возможности вывести какой-либо превалирующий способ медиапродвижения, используемый общественными объединениями в современных реалиях. Традиционные способы, заключающиеся в освещении приводящихся акций и мероприятий в телеэфирах и на полосах газет, через рассылку пресс-релизов, не теряют позиции в своем рейтинге популярности. Однако наполнение контентом профилей в социальных сетях и личных сайтов также уже осуществляется, но не так оперативно (рис.).

Реальный мониторинг релевантности проведения медиапродвижения в том или ином векторе рекламного поля системно не проводится в большинстве общественных объединений.

Интервьюируемый из Общественного объединения «Белорусская республиканская пионерская организация» отметил, что заходя на свои профили, просматривает комментарии, но не делает это системно, а, просто добавляя что-то новое, отслеживает реакцию посети-

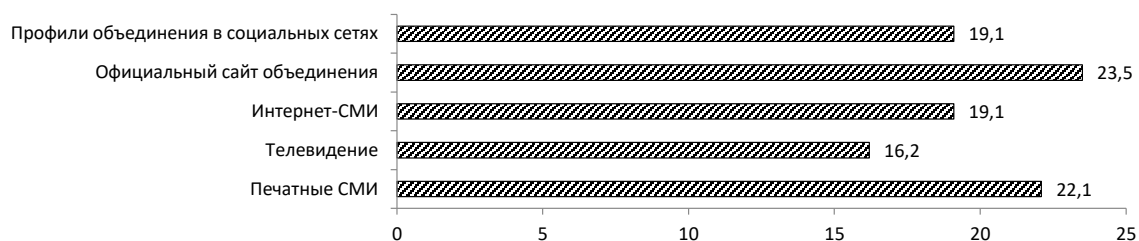


Рис. Варианты медиа продвижения общественного объединения

телей на предыдущие записи. В Республиканской молодежной общественной организации «Лига добровольного труда молодежи» уверили, что хранят все газетные полосы, где размещены материалы про их объединение, т. к. в интернете новость может затеряться, телесюжет можно пропустить, а отпечатанную статью можно прочитать в удобное время, сохранить на память. Сотрудник Общественного объединения «Белорусский фонд мира» сказала: «Просматриваем, когда не загружены работой, публикации про нас, если сами подаем материал, то обязательно контролируем его и, если он не появляется, уточняем причины». Системная работа по анализу медиапродвижения осуществляется лишь в РОО «Белая Русь» [3, с. 8] и ОО «БРСМ» [4, с. 8]. Стоит отметить, что в последнем имеется целый сектор, осуществляющий сопровождение в виде социологических исследований по ключевым направлениям деятельности.

В 2016 году Молодежная лаборатория социологических исследований ЦК ОО «БРСМ» продолжила свою работу в тесном взаимодействии с Центром социологических и политических исследований БГУ, другими учреждениями, работающими в области социологии, территориальными структурами ОО «БРСМ». Кроме того, толчок в развитии сотрудничества в области социологических исследований дало соглашение, заключенное между ОО «БРСМ» и Ассоциацией защиты интеллектуальной собственности «БелБренд». При молодежной лаборатории создана и работает сеть интервьюеров из 800 человек по всей республике.

Всего в отчетном периоде Молодежной лабораторией социологических исследований ЦК ОО «БРСМ» было проведено 15 социологических исследований и срезов общественного мнения, в ходе которых было опрошено (в соответствии с выборной совокупностью) около 5000 молодых людей, в роли интервьюеров выступило около 50 человек. Основное направление социологического изучения – проблемы молодежи и успешность реализации направлений и проектов ОО «БРСМ».

Наиболее крупными исследованиями Молодежной лаборатории в 2016 году стали изучение электорального поведения молодежи (приуроченное к выборам в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь в сентябре 2016 года); изучение популярности брендов различных групп товаров среди молодежи (проводимое совместно с Ассоциацией защиты интеллектуальной собственности «БелБренд»).

С целью оценки вовлеченности молодых белорусов в политическую жизнь страны, их интереса к политическим событиям, изучения мотивов участия в выборах и прогнозирования степени активности участия юношей и девушек в данном общественно-политическом событии Молодежная лаборатория социологических исследований ЦК ОО «БРСМ» провела исследование на тему «Электоральное поведение молодежи Республики Беларусь». Исследование проводилось методом заочного анкетного опроса; выборка составила 1000 человек в возрасте от 16 до 32 лет, проживающих на территории Республики Беларусь в областных центрах, крупных и мелких городах страны. Полученные результаты свидетельствуют о вовлеченности молодых белорусов в политическую жизнь страны на уровне масштабных событий (выборы), наличии умеренного интереса к политическим событиям, низкой поведенческой активности в отношении участия в политических пар-

тиях. Так, 70% респондентов планировали участвовать в предстоящих выборах 11 сентября 2016 года. Главным мотивом участия в выборах являлось восприятие их как гражданского долга (52%). Также среди мотивов участия респонденты отметили, что выборы – это хороший способ участия в разрешении общественных проблем (21%) и др.

Изучение реализации направлений деятельности ОО «БРСМ» нашло свое отражение в опросах участников волонтерского движения «Доброе Сердце», участников третьего трудового семестра 2016 года, членов Молодежных отрядов охраны правопорядка, а также гостей республиканского спортивно-образовательного фестиваля работающей молодежи «Олимпия-2016». Социологические исследования проводились в рамках финала молодежного республиканского конкурса «100 идей для Беларуси»; IV Пленума ЦК ОО «БРСМ»; республиканского молодежного форума; форума для актива ОО «БРСМ» из числа работающей молодежи. Экспресс-опросы осуществлялись в рамках заседаний клуба «Открытый диалог». Итоги социологических исследований, а также новости лаборатории публиковались на интернет-портале «Молодежь Беларуси» (brsm.by) в разделе «Социологическая лаборатория».

В 2016 году ОО «БРСМ» продолжило активное взаимодействие со средствами массовой информации. В целом, проекты и программы Союза молодежи получили широкое информационное сопровождение в республиканских и региональных печатных (электронных) СМИ благодаря комплексному подходу. К примеру, деятельность студенческих отрядов в 2016 году нашла отклик более чем в 650 публикациях и телевизионных репортажах (из них только в республиканских (в т. ч. электронных версиях) – более 155, телеканалах – порядка 60); конкурсе «100 идей для Беларуси» в период с октября по январь включительно – более 65; фестивале «Олимпия» – более 40; акции «Мы выбираем помощь пожилым людям» – более 30; проекте «Открытый диалог» – более чем в 155; в республиканских и независимых СМИ: финал благотворительной акции «Восстановление святынь Беларуси» – 20; финал конкурсов «Студент года» – 24; «Волонтер года – доброе Сердце» – 24, «Королева Весна Беларуси» – порядка 40 и др.

Прямая и обратная связь с журналистами осуществлялась во время пресс-конференций в Национальном пресс-центре Республики Беларусь, пресс-центре Дома Прессы, пресс-центре Белорусского телеграфного агентства, пресс-центре Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске», а также во время брифингов по месту проведения мероприятий, телевизионных ток-шоу на белорусских телеканалах, в различных программах Белорусского радио и других радиостанций.

Лидерами обзоров основных тем и событий в СМИ, затрагивающих деятельность молодежной организации в 2016 году, стали БелТА, газета «Звезда», телеканалы Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь. Кроме того, при поддержке Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь в 2016 году телеканалом «Беларусь 2» созданы документальные фильмы о республиканском семейном сельскохозяйственном проекте «Властелин села» и Всебелорусском молодежном слете студенческих отрядов «Молодость. Труд. Романтика», которые были показаны в эфире «Двойки» 27 ноября и 30 декабря соответственно. Свой вклад в развитие данного направления работы внесли областные (Минская городская) организации ОО «БРСМ».

В 2016 году ОО «БРСМ» традиционно приняло участие в Международной специализированной выставке «СМІ ў Беларусі», где презентовало радиостанции «Пилот-FM» и «Душевное радио», учредителем которых является молодежная организация продолжила популяризацию в молодежной среде своих средств массовой информации – газеты «Знамя юности», вкладыша в газету «Звезда» «Чырвонка – Чырвоная змена», «Переходный возраст», «Зорька». По состоянию на 01.01.2017 тираж газеты «Знамя юности» составил 34302 экземпляра.

Оперативное распространение информации с помощью электронных порталов общественных объединений, электронных средства массовой информации, создание открытых площадок для обсуждения проектов и подачи инициатив рассматриваются как позитивная черта процесса информатизации, способствующая приобщению населения к участию в политических процессах внутри страны, к решению ключевых вопросов развития государства. Вместе с тем стоит учитывать, что сеть Интернет не является закрытой, т. е. доступ к данной информации можно получить и, не находясь в границах данного государства, не являясь гражданином данной страны, соответственно и повлиять на развитие событий может каждый, преследуя при этом не всегда позитивные цели. Абсолютное большинство современных революционных событий не обошлось без организации и координации действий участников через сеть Интернет [5, с. 50], причем доподлинно выяснить главного модератора таких «интернет-проектов» практически невозможно.

Формируемая таким образом электронная демократия базируется на идее того, что голос каждого будет услышан [6, с. 3]. Очевидно, что это не так, ведь услышан будет голос большинства. Единичный голос может произвести резонанс только при поддержке общественностью, в ином случае он просто растворится в тысяче других голосов. Но вопрос здесь в другом: каким является состав большинства? Для полной реализации интернет-демократии необходимо как широкое распространение сети Интернет, которое бы охватывало население страны, имеющее право участвовать в политических процессах, так и его компьютерная грамотность. К этому стремятся во многих государствах, но реализовать в полной мере не может никто. Даже в Соединенных Штатах Америки, которые выступают образцом реализации проекта «электронной демократии», не все граждане являются ее активными субъектами, что ставит вопрос о репрезентативности мнения, которое сформировано в сети Интернет.

Стоит отметить, что часть населения отказывается от благ, предоставляемых информационно-коммуникационными технологиями, сознательно. Главной причиной этого является недостаточная безопасность процессов, происходящих в сети Интернет [7]. Конфиденциальность личных данных, безопасность совершения платежей, обеспечение легальности голосования и т. д. вызывают реальные опасения. Справедливым будет отметить, что абсолютной безопасности не существует и в реальном мире, но в мире виртуальном она кажется еще более зыбкой. Таким образом, действия государства в сфере обеспечения кибербезопасности должны стать тем фактором, который повысит готовность населения к участию в политических процессах в жизни страны посредством использования информационных технологий.

Отдельным аспектом в рамках реализации электронных технологий является их воздействие на молодежную аудиторию, которая ранее часто характеризовалась как аполитичная часть населения, игнорирующая избирательные кампании, не желающая высказаться в ходе референдумов. Перемещение политических процессов в сеть Интернет положительно сказалось на активности данной группы населения, сделало ее обладателем информации, зачастую превосходящей по полноте и оперативности ту, которую имеют родители, т. е. старшее поколение. Молодежная аудитория вступает в широкие дискуссии по ряду политических тем, имеет возможность быстро и эффективно организовать пикет при помощи мобилизационных возможностей социальных сетей, превратив любое политическое событие в популярный флэш-моб. С одной стороны, можно говорить о том, что отсутствие безразличия к судьбе своей страны является положительной чертой подрастающего поколения, с другой – о том, что действия молодежи часто носят поспешный и радикальный характер, при котором решения диктуются не здравым смыслом и логикой, а порывом чувств, который не всегда приводит к положительному результату. Это не означает, что молодежь обязательно должна быть полностью подавлена мнением более старшего поколения, что было бы в корне неправильно, ведь каждый должен иметь право быть услышанным. Это всего лишь вопрос выстраивания конструктивной коммуникации молодежи в рамках реализации электронной демократии.

Таким образом, следует, что информатизация деятельности общественных объединений представляет собой сложный многоаспектный инновационный процесс, включающий в себя как социальные, так и технические аспекты, что требует выработки ряда актуальных социальных механизмов управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев, Д. А. Молодежные движения России: история и современность: уч. пос. / Д. А. Астафьев. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2012. – 176 с.
2. Миннивалеев, Ф. М. Интернет-маркетинг как современное средство коммуникации / Ф. М. Миннивалеев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 3 (19). – С. 112–115.
3. Бельский, А. М. Специфика деятельности координационного центра интернет-маркетинга (на примере Могилевской городской организации РОО «Белая Русь») / А. М. Бельский // Материалы V международной научно-практической конференции «Экономика и менеджмент в кризисный период». – Винница : ТОВ «Нилан-ЛТД», 2017. – С. 8–10.
4. Бельский, А. М. Медиапродвижение общественного объединения в сети Интернет (на примере ОО «БРСМ») / А. М. Бельский // Материалы V международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Научные разработки: перспективы XXI века». – Винница : ТОВ «Нилан-ЛТД», 2017. – С. 8–10.
5. Бельский, А. М. Политический конфликт в условиях широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий: социологический анализ / А. М. Бельский // Социологические чтения – 2016 : сборник научных статей ; под общ. ред. Н. В. Козловской. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 50–56.

6. Бельский, А. М. Развитие электронной демократии: социологический анализ / А. М. Бельский // Правовое регулирование медиакоммуникационной сферы в России: новое в законодательстве и проблемы правоприменения : материалы II (23 апреля 2015 г.) и III (20 апреля 2016 г.) Всероссийских научно-практических конференций с международным участием. – Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2016. – С. 3–7.
7. Бельский, А. М. Обеспечение безопасности в условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (опыт Республики Беларусь) / А. М. Бельский // Стратегические коммуникации в современном мире: от теоретических знаний к практическим навыкам : материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции молодых ученых (26–30 октября 2015 г., г. Саратов). – Саратов : СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2016.

Практика применения матрицы БКГ в стратегическом менеджменте для определения положения компании на рынке

Аннотация. В статье рассмотрена матрица БКГ как инструмент определения стратегического положения предприятия на внешнем рынке, проанализирована внешняя среда ОАО «Тюменский аккумуляторный завод». В результате оценки положения предприятия на рынке предложены рекомендованные внешнеэкономические стратегии ведения деятельности.

Ключевые слова: матрица БКГ, стратегия предприятия, зона хозяйствования, доля рынка, рост рынка.

Для формирования стратегии предприятия необходимо провести предварительный анализ по всем направлениям, чтобы определить факторы внешней и внутренней среды, которые будут влиять на организацию в процессе ее деятельности.

Одним из методов стратегического планирования эффективного бизнес-портфеля является матрица «Бостонской консультационной группы» (матрица БКГ). На сегодня матрица нашла широкое применение на многих предприятиях. Матрица позволяет выработать адекватные стратегии для групп стратегически важных хозяйственных единиц предприятия.

Матрица БКГ (BCG Matrix) – инструмент стратегического портфельного анализа положения на рынке товаров, компаний и подразделений исходя из их рыночного роста и занимаемой доли на рынке. Такой инструмент, как матрица БКГ, находит в настоящее время широкое применение и в менеджменте, и в маркетинге, и в других сферах экономики (и не только).

Являясь простым, но эффективным инструментом, она позволяет выявить наиболее перспективные и, напротив, самые «слабые» продукты или подразделения предприятия. Построив матрицу БКГ, менеджер или маркетолог получает наглядную картину, на основе которой он может принять решение о том, какие товары (подразделения, ассортиментные группы) стоит развивать и беречь, а какие следует ликвидировать.

В основе матрицы БКГ лежит модель жизненного цикла товара, в соответствии с которой товар в своем развитии проходит четыре стадии: выход на рынок (товар – «проблема»), рост (товар – «звезда»), зрелость (товар – «дойная корова») и спад (товар – «собака») (рис. 1).

Значение доли рынка, равное 1, отделяет продукты – рыночные лидеры – от последователей. Таким образом, осуществляется деление видов бизнеса (отдельных продуктов) на четыре различные группы.

Как каждый инструмент бизнеса Бостонская матрица имеет свои преимущества и недостатки, которые необходимо учитывать при планировании бизнеса.

Так, ее безусловными достоинствами можно считать наглядность и простоту построения, а также объективность анализируемых параметров (относительная рыночная доля и темп роста рынка).

¹ Богданова Елена Евгеньевна (Россия, г. Тюмень) – магистрант, Тюменский государственный университет.



Рис. 1. Матрица БКГ

К недостаткам можно отнести то, что она упрощает сложный процесс принятия решений. На практике бывает множество ситуаций, когда рекомендации, вырабатываемые на ее основании, неприемлемы. Например, часто потребителем важно видеть в ассортименте какие-то продукты из разряда «Собак», и их удаление может повлечь отток клиентов.

Непривлекательным является также допущение, что доля рынка соответствует прибыли, т. к. это правило может нарушаться при выводе на рынок нового продукта с большими инвестиционными затратами. Не всегда бывает верным и допущение, что снижение рынка вызвано окончанием жизненного цикла товара.

Рассмотрим краткую характеристику предприятия. Тюменский аккумуляторный завод начал свою историю в декабре 1941 года, когда в город прибыл эвакуированный завод из Подольска.

Сферой деятельности ОАО «Тюменский аккумуляторный завод» является производство и реализация:

- свинцово-кислотных стартерных аккумуляторных батарей для автомобилей, автобусов, сельскохозяйственной техники и мотоциклов;
- тяговых аккумуляторных батарей для машин напольного транспорта;
- аккумуляторных батарей для маневровых и магистральных тепловозов;
- стационарных аккумуляторов для комплектования батарей;
- полипропиленовых моноблоков (в комплекте) для производства аккумуляторных батарей;
- электролита;
- оборудования для производства аккумуляторных батарей;
- оборудования для заводов по переработке старых аккумуляторных батарей от разделки до получения чистого свинца и любых сплавов.

Доля завода в общем объеме производства аккумуляторных батарей среди аналогичных заводов России составила в 2015 г. более 20%. Батареи устанавливаются на автомобили,

автобусы, тракторы, тепловозы, бронетанковую технику. Ежегодно осваивается 4-5 новых моделей аккумуляторов. На предприятии проведена модернизация: полностью исключен ручной труд на сборке батарей. Организована сеть торговых представительств и центров по продаже продукции завода, которые расположены в 42 крупных городах России и стран СНГ.

Выявим наиболее приоритетные зоны хозяйствования ОАО «Тюменский аккумуляторный завод» с помощью построения матрицы БКГ.

Матрица БКГ помогает выполнению двух функций: принятию решений о намеченных позициях на рынке и распределению стратегических средств между различными зонами хозяйствования в будущем.

Показатели оценки стратегического положения с помощью матрицы БКГ: доля компании на рынке по отношению к доле ведущего конкурента; относительная доля компании на рынке (табл.).

Таблица. Показатели оценки стратегического положения с помощью матрицы БКГ для ОАО «Тюменский аккумуляторный завод»*

Страна	Объем реализации, тыс. руб.		Доля рынка, %, 2014		Рост рынка	Относительная доля рынка
	2013	2014	ОАО «ТАЗ»	Ведущий конкурент		
Армения	20508	9944	8	37	48	0,22
Беларусь	58369,35	178984,8	16	32	307	0,50
Казахстан	63102	248590	19	28	394	0,68
Киргизия	15775,5	59661,6	7	16	378	0,44

Источник: расчеты авторов на основе маркетинговых исследований и годовых отчетов ОАО «Тюменский аккумуляторный завод».

Из таблицы видно, что Республики Беларусь, Казахстан и Киргизия в 2014 году имеют высокий темп роста, таким образом, их можно отнести к категории «Проблемы» или «Звезды». Армения отличается низким темпом роста, поэтому попадает в категорию «Дойных коров» или «Собак» (рис. 2).

Рост рынка, %	«Проблемы»	«Звезды»
	Киргизия	Казахстан, Беларусь
	«Собаки»	«Дойные коровы»
	Армения	
	Доля рынка	

Рис 2. Матрица БКГ для ОАО «Тюменский аккумуляторный завод»

Источник: составлено автором.

Далее рассмотрим относительную долю рынка ОАО «Тюменский аккумуляторный завод» в странах присутствия путем деления доли рынка завода на долю рынка ведущего конкурента в данной стране. Так, относительная доля рынка в Армении имеет низкое значение (0,22), это связано, в первую очередь, с активной деятельностью и высокой долей рынка (37%) местного

производителя. Таким образом, Республика Армения входит в группу «Собаки» (медленный рост/малая доля) – это страны, которые находятся в невыгодном положении по издержкам и не имеют возможностей для роста. Сохранение присутствия в таких странах связано со значительными финансовыми расходами при небольших шансах на улучшение положения. Приоритетная стратегия – прекращение инвестиций и скромное существование.

Низкой относительной долей рынка обладает также Киргизия, входит в группу «Проблем» – страна этой группы может оказаться очень перспективной, поскольку рынок расширяется, но требует значительных средств для поддержания роста. Применительно к этой группе стран необходимо решить: увеличить долю рынка или прекратить присутствие на них.

Относительно высокой долей рынка обладают Беларусь и Казахстан. Таким образом, они входят в категорию «Звезды» (быстрый рост / высокая доля) – это рыночные лидеры. Эти страны приносят значительную прибыль благодаря высокому объему рынка, но также нуждаются в финансировании для поддержания высокой доли динамичного рынка.

Анализ стратегических зон хозяйствования позволил определить сегментацию стран присутствия ОАО «Тюменский аккумуляторный завод», что позволяет определить дальнейшие стратегические действия в отношении этих стран.

Так, для Республики Армения приоритетная стратегия – прекращение инвестиций и скромное существование, Киргизии необходимо решить: увеличить долю рынка или прекратить присутствие, Беларусь и Казахстан входят в категорию «Звезды» – это рыночные лидеры, они нуждаются в финансировании для поддержания высокой доли динамичного рынка.

Опыт использования матрицы БКГ показал, что она полезна при распределении стратегических ресурсов на ближайшую перспективу, а также при определении стратегических позиций фирмы на международном рынке. Благодаря этому можно формировать поведение фирмы на рынках потенциальных стран или корректировать существующее положение. Таким образом, построение матрицы БКГ является основой формирования внешнеэкономической стратегии предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансофф, И. Стратегическое управление. – М. : Экономика, 2012. – 519 с.
2. Маркова, В. Д., Кузнецова, С. А. Стратегический менеджмент : курс лекций. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 288 с.
3. Клюковкин, В. Н. Применение моделей для принятия портфельных решений.
4. Клюковкин, В. Н., Федотов, М. О. Маркетинг в России и за рубежом. – 2007. – № 2.
5. Галаяутдинов, Р. Р. Матрица БКГ: что такое, как построить и проанализировать [Электронный ресурс] // Сайт преподавателя экономики. – 2014. – Режим доступа : <http://galyautdinov.ru/post/matrica-bkg> – Дата обращения 30.02.2017.
6. Официальный сайт ОАО «Тюменский аккумуляторный завод [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tyumen-battery.ru/index.php> – Дата обращения 30.02.2017.

К вопросу о понятиях пространственного развития

Можно с большой долей уверенности утверждать, что на сегодняшний день существует два основных постулата, в соответствии с которыми экономическое пространство воспринимается как некий феномен. С одной стороны, речь может идти о том, что экономическое пространство представляется как некоторая форма организации и позиционирования материальных объектов или элементов производительных сил, проявляющаяся в порядке их вовлечения и взаимодействия в общественное производство и в обеспечении закономерностей движения во времени. В данном случае экономическое пространство может быть сведено к некоторому набору форм пространственной организации хозяйства и населения [1, с. 76]. С другой стороны – экономическое пространство может восприниматься как вмещательное множество экономических объектов, осуществляющих хозяйственную деятельность и связанных между собой определенной совокупностью отношений. В таком случае экономическое пространство может быть сведено к пониманию его как множества экономических отношений и связей, подчиняющихся логике хозяйственной жизни [2, с. 58–59].

Поскольку вопросам развития экономического пространства как феномену или явлению достаточно пристальное внимание стали уделять в последние годы, то многие теоретические положения, используемые для его описания и толкования, все еще носят чисто умозрительный и не устоявшийся характер. На основе данного утверждения формируется необходимость в рассмотрении цепочки терминов, которые используются для обозначения пространственного развития. Это касается таких терминов, как «пространственное развитие», «развитие экономического пространства», «пространственное развитие экономики», «пространственная трансформация экономики», «пространственное экономическое развитие» и др., которые очень часто применяются как синонимы и подменяют друг друга в понятийном отношении или используются в другом контексте.

Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что применение прилагательного «пространственное» к развитию, строго говоря, стало ответом на доминирование нормативно-числового представления о содержании проистекающих экономических и социальных процессов в очерченных территориальных границах. В этом случае пространственный подход как некоторая философия понимания возникновения существующих проблем становится подспорьем их успешного решения на более высоком с научной точки зрения уровне. Пространственный подход к пониманию экономического развития позволяет выйти на сущностное рассмотрение и решение обнаруженных проблем не только в границах конкретной территории (нескольких районов, населенных пунктов), но и за ее пределами, тем самым задействовав весь имеющийся в наличии научный потенциал.

«Пространственное развитие» – это объективный многомерный (через постепенные преобразования) процесс изменений взаимодействий конкретных социально-экономиче-

¹ Василенко Валерий Николаевич (Донецкая Народная Республика, г. Донецк) – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, главный научный сотрудник, Институт экономических исследований.

ских объектов, расположенных в пределах этого региона, причем этот процесс характеризуется целеустремленностью, необратимостью, структурными и функциональными сдвигами в региональной системе, возникающими под влиянием ряда факторов и в результате внедрения инноваций, которые монтируются в среду региона согласно действию гравитационного закона пространственного взаимодействия, в конечном счете приводя к трансформации качественного и количественного состояния региональной системы» [3].

Следовательно, можно согласиться с мнением Глазычева В.Л. о том, что «под пространственным развитием мы должны понимать наиболее общий подход к государственным задачам управления развитием, опирающийся на системно-структурные представления о целостности страны и, в свою очередь, перестраивающий инструменты такого управления, включая переупаковку хотя бы такого, недостаточного и мало достоверного знания о стране, которое можно собрать вместе в настоящее время» [4].

Как любой феномен или явление экономическое пространство подвержено изменениям во времени. Чаще всего такие изменения квалифицируются как развитие, не зависимо от того, каким является тренд – возрастающим или убывающим. В экономической науке под развитием принято считать расширенное воспроизводство и постепенные качественные и структурные положительные изменения экономики, производительных сил, факторов роста и развития, образования, культуры, уровня и качества жизни населения, человеческого капитала. Экономическое развитие предполагает развитие общественных отношений и поэтому протекает различно в конкретных исторически сложившихся условиях технологических укладов экономики и распределения материальных благ [5].

В настоящее время экономическое пространство ассоциируется со следующими масштабами: локальным, муниципальным (межмуниципальным), региональным (межрегиональным, субрегиональным) и национальным, которые определяются размерами территории, в границах которой оно располагается. Естественно, что и развитие экономического пространства должно рассматриваться через призму размеров (масштабов) этих территорий, что однако не снимает вопроса о его родовых признаках.

В любом случае перед исследователем возникает вопрос: а может ли видоизменяться (развиваться) экономическое пространство, то есть подвержено ли оно изменениям в содержательном и структурном отношении или как статическая форма определенных составляющих может лишь отражать некое состояние, визуализируемое на конкретную дату, а как динамическая форма – характеризовать тренд изменений его некоторых параметров. Но если в одном случае, скорее всего, развитие может квалифицироваться количественными и качественными изменениями в формах пространственной организации хозяйства и населения, то в другом случае не возникает никаких сомнений относительно его возможного развития, поскольку речь может идти об отношениях, которые собственно и отражают такое развитие и квалифицируются некоторой динамикой.

Если отталкиваться от постулата, что экономическое пространство представляется как некоторая форма организации и позиционирования материальных объектов или элементов производительных сил, тогда «под развитием ... экономического пространства необходимо понимать невозвратные, закономерные изменения только тех элементов ...»,

процесс количественно-качественных изменений которых приводит к новому качеству, более современной форме» [6, с. 41]. Исходя из того что основными элементами экономического пространства выступают хозяйство и население, его развитие должно предполагать изменения, в первую очередь, форм пространственной организации хозяйства и населения. То есть развитие экономического пространства должно предполагать количественное и качественное изменение (увеличение или уменьшение) не только форм пространственной организации хозяйства и населения, но и их составных частей.

Если же отталкиваться от постулата, что экономическое пространство представляет собой некоторое множество экономических отношений и связей, подчиняющихся логике хозяйственной жизни, тогда развитие экономического пространства может быть представлено «как многовариантный процесс, принимающий формы инкрементной (вследствие формирования институтов, обеспечивающих снижение транзакционных издержек для агентов ограниченного числа транзакций); эволюционной (вследствие трансформации действующих институтов под влиянием мер институционального проектирования); революционной институционализации (вследствие создания новых или адаптации импортных институтов)» [7]. В данном случае основными элементами экономического пространства выступают экономические связи, тогда его развитие должно предполагать их изменения (усложнение, разветвление). Тем самым развитие экономического пространства должно предполагать умножение хозяйственных связей и экономических отношений между субъектами предпринимательской деятельности.

Следовательно, развитие экономического пространства может быть представлено в двух плоскостях: в первой – относительно изменений в формах пространственной организации хозяйства и населения, во второй – относительно изменений в связях и отношениях как внутри, так и между формами пространственной организации хозяйства и населения.

Наряду с термином «развитие экономического пространства» весьма часто в научном обороте используется термин «пространственное развитие экономики». Прежде чем рассмотреть сущностное содержание пространственного развития экономики, необходимо получить ответ на вопрос: что собой представляет экономика сегодня с точки зрения науки? Так, например, если под экономикой понимается «хозяйство, совокупность, средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда» [8], тогда ее пространственное развитие будет предполагать качественные изменения в структуре видов экономической деятельности (т. н. структурный подход). Проявлением такого пространственного развития экономики будет выступать, с одной стороны, изменение (увеличение или уменьшение) количества субъектов хозяйствования, задействованных в отдельных видах экономической деятельности, а с другой – изменение (увеличение или уменьшение) результатов общественного производства в отдельных видах экономической деятельности.

Если же под экономикой понимается «важнейшая сфера общественной жизни, в которой на основе использования разнообразных ресурсов осуществляется производство, обмен, распределение и потребление продуктов человеческой деятельности, формируется и постоянно развивается система производительных сил и экономических отношений,

которыми управляют различные типы экономических законов» [9, с. 380], тогда ее пространственное развитие будет основываться на использовании специальных (особых) режимов хозяйствования и перенесении положительного опыта их применения на более обширные масштабы (т. н. режимный, или функциональный, подход).

И структурный, и режимный, или функциональный, подходы позволяют достаточно глубоко проникать в природу пространственного развития экономики. Только в первом случае объектом исследования будут выступать структурные изменения в видах экономической деятельности (вызванные как внешними, так и внутренними факторами), а во втором – хозяйственные процессы, сопряженные с общественным производством (обусловленные реализацией особых установок и правил). В любом случае пространственное развитие экономики позволяет наблюдать за динамикой преобразований как в отдельных видах экономической деятельности (отраслях материального и нематериального производства), так и во всей сфере общественной жизни.

Следовательно, пространственное развитие экономики может быть представлено в двух срезах: в одном – через изменения в соотношениях (видов экономической деятельности) секторов экономики (структурный подход), в другом – через изменения в использовании хозяйственного механизма (режимный, или функциональный, подход).

Достаточно часто как синоним термина «пространственное развитие экономики» используется термин «пространственная трансформация экономики». Например, по мнению Бородатовой Л.Ю., «под пространственной трансформацией экономики региона предлагается понимать процесс преобразования отношений и связей в социально-экономической системе посредством центростремительного распределения экономической активности и изменения хозяйственной структуры региона в соответствии с целевыми установками развития и заданным территориальным составом его элементов, направленный на оптимизацию использования имеющихся ограниченных ресурсов и повышение качества жизни населения» [10]. В данном тезисе совмещены оба подхода (структурный и режимный, или функциональный) относительно современного понимания сущности экономики.

В то же время Суспицын С.А. «под пространственными трансформациями экономики понимает процесс изменения долговременно устойчивых показателей развития многорегиональной экономической системы России, очищенной от национальных трендов» [11, с. 3]. При этом в одном случае трансформацию экономического пространства Российской Федерации он предлагает рассматривать в рамках нормативного подхода как движение к заданной территориальной структуре экономики (структурный подход), а также в позитивистских традициях, изучая эволюцию пространственного распределения экономической активности и выявляя ее причины, факторы и ограничения (режимный, или функциональный, подход) [11, с. 3]. С ним солидаризируются и другие ученые-регионалисты [6, с. 41]. Одновременное восприятие в понимании пространственной трансформации экономики структурного и режимного, или функционального, подходов усложняет возможности оценивания соответствующих параметров из-за их родовых отличий.

Можно предположить, что, как видно из содержания приведенных утверждений, пространственная трансформация экономики подразумевает те же процессы, что и про-

пространственное развитие экономики. Единственным отличительным признаком между пространственной трансформацией экономики и пространственным развитием экономики может быть принудительное вмешательство и использование субъективных факторов в обеспечении экономических процессов. Например, таких, которые предполагают изменение форм собственности на средства производства или масштабное использование достижений научно-технического прогресса, результатом которых становится изменение скорости протекания экономических процессов.

Еще одним достаточно часто используемым в научном обиходе является термин «пространственное экономическое развитие». Прежде чем оценить его адекватность реальному окружающему миру, необходимо рассмотреть содержательную сторону понятия «экономическое развитие». Под «экономическим развитием» понимается «процесс функционирования и эволюции экономической системы в долгосрочном периоде, происходящий под воздействием экономических противоречий, потребностей и интересов» [9, с. 41]. В данном случае речь идет о способности экономической системы переходить из одной стадии в другую или из одного состояния в другое. При этом экономическая система носит всеобщий характер и касается в основном государственного уровня, т. е. макроэкономического.

В то же время, например, под «экономическим развитием» очень часто подразумевается любое положительное изменение, прежде всего, в экономической сфере, приводящее или к ее структурным изменениям, или к изменениям в содержании развития, или к приобретению новых характеристик если не всей сферой, то хотя бы отдельными ее составляющими. Данный срез более присущ локальному уровню (тем же отраслям или отдельным территориальным образованиям), т. е. микроэкономическому.

Если в первом случае (макроэкономическом) речь идет о большой экономической системе, которую не сложно интерпретировать как пространство, то во втором случае (микроэкономическом) речь может идти о большом количестве небольших экономических систем, которые в своей совокупности могут формировать локальные экономические пространства. Тогда такому экономическому развитию можно добавлять прилагательное «пространственное», которое может ассоциироваться с конкретными изменениями как в содержании экономических процессов, так и в скорости их протекания.

«Пространственное социально-экономическое развитие ... заключается в формировании равномерности экономической активности и социальной привлекательности по всей территории, создании определенного уровня производительности использования территориальных ресурсов» [12].

Следовательно, пространственное экономическое развитие может обеспечиваться через скоординированную экономическую скорость движения во времени как экономической системы в целом в границах территориальных образований, так и ее отдельных элементов, направленную на сохранение их целостности.

Таким образом, полученные результаты теоретического анализа цепочки терминов, призванных описывать пространственный срез динамики экономических явлений и процессов в заранее задаваемых границах или масштабах, могут свидетельствовать о том, что в большей мере этому отвечают:

во-первых, развитие экономического пространства (за счет преобразований в формах пространственной организации хозяйства и населения или изменений в связях и отношениях как внутри, так и между этими формами);

во-вторых, пространственное развитие экономики (за счет изменений в соотношениях видов экономической деятельности (секторов экономики) – т. н. структурный подход, или изменений в использовании хозяйственного механизма – т. н. режимный, или функциональный подход);

в-третьих, пространственное экономическое развитие (за счет изменений в направленности (тренде) динамики основных признаков движения во времени всех элементов производительных сил или выравнивания уровней их экономического развития).

Если сравнить содержательную сторону названных терминов («развитие экономического пространства», «пространственное развитие экономики», «пространственная трансформация экономики», «пространственное экономическое развитие»), то можно обратить внимание на то обстоятельство, что именно в пространственном экономическом развитии сфокусированы наиболее важные свойства (равномерность/неравномерность), по характеристикам (признакам) которых можно судить о направленности (тренде) динамики его параметров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василенко, В. Н. Многомерность параметров региона: территории, системы, пространства : монография / В. Н. Василенко; науч. ред. В. В. Дружинина. – Дружковка, Юго-Восток, 2016. – 408 с.
2. Иванов, А. С. Развитие регионального экономического пространства как сегмента пространства глобальной экономики // Вестник ВолГУ. – Серия 3: Экономика. Экология. – 2010. – № 2. – С. 58–63.
3. Пространственный потенциал социально-экономического развития региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bizblogs.ru/rynok-truda/prostranstvennyu-potentsial-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>
4. Глазычев, В. Л. Россия: принципы пространственного развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm
5. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ekslovar.ru/slovar/r-/razvitie-ekonomicheskoe.html>
6. Диагностика развития регионов: структура, границы, методы : монография / Василенко В. Н., Гудзь П. В., Кратт О. А. и др.; под науч. ред. В. Н. Василенко. – Донецк : Юго-Восток, 2009. – 286 с.
7. Багаутдинова, Н. Г., Хадиуллина, Г. Н., Харисова, Г. М., Нугуманова, Л. Ф. Сущность регионального экономического пространства и направления его трансформации [Электронный ресурс] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпри-

- нимательство; право и управление. – 2014. – № 6 (49). – Режим доступа : http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2571&Itemid=134
8. Райзберг, Б. А., Лозовский, Л. Ш., Стародубцев, Е. Б. Современный экономический словарь. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 480 с.
 9. Экономическая энциклопедия: в трех томах. Т. 1. / редкол. : С. В. Мочерный (отв. ред.) и др. – Киев : Издательский центр «Академия», 2000. – 864 с.
 10. Бородатова, Л. Ю. Пространственная экономическая трансформация как фактор развития социальной инфраструктуры региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/9/ekonomika/borodatova.pdf
 11. Суспицын, С. А. Развитие методов измерения пространственных трансформаций экономики // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 3–18.
 12. Дашицыренов, Ч. Д. Пространственное социально-экономическое развитие региона на основе формирования экономических кластеров [Электронный ресурс] / дис ... канд. экон. наук. Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и упр. – Улан-Удэ, 2013. – 177 с. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/prostranstvennoe-socialno-jekonomicheskoe-razvitie-regiona-na-osnove-formirovanija.html>

Современная российская региональная практика государственного регулирования региональной экономики

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления региональной экономической политики Российской Федерации. Решение проблемы рационального государственного регулирования сложной региональной экономической системы требует интегративного подхода и анализа большого количества факторов.

Ключевые слова: развитие, региональная политика, регион, регулирование, региональная экономика, государство.

Основные цели, направления и задачи государственной региональной политики определены в Основных положениях региональной политики в Российской Федерации, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 года № 803, и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р. Согласно указанной Концепции государственная региональная политика Российской Федерации направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни [2]. Государственное регулирование регионального развития осуществляется в целях реализации принципов федеративных отношений и обеспечения целостности Российской Федерации. Основными задачами государственного регулирования регионального развития являются:

- обеспечение условий для повышения уровня жизни населения и для сокращения различий социально-экономического развития в регионах;
- формирование единого экономического, социального и правового пространства Российской Федерации с учетом интересов и приоритетов территориального и регионального развития;
- создание условий для устойчивого и сбалансированного функционирования систем жизнедеятельности регионов;
- содействие развитию условий формирования территориальной структуры экономики Российской Федерации на основе использования ресурсов регионов;
- создание условий и механизмов повышения активности и ответственности регионов в решении федеральных и региональных проблем социально-экономического развития Российской Федерации.

Государственное регулирование регионального развития осуществляется на основе следующих принципов [3]:

¹ Ворожейкин Дмитрий Вячеславович (Россия, г. Уфа) – магистрант, Башкирский государственный университет.

- государственная и территориальная целостность Российской Федерации;
- равноправие между субъектами Российской Федерации и в их отношениях с органами государственной власти Российской Федерации;
- согласование интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- единство системы государственной власти в Российской Федерации;
- разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- самостоятельное осуществление полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации;
- равенство условий хозяйствования в конкурентной среде и свободное перемещение рабочей силы, товаров и услуг на территории Российской Федерации;
- учет интересов ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации;
- учет интересов коренных малочисленных народов и защита мест их компактного проживания.

Региональная политика в России учитывает следующие особенности, которые определяют специфические черты во взаимодействии Центра и регионов:

1. Россия имеет самую большую в мире территорию и огромный многоресурсный экономический потенциал.
2. Россия – многонациональная страна.
3. Существует резкая дифференциация в природно-климатических, экономических условиях, уровне жизни населения и др.
4. Разные стартовые условия регионов при переходе централизованной системы управления к рыночным отношениям хозяйствования.

Региональная система России уникальна, и специфической чертой ее является не только географическая протяженность, неравномерность распределения ресурсов, различная плотность населения по регионам, но и то, что в условиях экономики рынков отдельные регионы не взаимодействуют, не конкурируют и не кооперируются в своем развитии друг с другом [4, с. 96–99]. Возникает пространственно-географическая локализация регионов в экономическом развитии страны, «разрыв» рынков с возникновением специфических характеристик регионально-территориального развития. В связи с наличием таких характеристик требуются и дифференцированные подходы к решению региональных задач развития.

Скажем, регионы Сибири и Дальнего Востока расположены в особых сложных климатических условиях, им характерна высокая протяженность, довольно низкая плотность населения, а также высокие издержки в процессе добычи и переработки ресурсов. Вследствие этого экономическое развитие данных регионов страны будет зависеть от рабочих кадров и крупных инфраструктурных проектов государственного значения (именно они будут экономически связывать эти регионы, обеспечивать их кооперацию, взаимодействие). При-

мерами таких проектов могут выступать задачи строительства транспортных коридоров, организация конкретных производств в рамках особых государственных программ, транспортных систем и освоения месторождений. Но основой развития данных регионов, несомненно, являются профессионально подготовленные кадры, которые проживают в данных областях. Отсюда следует, что важнейшими проектами будут выступать обустройство жизни, развитие жилищной, транспортной и информационной инфраструктуры. Конечно, развитие наук и производства по экологическому освоению ресурсной базы является также магистральным направлением. Кадровая политика обязана вводить систему стимулов, касающихся условий жизни, заработной платы, привлечения и закрепления кадров в этих регионах как базу технологического развития [5, с. 94]. В России сложилось особое устройство и расположение производственных и добывающих предприятий. Структура основных макроэкономических показателей по федеральным округам РФ представлена на рисунке.

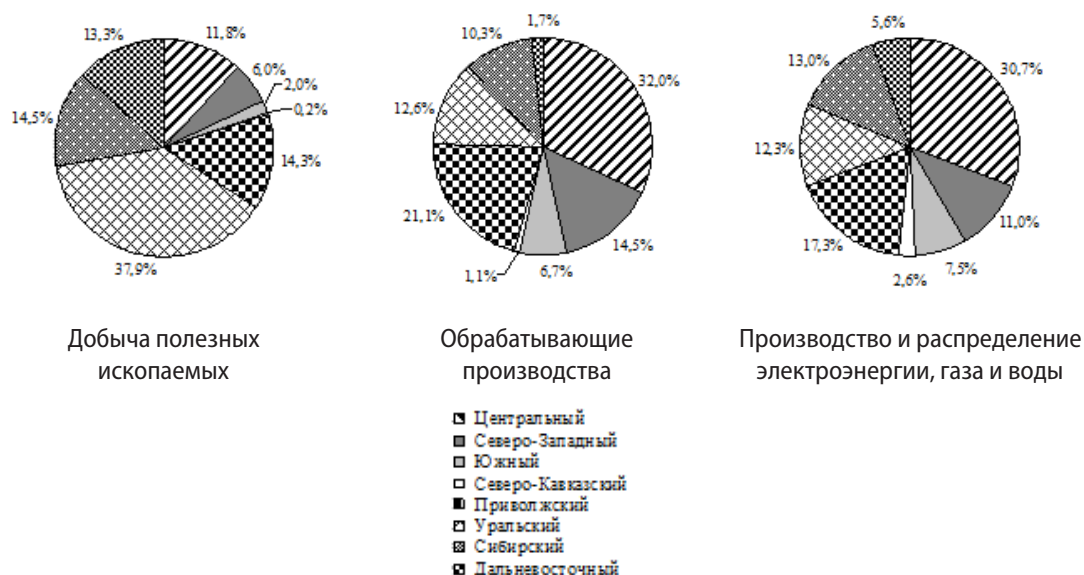


Рис. Структура отгруженных товаров собственного производства по федеральным округам в 2016 году [6]

Создание новых центров экономического роста неизбежно приведет к снижению региональной дифференциации и уменьшению усиленной концентрации экономических ресурсов в столичных регионах. Экономическое развитие России должно опираться на углубляющуюся интеграцию с мировой экономикой, мощную инфраструктурную связь с рынками Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона через развитую систему международного транспортного сообщения [1, с. 148-159]. Главная стратегическая цель развития регионов заключается в достижении уровня экономического и социального развития, который будет соответствовать статусу России как одной из ведущих мировых держав XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников, В. Государственное регулирование национальной экономики : учебное пособие для магистров / В. Мельников. – М. : Омега-Л, 2015. – 205 с.
2. Постановление СФ ФС РФ от 29.06.2016 № 442-СФ «О первоочередных задачах государственной региональной политики Российской Федерации в современных социально-экономических условиях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=660932#0> – Дата обращения 01.04.2017.
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134 – Дата обращения 01.04.2017).
4. Сухарев, О. С. Региональная экономическая политика; институты, структурно-организационные изменения, реиндустриализация / О. С. Сухарев. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 144 с.
5. Татаркин, А. И. Регион в новой парадигме пространственной организации России / под ред. А. И. Татаркина. – М. : Экономика, 2008. – 752 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение федеральных округов – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm – Дата обращения 02.04.2017.

Структура валового регионального продукта субъектов федерального округа как квазирегиона

Аннотация. Устойчивость экономики определяется способностями региональных экономик к демпфированию факторов риска. Рассматриваются три основные стратегии формирования структуры региональной экономики: унификация или индивидуализация структуры экономики регионов, а также комбинированная стратегия квазирегиона.

Ключевые слова: валовый региональный продукт, индекс Рябцева, индекс Салаи, Сибирский федеральный округ.

Одним из важных факторов устойчивости национальной экономики в XXI веке является адаптивная способность региональных экономик к демпфированию внешних и внутренних рисков. Им не мешают традиционная осторожность экспертов при оценке слабых позитивных тенденций, демонстративные усилия власти по поддержанию экономической стабильности или пессимизм обывателей при оценке экономической ситуации в стране. Поскольку совокупность экономик отдельных регионов в конечном итоге составляет основной фундамент национальной экономики, важно осознавать особенности структуры этих региональных экономик и выявлять тенденции ее изменения во времени.

На наш взгляд, можно рассматривать три самостоятельные стратегии формирования структуры региональных экономик. Первая. Приведение структуры экономики регионов к единообразному состоянию для того, чтобы она одинаково реагировала на различные внешние и внутренние макроэкономические вызовы. Эта стратегия оказывается эффективной для компактных стран с примерно равными климатическими условиями, наличием природных ресурсов, развитой транспортной сетью и т. д. Современная экономическая конструкция экономики Еврозоны построена на выравнивании структур экономики отдельных стран [10; 11; 12; 13]. Вторая. Индивидуализация структуры экономики регионов. В этом случае она формируется путем выборочного развития отдельных элементов. Эта стратегия оказывается жизнеспособной в условиях протяженной территории страны, когда сбалансированное формирование экономики регионов невозможно из-за климатического фактора и наличия природных ресурсов. Усилия современного Китая [9] направлены на преодоление последствий реализации именно такой стратегии. Третья. Комбинированная стратегия. В этом случае регионы с различной структурой экономики интегрируются в квазирегионы, которые, в свою очередь, за счет компиляции дифференцированных экономик получают сопоставимую или даже схожую между собой структуру. В этом случае такие квазирегионы выступают в качестве укрупненных подобию стран Европы.

В федеральных округах и субъектах РФ, исследования по которым представлены в публикациях [1; 2; 3; 4; 6; 8; 7], практически везде преобладает первая из рассмотренных

¹ Гамукин Валерий Владимирович (Россия, г. Тюмень) – к.э.н., профессор, Тюменский государственный университет.

стратегий. Развивая гипотезу существования третьего сценария, мы используем единственную на настоящий момент в России практику районирования территории страны, а именно – федеральные округа. Несмотря на то что исторически образование этих округов не преследовало целей экономической или иной интеграции входящих в их состав регионов, а предполагало только представительство Президента страны, прошедшие годы укрепили в сознании политиков, региональных элит и населения парадигму единого округа и единой самоидентификации в рамках «своего» округа. Существование федеральных округов сказалось на формировании некоего подобия единого экономического пространства, коль скоро отдельные регионы развивались под влиянием центростремительных сил – политического единообразия, объединении информационного пространства, реализации совместных социальных проектов, проведении окружных экономических мероприятий, выставок, конкурсов, образовательных, инвестиционных программ и проч. Результатом этих усилий, помимо общего динамичного развития экономики всего округа, по нашему мнению, могло стать выравнивание структуры экономики входящих субъектов и сходимости ее к показателям округа в целом.

Мы провели сравнение региональных экономик с использованием показателя валового регионального продукта (ВРП). Несмотря на существенные методические проблемы, сопровождающие его определение, на сегодня нет другого лаконичного и емкого показателя, с помощью которого можно проиллюстрировать структуру региональной экономики.

Открытость региональной экономики не позволяет четко ограничить создание добавленной стоимости на данной территории и с высокой достоверностью оценить ее размеры. Наличие и особенности ведения бухгалтерского учета не позволяют оценить выпуск и затраты на производство производственных единиц, входящих в такие корпорации. Поэтому органами статистики оценка добавленной стоимости по корпорациям, функционирующим на основе интегрировано-вертикальных и горизонтальных схем, носит относительный характер, завышающий размер добавленной стоимости в регионах дислокации головных компаний и занижающий в регионах расположения их подразделений.

Согласно российской практике, структура ВРП формируется на информационной основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), действовавшего до 01.01.2017. Он включает следующие разделы: А. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; В. Рыболовство, рыбоводство; С. Добыча полезных ископаемых; D. Обрабатывающие производства; E. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; F. Строительство; G. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; H. Гостиницы и рестораны; I. Транспорт и связь; J. Финансовая деятельность; K. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; L. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение; M. Образование; N. Здравоохранение и предоставление социальных услуг; O. Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Экономику Сибирского федерального округа отличает не только высокий показатель вклада в общую сумму ВРП страны, но и высокая динамика его роста в абсолютном вы-

ражении. За период 2005-2014 гг. ВРП округа увеличился в текущих ценах с 1,9 трлн руб. до 6,1 трлн руб. При этом с 2008 г. относительная доля стабильно составляла 11-10% от объема ВРП регионов страны. Причины такой устойчивости можно объяснить высокой диверсификацией структуры экономики округа, которая за анализируемый период претерпела существенные изменения (табл. 1).

Таблица 1. Структура ВРП по Сибирскому федеральному округу в целом, %

Год	Разделы ОКВЭД														
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O
2005	7.3	0.0	9.4	27.9	4.7	4.7	12.4	0.8	13.2	0.3	6.3	3.6	3.9	4.3	1.2
2006	6.9	0.0	7.5	29.3	4.3	5.3	12.3	0.8	12.3	0.2	6.5	5.3	3.7	4.4	1.2
2007	6.5	0.0	7.7	26.8	3.9	6.1	13.3	0.9	12.6	0.2	7.3	5.7	3.7	4.1	1.2
2008	6.9	0.0	9.5	22.7	4.1	6.3	13.3	1.0	12.5	0.2	7.6	6.3	3.9	4.5	1.2
2009	7.4	0.0	8.5	21.2	5.0	5.6	12.4	0.8	12.8	0.4	7.9	7.3	4.5	5.0	1.2
2010	6.3	0.0	13.6	21.8	4.7	5.9	12.0	0.7	11.9	0.4	7.9	6.0	3.6	4.2	1.0
2011	6.1	0.0	14.7	20.9	4.4	6.3	12.0	0.8	11.1	0.4	8.5	5.9	3.6	4.3	1.0
2012	5.2	0.0	13.1	19.4	4.1	6.7	12.1	0.9	12.1	0.4	9.3	6.8	4.0	4.7	1.2
2013	5.8	0.0	12.6	19.0	4.2	5.9	11.9	0.9	11.2	0.3	10.2	7.1	4.4	5.1	1.4
2014	5.9	0.0	12.6	20.0	4.2	6.1	11.7	0.9	11.1	0.2	9.9	6.7	4.3	5.0	1.4

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm

Оценку идентичности рядов показателей по параметрам отклонений целесообразно проводить с использованием квадратичных индексов, характерными представителями которых являются индекс Рябцева [5] и индекс Салаи (A. Szalai) [14]. Эти индексы сочетают относительную простоту расчетов и информативность получаемых результатов. Результаты расчетов представлены в табл. 2. Структура экономики Республики Хакасия, Кемеровской, Иркутской областей и Красноярского края оказалась наиболее приближенной к структуре экономики федерального округа. Наиболее удаленной является структура экономики республик Алтай, Тыва, Забайкальского края, Новосибирской, Омской и Томской областей.

Таблица 2. Изменение индекса Рябцева в субъектах СФО

Год	Субъект РФ											
	РА	РБ	РТ	РХ	АК	ЗК	КК	ИО	КО	НО	ОО	ТО
2005	0.51	0.35	0.49	0.17	0.27	0.43	0.24	0.13	0.30	0.21	0.26	0.39
2006	0.54	0.36	0.50	0.18	0.26	0.45	0.27	0.09	0.25	0.24	0.18	0.33
2007	0.52	0.35	0.48	0.16	0.27	0.42	0.29	0.19	0.26	0.24	0.18	0.30
2008	0.47	0.31	0.47	0.21	0.24	0.36	0.22	0.16	0.29	0.20	0.25	0.31
2009	0.45	0.24	0.45	0.24	0.24	0.34	0.21	0.16	0.28	0.17	0.24	0.26
2010	0.52	0.25	0.45	0.14	0.30	0.33	0.20	0.20	0.28	0.24	0.26	0.21
2011	0.53	0.22	0.47	0.19	0.27	0.33	0.20	0.16	0.30	0.27	0.30	0.27
2012	0.50	0.22	0.45	0.16	0.25	0.29	0.17	0.14	0.22	0.25	0.31	0.30
2013	0.47	0.20	0.47	0.15	0.26	0.31	0.17	0.14	0.17	0.26	0.30	0.28
2014	0.48	0.20	0.48	0.16	0.25	0.35	0.19	0.18	0.15	0.28	0.30	0.28

Источник: расчеты автора.

Наряду с этим важно обратить внимание на тенденцию сближения структуры экономики у ряда субъектов. За анализируемый период в большинстве субъектов, кроме Иркутской, Новосибирской и Омской областей, показатель индекса снизился. В Республике Бурятия и в Кемеровской области он уменьшился существенно. В остальных субъектах снижение незначительное, но стабильное. В целом похожие итоги получены и при использовании индекса Салаи. За анализируемый период структуры экономик всех субъектов испытали воздействие центростремительных факторов, приближающих их к средней структуре по федеральному округу.

Выявленные слабые тенденции сходимости не позволяют в полной мере оценить перспективы усиления или ослабления гомогенности структуры экономик субъектов РФ в случае реализации комбинированной стратегии регионального развития. Использование индекса Рябцева и индекса Салаи предполагает обязательное участие сравниваемого ряда показателей. Кроме этого, оба индекса не обладают достаточной степенью чувствительности к изменению показателей.

В результате проведенного исследования сформулированы следующие выводы:

- анализ опубликованных результатов исследований структуры экономик федеральных округов продемонстрировал преобладание стратегии специализации экономик входящих в них субъектов РФ;
- показатели индексов Рябцева и Салаи демонстрируют наибольшее приближение к структуре экономики Сибирского федерального округа Республики Хакасия и Кемеровской области;
- одновременно с этим в анализируемый период в СФО наблюдается тренд на сокращение доминирующей доли обрабатывающих производств и рост добычи полезных ископаемых наряду с увеличением доли видов разделов ВРП, относимых к вспомогательной и социальной составляющей экономической деятельности;
- в СФО происходит очень медленный дрейф к более сбалансированному участию субъектов округа в генерировании общего объема ВРП;
- гармонизация структуры экономики внутри федерального округа, включая целенаправленное распределение экономических объектов, может произойти только в отдаленном будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бреднева Л.Б. (2013) О межрегиональной экономической дифференциации в Дальневосточном федеральном округе // Актуальные вопросы экономических наук. № 35. – С. 67-71.
2. Катаев Е.Н., Погодина Е.А. (2014) Экономические и социальные различия регионов Северо-Западного федерального округа: анализ, оценка, решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. - № 4. - С. 36-45.
3. Краморенко М.И. (2014) Оценка тенденций экономической дифференциации регионов Северо-Западного и Центрального федеральных округов // Управленческое консультирование. - № 3. - С. 89-99.

4. Максимец Н.В., Букатина Е.Г. (2016) Динамика показателей экономического роста регионов Приволжского федерального округа // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – № 1. – С. 75-86.
5. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. (2001) Региональная статистика: Учебник / Под ред. В. М. Рябцева, Г. И. Чудилина. – М.: – 380 с.
6. Шамилев С.Р. (2015) Приоритетные направления экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Экономика. Бизнес. Информатика. № 5. – С. 57-64.
7. Шаронина Л.В., Бондаренко Д.А. (2015) Причины стагнации экономики и проблемы Уральского федерального округа // Экономика и социум. - № 2-5. - С. 84-87.
8. Щепаняк О., Быстрая Ю.С., Макареня Т.А. (2014) Анализ и характеристика структуры ВРП Сибирского федерального округа // Экономика и социум. - № 4-5. – С. 530-533.
9. Girardin, E., Kholodilin, K.A. (2011) How Helpful are Spatial Effects in Forecasting the Growth of Chinese Provinces? *Journal of Forecasting*, 30 (7), 622-643.
10. Henzel, S. R., Lehmann, R., Wohlrabe, K. (2015). Nowcasting Regional GDP: The Case of the Free State of Saxony. *Review of Economics*, 66 (1), 71–98.
11. Kholodilin, K.A., Kooths, S., Siliverstovs, B. (2008) A Dynamic Panel Data Approach to the Forecasting of the GDP of German Länder, *Spatial Economic Analysis*, 3 (2), 195-207.
12. Kopoin, A., Moran, K., Paré, J.P. (2013) Forecasting regional GDP with factor models: How useful are national and international data? *Economics Letters*, 121 (2), 267-270.
13. Lehmann, R., Wohlrabe, K. (2014) Forecasting gross value-added at the regional level: Are sectoral disaggregated predictions superior to direct ones? *Review of Regional Research*, 34 (1), 61-90.
14. Stewart J. (2006) Assessing alternative dissimilarity indexes for comparing activity profiles, *International Journal of Time Use Research*, Vol. 3, No. 1, 49-59.

Развитие приграничных территорий в рамках формирования общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза

Аннотация. В статье представлены основы становления Евразийского экономического союза и сформулированы механизмы развития приграничных территорий в рамках формирования рынка электрической энергии Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, общий рынок электрической энергии, национальная экономика, приграничные территории.

Развитие территорий Советского Союза началось еще в 50-х годах прошлого века по принятым на национальном уровне директивным планам, они содержали основные принципы построения отраслевой структуры республиканской экономики, направления взаимодействия с соседними республиками и механизмы развития региональных территорий. Общая экономическая и международная политика формировалась на высшем государственном уровне и имела четко ограниченную взаимосвязь с внешним миром.

После распада СССР национальные государства стали самостоятельно разрабатывать стратегические планы развития с учетом мирового экономического порядка, однако отдельные республики не могли полноценно участвовать в международных процессах, что породило потребность в формировании общих наднациональных союзов и альянсов. Образовавшиеся проблемы предполагалось решить за счет создания Содружества Независимых Государств и взаимодействия национальных экономик по всем направлениям деятельности, в том числе совместного участия на международной экономической арене. В рамках СНГ были приняты рамочные соглашения, однако они так и не были реализованы.

Следующим этапом интеграции в рамках постсоветских стран стало создание Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, в рамках которого были созданы общие рынки товаров и услуг, сформированы свободные перетоки рабочей силы и капиталов [5, с. 28]. Далее интеграционное объединение было трансформировано в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Российской Федерации (табл. 1). За основу развития Евразийского экономического союза взят опыт формирования и функционирования Европейского союза, который на сегодняшний день достиг верха интеграционной взаимосвязи.

Таблица 1. Валовой внутренний продукт Евразийского экономического союза, млн долларов США

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Армения	10 619	11 121	11 610	10 529	10 547
Беларусь	65 428	74 761	78 536	55 317	47 165

¹ Гибадуллин Артур Артурович (Россия, г. Москва) – ассистент, Национальный исследовательский университет «МЭИ».

Казахстан	208 002	236 633	221 418	184 387	135 005
Кыргызстан	6 606	7 335	7 469	6 678	6 552
Россия	2 154 067	2 231 827	2 085 848	1 372 117	1 286 153
ЕАЭС	2 444 722	2 561 677	2 404 881	1 629 028	1 485 422

Источник: Официальный сайт Евразийской экономической комиссии : <http://www.eurasiancommission.org>

Таким образом, Евразийский экономический союз дает для каждого государства новые возможности и пути развития национальной экономики.

Следующим этапом развития интеграционного объединения становится подписанная 8 мая 2015 года Высшим Евразийским экономическим советом Концепция о формировании Общего рынка электрической энергии ЕАЭС [1, с. 69; 2, с. 10]. Интеграционное сотрудничество в электроэнергетической сфере пяти государств, которые одновременно осуществляли строительство электроэнергетических комплексов, является не только перспективным, но и выгодным направлением за счет открытия новых рынков сбыта электрической энергии, увеличения экспортных показателей, а при необходимости взаимозаменяемости отдельных объектов электроэнергетики. Функционирование рынка электрической энергии Евразийского экономического союза будет осуществляться на основе имеющихся национальных рынков электрической энергии (табл. 2).

Таблица 2. Производство электрической энергии, млрд кВт*ч

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Армения	8,0	7,7	7,8	7,8	7,3
Беларусь	30,8	31,5	34,7	34,1	33,1
Казахстан	90,6	92,6	94,6	91,6	94,5
Кыргызстан	15,2	14,0	14,6	13,0	13,1
Россия	1 069,3	1 059,1	1 064,2	1 067,5	1 087,1
ЕАЭС	1 213,9	1 204,9	1 215,9	1 214,0	1 235,1

Источник: Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: <http://www.eurasiancommission.org>

Из представленной таблицы видно, что в рамках Евразийского экономического союза производство электрической энергии увеличивается, что, следовательно, увеличивает и его потребление как на внутреннем рынке, так и на внешних рынках. Таким образом, прирост потребления электрической энергии национальными государствами и их выход на глобальный энергетический рынок за счет формирования Общего рынка электрической энергии ЕАЭС потребует реновации и строительства новых производственных мощностей.

Проанализированные программы развития национальных электроэнергетических отраслей показали, что государства пытаются решить проблемы за счет модернизации и обновления существующих производственных мощностей [3, с. 84; 4, с. 23; 6, с. 35]. Однако на наднациональном уровне развитие электроэнергетики целесообразно основывать на использовании приграничных мощностей, которые могут быть заменены друг другом, а полностью изношенные мощности выведены из эксплуатации.

Таким образом, за счет принятия программ модернизации и реновации электроэнергетики на наднациональном уровне будут сформированы основы развития приграничных территорий [7, с. 251], на которых, в перспективе, могут появиться новые рабочие места, научные и исследовательские университеты, моногорода и новые производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

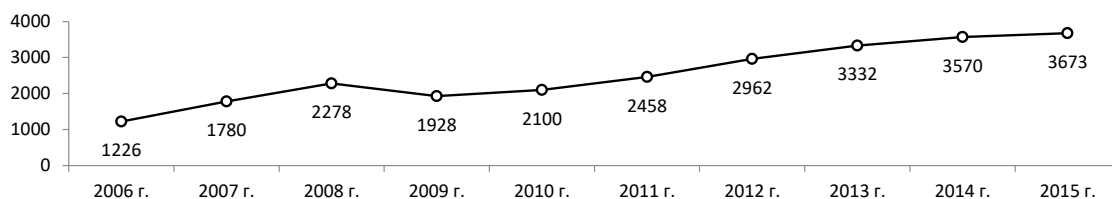
1. Борталевич С.И. Повышение эффективности энергоинфраструктурных комплексов в рамках ЕАЭС // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 79. – С. 68-71.
2. Гибадуллин А.А., Борталевич С.И. Формирование Общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза: перспективы и проблемы // Энергетика Татарстана. – 2016. – № 2 (42). – С. 9-13.
3. Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н. Современные механизмы инновационного развития промышленности России. – М.: Государственный университет управления, 2016. – 159 с.
4. Гибадуллин А.А. Механизмы устойчивого развития отрасли // Международный научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 23-27.
5. Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства – М.: ООО «ВИКОР МЕДИА», 2013. – 240 с.
6. Пуляева В.Н., Харитонова Н.А. Инновационное развитие черной металлургии России: проблемы и перспективы // Экономика в промышленности. – 2014. – №4. – С. 33-40.
7. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

Инвестиции в основной капитал регионов Центрального федерального округа России: динамический анализ

Центральный федеральный округ является не только географическим, но и финансовым центром России. По инвестиционной привлекательности он значительно опережает другие федеральные округа. В инвестиционном потенциале страны его значение велико. Практически по всем показателям, характеризующим инвестиционную активность, торговый оборот и финансовую деятельность предприятий, ЦФО уверенно занимает первое место.

Из статистических данных следует, что на долю Центрального федерального округа за 2006–2015 годы приходилось около четверти общего объема инвестиций в основной капитал России: 25,91% в 2006 году и 25,23% в 2015 году, максимум 26,50% достигнут в 2007 году, минимум 22,28% в 2011 году. За анализируемый период этот показатель в среднем составил 24,7%.

На рис. представлена динамика инвестиций в основной капитал Центрального федерального округа за 2006-2015 гг.



**Рис. Динамика инвестиций в основной капитал
Центрального федерального округа за 2006–2015 гг., млрд руб.**

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. - М., 2013. – 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. - М., 2016. - 1326 с.

По данным рис. и табл. 1 прослеживается спад инвестиций в основной капитал ЦФО в 2009-2010 годах за счет негативного влияния финансового кризиса. За весь рассматриваемый промежуток времени объем инвестиций в основной капитал Центрального федерального округа в 2006 году составил 1225593 млн руб., а в 2015 году 3672952 млн руб., что свидетельствует о росте показателя в 3 раза за счет модернизации законодательной базы и хорошей инвестиционной стратегии. При этом самый маленький темп прироста инвестиций в основной капитал в Ивановской области 74,1%, а максимальный – в Воронежской области 578,3%.

¹ Гладченко Светлана Анатольевна (Россия, г. Белгород) – аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Растворцева Светлана Николаевна (Россия, г. Белгород) – д.э.н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Инвестиционный климат региона в качественном отношении характеризуется уровнем и соотношением двух ключевых показателей: инвестиционной активностью региона и его привлекательностью для поступления инвестиций. В свою очередь, инвестиционная привлекательность представляет собой совокупность качественных и количественных характеристик, отражающих возможности и ограничения, определяющие инвестиционную активность в нем. Такая активность в регионе характеризуется интенсивностью привлечения инвестиций в основной капитал [3, с. 36]. В свою очередь инвестиционный потенциал и риск имеют ряд факторов, от которых зависит социально-экономическое развитие регионов.

Каждым субъектом хозяйствования ведется учет инвестиций с определением факторов, сказывающихся на их показателях. Динамика инвестиций в основной капитал по субъектам Центрального федерального округа представлена в таблице 1.

По абсолютной величине инвестиций в экономику региона на протяжении 10 лет на первом месте г. Москва, на 2 месте Московская область, 3 место с 2006 года по 2008 год занимала Белгородская область, а с 2009 года по 2015 год – Воронежская область (табл. 1, 2). Следует отметить, что в рейтинге инвестиционного климата, составленном рейтинговым агентством «Эксперт РА», эти регионы относятся к категориям минимального риска [1]. Последние места (16-18) заняли за отчетный период следующие области: Костромская, Ивановская, Брянская, Орловская.

Таблица 1. Динамика инвестиций в основной капитал по субъектам Центрального федерального округа, млрд руб.

Субъект РФ	Год										2015 г. к 2006 г., раз
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Центральный федеральный округ	1226	1780	2278	1928	2100	2458	2962	3332	3570	3673	3,0
Белгородская область	52	84	104	73	96	126	137	129	121	146	2,8
Брянская область	12	21	25	27	42	48	47	61	66	62	5,0
Владимирская область	22	38	45	52	50	60	61	65	74	80	3,6
Воронежская область	39	65	94	95	126	155	182	217	240	264	6,8
Ивановская область	15	17	26	32	30	32	29	34	33	26	1,7
Калужская область	18	35	66	60	74	77	96	98	100	93	5,1
Костромская область	12	14	17	11	15	18	21	22	28	26	2,2
Курская область	23	34	47	41	46	59	67	72	74	70	3,0
Липецкая область	45	65	88	84	102	113	93	101	106	117	2,6
Московская область	237	401	482	380	394	450	517	588	645	640	2,7
Орловская область	13	24	27	20	21	34	40	44	48	52	4,1
Рязанская область	26	34	53	38	41	53	67	76	61	54	2,1
Смоленская область	16	25	38	35	49	57	56	56	57	60	3,7
Тамбовская область	20	31	43	49	54	68	83	98	111	122	6,2
Тверская область	24	36	50	70	83	94	80	81	84	74	3,0
Тульская область	24	36	55	62	72	78	84	91	95	106	4,3
Ярославская область	37	44	55	57	72	80	81	86	89	69	1,9
г. Москва	590	776	962	742	733	856	1220	1413	1542	1612	2,7

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Таблица 2. Место субъектов в ЦФО по объему инвестиций в основной капитал

Субъект РФ	Год										min	max	Абсолютное отклонение экстремумов
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015			
Белгородская область	3	3	3	5	5	4	4	4	4	4	5	3	2
Брянская область	17	16	17	16	14	15	15	14	13	13	17	13	4
Владимирская область	11	7	12	10	11	11	13	13	11	9	13	7	6
Воронежская область	5	4	4	3	3	3	3	3	3	3	5	3	2
Ивановская область	15	17	16	15	16	17	17	17	17	18	18	15	3
Калужская область	13	10	6	8	7	9	5	7	7	8	13	5	8
Костромская область	18	18	18	18	18	18	18	18	18	17	18	17	1
Курская область	10	12	11	12	13	12	12	12	12	11	13	10	3
Липецкая область	4	5	5	4	4	5	6	5	6	6	6	4	2
Московская область	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	0
Орловская область	16	15	15	17	17	16	16	16	16	16	17	15	2
Рязанская область	7	11	9	13	15	14	11	11	14	15	15	7	8
Смоленская область	14	14	14	14	12	13	14	15	15	14	15	12	3
Тамбовская область	12	13	13	11	10	10	8	6	5	5	13	5	8
Тверская область	9	8	10	6	6	6	10	10	10	10	10	6	4
Тульская область	8	9	7	7	9	8	7	8	8	7	9	7	2
Ярославская область	6	6	8	9	8	7	9	9	9	12	12	6	6
г. Москва	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0

По данным таблицы 2 прослеживается положительная динамика роста позиций в рейтинге по сравнению 2006 года с 2015 годом в следующих областях: Брянской (с 17 на 13 место), Владимирской (с 11 на 9 место), Воронежской (с 5 на 3 место), Калужской (с 13 на 8 место), Костромской (с 18 на 17 место), Тамбовской (с 12 на 5 место). Отрицательная динамика роста позиций в рейтинге по сравнению 2006 года с 2015 годом особенно заметна в Рязанской и Ярославской областях, где разница составляет 8 и 6 позиций соответственно.

Максимальная разница между точками экстремума данных таблицы 2 наблюдается в Калужской, Рязанской и Тамбовской областях и составляет 8 позиций. Хорошо прослеживается негативное влияние инвестиционных рисков на примере резкого спада на 3-5 позиций за 1 год во Владимирской, Рязанской, Тверской, Ярославской областях. В первую очередь, к этим рискам можно отнести социально-политическую обстановку в регионе, уровень бедности населения, безработицу. Все это снижает вероятность экономического роста в регионах ЦФО.

Рост объемов инвестиции в основной капитал наблюдается на всей территории ЦФО за 2006-2015 годы (табл. 1, 2):

- в Белгородской области на 94313 млн руб., в 2,8 раза, на 2 позиции в рейтинге;
- в Брянской области на 49280 млн руб., в 5 раз, на 4 позиции в рейтинге;
- в Владимирской области на 58225 млн руб., в 3,6 раза, на 6 позиции в рейтинге;
- в Воронежской области на 224755 млн руб., в 6,8 раза, на 2 позиции в рейтинге;

- в Ивановской области на 10917 млн руб., в 1,7 раза, на 3 позиции в рейтинге;
- в Калужской области на 74211 млн руб., в 5,1 раза, на 8 позиции в рейтинге;
- в Костромской области на 14406 млн руб., в 2,2 раза, на 1 позицию в рейтинге;
- в Курской области на 47137 млн руб., в 3 раза, на 3 позиции по месту в рейтинге;
- в Липецкой области на 72011 млн руб., в 2,6 раза, на 2 позиции в рейтинге;
- в Московской области на 403389 млн руб., в 2,7 раза, место в рейтинге не изменилось;
- в Орловской области на 39591 млн руб., в 4,1 раза, на 2 позиции в рейтинге;
- в Рязанской области на 28111 млн руб., в 2,1 раза, на 8 позиций в рейтинге;
- в Смоленской области на 43866 млн руб., в 3,7 раза, на 3 позиции в рейтинге;
- в Тамбовской области на 102796 млн руб., в 6,2 раза, на 8 позиций в рейтинге;
- в Тверской области на 49866 млн руб., в 3 раза, на 4 позиции в рейтинге;
- в Тульской области на 81225 млн руб., в 4,3 раза, на 2 позиции в рейтинге;
- в Ярославской области на 31913 млн руб., в 1,9 раза, на 6 позиций в рейтинге;
- в г. Москве на 1021350 млн руб., в 2,7 раза, место в рейтинге не изменилось.

Следует отметить, что инвестиции в основной капитал являются достаточно эффективным ресурсом для развития как отдельного субъекта хозяйствования, так и экономики государства в целом. За анализируемый период произошло улучшение законодательно-правовой базы, социально-экономических, политических, финансовых и социокультурных условий. Таким образом, наблюдается прирост инвестиций в основной капитал ЦФО на 199,7% (2447362 млн руб.), из которых 41,73% за счет привлечения капитала в г. Москва.

Для увеличения объемов инвестиций в регионы необходимо активно привлекать новых стратегических инвесторов, осуществлять работу по развитию новых секторов экономики, таких как туризм, фармацевтика, энергетика, провести модернизацию производственной деятельности и особое внимание уделить субъектам малого и среднего предпринимательства в реальном секторе экономики, а также создать благоприятные условия для привлечения инвестиций в экономику отстающих регионов ЦФО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Инвестиционные рейтинги регионов России / Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»). - М., 1997-2017. - <http://raexpert.ru/ratings/regions>
2. Крапивина, Т. А. Исследование динамики инвестиций в основной капитал в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2016. - №11. - С. 789-791.
3. Растворцева, С.Н., Кравченко, С.А. О роли инвестиций в экономическом развитии регионов Центрального федерального округа России // Современная экономика: проблемы и решения. - 2013. - № 6. - С. 33-37.

Становление института магистратуры в России

Аннотация. В статье дается краткая характеристика становления магистратуры как элемента современной образовательной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: уровневая система образования, высшее образование, магистратура, магистр.

Современное российское общество выдвигает совершенно определенный социальный заказ на подготовку специалистов. Развивающемуся обществу нужны образованные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладающие чувством ответственности за судьбу страны.

Магистратура является важной ступенью в подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации. Переход российских вузов на многоуровневую систему высшего образования позволил соединить образовательные программы подготовки базового уровня и специализированного. Поэтому получение высшего образования приобретает все большую актуальность и значимость.

Термин «магистр» (от латинского *magister*) означает «наставник», «учитель», «руководитель». В русском языке слово «магистр» означает «мастер своего дела»; в Древнем Риме – важное должностное лицо; в Византии – высший титул служебной знати, а в Средние века магистрами называли студентов, достигших высших результатов в науках. Постепенно магистрами стали называть выпускников и студентов программ высшего образования самого высокого уровня [3].

В США наибольшее распространение получили магистерские программы по деловому администрированию (*Master of Business Administration – MBA*), которые готовили людей, уже имеющих степень бакалавра и опыт управленческой работы, к деятельности на средних и высших руководящих должностях.

В современной англо-американской системе высшего образования «магистр» занимает промежуточное положение между «бакалавром» и «доктором наук».

Ученая степень магистра в России была введена императорским указом в 1803 году как промежуточная стадия между присвоением степени кандидата и доктора. Кандидатом считали каждого, кто закончил с отличием университет, а сдавшие магистерские экзамены (общая часть и диссертация) получали право на возведение в чин титулярного советника.

С 1884 года была отменена ученая степень кандидата наук, и в России присуждались только две ученые степени – магистра и доктора наук. Степень магистра имела весьма высокий научный статус, а магистерские диссертации представляли собой серьезные научные труды, многие из которых послужили основой новых научных направлений.

¹ Егорихина Светлана Юрьевна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

После революции 1917 года Декретом Совнаркома РСФСР существовавшие к этому времени ученые степени были отменены. В 1934 году были восстановлены ученые степени кандидата и доктора наук. Степень магистра наук с 1917 года в Российской Федерации не присуждалась. Но перестроечные процессы, начавшиеся в нашей стране в середине 80-х годов XX века, вновь сделали ее актуальной. В соответствии с постановлением Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ от 13.03.1992 «О введении многоуровневой структуры высшего образования Российской Федерации», наряду с подготовкой дипломированных специалистов стала осуществляться подготовка бакалавров и магистров. Новая структура высшего образования преследовала цель расширить возможности высших учебных заведений в удовлетворении культурно-образовательных запросов личности, повышении научной и профессиональной подготовки специалистов с учетом потребностей экономики и рынка труда [3].

Основным шагом в осознании важности перехода России на двухуровневую систему высшего образования (бакалавр + магистр) явилось решение о присоединении к Болонскому процессу.

19 июня 1999 года министры образования 29 стран Европы подписали Болонскую декларацию, сформулировав ряд общих целей, достижение которых позволило бы к 2010 году создать единое Европейское пространство высшего образования.

Россия присоединилась к Болонскому процессу с 19 сентября 2003 года на берлинской встрече министров образования европейских стран. Это решение закрепило за Россией статус полноправного члена европейского образовательного сообщества.

Целью Болонского процесса являлось создание единого европейского пространства высшего образования, а главной задачей – увеличение конкурентоспособности и привлекательности европейского высшего образования, а также содействие мобильности и трудоустройству студентов за счет введения системы, которая позволяет легко определить уровень подготовки и степень выпускников.

Основными составляющими Болонского процесса стали:

- одинаковые уровни образования для высших учебных заведений разных стран,
- сопоставимость научных степеней, присуждаемых разными организациями,
- удобство перезачета дисциплин, ранее изученных в другом месте или стране,
- единая форма диплома и приложения к нему с аттестационными данными [4, с. 17-18].

В настоящий момент в Болонском процессе участвуют 47 стран, в том числе Россия и 5 стран СНГ: Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдова и Украина.

Из основополагающих положений, которые привнес в российскую образовательную систему Болонский процесс, можно выделить следующие:

- разделение системы высшего образования на два уровня: бакалавриат и магистратура (для получения диплома бакалавра необходимо пройти 4-5-летнюю подготовку; магистры учатся 1-2 года);
- включение в учебные рабочие планы структуры часовых кредитов, которые представляют собой комплекс лекционных, семинарских занятий и самостоятельной работы студента (только пройдя программу по каждой дисциплине, рассчитанную на определенное количество часов, можно перейти на следующий курс обучения);

– оценивание качественной составляющей полученных знаний по мировым стандартизированным схемам;

– возможность непрерывно продолжать обучение практически в любом европейском вузе в случае, например, переезда из России [5].

Уровневая система подготовки кадров высшего профессионального образования, внедренная в высшей школе Российской Федерации в 2011 году, предполагала, что бакалавриат должен обеспечивать базовую фундаментальную подготовку, а магистратура – углубленную специализированную. Каждый уровень реализовывался в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта. Подготовка бакалавров была направлена на удовлетворение массовой потребности промышленности и других сфер деятельности в работниках среднего управленческого звена, а из магистров должен был формироваться высший уровень управления предприятиями и организациями [2, с. 25].

С принятием в 2012 году Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» установлены следующие уровни профессионального образования:

- 1) среднее профессиональное образование;
- 2) высшее образование – бакалавриат;
- 3) высшее образование – специалитет, магистратура;
- 4) высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации.

Высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации [1].

В структуре современного российского высшего образования степень магистра следует по научному уровню за степенью бакалавра и предшествует степени кандидата наук. Эта степень является не ученой, а академической, она отражает, прежде всего, образовательный уровень выпускника высшей школы и свидетельствует о наличии у него умений и навыков, свойственных начинающему научному работнику.

Степень магистра присуждается по окончании обучения по соответствующей образовательно-профессиональной (магистерской) программе в рамках выбранного направления. Магистерская программа – это специализация, углубление знаний в определенной области. После освоения специальной программы и окончания магистратуры студент приобретает высшую академическую степень и квалификацию «магистр».

Специалист, обладающий магистерской степенью, должен быть широко эрудирован, обладать методологией научного творчества, современными информационными технологиями, методами получения, обработки и фиксации научной информации.

При обучении магистров основной акцент делается на углубленной практической и теоретической специализации. Вместе с тем магистерское образование дает не только научную подготовку, но также системные знания и навыки, позволяющие подготовить про-

фессионалов для успешной карьеры в международных и российских компаниях, а также для аналитической, консультационной и научно-исследовательской деятельности.

Поэтому магистратура в системе высшего образования в современной России характеризуется такими факторами, как формирование углубленных теоретических и практических знаний и способностей к научным исследованиям; выявление и дальнейшее развитие профессиональных качеств магистрантов; применение полученных теоретических знаний и практических навыков в профессиональной сфере деятельности.

Институт магистратуры имеет важное значение для исследовательской карьеры и профессиональной работы в различных сферах деятельности, и спрос на нее растет из года в год. Рынок труда России еще не полностью воспринял диплом бакалавра в качестве полноценного диплома о высшем образовании. Работодатели и потребители образовательных услуг стремятся получить в их представлении «полновесное» высшее образование, то есть образование на магистерском уровне.

Таким образом, магистратура – это возможность повысить уровень своего образования и получить диплом, который будет признано во всем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Ким, И.Н. О роли магистратуры в стратегическом развитии вуза [Текст] / И.Н. Ким, С.В. Лисиенко // Высшее образование в России. – 2012. – № 11. – С. 23-28.
3. Кузин, Ф.А. Магистерская диссертация. Методика написания, правила оформления и порядок защиты: практическое пособие для студентов-магистрантов [Электронный ресурс] / Ф.А. Кузин. – М.: Ось-89, 2011. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/272747>
4. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс [Текст]. – М., ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 352 с.
5. Что такое Болонский процесс. Болонский процесс: суть, реализация и развитие в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: FB.ru: <http://fb.ru/article/244799/chto-takoe-bolonskiy-protsess-bolonskiy-protsess-sut-realizatsiya-i-razvitie-v-rossii>

Проблемы развития института аспирантуры в России

Аннотация. Российская аспирантура занимает важное место в системе подготовки кадров высшей квалификации, обеспечивая потребности современной экономики, социальной сферы и управления. В статье рассматриваются показатели функционирования российской аспирантуры и затрагиваются основные проблемы, с которыми столкнулась аспирантура в современный период.

Ключевые слова: аспирантура, показатели деятельности аспирантуры, подготовка аспирантов.

Аспирантура является важным звеном в подготовке и обеспечении кадрами высшей квалификации не только отечественной науки и высшей школы, но и иных стратегических отраслей народного хозяйства. Задачи человеческого развития выходят сегодня на первый план в модернизационной повестке дня, поскольку именно оно обеспечивает конкурентные преимущества экономик с высоким технологическим укладом [2, с. 57]. Однако распространенным является мнение, что аспирантура в ее нынешнем состоянии не решает задачи по преодолению кадрового кризиса в науке и в сфере образования. Несмотря на то что институт аспирантуры переживает этап реформирования, первые его итоги являются неоднозначными и вызывают дискуссии. Так, в заявлении Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ от 31.03.2016 указано, что переход аспирантуры с уровня послевузовской подготовки на уровень высшего образования был «осуществлен механически, без учета особенностей аспирантуры как системы подготовки научно-педагогических кадров» [3].

Анализируя деятельность аспирантуры за последнее десятилетие (табл.), стоит отметить, что численность организаций, ведущих подготовку аспирантов, снизилась на 3%, но в период 2006-2012 гг. наблюдался рост. При этом численность аспирантов существенно изменилась в сторону уменьшения (33%). Сокращение приема в аспирантуру объясняется реформами, проводимыми в высшем образовании. Также снизилось число принятых (59%) и выпущенных (37,5) аспирантов в 2015 г. по сравнению с 2006 г. Один из основных показателей эффективности аспирантуры – выпуск аспирантов с защитой диссертации – также имеет тенденцию к снижению. Если в 2006 г. с защитой диссертации выпускался каждый третий аспирант, то в 2015 г. – это был только каждый пятый.

¹ Кельсина Анна Сергеевна (Россия, г. Вологда) – заведующий аспирантурой, Вологодский научный центр РАН.

Таблица. Основные показатели деятельности аспирантуры за период 2006–2015 гг.

Год	Число организаций, ведущих подготовку аспирантов, единиц	Численность аспирантов, человек	Прием в аспирантуру, человек	Выпуск из аспирантуры, человек	
				всего	из него с защитой диссертации
2006	1493	146111	50462	35530	11893
2007	1490	147719	51633	35747	10970
2008	1529	147674	49638	33670	8831
2009	1547	154470	55540	34235	10770
2010	1568	157437	54558	33763	9611
2011	1570	156279	50582	33082	9635
2012	1575	146754	45556	35162	9195
2013	1557	132002	38971	34733	8979
2014	1519	119868	32981	28273	5189
2015	1446	109936	31647	25826	4651

Источник: Наука и инновации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

В то же время в большинстве высокоразвитых стран рост количества лиц, обучающихся по программам третьего уровня, является устойчивой тенденцией развития высшего образования, что связано с возрастающими масштабами использования научно-технологических инноваций, которые требуют от современного специалиста помимо узкопрофессиональных знаний еще и навыков исследовательской, аналитической и инновационной деятельности [1, с. 22].

В последние два десятилетия в аспирантурах появились и стали расширяться платные формы обучения. За счет средств государственного бюджета подготовка аспирантов ведется в рамках установленных контрольных цифр, сверх контрольных цифр приема – по договорам об оказании платных образовательных услуг. Расширение предложения платных услуг является следствием недостатка финансирования данного уровня образования.

Так, численность аспирантов, обучавшихся по договорам об оказании платных образовательных услуг в 2015 г, составила 31465 человек. Данная форма обучения становится все более распространенной: за период с 2000 по 2015 г. доля обучавшихся по договорам об оказании платных образовательных услуг в общей численности аспирантов возросла с 9,8 до 28,6% [5, с. 13].

Важным фактором, напрямую влияющим на результативность деятельности аспирантуры и качество подготовки научных кадров, является уровень научного руководства. В 2015 г. подготовку аспирантов осуществляли 51716 научных руководителей, из них 44921 научных руководителя, или 86,9%, имели ученое звание. Ученое звание профессора имели 50,3% научных руководителей, доцента – 34,6%, а звание члена-корреспондента и академика – 2% [5, с. 14].

Научный руководитель должен не только обладать научным авторитетом, но и готовностью поделиться опытом, знаниями и личным временем для своего аспиранта. На-

учное руководство аспирантом является не только личной научной деятельностью ученого, это еще и управленческая деятельность. Научный руководитель, как подчеркивает С.Д. Резник, – это менеджер науки [6, с. 3]. Научный руководитель обеспечивает планирование и организацию работы аспиранта, мотивацию и стимулирование этой работы, осуществляет координацию и контроль.

Среди наиболее востребованных специальностей аспирантской подготовки технические и экономические науки, на их долю в 2015 г. приходилось соответственно 28,3 и 12,3% от общей численности аспирантов. Лидерство по численности аспирантов эти отрасли сохраняют на протяжении последних 15 лет.

Распределение численности аспирантов в 2015 г. по направлениям подготовки в соответствии с Перечнем направлений подготовки кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре является следующим: по направлению «Экономика и управление» – 12,9% аспирантов, по направлению «Информатика и вычислительная техника» – 7,9%, по направлениям «Клиническая медицина» и «Юриспруденция» – 6,8 и 6,7%, а по направлению «Образование и педагогические науки» – 5,8%.

Возрастной состав аспирантов в 2015 г. определяли молодые люди в возрасте до 26 лет (66674 чел., или 60,6%). Однако за последние десять лет наблюдается снижение доли аспирантов в возрасте до 26 лет с 75,3% в 2005 г. до 60,6% в 2015 г. Одновременно заметно увеличилась доля аспирантов в возрасте 30-34 лет – с 6,8% в 2010 г. до 10,4% в 2015 г. С этим связано увеличение среднего возраста аспирантов с 26 лет в 2010 г. до 27 лет в 2015 г. [5, с. 12].

Эффективность аспирантуры по показателю выпуска аспирантов с защитой диссертации свидетельствует о количественном снижении по всем отраслям наук (рис. 1). Особенно значительное снижение приходится на период 2013-2015 гг., что связано с реформированием аспирантуры, а также с закрытием и реорганизацией диссертационных советов.

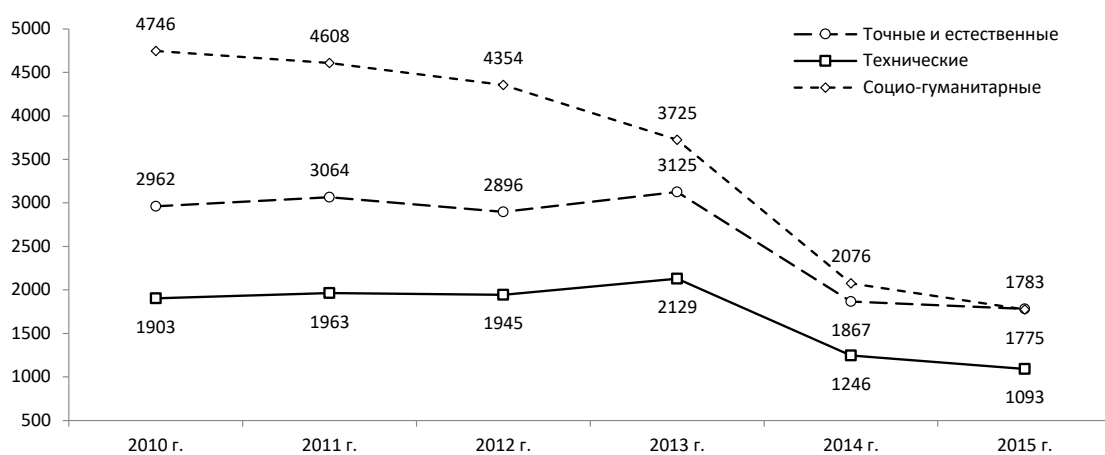


Рис. 1. Выпуск аспирантов с защитой диссертации по отраслям наук за период 2010-2015 гг., чел.

Источник: Наука и инновации [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/

Наибольшее снижение результативности произошло в точных и социо-гуманитарных науках (рис. 2). Так, если в точных и естественных науках снижение выпуска аспирантов с защитой диссертации от числа выпущенных составило в 2010 г. 39%, то в 2015 г. уже 23%, в точных науках за этот же период – 25 и 16% соответственно, в социогуманитарных – 29 и 16%.



Рис. 2. Выпуск аспирантов с защитой диссертации, % от общей численности выпуска по отраслям наук

Источник: Наука и инновации [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

Средний показатель результативности деятельности аспирантуры в 2015 г. составил 18% (выпуск из аспирантуры с защитой диссертации), при этом самый высокий показатель наблюдался в химических науках – 29,4% выпускников аспирантуры завершили обучение с защитой диссертации. В медицинских науках этот показатель составил 27,7%, в сельскохозяйственных науках – 25,2%, в физико-математических науках – 22,1%, в филологических науках – 21,8%, в биологических науках – 18,8% и в педагогических науках – 18,1% [5, с. 17].

В целом, можно сказать, что количественное сжатие аспирантуры в последние годы не привело к росту ее результативности. Политика на снижение численности аспирантов, направленная на повышение качества, в свою очередь может негативно сказаться на решении проблем «старения» и восполнения научных кадров. Численность занятых в науке за последние два десятилетия уменьшилась в несколько раз. Восполнить эти потери за короткие сроки невозможно в силу «специфики научного труда, постепенного приобретения исследовательских навыков и сложности адаптации в науке специалистов из других сфер экономики» [4, с. 136].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедный, Б.И. Аспирантура как третий уровень высшего образования [Текст] / Б.И. Бедный, А.А. Миронос, Л.А. Остапенко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (4). – С. 22-27.
2. Гулин, К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов [Текст] / К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 42-58.

3. Заявление Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ о модернизации аспирантуры, 31.03.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sovet-po-nauke.ru/info/31032016-declaration_postgraduate
4. Миндели, Л.Э., Наука и инновации в современной России/ Л. Э. Миндели // Современные производственные силы. – 2014. – № 1. – С. 132-147.
5. Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. Инф.-стат. мат. – М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2016. – 178 с.
6. Резник, С.Д. Научное руководство аспирантами [Текст]: практ. пособие / С.Д. Резник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 447 с.

Геостатистический подход в развитии региона

Аннотация. Статья посвящена вопросу анализа и управления развитием регионов. Проанализированы проблемы и характерные особенности пространственного развития, а также выявлена и обоснована необходимость применения геоинформационного инструментария для эффективного экономического развития региональных систем.

Ключевые слова: устойчивость, развитие, геостатистика, геоинформационные системы, пространственные данные.

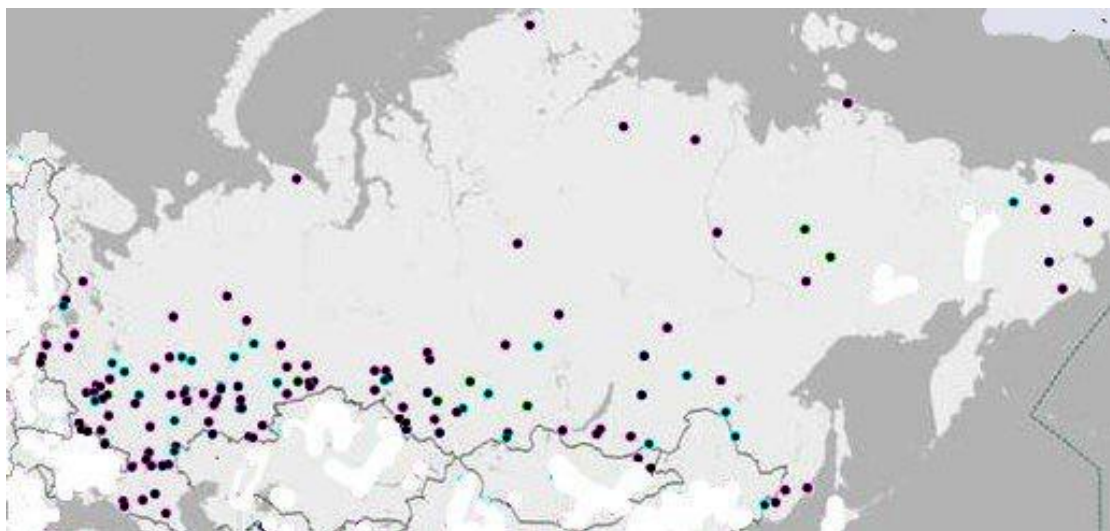
Актуальность проблемы устойчивого развития страны обусловлена пространственной разнородностью территориальных образований в условиях модификации экономики. На сегодняшний день статистическая наука сталкивается со сложностью анализа и оценки процесса пространственной модернизации, в связи с чем отсутствует методология измерения и выявления закономерностей развития экономической структуры [2].

Территория России характеризуется неравномерным распределением ресурсов, населения, а также концентрацией экономической деятельности преимущественно в крупных городах, региональных центрах, в то время как значительная часть страны остается малонаселенной и слаборазвитой, что оказывает существенное влияние на экономическое равновесие, способствует дифференциации развития регионов и дисбалансу экономики в целом. Данная неравномерность преобладает по всей территории страны, затрагивая различные регионы, даже самые небольшие, и способствует необходимости детального изучения структуры экономики. Неоднородность пространства, признанная как его неотъемлемый признак, имеет принципиальное значение для определения задач управления.

На сегодняшний день особенности России требуют применения новейших технологий в управлении, поскольку ее территория имеет уникальные характеристики, отличающиеся от других государственных образований, и опыт ее развития является неповторимым. Устойчивое пространственное развитие обуславливают параметры, такие как местоположение региона, экономические, социальные, экологические факторы, уровень развития региона и его экономической активности [1].

Региональная политика отражает последствия экономических преобразований в стране в целом и в отдельных хозяйствующих субъектах, являясь составляющей единого направления государства по пространственному развитию [2]. Данная политика сочетает методологию и механизм реализации путей повышения конкурентоспособности страны и обеспечения ее безопасного и устойчивого положения в мире, а также предполагает модификацию устоявшихся принципов и смещение фокуса экономики в направлении гармонизации целой системы.

¹ Кимадзе Мария Владимировна (Россия, г. Новосибирск) – специалист финансовых услуг, ООО «Автофонд».



Снимок России в ночное время, который наглядно представляет расположение агломераций и отражает разнородность экономической активности территории

Под пространственным развитием понимают такой принцип управления, который основывается на понимании государства как единого динамичного механизма, подвергаемого бесконечным качественным преобразованиям и эволюционным трансформациям, и предполагает поиск современных инструментов, которые способны раскрыть весь потенциал нового подхода [4]. Реализация механизма совершенствования пространственного развития предусматривает комплексный анализ факторов региона, учет уже внедренной политики и определение актуальных направлений и перспектив.

Задачи пространственного развития требуют максимально четко определить объекты, субъекты исследования и возможность его организации, равно как и форму предъявления результатов, что имеет принципиальное значение, так как информация должна иметь вид, пригодный для принятия оперативных решений. Детальное изучение структуры основывается на создании системы анализа, концентрирующегося на использовании геоинформационных технологий как основного инструмента познания исследуемой территории, поскольку зондирование местности позволяет выявить все экономические объекты и их связи в реальном времени.

Геоинформационные системы – это совокупность технических, программных и информационных средств, обеспечивающих ввод, хранение, обработку математико-картографическое моделирование и образное интегрирование географических данных для анализа и представления пространственно-временной информации с помощью статистических методов. Геоинформационные технологии сочетают в себе привычные операции работы с данными, такие как запрос и статистический анализ, а также передовые технологии накопления, обработки и образного представления информационной среды в виде схем, графиков, сложных трехмерных изображений геостатистических поверхностей и объемов [6].

На практике региональное масштабирование не используется и структура субъекта отражается в текстовом или табличном виде без привязки к местоположению. В связи с этим приходится сталкиваться с ситуацией, при которой государственные объекты не учтены или отражены некорректно, а при обработке сведений происходит усреднение данных [3]. В процессе передачи региональных данных на федеральный уровень в соответствии с действующими законодательными актами статистика нивелирует информацию, в ходе чего теряется возможность своевременного обновления данных и предоставления детализированной информации о состоянии социально-экономической сферы.

Основными задачами ГИС являются работа с пространственными данными в условиях места и времени, их актуализация и полноценная визуализация, пространственный анализ и управление процессами и явлениями, что оказывается полезным при принятии и обосновании координирующих решений [5]. Привязка к территории дает четкое представление о ее структуре и помогает провести качественный статистический прогноз, планирование и управление региональной экономикой, учитывающий максимальное количество факторов, влияющих на экономическое развитие, даже самых незначительных. Также данный подход позволяет минимизировать погрешности в подсчете данных, поскольку ГИС представляют наиболее полную и точную информацию об экономических объектах, качественные и количественные характеристики которых отражены в заданный момент времени.

Таким образом, геостатистика в отличие от социально-экономической статистики представляет реальное расположение объектов и явлений на локальном уровне, что позволяет оперировать данными и сформировать комплекс статистических показателей, характеризующих состояние региона и отвечающих информационным потребностям местного самоуправления для осуществления комплексного анализа и мониторинга развития территории.

Является очевидным, что пространственный подход в системе регионального уровня помогает обеспечить решение важнейших задач в управлении сбалансированным социально-экономическим развитием муниципальных образований с учетом их хозяйственного, ресурсного и экологического потенциала, а также изучить пространственно-временные закономерности, необходимые для понимания целостности перспектив развития страны [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беков Р. С. Пространственно-временная динамика экономики России.
2. Глазычева В., Щедровицкий П. Доклад Центра Стратегических Исследований Приволжского федерального округа - Россия: Принципы пространственного развития.
3. Доманицкий А. А. Управление пространственным развитием России.
4. Зандер Е. В., Лобкова Е. В., Смирнова Т. А. Региональное управление и территориальное планирование.
5. Ивакин Я. А. Геоинформационные системы и 3d-реконструкции Gis And 3d Reconstructions Геохронологический Трекинг – Специализированный Гис-инструментарий исторического исследования.
6. Плякин А. В. Геоинформационное моделирование в оценке конкурентоспособности, устойчивости и безопасности развития муниципальных образований.

О паллиативной роли «чудесного инвестора» в стратегиях социально-экономического развития регионов

Аннотация. Рассматриваются противоречия (несбалансированность) в индикаторах прогнозирования с учетом использования традиционной методологии стратегического планирования. Обосновано использование механизма проектного офиса в регионе как интегратора стратегических решений.

Ключевые слова: стратегия, регион, инвестиции, экономический рост, проектное управление.

Задачи стратегического планирования социально-экономического развития регионов находятся в постоянном поле зрения в силу наличия существенных дисбалансов регионального развития в рамках федерации, проявления структурной неоднородности регионов как социально-экономических систем [1], а также в силу межрегиональной дифференциации и ее влияния на экономический рост. Определенные методические подходы к разработке стратегий регионов начали появляться с 2004 года и были более ориентированы на промежуточный вариант программно-целевого управления и стратегического управления. Но именно с этого момента (включая и разработку «Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации») было принято решение об обязательности разработки стратегий для каждого региона РФ.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации определена Федеральным законом №172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» как документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации на долгосрочный период. Исходя из логики он рассматривается именно как документ стратегирования в части целеполагания, т. е. стратегия является определяющей при разработке программ и далее бюджетов.

В настоящее время в России осуществляется эволюционный переход к новому механизму государственного управления – использованию проектного управления, о котором официально объявлено в 2015 году Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ. На уровне Правительства РФ в настоящее время осуществляется внедрение проектного подхода в механизм государственного управления и реализации приоритетных проектов, основная идея которого – это переход от управления по поручениям к управлению по результатам. Несомненно, данный подход требует отдельной проработ-

¹ Ковальчук Юлия Александровна (Россия, г. Москва) – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка Российской академии наук.

Степнов Игорь Михайлович (Россия, г. Рязань) – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой, Рязанский государственный радиотехнический университет.

ки на предмет его внедрения в механизм регионального управления в части разработки и реализации приоритетных проектов социально-экономического развития субъектов федерации.

Безусловно, следствием этого стали изменения в структуре стратегии субъекта РФ (в соответствии с утвержденными методическими рекомендациями [3]), а также набор показателей для прогнозирования его социально-экономического развития.

Следует отметить, что, согласно сравнительному анализу, стратегии, реализуемые в различных субъектах федерации на текущий момент, формируются в альтернативных вариантах:

- с учетом специфики региона из отдельных, слабо интегрированных между собой отраслевых приоритетов региональной экономики, имеющихся природных ресурсов [6];
- как оценка потенциала региона;
- как совокупность управляющих воздействий или способов администрирования;
- как интегратор экономического и социального развития территории;
- как вектор приоритетов;
- как пространство приоритетных проектов;
- как инструмент поддержки и развития инфраструктуры;
- как площадка для взаимодействия бизнеса, власти и общества.

Учитывая национальную задачу повышения производительности труда, решение которой позволит активизировать все экономические процессы, теоретически выверенным является подход к развитию инфраструктуры в регионах, поскольку уже доказано, что увеличение на 1% государственных инвестиций в инфраструктуру приводит к увеличению производительности экономики на 0,34% (включая рост ВРП, объемов производства, инвестиций, занятости), при этом, что немаловажно, маржинальная эффективность государственных инвестиций в инфраструктуру составляет около 60%, а частных инвестиций – 30% [7].

Однако компаративный анализ находящихся в открытом доступе стратегий российских регионов показывает характерную особенность: чаще всего в основе стратегии регионального социально-экономического развития лежат инвестиции, чрезвычайно редко (фрагментарно) инновации и ориентир на внедрение высокотехнологичных производств, которые и станут точками роста в региональной экономике будущего. Поэтому обратимся далее к оценке инвестиций в достижение целей региональной стратегии.

Как известно, эффективность региональной политики состоит в совершенствовании механизма выбора ресурсов и инструментов сбалансированного развития различных подсистем региона [2]. Прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный и среднесрочный периоды, который наравне с аналитическим блоком стратегии развития региона входит в состав документов стратегического планирования в РФ и является в определенной мере подтверждением обоснованности и реализуемости выбранных приоритетов и целей регионального стратегического планирования. Конечно, набор показателей для прогнозирования социально-экономического развития региона является определенным [3], но анализ этих показателей, отражающих различные сторо-

ны социального и экономического состояния, по мнению экспертов, может привести к противоречивым, а порой и к неверным результатам.

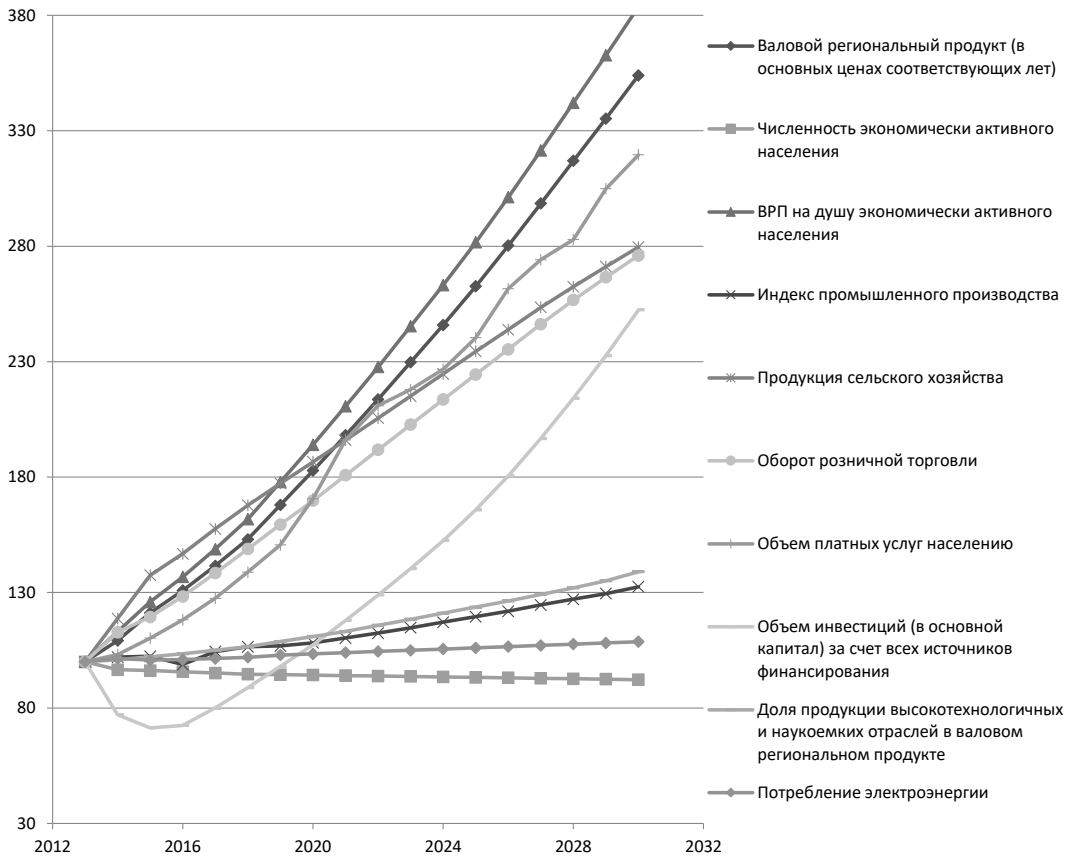


Рис. 1. Фрагмент стратегии (сценарий инновационный), темпы роста к базовому году
 Источник: сформировано авторами на основе данных [4].

Так, анализ материалов прогноза социально-экономического развития Рязанской области (ЦФО) на период до 2030 года [4] показывает наличие противоречий в факторах роста и ограничениях при полном отсутствии угроз. Так, например, были идентифицированы следующие противоречия (несбалансированность) в индикаторах (рис. 1):

- рост ВРП (на 200-350%) (в зависимости от выбранного сценария: инерционного, инновационного или форсированного);
- рост производительности труда на 200-300% при росте промышленного производства на 35%;
- рост промышленного производства сопровождается фиксированным потреблением энергоресурсов;
- темпы роста оборота розничной торговли и объема платных услуг для населения соответствуют темпам роста ВРП – значит именно они являются основным источником роста (рис. 2);

- рост доходов бюджета составит 200-300% (в зависимости от сценария);
- прирост инвестиций в регион уже к 2017 году в форсированном сценарии развития составит 28%, а вообще к 2030 году объем инвестиций должен увеличиться в 6 раз.

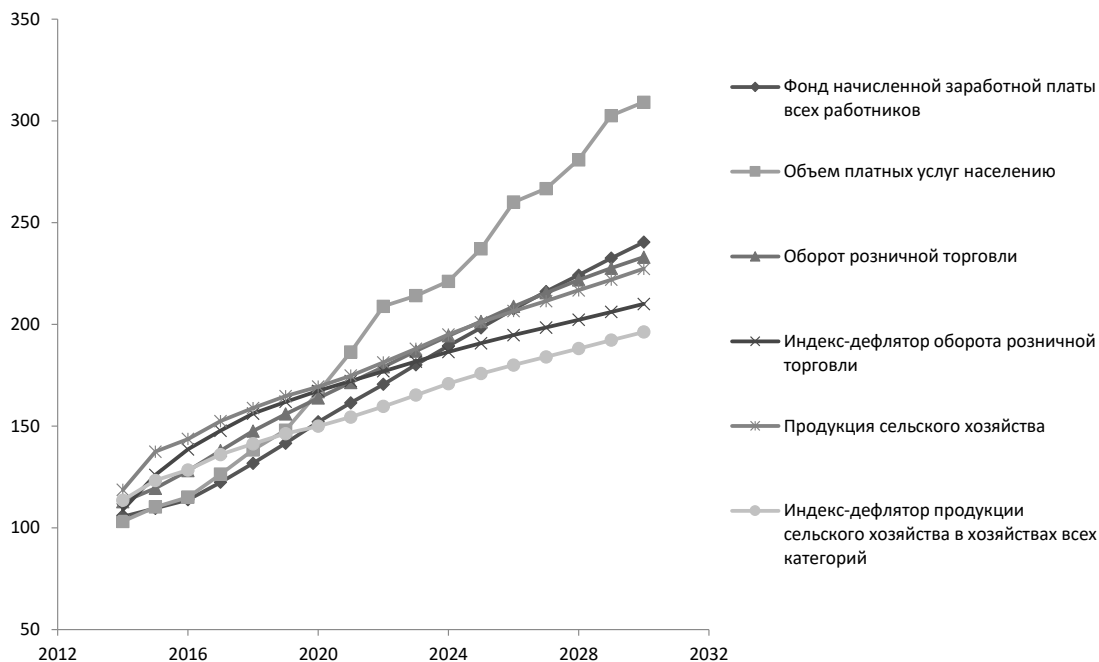


Рис. 2. Фрагмент стратегии (инерционный сценарий), темпы роста к базовому году
 Источник: сформировано авторами на основе данных [4].

Если несбалансированность индикатора присуща прогнозам в силу их известной не-точности и условности, то предпосылки о «чудесном инвесторе», который появится «из неоткуда», стали практически стандартными в стратегиях российских регионов. Исходя из этого мы можем говорить о паллиативности такого понятия в стратегическом планировании регионов.

Действительно, инвестиции – это существенный фактор активизации процессов социально-экономического развития в любой экономической системе. Но когда вне зависимости от ресурсного, инновационного, трудового и др. потенциала региона фиксируют приход неизвестного сейчас инвестора, который вдруг будет инвестировать капитал в регион (раздел о рисках таких инвестиций не представлен ни в одной стратегии; также такой раздел отсутствует и в рекомендуемой структуре стратегии [3] – есть в блоке основных направлений экономического развития субъекта РФ указания на учет вызовов и угроз в сфере инновационного развития, а также представление информации об ограничениях, рисках, возможностях реализации отраслевого комплекса (в том числе характеристика ресурсных ограничений, ограничений по смежным отраслям экономики, ограничений по рынкам сбыта, основных конкурентов) и результатов оценки устойчивости отрасли эко-

номики к конъюнктурным рискам), то такой инвестор воспринимается в прямом соответствии с толкованием слова «паллиатив» по словарям Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова или Большой советской энциклопедии как:

- лекарство, дающее временное облегчение болезни, но не излечивающее;
- полумера, мероприятие, дающее только временный выход из затруднительного положения и, соответственно, не обеспечивающее полного, коренного решения поставленной задачи.

В связи с этим получается, что инвестор как паллиативное понятие в реализации стратегии регионов является адаптивным инструментом фактически несуществующих решений для решения задач, обозначенных в стратегии. Конечно, прежде всего, инвесторы должны способствовать не только развитию конкретно территории, но и способствовать выравниванию регионов в их социально-экономическом развитии. Даже если мы допустим, что этот «чудесный инвестор» все же появится и будет готов инвестировать капитал в собственный бизнес в этом регионе или же инвестировать в инвестиционные проекты, предложенные администрацией региона или местным бизнесом (отметим, что определенные попытки в привлечении инвесторов на региональном уровне активно реализуются и мониторятся – так, уже четыре года подряд формируется национальный рейтинг состояния инвестиционного климата, который оценивает усилия региональных властей по созданию благоприятных условий ведения бизнеса и выявляет лучшие практики, а его результаты стимулируют конкуренцию в борьбе за инвестиции на региональном уровне), то в дальнейшем (при решении задач межрегиональной дифференциации) уже инвестор будет выбирать точки приложения инвестиций, опять же способствуя формированию экономической несбалансированности регионов.

Таким образом, следует отметить, что для разработчиков стратегии важен поиск ресурса и формы стратегии социально-экономического развития региона именно с позиции его достижения, а не оформления необходимого документа.

Например, именно неспособность широкого экспертного обсуждения необходимости и реальности технологического обновления (несмотря на фактические заседания рабочих групп и комитетов) приводит к нераскрытию именно инновационного курса развития региона, излишней политизированности и рефлексии при принятии решений (с учетом когнитивных рисков), а также к известной необходимости привлечения финансовых ресурсов (как правило, желательно из бюджета).

С учетом ситуации перехода к проектному управлению на федеральном уровне, нами видится перспективным создание в регионе проектного офиса [5] по разработке и мониторингу реализации стратегии его социально-экономического развития, что позволит:

- создать взаимно исключающее и полностью исчерпывающее представление о регионе;
- не допустить стереотипов в формировании целей и путей их достижения;
- учитывать мнения большинства участников экономических, социальных и политических отношений в регионе и осуществить трансформацию этого мнения в однозначный перечень приоритетов администрации региона;
- декларировать точки совместных интересов (предметов обмена) между всеми участниками экономических, социальных и политических отношений в регионе;

– формировать контрольные точки мониторинга реализации стратегии, доступные для всех участников;

– реализовывать пилотные проекты, исходя из положения, что стратегия успешна настолько, насколько успешен текущий проект.

Таким образом, проектный офис может выступить интегратором при формировании и реализации стратегии региона, обеспечивая аналитическое, консультационное, экспертное и научно-исследовательское сопровождение всех этапов стратегического планирования и при необходимости мониторинг апробации рынком проектов развития.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-10149).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ищенко М.М., Степнов И.М. Региональное управление неоднородными социально-экономическими системами: монография. – М.: Экономика, 2011. – 186 с.
2. Нижегородцев Р., Пискун Е., Кудревич В. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономика региона, 2017, т. 13, вып. 1, с. 38-48.
3. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Приказ Минэкономразвития России № 132 от 23.03.2017.
4. Об утверждении прогноза социально-экономического развития Рязанской области на период до 2030 года, Распоряжение Правительства Рязанской области № 11-р от 19.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mineconom.gyazangov.ru/direction/strategy-2030/>.
5. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А., Зоидов К.Х. Динамика развития экономических систем / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 380 с.
6. Шеломенцев А.Г., Козаков Е.М., Андреева Е.Л. Роль природных ресурсов в обеспечении экономической безопасности регионов и стран // Экономика региона, 2008, № 3, с. 113-128.
7. Munnell A.M. Policy Watch: Infrastructure Investment and Economic Growth Available at: <http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.6.4.189>

Некоммерческий сектор – участник социально-экономического процесса

Аннотация. В современной экономической и социальной жизни общества исключительно важную роль играет некоммерческий сектор, что подтверждают статистические данные. В статье представлен краткий анализ статистической информации о деятельности некоммерческих организаций в России как участника социально-экономического процесса. Рассматриваемые параметры: доля общественных объединений в ВВП Российской Федерации, численность занятых в рассматриваемом секторе. Особое внимание уделено финансовой базе и видам деятельности некоммерческих организаций на примере Вологодской области. Актуализирована проблема низких темпов развития сектора по сравнению с развитыми странами.

Ключевые слова: некоммерческий сектор (НКС), некоммерческая организация (НКО), социально ориентированная некоммерческая организация (СО НКО), экономические показатели деятельности НКО.

Некоммерческий сектор в современных условиях является важнейшим элементом гражданского общества и представляет собой особый, публичный сектор рыночной экономики, включающий в себя различные некоммерческие организации и общественные объединения. Их усилия направлены на решение социально значимых проблем в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры, социальной защиты населения. Главной особенностью, характеризующей организации некоммерческого сектора, является отсутствие в качестве основной цели работы извлечения прибыли. Такие организации способны проводить предпринимательскую деятельность только в том случае, если они служат достижению целей, ради которых созданы [6].

Однако, несмотря на социальную направленность и неприбыльный характер деятельности организаций рассматриваемого сектора, он вносит свой вклад в экономику, о чем свидетельствуют доля доходов в ВВП и число занятых в организациях этого сектора в мире. На конец 1990-х гг. его суммарный вклад, определенный на основе данных национальной статистики 35 стран Европы, Азии, Северной Америки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки, составляет 1,3 трлн долл., или 5,1% ВВП этих стран. В некоторых государствах доля ВВП достигает выше 15% (например, в Нидерландах – 15,8%) [4]. Число занятых в организациях этого сектора составляет 6—7%. Некоммерческий сектор в Российской Федерации по основным показателям отстает от развитых стран, но, несмотря на это, обладает потенциалом для своего развития.

Так, если сравнивать доли НКО в ВВП России и европейских стран, в том числе и США, то видно, что ситуация оказывается не в пользу нашей страны. Анализ статистических данных показывает снижение доли общественных объединений в общем объеме ВВП. До 1998 года объем услуг сектора имел тенденцию к увеличению и составлял 2%

¹ Косыгина Ксения Евгеньевна (Россия, г. Вологда) – аспирант, Вологодский научный центр РАН.

ВВП. В результате финансового кризиса 1998 года объем услуг, предоставляемых некоммерческими организациями, сократился. Посткризисное восстановление сектора происходило медленнее, чем в других сферах экономики [2]. В результате к 2000 году доля некоммерческого сектора России в формировании ВВП составляла чуть больше 1%. С 2011 г. этот показатель не меняется и составляет около 0,1%. В 2013 г. НКС принес в ВВП 86,5 млрд руб. Тем не менее если сравнивать с весом отдельных отраслей российской экономики или отдельных регионов, то этот показатель является значимой величиной. Например, в 2013 г. ВРП республики Адыгея – 70,9 млрд руб., а республики Тыва – 41,3 млрд руб.

В таблице представлена информация по динамике вклада общественных организаций в ВВП страны (табл. 1).

Таблица 1. Динамика ВВП и доли ВВП общественных объединений в Российской Федерации 2000–2013 гг. (в сопоставимых ценах 2013 года)

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ВВП в сопоставимых ценах, млрд руб.	27 249,89	42 571,31	55 801,74	63 522,77	62 218,40	66 755,30
Вклад в ВВП от деятельности общественных объединений, млрд руб.	298,40	155,63	81,22	80,47	84,99	86,50
Доля ВВП общественных объединений в общем объеме ВВП, %	1,1	0,37	0,15	0,13	0,13	0,13
Источники: Национальные счета России в 2000-2007 гг., в 2007-2014 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.gks.ru ; составлено автором.						

Можно допустить, что на снижение темпов роста ВВП повлияло ужесточение налогового законодательства в части льгот для предприятий с использованием труда инвалидов [10]. В эту деятельность бизнесом были вовлечены некоторые НКО, что сказалось на завышении их доли в ВВП. Также повлияло принятие поправок в федеральное законодательство после 2008 г., связанных с ужесточением порядка регистрации и отчетности некоммерческих организаций перед контролирующими и регистрирующими государственными органами. Немаловажную роль сыграл отток иностранных инвестиций в НКО с введением в 2012 г. закона «Об иностранных агентах». Данные меры привели к снижению темпов роста численности российских НКО (если к началу 2007 г. количество некоммерческих организаций увеличилось по сравнению с началом предыдущего года на 20%, то в последующий период темпы роста сократились и составили по итогам 2015 г. не больше 3%), что повлекло за собой снижение доли ВВП общественных объединений в общем объеме.

При оценке роли НКО в экономике страны следует отметить тот факт, что не все экономисты приняли понятие и методы расчетов ВВП для НКО [8], так как их деятельность в большей части не связана с денежным обращением, и в чем-то они оказались правы. К сожалению, ВВП рассчитывается на основе лишь денежных операций, в связи с чем создается далеко не полная картина социально-природной системы. ВВП стал чем-то вроде «магической формулы» для решения всевозможных человеческих, государственных проблем. Нужны альтернативные методы определения места НКО в экономике стра-

ны, основной целью которых является выработка критериев для оценивания различных показателей не только как экономической деятельности, но и как прогресса в социальном плане без опоры на ВВП. В приложении к специфике некоммерческого сектора необходимо учитывать услуги для членов своей общественной организации; труд на безвозмездной основе (дружеская помощь, добровольческий труд); безвозмездное оказание услуг социально незащищенным группам населения (сбор вещей, помощь на дому, приют для бездомных и т. п.); стоимость товаров и услуг, производимых теневой экономикой, от чего не свободны также и НКО, и др.

Экономическая успешность напрямую зависит от финансовой устойчивости некоммерческого сектора. Современная экономика предоставляет некоммерческим организациям гораздо больше возможностей для расширения финансовой базы, но одновременно актуализирует проблемы в привлечении и использовании финансовых ресурсов. Как показывают исследования, развитие некоммерческого сектора происходит в условиях острого финансового дефицита и низкого уровня материальной базы: лишь менее 20% НКО хватает средств на осуществление своих программ; столько же балансируют на грани выживания. В связи с этим большая часть юридически зарегистрированных некоммерческих организаций прекращает свою деятельность [9, с. 53].

Возможность выбора источника финансирования для НКО очень условна, так как она в значительной мере зависит от организационно-правовой формы и статуса организации. Например, деятельность целевых фондов ограничена частными пожертвованиями, общественных организаций – членскими взносами, социально ориентированные НКО (СО НКО) имеют право на получение гарантированных бюджетных субсидий независимо от организационно-правовой формы. В данной работе более подробно рассмотрим финансовую составляющую СО НКО на примере Вологодской области.

Статистическое наблюдение за деятельностью СО НКО в Вологодской области проводится с 2014 г. на основе формы, утвержденной Росстатом в 2013 г. Объем денежных средств СО НКО в рассматриваемом периоде формировался главным образом за счет доходов от реализации товаров, работ и услуг, имущественных прав, целевых поступлений, пожертвований от коммерческих организаций, поступлений, пожертвований, грантов от физических лиц, бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов (табл. 2).

Подводя итог анализу финансовых поступлений, мы видим, что основную часть выручки СО НКО получают от реализации своих товаров и услуг (50,6%), стимулируя тем самым совокупный спрос и увеличивая совокупное предложение. При этом они работают в нишах, которые при естественном положении дел на свободном и конкурентном рынке не заинтересовали бы коммерческий сектор, поскольку дают слишком маленькие нормы прибыли.

В основном деятельность некоммерческих организаций реализуется в сфере социальной политики и направлена улучшение качества жизни населения. Так, в Вологодской области в 2014 - 2015 гг. большая часть таких организаций работала в сфере образования и науки, улучшения морально-психологического состояния граждан и духовного развития личности, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья, культуры и искусства. В меньшей степени задействованы следующие направления социально ориентированной

Таблица 2. Структура объемов формирования денежных средств социально ориентированных некоммерческих организаций Вологодской области в 2014–2015 гг., % к общей сумме поступлений

Вид поступлений	В % к общей сумме поступлений	
	2014 г.	2015 г.
Всего поступило	100	100
В том числе:	7,8	11,2
Из бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов		
Целевые поступления (вкл. пожертвования), гранты от НКО	2,4	1,4
Целевые поступления (вкл. пожертвования), гранты от российских физических лиц	8,9	9,5
Целевые поступления (вкл. пожертвования) от российских коммерческих организаций	27,3	21
Доходы (выручка) от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав (кроме доходов от целевого капитала)	46,7	50,6
Внереализационные доходы (кроме доходов от целевого капитала)	3,3	1,9
Прочие поступления	3,6	4,4

Источник: Вологдастат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vologdastat.gks.ru>

деятельности (в строке иные виды деятельности): охрана и содержание объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, поддержка общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения, детских и молодежных организаций, проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков защитников Отечества, участие в профилактике и тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов [1] (табл. 3).

В 2015 году в Вологодской области социальные услуги от НКО получили более 208 тыс. чел., а благотворительную помощь в денежной форме более 56 тыс. чел. В целом по России за тот же год свыше 26 млн человек получили от НКО социальные услуги, около 8 млн человек – благотворительную помощь [3]. По данным экспертов, услугами НКО при решении различного рода социальных проблем пользуется около 15% населения страны, то есть более 20 млн человек [5, с. 38].

При рассмотрении социально-экономических процессов нельзя не отметить вклад некоммерческого сектора в обеспечение занятости и самозанятости населения. С точки зрения занятости по своим функциям некоммерческий сектор во многом схож с малым бизнесом, однако он дополнительно обеспечивает социально-психологическую поддержку своих сотрудников и добровольцев, более активен в вовлечении в экономическую деятельность социально уязвимой части населения [8].

Существующая система статистики позволяет оценить занятость населения в некоммерческом секторе по формам собственности, в общественных и религиозных организациях (объединениях) трудятся 298 тыс. человек, или 0,4% от общей численности занятых в 2014 г. По сравнению с 1990 г. этот показатель снизился в 2 раза (табл. 4). Для сравнения: в государствах Западной Европы и Северной Америки число занятых в организациях этого сектора составляет 6–7%.

Таблица 3. Распределение социально ориентированных некоммерческих организаций по видам деятельности Вологодской области в 2014–2015 гг., единиц

Направления деятельности СО НКО	Количество СО НКО, указавших вид деятельности, единиц	
	2014 г.	2015 г.
Профилактика социального сиротства, поддержка материнства, детства	268	212
Повышение качества жизни людей пожилого возраста	287	227
Социальная адаптация инвалидов и их семей	289	227
Социальная поддержка и защита граждан	391	349
Подготовка населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций, помощь пострадавшим от стихийных бедствий, иных катастроф	179	158
Оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам, правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина	118	167
Благотворительная деятельность	218	367
Содействие благотворительной деятельности	163	
Деятельность в области добровольчества	166	156
Деятельность в области образования, просвещения, науки, содействие такой деятельности	831	817
Деятельность в области культуры и искусства, содействие такой деятельности	680	668
Деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, содействие такой деятельности	693	695
Деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического, духовно-нравственного воспитания граждан РФ	568	525
Деятельность в области улучшения морально-психологического состояния граждан и духовного развития личности, содействие такой деятельности	700	689
Деятельность в области физической культуры и спорта	501	548
Развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языка и традиций народов РФ	253	260
Антикоррупционная деятельность	238	237
Иные виды деятельности	1027	809
Одна организация может осуществлять один или несколько видов деятельности.		
Источник: Вологдастат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vologdastat.gks.ru		

Однако представленные данные по формам собственности не учитывают работающие в таком статусе социально ориентированные некоммерческие организации, статистика по ним ведется отдельно. Так, число официально работающих в таких организациях к концу 2015 г. составило 991 тыс. человек, или около 1,3% экономически активного населения страны. Также увеличилось количество волонтеров и добровольцев, помогающих НКО в работе – их количество с 2011 г. увеличилось с 1147 тыс. до 2493 тыс. человек в 2015 г. [7]. В Вологодской области на 2014 г. средняя численность работников – 9265 человек, средняя численность добровольцев – 28612 человек.

Таким образом, развитие некоммерческого сектора оказывает позитивное влияние на состояние рынка труда в результате создания новых рабочих мест, увеличения за счет

**Таблица 4. Динамика среднегодовой численности занятых
в некоммерческом секторе по формам собственности (1990–2014 гг.)**

Показатель	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
Всего в экономике	75325	64517	66683	67493	67813
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	630	526	402	319	298
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений), %	0,8	0,8	0,6	0,5	0,4
Источник: Российский статистический ежегодник; составлено автором.					

этого спроса на рабочую силу. НКО открывают вакансии для социально уязвимых слоев населения: пенсионеров, инвалидов, женщин с детьми и др., привлекают в свои ряды добровольцев, при этом обеспечивая самозанятость населения. Опираясь на опыт развитых стран и статистические данные, можно предположить, что в ближайшем будущем по мере стабилизации экономики спрос на рабочую силу в некоммерческом секторе в России будет только расти.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что российский некоммерческий сектор в современных условиях является активным участником экономического процесса. Из явления общественной жизни становится реальным фактором социально-экономического развития. Деятельность НКО помогает улучшить показатели решения социальных проблем, качества жизни населения, повышая тем самым эффективность экономики и обеспечивая более высокие темпы экономического роста. Тем не менее уровень развития данного сектора в России и развитых странах является пока несопоставимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций Вологодской области в 2015 году / Тер. орган фед. службы гос. статистики: Вологдастат. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru>
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru>
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru>
4. Либоракина, М. И. Некоммерческий сектор: международный опыт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/foreign_experience/document115.shtml (дата обращения 03.05.2017).
5. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России [Текст] // Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. – 2016. – №5. – С. 37-48.
6. О некоммерческих организациях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (действующая редакция, 2016) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»

7. Основные сведения о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций по Российской Федерации за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state
8. Руденко, В. И., Руденко, К. А. Некоммерческие организации в системе национальных счетов [Текст] / В.И. Руденко, К.А. Руденко // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2010. – № 1 – С. 67-70.
9. Соколов, А. В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России [Текст] / А.В. Соколов// Власть. – 2015. – № 6. – С. 52-57.
10. Хромова, М. Н. О применении льготы по НДС организациями, использующими труд инвалидов / Налоговый вестник [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.nalvest.ru/nv-articles/detail.php?ID=26185> (дата обращения: 10.05.2017)

Реиндустриализация экономики непризнанного государства: имплементация мирового опыта

Аннотация. Реиндустриализация экономики стоит на повестке дня всех промышленно развитых государств и особенно для молодых территориальных образований. В статье рассмотрены теоретические подходы к пониманию индустриализации и производных от нее. Предложены приоритетные направления реиндустриализации экономики Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: реиндустриализация, деиндустриализация, экономика, промышленность, государственное регулирование.

Понятие «реиндустриализация» в практику государственного регулирования экономики вошло сравнительно недавно. Существует несколько трактовок данного понятия, и, прежде чем раскрыть его сущность и возможности применения к условиям формирующегося государства, необходимо рассмотреть явление, которое его породило, а также его антиподы. В первую очередь это касается таких явлений, как индустриализация и деиндустриализация.

Первая промышленная революция, названная Великой индустриальной революцией, началась во второй половине 18 – начале 19 века в Великобритании. Основной ее чертой являлась индустриализация, под которой понимается процесс создания крупного машинного производства в экономике или в отдельно взятой отрасли. В результате промышленной революции крупное машинное производство пришло на смену мануфактуре, господствовавшей в доиндустриальную эпоху. Главное изменение заключалось в масштабной замене ручного труда на машинный, что оказало сильное влияние на сельскохозяйственный сектор экономики и транспорт. Первый стал основным поставщиком сырья для промышленного сектора, одновременно наращивая потребление машин, механизмов, удобрений и промышленных товаров. Второй, в виде железнодорожного транспорта, стал основным способом перемещения товаров к местам потребления, а его развитие опиралось на рост производства металла и топлива.

Существуют различные теории, выделяющие основные причины, запустившие процессы индустриализации. Одна из самых распространенных теорий связана с развитием металлургии в Великобритании, где на смену древесному углю пришел каменноугольный кокс, что позволило расширить линейку производимой металлургической продукции. Увеличение продукции металлургии позволило увеличить число машин, нашедших свое применение в различных отраслях промышленности, что, в свою очередь, стимулировало рост потребности в металле. Изобретение парового двигателя и применение его на железнодорожном и морском транспорте только усилило процессы развития металлур-

¹ Котов Евгений Валериевич (Донецкая Народная Республика, г. Донецк) – к.э.н., и.о. директора, Донецкий научный центр.

гической промышленности. Источник финансирования индустриализации сместился с вывоза капитала из колоний на внутренние накопления в металлургической промышленности за счет роста объемов производства.

Не менее распространена теория, что первая промышленная революция произошла благодаря переводу на машинную базу легкой промышленности. Автором данной теории является Фернан Бродель, который утверждал, что индустриализация была запущена благодаря резко возросшему спросу на продукцию из хлопка. С целью удовлетворения спроса населения на хлопковые ткани стала развиваться текстильная промышленность. Накопленные средства в результате «текстильной революции» преопределили революцию в металлургической промышленности [2, с. 369]. Тому, что легкая (текстильная) промышленность стала причиной индустриализации Великобритании, способствовало несколько причин: высокая потребность в ее продукции у населения; требует сравнительно небольшой объем авансированного капитала; позволяет получать быструю прибыль.

Альтернативную ранее названную версию выдвигает Грегори Кларк. В своем исследовании [3] он утверждает, что толчком для первой индустриализации, начавшейся в Великобритании, стал рост знаний среди социальных классов, не относящихся к классу богатых². Рост знаний произошел благодаря войнам (англо-испанской и наполеоновским) и эпидемиям среди населения. Они обусловили высокий уровень смертности среди бедняков и масштабное обеднение зажиточных классов. Последние, имевшие в то время высокий уровень образования, «перетекали» в низшие классы вместе со своими знаниями. В результате прослойка образованного населения значительно увеличилась, что дало толчок для технико-технологических инноваций и в конце концов привело к индустриализации страны.

Несмотря на кажущиеся различия между вышеприведенными теориями, объясняющими причины индустриализации, есть один элемент, который их объединяет: во всех трех теориях главным фактором индустриализации стал значительный рост знаний у населения. Благодаря повышению уровня знаний у большей части населения общество было готово не только к использованию инноваций в широких масштабах, но и к их воспроизводству. Для поддержки процессов индустриализации экономики страны постепенно перешли к предоставлению человеку обязательного уровня образования – среднего уровня образования.

Вторым общим элементом вышеназванных теорий, становящимся важным для индустриализации только после реализации первого, является необходимый объем накопленных (наличие достаточного капитала). Как показывает история, накопления, необходимые для проведения индустриализации, осуществлялись за счет внешних (вывоз капитала из стран-колоний) источников, а затем на определенном этапе развития промышленности подключались внутренние (внутренние накопления в передовом производстве).

В развивающихся странах аккумуляция необходимого для осуществления индустриализации объема капитала в различных странах осуществлялось по двум схемам:

² Это самая оригинальная из существующих теорий возникновения первой индустриализации. Впервые причины индустриального развития были связаны не с научно-техническим прогрессом или инвестициями, а обусловлены гуманитарными факторами.

1. Накопление капитала осуществлялось созданием инфраструктуры и расширением существующих экспортных отраслей в сельском хозяйстве и добывающей промышленности, форсированным развитием легкой промышленности и мелкого производства (малого предпринимательства), обеспечивающего рост товарного производства и решение проблем занятости.

2. В развивающихся странах, располагающих богатыми природными ресурсами (например, Египет, Индия), обладающих большой емкостью внутреннего рынка и необходимым минимумом валютных средств, индустриализацию начинали с создания тяжелой промышленности, в т. ч. машиностроения.

Для развивающихся стран главным источником накоплений становилась мобилизация собственных ресурсов. Для этого расширялся государственный сектор экономики, вводилась прогрессивная шкала налогообложения доходов граждан, наиболее полное использование имеющихся производственных мощностей и вовлечение в производство незанятой рабочей силы.

Из внешних источников финансирования индустриализации развивающиеся страны использовали займы и кредиты. Однако в этом случае возникал конфликт интересов заемщика и кредитора. Государство, вставшее на путь индустриализации, стремится с ее помощью решить социальные проблемы, обеспечить экономическое развитие и политическую независимость. Кредитор, обычно это развитые капиталистические страны или их наднациональные валютные и финансовые институты, наоборот, стремится упрочить свое экономическое и политическое лидерство в мире, в том числе и в стране-заемщике. Несмотря на разновекторность интересов, внешние кредиты и займы для развивающихся стран все же остаются наиболее важным источником финансирования индустриализации, вследствие того что многие из них не обладают в достаточной степени собственными ресурсами.

В середине двадцатого века социологи стали предсказывать наступление постиндустриального общества, в котором экономическая деятельность определяется не материальным производством, а сосредоточена на предоставлении услуг. В связи с этим доля занятых в промышленности и вклад промышленности в ВВП будут неуклонно снижаться. Это явление, реализованное на практике, было названо деиндустриализацией и стало предметом многочисленных исследований. До кризиса 2008 г. интерес к этому явлению был слабым, поскольку преобладало мнение, что деиндустриализация – побочный продукт успешного экономического развития. Интерес в исследовании данного явления появился лишь тогда, когда вначале в развитых, а затем и в развивающихся странах стали возникать серьезные социально-экономические проблемы, такие как углубляющееся неравенство в доходах, рост безработицы и падение уровня жизни населения.

Изначально причинами деиндустриализации называли резкий рост производительности труда в промышленности, позволяющий выпускать больше продукции при меньшей занятости, и рост благосостояния населения, что переориентировало потребности населения в сторону сферы услуг. Однако уже с 80-х годов прошлого века основной причиной была названа глобализация, которая предоставила развитым странам возможность переводить низкоквалифицированные производства в низкооплачиваемые регионы мировой экономики.

Наука сгенерировала три основных объяснения деиндустриализации:

1. Несбалансированный рост производительности труда в перерабатывающей промышленности. Впервые этот фактор был выделен Колином Кларком в его классической работе, посвященной взаимосвязи между экономическим развитием и структурой занятости [4]. Он, с помощью статистики, обосновывал, что рост производительности труда, выражающийся в увеличении выпуска продукции на одного работника, оказывает непосредственное влияние на снижение спроса на рабочую силу в промышленности. Несбалансированность связана с тем, что в промышленности, где используются стандартизированные повторяющиеся процессы, производительность труда возможно повысить за счет автоматизации и механизации труда, тогда как в сфере услуг это сделать труднее.

Однако в 2005 г. Вильям Нордхауз в своей работе [7], где он рассмотрел 67 подсекторов американской экономики с 1942 по 2001 гг., поставил под сомнение данный фактор. В своем исследовании он делает вывод, что в производственном секторе рост производительности не обязательно приводит к снижению занятости. Наоборот, рост производительности труда в промышленности стимулирует увеличение занятости ввиду того, что международная конкуренция приводит к снижению цен на промышленные товары и росту спроса на них. Поэтому сокращение рабочих мест в высокопроизводительном секторе приводит к их появлению в секторах, спрос на продукцию которых растет вследствие снижения цены.

2. Рост доходов на душу населения, что изменяет потребительский спрос. Влияние данного фактора на деиндустриализацию состоит в том, что с ростом благосостояния население переориентирует свой спрос с промышленных товаров в сторону услуг. В науке это явление получило название закон Энгеля. Немецкий ученый Эрнст Энгель доказал, что чем беднее семья, тем больше доля расходов, потраченных на еду. Колин Кларк развил его теорию и, основываясь на межнациональных статистических данных, доказал, что по мере увеличения реального дохода на душу населения спрос на сельскохозяйственную продукцию устойчиво падает, а на промышленную – вначале растет, а затем снижается в пользу услуг. В 1976 г. Даниел Белл, говоря о постиндустриальном обществе, отмечал в качестве одной из основных характеристик данного общества – смещение акцентов населения с промышленных товаров на приобретение услуг, которое происходит в том числе и по причине роста доходов на душу населения [1]. Корреляция между растущим достатком и спросом на услуги логична и вызвана тем, что промтовары имеют долгосрочный период использования, а услуги более эфемерны и их можно приобретать повторно без существенного уменьшения полезности.

Выявленная зависимость предпочтений населения от уровня их дохода нивелирует значение выводов Вильяма Нордхауза о том, что рост производительности труда в промышленности стимулирует увеличение занятости вследствие снижения цен на промышленные товары и роста спроса на них. Следовательно, если темпы снижения спроса на промышленные товары со стороны населения будут выше темпов снижения цен на промышленные товары, обусловленные ростом производительности труда, то данная зависимость будет стимулировать процессы деиндустриализации в стране.

3. Глобализация³. В 80-х годах прошлого века индустриальной эпохи классическое международное разделение труда, при котором одни страны специализировались на добыче сырья, а другие на его переработке, уступило место новому международному разделению труда. Развитые страны, стремясь сократить производственные затраты, стали выводить трудоемкие производства в низкооплачиваемые регионы мировой экономики. Информационная революция способствовала этому процессу, значительно уменьшив географические барьеры. Развитые страны сосредоточились на стратегическом управлении, разработке продукта, маркетинге и финансах. В результате глобализации эти страны получили следующую пропорцию в обрабатывающем секторе промышленности: на каждое созданное рабочее место четыре исчезли [6].

К. Колмейер в своем исследовании делает вывод, что деиндустриализация не обязательно выражается в сокращении объемов производства. Если производительность труда растет, то деиндустриализация может произойти, даже когда объем производства вырос или не уменьшился. Поэтому в качестве главного показателя, отражающего степень деиндустриализации страны, он предлагает использовать уровень занятости в перерабатывающей промышленности [6]. Тем не менее в научной среде пока скептически относятся к тому, что критерием деиндустриализации может быть лишь один показатель. Авторы ранее приведенных исследований в качестве индикаторов деиндустриализации наряду с показателем занятых в перерабатывающей промышленности считают целесообразным использовать показатель доли перерабатывающей промышленности в ВВП страны.

Кризис 2008 г. показал, что деиндустриализация – это не естественный процесс, а признак тотального игнорирования в экономике промышленного сектора. Впервые о необходимости проведения новой промышленной политики как гарантии страхования экономических рисков в случае сбоев рыночной политики заявил D. Rodrik [8]. Он подчеркнул зависимость экономического роста от уровня развития промышленности. Обеспечение приоритетности промышленной политики в общей экономической политике государства вначале в развитых, а затем и в развивающихся странах, стали называть «реиндустриализацией».

В Европейском Союзе была начата работа над общей стратегией развития промышленного комплекса. В 2014 г. официально было заявлено о важности реиндустриализации промышленности для экономического роста и повышения конкурентоспособности [5]. Именно через реиндустриализацию должен был произойти ренессанс европейского промышленного комплекса, что и было отражено в названии нормативного правового документа.

В Европейском Союзе используют термин «реиндустриализация», понимая под ней повторную индустриализацию [9]. В США применяется термин «re-shoring» (решоринг), под которым понимается процесс возвращения производств в страну, из которой они

³ В данном случае под глобализацией понимается развитие торговли «Север-Юг». В известном исследовании Кристофера Коллмейера наглядно показывается, что торговля «Север-Север» увеличивает индустриальный потенциал торговых партнеров, а вот торговля «Север-Юг» среди причин, обуславливающих деиндустриализацию, заняла в странах ОЭСР – 24%, а в США – более 30% [6].

были ранее выведены с целью снизить затраты на заработную плату и природные ресурсы, а также экологические издержки. Как видим, разница в содержании существенная: реиндустриализация по-европейски – это все та же индустриализация, но на новом технико-технологическом уровне, а решоринг по-американски – возвращение ранее выведенных производств независимо от уровня их технологичности. В связи с этим для экономик формирующихся государств реиндустриализация является более предпочтительным явлением, поскольку не только позволяет повышать технологический уровень производства, но и кардинально меняет организацию способа производства.

Важнейшей задачей для экономики Донецкой Народной Республики (ДНР) в целом и промышленного комплекса в частности является остановка процессов деградации производственной базы, примитивизации производственных процессов, структуры и состава выпускаемой продукции. Поскольку запустить процессы реиндустриализации во всех секторах экономики невозможно по причине отсутствия достаточных для этого ресурсов, в условиях территориально-ресурсной неопределенности целесообразно выделить набор приоритетов (отраслевых, видов промышленной деятельности, территориальных, технологических и т. п.), на реализации которых максимально сконцентрировать имеющиеся у государства возможности. К таким приоритетам следует отнести интеграцию науки, образования и производства в единый научно-технологический комплекс; поддержку технологий, обеспечивающих производство новой продукции в традиционных для Донбасса отраслях, в том числе путем использования наработок поздней советской науки; поддержку производств, обеспечивающих быстрое повышение производительности труда, развитие производственной и социальной инфраструктуры.

В настоящее время, когда экономика республики находится в мобилизационном режиме, основное внимание следует уделять не созданию новых производств и новых секторов, значительно отличающихся от существующих уровней наукоемкости и технологичности, а модернизации традиционных отраслей промышленности, где происходит устаревание знаний, технологий и оборудования. В республике к таким можно отнести добычу угля и металлургию, где уровень эффективности производства уже давно поддерживается не за счет повышения производительности труда, а путем бюджетной поддержки, носящей экстенсивный характер.

Государственная политика реиндустриализации экономики непризнанного государства, находящегося в условиях ограниченных возможностей (ресурсных, внешнеэкономических, кадровых и т. п.), должна предполагать точечное копирование и импорт технологий и оборудования, т. е. с привлечением не самых современных, а только необходимых для экономического развития технологии и оборудования. Стратегическая цель лежит в плоскости создания единого промышленного комплекса, в котором выделяются приоритетные и резервные отрасли и виды производств, создаются институциональные, инфраструктурные, социальные и другие предпосылки для их дальнейшего самостоятельного развития. В этом случае государство создает и поддерживает развитие сети научного, образовательного, инженерного, бытового и других видов обеспечения промышленного производства.

Таким образом, реиндустриализация экономики такого государства начинается с восстановления утраченного потенциала с последующим поэтапным переходом от технологий 3-4 укладов к 5 и частично 6-му укладу. Переход к более высокому технологическому укладу осуществляется не только через введение новых производств, но и через внедрение новых технологий в базовые отрасли, что позволяет производить в этих отраслях новую продукцию из традиционных ресурсов. На стадии становления нового технологического уклада необходимо начинать закладывать условия для точечного развития в экономике технологий 7-го уклада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Издательство «Весь мир», 2008. 552 с.
3. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 544 с.
4. Clark Colin The Conditions of Economic Progress, 3d ed. London: Macmillan & Co. LTD, 1951. 584 p.
5. For a European Industrial Renaissance. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. COM (2014) 14 final, 22.01.2014. 25 p.
6. Kollmeyer Christopher Explaining Deindustrialization: How Affluence, Productivity Growth, and Globalization Diminish Manufacturing Employment // American Journal of Sociology. 2009. Volume 114, Number 6. P. 1644–1674.
7. Nordhaus William The sources of the productivity rebound and the manufacturing employment puzzle. Working paper no. 11354. National Bureau of Economic Research. Cambridge, 2005. 31 p.
8. Rodrik D. Industrial policy; Don't ask why. Ask How // Middle East Development Journal. 2009. № 1(1). P. 1-29.
9. Westkämper Engelbert Towards the Re-Industrialization of Europe: A Concept for Manufacturing for 2030. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2014. 112 p.

Особенности взаимодействия малого и крупного бизнеса

Аннотация. На сегодняшний день в России параллельно взаимодействуют небольшие частные фирмы (малый бизнес) и большие организации в различных своих формах (крупный бизнес). Данные хозяйствующие субъекты имеют ряд преимуществ и недостатков и нуждаются друг в друге. В связи с этим необходимо взаимодействие малого и крупного бизнеса, которое позволит, с одной стороны, использовать положительные черты бизнеса с целью повышения всеобщего экономического благосостояния, а с другой - компенсировать недостатки как малого, так и крупного предприятия, которые негативно сказываются на их деятельности, а следовательно, и на социально-экономическом развитии территорий. Поэтому в статье исследованы теоретические подходы, затрагивающие вопросы форм взаимодействия малого и крупного бизнеса. В статье проанализированы исследования ведущих ученых в области взаимодействия малого и крупного бизнеса. Систематизированы существующие взгляды к данной экономической категории. Выявлены актуальные формы взаимодействия малого и крупного бизнеса. Раскрыта сущность и особенности выявленных форм взаимодействия малого и крупного бизнеса. Основные положения статьи базируются на критическом анализе отечественных и зарубежных литературных источников (монографии, научные статьи). Используются такие общелогические методы и приемы исследования, как анализ, абстрагирование, обобщение, дедуция, аналогия и др. В ходе исследования было выявлено, что разные формы взаимодействия малого и крупного бизнеса имеют свои особенности и, соответственно, отличительные положительные и отрицательные аспекты для обеих сотрудничающих сторон. Также определено, что актуальные формы взаимодействия позволяют малому и крупному бизнесу максимально использовать имеющиеся ресурсы и иметь дополнительную выгоду от осуществления совместных операций на разных стадиях процесса производства, тем самым увеличивая степень конкурентоспособности. Материалы могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, а также всеми интересующимися проблемами развития кооперации. Среди дальнейших направлений исследования по данной тематике можно выделить основные признаки и классификацию форм кооперационных связей при изучении отечественного и зарубежного опыта в области взаимодействия малого и крупного бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, взаимодействие, кооперационные связи, аутсорсинг, франчайзинг, субконтрактация.

Одним из необходимых элементов рыночной экономики, позволяющих решать важные задачи, направленные на социально-экономическое развитие территорий, является малое предпринимательство. Развитие малого бизнеса оказывает большое влияние на воз-

¹ Кузнецова Екатерина Петровна (Россия, г. Вологда) – аспирант, инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

возможности экономического роста регионов и страны в целом, на создание новых дополнительных рабочих мест и уменьшение уровня безработицы, на формирование доходной части бюджета страны и иные показатели экономического и социального развития [8].

Малый бизнес является гибкой, легко адаптирующейся и перестраивающейся структурой, способной быстро реагировать на изменения внешней среды, он способен наиболее эффективно встраиваться в разрушенные производственно-экономические цепи. Однако большая зависимость от уровня цен на сырье, материалов и других издержек производства, административные барьеры, недоступность инфраструктуры значительно сдерживают его развитие.

В решении данных проблем могут помочь крупные предприятия, способные выступать по отношению к субъектам малого бизнеса в роли стратегических партнеров [1]. Взаимовыгодное сотрудничество увеличит степень конкурентоспособности малого и крупного бизнеса.

В связи с этим целью работы является выявление и изучение актуальных форм взаимодействия малого и крупного бизнеса. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать исследования ведущих ученых в данной области;
- систематизировать существующие взгляды относительно данной экономической категории.

Опыт предпринимательских структур зарубежья свидетельствует о том, что эффективное взаимодействие с крупным бизнесом является одним из важнейших источников доходов для малых предприятий, причем крупные объединения не подавляют малый бизнес, а дополняют его, особенно в сфере специализации отдельных производств и инновационных разработках [14]. В свою очередь, взаимодействие для крупных предприятий дает высокотехнологичное эффективное производство.

В Японии и Китае широкое распространение получила кластеризация, когда крупное предприятие размещает заказы на комплектующие на множестве мелких предприятий и сосредоточивает собственные усилия на наиболее ответственных и сложных операциях и технологических процессах. Такое сотрудничество характеризует высокую устойчивость и стабильность малого бизнеса в долгосрочной перспективе [14].

В отечественной экономике взаимодействие малого и крупного бизнеса находится в стадии формирования в силу недостаточного развития рыночных отношений. В Российской Федерации в процессы кооперации в той или иной форме вовлечены порядка 40% субъектов малого бизнеса. Однако степень их распространения существенно различается в зависимости от отраслевой принадлежности предпринимательской структуры [14].

Исследованием процессов и форм взаимодействия малого и крупного бизнеса начали заниматься на рубеже XXI века. Это связано с разукрупнением государственных предприятий промышленности и приватизацией в виде самостоятельных небольших подразделений, объединенных в некоторых случаях единой технологической цепочкой, однако способных в определенной степени существовать самостоятельно [2].

Малые предприятия нуждаются в налаженных производственных отношениях с крупным бизнесом, так называемыми материнскими структурами, и группируются вокруг них. Поэтому в России начали активно развиваться кооперационные связи на производстве.

Производственная кооперация представляет собой самый распространенный вид производственно-технических связей малого и крупного бизнеса. Ее сущность состоит в том, что самостоятельные производители (как объединенные, так и не объединенные единым титулом собственности) в результате осуществления на договорной основе совместной деятельности выпускают продукцию, имеющую строго адресное назначение, либо составляющие элементы конечной продукции [6].

Вопросы выделения форм кооперации малого и крупного бизнеса нашли свое отражение в работах ученых Н.Е. Егоровой [9], М.А. Маренного [11], О.П. Мыльцевой [12], О.Е. Никоновой [13] и т. д. В их исследованиях были выделены следующие формы кооперации: франчайзинг, субконтрактация, лизинг, аутсорсинг, совместное предпринимательство, промышленные кластеры и т. д.

Основываясь на мнениях авторитетных ученых, занимающихся вопросами малого бизнеса, и специалистов-практиков, выделим в качестве основных следующие формы производственной кооперации: аутсорсинг, субконтрактацию, франчайзинг, в качестве прочих форм – бизнес-инкубаторы, толлинг, технопарки, стратегические альянсы малого и крупного бизнеса, кластеры, совместные предприятия.

С помощью кооперации малый и крупный бизнес может максимально эффективно использовать как свой потенциал, так и потенциал сотрудничающего с ним предприятия. Таким образом, целью любой формы кооперации является рост стоимостных параметров деятельности участников кооперации. На современном этапе развития кооперация представляет собой действенный и современный метод, позволяющий предприятиям достичь высокой эффективности производства благодаря рациональному использованию установленных мощностей и более совершенному использованию имеющихся ресурсов [15].

В настоящее время существует множество форм производственной кооперации. Но как показывает практика взаимодействия предприятий и исследования ведущих ученых в данной области, наиболее распространенными из них являются аутсорсинг, субконтрактация и франчайзинг [10].

Развитие данных форм кооперации в России началось в конце 90-х гг. XX в. благодаря иностранным компаниям и было связано с необходимостью внедрения в отечественную экономику новых методов ведения бизнеса.

Аутсорсинг является наиболее эффективной формой взаимодействия крупного и малого бизнеса в современных экономических условиях. Данная форма производственной кооперации дает возможность предприятию увеличить степень своей конкурентоспособности, снизить постоянные расходы, повысить эффективность своей деятельности за счет полной или частичной передачи второстепенных видов бизнеса какому-либо малому предприятию-аутсорсеру [4].

Субконтрактация характеризуется как форма производственной кооперации, в ходе которой одно предприятие (контрактор) дает право другому (субконтрактору) на осу-

ществование изготовления определенной продукции (деталей, комплектующих, НИОКР) в соответствии с предъявленными требованиями. Субконтракция позволяет малому и крупному бизнесу обеспечить высокую эффективность производства благодаря рациональному использованию имеющихся ресурсов [10].

Франчайзинг – одна из форм взаимодействия малого и крупного бизнеса, способствующая выходу на новые рынки, созданию нового бизнеса и т. д. Основная идея данной формы кооперации заключается в создании на базе крупной компании ее собственной внутренней структуры, включающей бизнес-функции, связанные, в большей степени, с передачей нематериальных активов [8].

Исследователями в области аутсорсинга, субконтрактинга и франчайзинга было выявлено, что они важны для стратегически устойчивого развития малого и крупного бизнеса и оказывают влияние на качество роста в экономике в целом.

Производственная кооперация с организационной точки зрения представляет собой контрактно-партнерскую форму сотрудничества бизнеса. С экономической точки зрения производственную кооперацию рассматривают как взаимодействие двух и более предприятий, направленное на получение прямых и косвенных выгод от этого взаимодействия пропорционально вкладу каждого хозяйствующего субъекта в развитие сотрудничества.

При достаточном множестве форм производственной кооперации также целесообразно выделить традиционные формы взаимодействия хозяйствующих субъектов:

- подряд, снабжение (в том числе и взаимодействие с финансовыми структурами и инвесторами), сбыт;
- вертикальная и горизонтальная интеграция (объединение экономических границ двух и более хозяйствующих субъектов под управлением одной структуры).

Данные формы производственной кооперации характеризуются сочетанием централизации и децентрализации (с доминированием первой), наличием отдельных проявлений неравноправия взаимодействующих субъектов, а именно подчинения одного предприятия другому, а также либо чрезмерно высокой, либо чрезмерно низкой зависимостью взаимодействующих хозяйствующих субъектов [3].

Следовательно, в данных формах кооперации, которые построены на преобладании иерархии, степень адаптивности взаимодействующих предприятий к изменению рыночной среды является низкой. Взаимодействие в таких формах производственной кооперации строится преимущественно на краткосрочных договорных отношениях, что может привести к высоким рискам неисполнения договорных обязательств.

На наш взгляд, выделение данных форм кооперации не отражает ее сущности в настоящее время. Дело в том, что данные формы производственной кооперации имеют более высокий уровень транзакционных издержек, а эффект, получаемый от использования форм кооперации, характеризуется краткосрочностью и не формирует накопление синергетического потенциала эффективности производственного взаимодействия.

Также следует отметить, что разные формы производственной кооперации малого и крупного бизнеса имеют свои особенности и, соответственно, отличительные положительные и отрицательные аспекты для обеих сторон кооперации. Кроме того, справед-

ливо предположить, что усиление конкуренции, рост запросов потребителей приводят к поиску новых форм производственной кооперации. Развитие перспективных форм взаимодействия малого и крупного бизнеса в современных условиях заключается в создании новых форм и моделей совместной деятельности, максимально полно учитывающих особенности территориальной локализации взаимодействия разных по величине субъектов экономической деятельности и совместной деятельности малых и крупных предприятий.

В заключение следует сказать, что изучение сущности кооперации недостаточно с позиций выяснения специфических особенностей и той роли, которую оно играет в экономической системе страны и региона. Это объясняет необходимость проведения дополнительных исследований в области кооперационных связей, направленных на изучение форм кооперации, основных показателей, характеризующих роль и влияние малого бизнеса на экономическое развитие территорий. Пути решения данных вопросов будут представлены в дальнейших публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агейкина, М.С. Анализ форм взаимодействия крупного и малого бизнеса / М. С. Агейкина // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 1 (41). – С. 149-151.
2. Базанкова, В.С. Холдинговые структуры: специфика российских компаний / В.С. Базанкова, А.С. Бруслова // Проблемы экономики, финансов и управления производством : сб. науч. тр. вузов России. – Иваново : Изд-во Иван. гос. хим.-технол. ун-та, 2009. – Вып. 26. – С. 13–22.
3. Бараненко, С.П. Современные формы межфирменной кооперации как базис процессов обновления и модернизации предприятий [Электронный ресурс] / С.П. Бараненко, К.Д. Бусыгин // Режим доступа : http://publikacia.net/archive/uploads/pages/2014_7_1/21.pdf
4. Вострецов, А. М. Аутсорсинг как форма взаимодействия малого и крупного бизнеса / А. М. Вострецов, Р. В. Иванов // Академический вестник ТГАМЭУП (Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права). – 2014. – № 1 (27). – С. 273–278.
5. Герчикова, И.Н. Международное межфирменное производственное кооперирование [Текст] / И.Н. Герчикова. – М. : Юнити-Дата, 2010. – 211 с.
6. Герчикова, И.Н. Менеджмент [Текст] / И.Н. Герчикова. – М. : Юнити-Дана, 2010. – 512 с.
7. Гусева, Г.В. Особенности взаимодействия малого и крупного бизнеса в России [Электронный ресурс] / Г.В. Гусева // Режим доступа : <http://bji-bguer.ru>
8. Егорова, Н.Е. Моделирование деятельности предприятия, функционирующего в экономическом симбиозе с крупным промышленным объектом // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.
9. Канакина, В.А. Современные виды кооперации [Текст] / В.А. Канакина // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 275-278.

10. Маренный, М.А. Методы финансового анализа кооперационных взаимодействий малых промышленных предприятий [Электронный ресурс] / М.А. Маренный. – Режим доступа : http://www.cfin.ru/press/afa/2001-3/03_2.shtml
11. Мыльцева, О.П. Дружественные потоки. Инновационный кластер как новая форма интеграции бизнеса [Электронный ресурс] / О.П. Мыльцева. – Режим доступа : <https://creativeconomy.ru/authors/2559>
12. Никонова, О.Е. Взаимодействие малого и крупного предпринимательства: системный подход [Электронный ресурс] / О.Е. Никонова. – Режим доступа : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1656>
13. Омарова, Н.Ю. Взаимодействие крупного и малого предпринимательства: теория и практика [Электронный ресурс] / Н.Ю. Омарова, А.И. Костусенко. – Режим доступа : <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=123>
14. Петрищева, И.В. Промышленная кооперация в контексте взаимодействия малых и крупных предприятий: сущность и формы [Электронный ресурс] / И.В. Петрищева // Режим доступа : www.gramota.net/materials/1/2011/1/55.html

Направления развития международного сотрудничества территорий в инновационной сфере

Аннотация. В исследовании выделены направления (аспекты) международного сотрудничества территорий в инновационной деятельности. Проанализированы показатели официальной статистики, характеризующие развитие выявленных направлений. Сделаны выводы о существующих потребностях регионов в данной сфере.

Ключевые слова: государственное управление, инновационная деятельность, международное сотрудничество.

Анализ международного сотрудничества территорий в инновационной сфере позволяет получать информацию о развитии в регионах его аспектов, касающихся осуществления международных проектов НИОКР, экспорта и импорта технологий, коммерциализации результатов инновационной деятельности и привлечения финансовых ресурсов. Возможности для выполнения подобных исследований предоставляет наличие в официальной статистике соответствующих данных. Разработанная в наших исследованиях типология территорий позволила выделить наиболее многочисленную и в то же время проблемную группу субъектов РФ с низким уровнем развития международного сотрудничества в инновационной сфере [3]. Территориями – типичными представителями соответствующей группы являются регионы Северо-Западного федерального округа (СЗФО). В связи с этим особенности практического осуществления международного сотрудничества регионов в инновационной деятельности представим на материалах данных регионов (2006 – 2015 гг.).

Первый аспект международного сотрудничества определяется участием организаций в совместных НИОКР с зарубежными странами. Соответствующий индикатор дает возможность получить представление о степени участия регионов в международных проектах в сфере НИОКР.

В последние годы, в сравнении со среднероссийским уровнем, в большинстве регионов округа участие в международных проектах в сфере НИОКР являлось низкоактивным. Сопоставимые со среднероссийским уровнем позиции занимали только три региона, в том числе г. Санкт-Петербург, который, однако, характеризуется более высоким уровнем развития инновационной деятельности, большими возможностями привлечения ресурсов, более высокой концентрацией научно-исследовательских и образовательных учреждений, выгодным географическим положением и т. д. Тем не менее выгодные начальные условия не гарантируют автоматического достижения положительных результатов, поскольку, например, в Калининградской области за последние годы наилучший достигнутый результат выражался в 1 проекте НИОКР в расчете на 1 тыс. предприятий и орга-

¹ Кузьмин Илья Владимирович (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

низаций. В Мурманской области степень участия в международных проектах снижалась, в Архангельской области в последние годы намечался тренд снижения международной кооперации [1; 4].

Следует отметить, что на фоне остальных регионов более высокие позиции занимали Республика Карелия и Новгородская область, уровень развития сотрудничества в которых показывал рост за рассматриваемый период в размере 6,5 ед. и 5,4 ед. соответственно, что являлось лучшими результатами в округе. Вологодская область занимала низкие позиции по уровню развития сотрудничества. Например, в 2013 г. регион находился на предпоследнем месте, опережая только Псковскую область, где в последние годы не было реализовано ни одного международного проекта в сфере НИОКР.

Таким образом, можно заключить, что международное сотрудничество регионов СЗФО по проектам в сфере НИОКР в целом развито достаточно слабо.

Следующим показателем, отражающим один из аспектов международного сотрудничества, является экспорт технологий по соглашениям с зарубежными странами. Данный показатель призван дать характеристику степени предоставления регионом инновационных услуг международного уровня.

Согласно данным статистики, в двух регионах СЗФО – Республике Коми и Псковской области – сотрудничество по данному направлению экспорта практически не осуществлялось. Еще в двух регионах, в том числе в Вологодской области, оно являлось ограниченным. В Архангельской области уровень экспорта ежегодно снижался и в разы уступал среднероссийскому значению. Подобная ситуация свидетельствует о том, что половина регионов практически не предлагает рынку инновационных технологий международного уровня. При этом необходимо отметить, что, в соответствии с данными статистики, в остальных регионах округа сотрудничество все же осуществлялось и даже развивалось, поскольку в трех регионах соответствующий показатель ежегодно увеличивался, а в двух других также показал рост. Также в двух регионах показатель ежегодно существенно превосходил среднероссийский уровень. На общем фоне исключение составляют Калининградская и Мурманская области, где уровень экспорта был выше, чем в остальных регионах. В соответствии с проведенным анализом инновационной деятельности на региональном уровне, а также расчетами индексов международного сотрудничества, можно говорить о том, что в сравнении с другими субъектами РФ результаты инновационной деятельности в данных регионах по отдельным направлениям позволяли приближаться к переходу на следующий уровень развития в международном сотрудничестве. Это свидетельствует о том, что регионы получают преимущества от международного сотрудничества и обладают потенциалом экспорта технологий, что сглаживает негативные стороны более высокого объема экспорта [1; 4].

Таким образом, можно заключить, что сотрудничество регионов по направлению экспорта технологий развито ограниченно, однако потенциал его активизации существует во многих регионах округа.

Другим статистическим показателем, характеризующим обсуждаемую составляющую международного сотрудничества в инновационной деятельности, является показатель

импорта технологий по соглашениям с зарубежными странами. Его значение заключается в отображении степени получения регионом инновационных технологий международного уровня.

Сотрудничество по направлению импорта технологий осуществлялось на всех рассматриваемых территориях. При этом можно выделить несколько групп регионов. К первой группе относятся Псковская область и Республика Карелия, в которых данное направление отсутствовало в некоторых годах, показало снижение и в целом характеризовалось низкой степенью активности в сравнении с другими регионами СЗФО и общим показателем по РФ. В случае Республики Карелия можно говорить о том, что регион был в несколько большей мере ориентирован на импорт технологий, однако в целом международное сотрудничество как по направлению экспорта, так и по направлению импорта в регионе было развито незначительно. В Псковской области наблюдалась схожая ситуация, однако в силу единичности проявления сотрудничества говорить о его наличии представляется затруднительным [1; 4].

К следующей группе относятся три региона, в которых сотрудничество по направлению импорта технологий в сопоставлении с другими регионами СЗФО и РФ в целом также характеризовалось низким уровнем, однако ежегодно велось и, в случае Вологодской области и Калининградской области, развивалось. В соответствии с представленными данными Вологодская область с точки зрения технологического обмена являлась ориентированной на импорт, что в целом представляет собой отрицательный результат и предполагает поиск путей изменения подобной ситуации. Мурманская область и Калининградская область являлись регионами, приближающимися к отходу от ориентации на импорт технологий.

Остальные регионы формируют третью группу, характеризующуюся высоким объемом импорта технологий. Во всех регионах данной группы импорт технологий возрастал, в Архангельской области и г. Санкт-Петербурге ежегодно. Отрицательной стороной данного положения дел является значительное превосходство импорта данных регионов над экспортом, при котором необходимым представляется реализация мер по преодолению импортной зависимости. Данная негативная ситуация несколько сглаживалась только в г. Санкт-Петербурге, где индекс международного сотрудничества в инновационной деятельности находился на уровне «высокий», за счет чего регион получал преимущества по ряду других направлений сотрудничества и частично компенсировал зависимость от импорта.

В соответствии с разработанной типологией минимум восемь из десяти регионов округа относятся к проблемным. В большинстве регионов преимущества от международного сотрудничества ограничены и существует угроза снижения инновационной активности и утраты имеющегося потенциала. В связи с этим на региональном уровне возникает необходимость в реализации таких первоочередных мер, как реструктуризация импорта технологий, повышение доли более выгодных направлений импорта в общем объеме импорта технологий, развитие собственных технологий по направлениям, по которым регионами ведется импорт, развитие технологий по выгодным для регионов

направлениям экспорта, а также развитие всех видов международного сотрудничества в целом. При этом в большинстве регионов уже существует задел для освоения привлекаемых технологий, в Калининградской области и Мурманской области – задел для развития отдельных видов собственных технологий, и в отношении практически каждого региона другие субъекты РФ способны реализовывать стратегию переноса технологий, что является положительным аспектом и свидетельствует о существующем потенциале развития инновационной кооперации регионов.

Четвертым показателем, характеризующим развитие международного сотрудничества и отражающим его аспект, связанный с коммерциализацией результатов инновационной деятельности, выступает реализация инновационной продукции на зарубежных рынках. Данный индикатор призван отображать степень поставки регионом инновационной продукции международного уровня.

Все регионы, кроме Новгородской области, в последние годы поставляли значительно меньше инновационной продукции международного уровня по сравнению со средним показателем, достигнутым по РФ. В нескольких регионах округа, в том числе в Республике Коми, Вологодской области, Архангельской области, Ленинградской области, в отдельные годы рассматриваемый показатель приближался к общероссийскому уровню и в некоторых случаях превышал его, однако в целом по объемам реализации инновационной продукции регионы уступали средним значениям по РФ более чем в три раза. Разрыв с общероссийским уровнем в пяти регионах округа составлял более десяти раз. В четырех из них, а также в одном из регионов-лидеров по данному показателю реализация инновационной продукции за последние годы серьезно сократилась (в трех до близкого к нулю значения). Ежегодно данное направление сотрудничества развивалось только в двух регионах [1; 4].

Можно заключить, что сотрудничество регионов по направлению реализации инновационной продукции международного уровня в целом требует дальнейшего развития. Проведенный анализ инновационной деятельности в регионе свидетельствует о том, что, несмотря на невысокие темпы, наращивается производство инновационных товаров, работ, услуг, что создает предпосылки для разработки соответствующих мер по увеличению их реализации.

К аспекту международного сотрудничества, который, наряду с реализацией инновационной продукции, охватывает привлечение финансовых ресурсов, относятся затраты на технологические инновации и прямые инвестиции по направлению научные исследования и разработки из средств зарубежных партнеров. Данный индикатор показывает степень привлечения регионом дополнительных ресурсов на осуществление инновационной деятельности из-за границы.

Более половины регионов округа практически не осуществляли сотрудничество по данному направлению. Только в трех регионах сотрудничество велось ежегодно, причем, как представляется, о его относительно последовательном осуществлении можно говорить только в случае Калининградской области. При этом в данном регионе за последние годы рассматриваемый показатель ежегодно сокращался. В остальных регионах значение

показателя, во-первых, уступало среднероссийскому, во-вторых, характеризовалось резкими изменениями [1; 4].

В то же время данное направление сотрудничества, при условии реализации региональными органами власти и управления мер, направленных на получение их территориями преимуществ от международного сотрудничества, очевидно способно вносить значительный вклад в повышение инновационной активности в регионах за счет привлечения дополнительных ресурсов, используемых в инновационной деятельности. Однако здесь, в дополнение к вышеуказанному условию, необходимо учитывать, что меры по активизации международного сотрудничества, в частности по обсуждаемому направлению, должны реализовываться в сочетании с региональными мерами развития инновационной деятельности. Это означает, что привлекаемые вспомогательные ресурсы должны быть «комплементарными» и использоваться в целях достижения синергетического эффекта, однако не выступать одним из основных источников затрат.

Результаты исследования данных опросов региональных инновационных предприятий [2] в целом подтверждают заключения, которые были сделаны в ходе изучения статистической информации, позволяющей рассмотреть развитие международного сотрудничества в инновационной сфере по разработанному авторскому инструментарию [3]. Исследуемые вопросы в большинстве регионов являются проблемными. Международное сотрудничество регионов в инновационной деятельности характеризуется низким уровнем развития. Выгодного географического положения территорий недостаточно для развития инновационной кооперации. Требуются системные меры по ее развитию, что может обеспечить только последовательная региональная инновационная политика. Препятствующие факторы должны быть учтены при разработке механизмов стимулирования инновационной деятельности в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики – Режим доступа : <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>. – Дата обращения: 01.05.2017.
2. Кузьмин, И.В. Международное сотрудничество региона в инновационной деятельности: направления, стимулы, барьеры [Электронный ресурс] / И.В. Кузьмин // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 6. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1510>. – Дата обращения: 01.05.2017.
3. Кузьмин, И.В. Методика оценки международного сотрудничества регионов в инновационной деятельности [Текст] / И.В. Кузьмин, Е.С. Губанова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 1 (81). – С. 189-201.
4. Официальный веб-сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>. – Дата обращения: 01.05.2017.

Направления повышения привлекательности внутреннего туризма региона

Аннотация. Туризм является перспективной и динамично развивающейся отраслью мирового хозяйства. Среди видов туризма особое значение для экономики региона приобретает внутренний туризм, предполагающий путешествие граждан в пределах границ страны (региона). В Российской Федерации в отличие от зарубежных стран, таких как Китай, США, Италия, данное направление развито слабо. Автором определены направления, повышающие привлекательность внутреннего туризма в регионе.

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, непродовольственная сфера, экономика.

Туризм является отраслью, которая оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие территорий. Данный вид народнохозяйственной деятельности характеризуется мультипликативным эффектом, генерируя образование доходов в смежных отраслях экономики. Начиная с 2009 года туризм демонстрирует стабильные темпы роста основных показателей, несмотря на неустойчивую ситуацию в мировой экономике. По данным Всемирной туристской организации, рост международного туризма в общем объеме экспорта услуг и товаров в 2015 году составил 6-7%, что заметно превышает прогресс других отраслей мировой экономики, показавших средний рост в 2,8%. По итогам 2015 г. его доля в мировом валовом внутреннем продукте составила 9,8%, или 7,6 трлн долларов, что обеспечило ему 4-е место по уровню дохода после горнодобывающей промышленности, финансовых услуг и розничной торговли [5].

Среди видов туризма особое значение приобретает внутренний туризм как источник финансовых поступлений, а также как фактор повышения социального капитала территории, обеспечивая восстановление психофизиологических ресурсов общества. В регионах России, несмотря на их высокий туристический потенциал, данное направление развито слабо. Анализ трудов отечественных и зарубежных авторов [2; 3; 4] показал, что направления повышения привлекательности данного сегмента туристского рынка освещены не в полной мере. Это обусловило выбор цели исследования, достижение которой требует решения таких задач, как определение состояния развития внутреннего туризма региона, разработка направлений повышения его привлекательности.

Анализ опыта зарубежных стран показал, что внутренний туризм является доходной отраслью экономики (табл. 1). Например, в США, Китае, Германии он обеспечивает до 80% денежных поступлений в структуре видов туризма.

В Российской Федерации данное направление развито слабо. Одной из характерных особенностей функционирования отечественного туристского рынка является существенное преобладание объема выездного туристского потока над внутренним (табл. 2). За период с

¹ Леонидова Екатерина Георгиевна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

**Таблица 1. Доходы стран мира от въездного
и внутреннего туризма в 2015 г., млрд долл. США**

Страна	Внутренний туризм	Въездной туризм
США	805,6	189,7
Китай	475,7	61,2
Германия	311	43,5
Япония	203,1	25,7
Великобритания	187,6	48,4
Франция	120,7	48,2
Мексика	115,3	18,4
Италия	98,8	41
Бразилия	94,2	6
Австралия	72,9	19,4

Источник: UNWTO.

Таблица 2. Основные показатели развития внутреннего туризма в РФ

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2010 г., %
Численность обслуженных российских туристов, тыс. чел.	8203,9	8023,7	8942,2	9883,0	8487,1	7889,2	96,2
Численность российских туристов, отправленных в туры по России, тыс. чел.	1741,0	1731,0	1792,3	1916,4	1974,2	2628,2	151,0
Число реализованных населению турпакетов – всего, тыс.	4358	4427	4763	5384	4384	4024	92,3
из них гражданам России: по территории России	872	929	905	969	992	1331	152,6
по зарубежным странам	3367	3326	3738	4240	3253	2482	73,7
Стоимость реализованных населению турпакетов – всего, млн руб.	167933	175366	208118	249898	243453	239554	142,6
из них гражданам России: по территории России	18343	21265	22746	23876	25444	50517	275,4
по зарубежным странам	148148	152610	183309	222002	214308	183970	124,2

Источник: Федеральная служба государственной статистики / Розничная торговля, услуги населению, туризм // Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail

2010 по 2015 год число туристов в стране сократилось на 3,8%. В 2015 году из всех реализованных туристских путевок лишь 33,3% продано по территории России, однако по сравнению с 2010 годом число тех, кто выбрал отдых в российских регионах, возросло на 51%.

Северо-Западный федеральный округ представляет собой регион, обладающий высокой концентрацией культурных и природных объектов, позволяющей развивать различные виды туристской деятельности (табл. 3).

В 2015 году доля проданных турфирмами туров в регионы РФ составила 32% в общем объеме реализованных турпакетов (табл. 4). Обращает на себя внимание тот факт, что за период с 2010 по 2015 год на 57% сократилась продажа туров россиянам на внутренние маршруты и на 73% – на зарубежные направления. При этом наивысших значений, до-

**Таблица 3. Перспективные направления туристической деятельности
в федеральных округах Российской Федерации в 2015 году**

Вид туризма	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Культурно-познавательный	3	3	2	2	3	1	2	2
Этнографический	3	1	2	3	2	2	2	2
Деловой	2	3	2	1	2	1	1	1
Экологический	2	2	3	3	2	2	2	2
Оздоровительный	1	1	3	3	1	1	1	1
Пляжный	1	1	3	1	1	1	1	1
Событийный	1	3	2	1	2	1	1	1
Религиозный	3	2	2	2	1	1	1	1

Источник: Курченков, В.В. Приоритеты диверсификации структуры регионального туристического комплекса / В.В. Курченков, О.В. Фетисова, А.Н. Тютюшева, Е.С. Матина // Региональная экономика. Юг России. – 2016. – № 2 (12). – С. 57–64.

Таблица 4. Количество проданных туров туристскими фирмами СЗФО, тыс. шт.

Число туров	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 г. к 2010 г., %
Всего	545,4	626,4	790,3	1029,1	496,6	156,2	28,6
из них по территории России	115,2	89,8	141,3	143,4	147,0	49,5	43
по зарубежным странам	383,8	468,2	616,1	834,0	284,8	102,8	26,8

Источник: данные Росстата.

стигнутых в 2007 году, за весь рассматриваемый период оба показателя так и не достигли. Это объясняется снижением доходов населения, вызванным экономическими кризисами, прошедшими в 2008 и 2014 годах.

При этом следует оговориться, что точное количество внутренних туристов, путешествующих без помощи турфирм, неизвестно, так как официально утвержденная методика их подсчета в Российской Федерации отсутствует. Тем не менее приблизительную оценку величины потока внутренних туристов можно получить, основываясь на данных коллективных средств размещения (КСР). Так, число посетителей СЗФО, останавливающихся в гостиницах и других средствах размещения, с 2010 по 2015 годы выросло на 52,7% (табл. 5). При этом наибольший рост за указанный период отмечен в Калининградской области (в 3,4 раза) и Республике Карелии (в 2,1 раза). Этот факт объясняется вниманием со стороны региональных властей и частного бизнеса к туристическому сектору. Среди мер, способствовавших увеличению турпотока, можно отметить выделение субсидий туроператорам и авиаперевозчикам (Калининградская область), а также активное развитие новых туристически привлекательных объектов (например, по итогам 2015 года мраморный каньон «Рускеала» (Республика Карелия) посетило на 34% больше туристов, чем Кижы). Следует отметить, что рост данного показателя отмечен во всех субъектах Северо-Западного федерального округа.

Число коллективных средств размещения в регионе увеличивается. С 2010-2015 гг. их количество выросло почти на 34% (табл. 6). За указанный период рост данного показателя отмечен во всех субъектах СЗФО. Так, только в Калининградской области он вырос в 3,5 раза.

При этом анализ коэффициента загрузки КСР показал, что заполняемость средств размещения в регионе достаточно низкая (табл. 7).

Таблица 5. Численность россиян, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010 г., %
Калининградская область	138,9	168,6	248,6	237,9	317,0	472,3	340,0
Республика Карелия	166,2	212,1	196,6	227,8	228,0	363,7	218,8
Ленинградская область	374,8	434,5	394,9	333,5	342,5	585,4	156,2
СЗФО	3546,0	3936,0	4051,2	4051,9	4209,1	5415,1	152,7
Республика Коми	180,8	153,0	205,1	197,6	178,1	267,7	148,1
г. Санкт-Петербург	1446,1	1700,9	1757,2	1803,8	1940,1	2123,8	146,9
Псковская область	237,6	246,5	252,8	247,3	241,9	342,1	144,0
Вологодская область	279,1	292,1	284,1	293,0	245,1	397,6	142,5
Архангельская область	274,9	291,0	286,4	272,5	267,5	345,2	125,6
Новгородская область	256,1	271,9	249,7	251,8	271,2	317,7	124,1
Ненецкий автономный округ	19,5	16,9	14,9	17,9	17,2	20,7	106,2
Мурманская область	191,5	165,3	175,7	186,7	177,9	199,6	104,2

Источник: данные Росстата.

Таблица 6. Количество коллективных средств размещения в СЗФО, ед.

Территория	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010 г., %
Калининградская область	57	57	81	109	109	201	352,6
Республика Карелия	105	125	149	129	133	182	173,3
Псковская область	73	84	108	74	74	106	145,2
Вологодская область	145	142	171	131	120	200	137,9
Новгородская область	92	97	135	110	111	126	137,0
Республика Коми	97	76	97	86	87	132	136,1
Архангельская область	124	120	142	112	145	166	133,9
СЗФО	1454	1532	1893	1504	1556	1942	133,6
г. Санкт-Петербург	360	382	434	382	389	412	114,4
Мурманская область	136	127	183	118	119	143	105,1
Ленинградская область	265	322	393	253	269	274	103,4

Составлено по: Российский статистический ежегодник : стат. сб. – М. : Росстат, 2015.– 728 с.; Культура, туризм и отдых в Псковской области. 2015 : стат. сб./ Псковстат – П., 2015. – С. 34.

Таким образом, наблюдается ситуация, при которой на рынке присутствует высокая конкуренция со стороны предприятий, предоставляющих услуги проживания, обусловленная интересом со стороны представителей гостиничного бизнеса к строительству новых объектов. Проблемой развития внутреннего туризма является недостаток туристского продукта, способного удовлетворить потребителей разного ценового сегмента и загрузить гостиницы и аналогичные средства размещения. В большинстве субъектов СЗФО турфирмами предлагаются однотипные туры, основанные только на осмотре историко-культурных достопримечательностей. Например, для Вологодской, Новгородской, Псковской, Калининградской и Ленинградской областей, обладающих объектами, входящими в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, доля культурно-познавательного туризма традиционно составляет от 65 до 75% [1].

Другой проблемой развития внутреннего туризма в регионе является несоответствие инфраструктуры мировым стандартам качества и уровня обслуживания. Например, от-

Таблица 7. Коэффициент загрузки гостиниц и аналогичных средств размещения в Северо-Западном федеральном округе

Территория	2010	2012	2013	2014	2015	2015 к 2010 г., %
Калининградская область	0,15	0,34	0,33	0,20	0,32	213,3
Вологодская область	0,16	0,18	0,23	0,22	0,23	143,8
г. Санкт-Петербург	0,39	0,44	0,37	0,35	0,49	125,6
СЗФО	0,33	0,36	0,33	0,30	0,36	109,1
Республика Карелия	0,29	0,29	0,29	0,27	0,30	103,4
Новгородская область	0,33	0,30	0,28	0,28	0,33	100,0
Республика Коми	0,31	0,38	0,41	0,33	0,30	96,8
Ленинградская область	0,27	0,29	0,28	0,20	0,25	92,6
Мурманская область	0,28	0,26	0,32	0,25	0,25	89,3
Псковская область	0,32	0,32	0,27	0,19	0,26	81,3
Архангельская область	0,43	0,37	0,25	0,33	0,33	76,7

Источник: Культура, туризм и отдых в Псковской области. 2016 : стат. сб.// Псковстат – П., 2015. – С. 36

существует система классификации гостиниц, пляжей, горнолыжных объектов и других туристических объектов, что влияет на качество предоставляемых услуг. Таким образом, на основе анализа в качестве основных направлений повышения привлекательности внутреннего туризма в регионе могут рассматриваться:

- диверсификация турпродукта на основе имеющихся туристских ресурсов;
- разработка системы качества, объединяющей организации региона, занимающиеся производством внутреннего туристского продукта;
- разработка и внедрение экономических туров, доступных для малообеспеченных слоев населения.

Реализация данных направлений позволит повысить привлекательность внутреннего туризма в регионе, увеличить туристский поток, будет способствовать повышению качества и расширению спектра оказываемых услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневская, Т.В. Повышение туристской привлекательности территории в контексте развития мобильных приложений [Текст] / Т.В. Вишневская, Т.Б. Климова, И.В. Богомазова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – С. 679.
2. Григоренко, Т.Н. Приоритеты в области развития внутреннего и въездного туризма России на современном этапе [Текст] / Т.Н. Григоренко, Л.Н. Казьмина // Вестник национальной академии туризма. – 2015. – № 4. – С. 14-17.
3. Макеева, Д.Р. Экономика туризма России на современном этапе: от выездного туризма к ориентированному на внутренний рынок [Текст] / Д.Р. Макеева // Вопросы региональной экономики. – 2015. – № 1. – С.39-48.
4. Ускова, Т.В. Социально-экономический ресурс туризма [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Л.В. Дубиничева, В.С. Орлова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 182 с.
5. Economic Impact of Travel & Tourism 2015 [Electronic resource]. – Available at : <http://www.wttc.org/research/economic-research/economic-impact-analysis>

Тенденции и перспективы роста российской экономики

Аннотация. В статье проанализирована динамика основных макроэкономических показателей экономики России и отдельных ее секторов, обосновано наличие системных проблем в существующей экономической политике. В качестве ключевых из них выделены низкая технологичность и слабое регулирование общественного воспроизводственного процесса. Показаны предпосылки и возможные направления запуска нового качественного экономического роста в стране.

Ключевые слова: экономический рост, мультипликатор добавленной стоимости, воспроизводственный процесс.

Динамика ключевых макроэкономических показателей указывает на некоторое оживление в российской экономике в последнее время. В IV квартале 2016 г. на фоне низкой базы наблюдается рост ВВП на 0,3% (рис. 1). Позитивная динамика характерна прежде всего для реального сектора экономики. Во всех кварталах 2016 г. и в I квартале 2017 г. фиксируется рост промпроизводства (101,1, 101,5, 101,0; 101,7 и 100,1% соответственно). 17 кварталов подряд растет сельское хозяйство. Эти процессы сопровождаются ростом грузооборота транспорта.

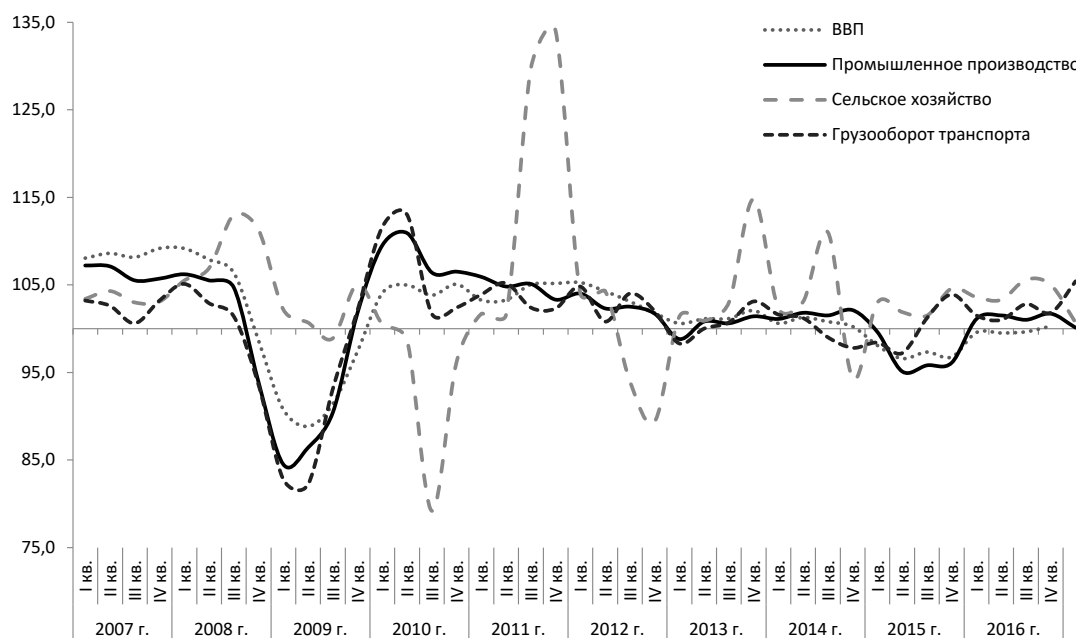


Рис. 1. Динамика ключевых показателей экономики РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.

¹ Лукин Евгений Владимирович (Россия, г. Вологда) – к.э.н., заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, Вологодский научный центр РАН.

При этом в потребительском секторе ситуация в целом ухудшается. Реальные денежные доходы сокращаются с 2014 г. (рис. 2). К сожалению, в 2016 году вслед за позитивной динамикой некоторых других показателей не последовало улучшение ситуации с доходами. Однако есть и некоторые позитивные моменты. В последние 4 квартала обозначился рост реальных зарплат работников (100,3; 101,2; 101,8 и 101,9%), в I квартале 2017 г. на 11,9% увеличилась реальная пенсия (после 9 кварталов подряд снижения). Инфляция довольно стабильна – 1-2% в квартал (за исключением всплеска в I квартале 2015 г. – 7,4%).

Вслед за сокращением доходов населения сокращаются объемы розничной торговли и платных услуг населения (рис. 3). Некоторое оживление, обусловившее рост реального производства, намечается во внешней торговле. В IV квартале 2016 г. экспорт вырос на 1,8%, импорт – на 8,8%.

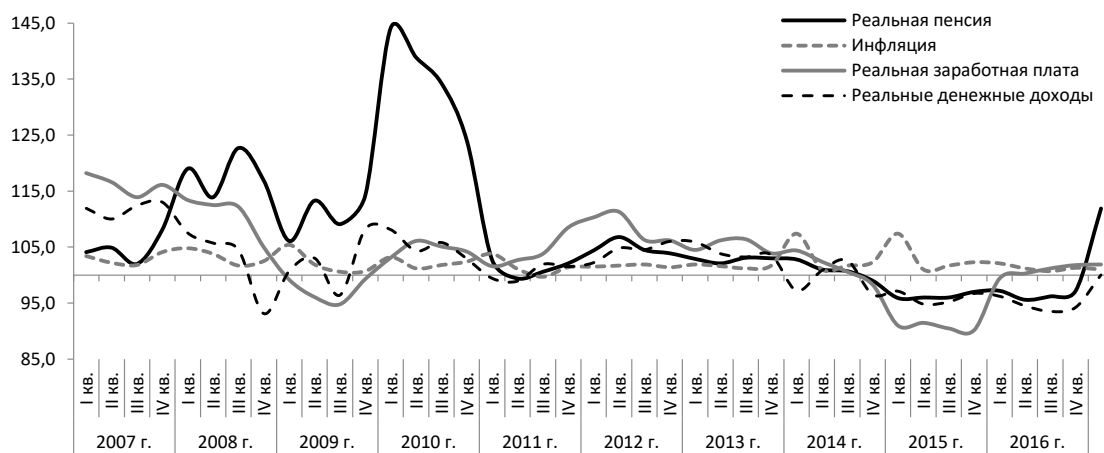


Рис. 2. Динамика ключевых показателей экономики РФ, % к предыдущему периоду

Источник: Росстат.

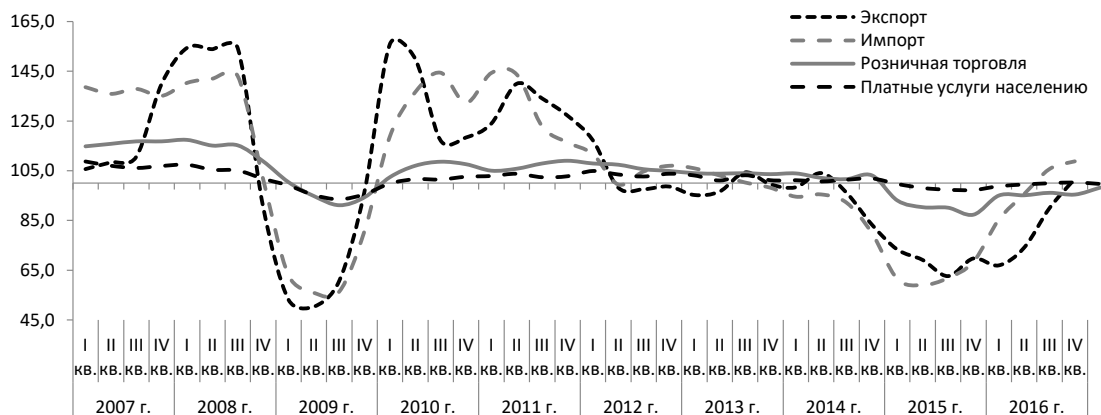


Рис. 3. Динамика развития ключевых секторов экономики РФ, % к предыдущему периоду

Источник: Росстат.

Последние три квартала растет занятость, сокращается безработица (рис. 4).

Наиболее сложная ситуация сохраняется в инвестиционном секторе экономики (рис. 5). Рост инвестиций (100,5%) был зафиксирован только в одном из 10 последних кварталов. Из-за сокращения доходов населения падают объемы строительства и ввода в действие жилых домов, что оказывает понижающее влияние на спрос на продукцию инвестиционных отраслей промышленности.

Как уже отмечалось, промышленное производство возобновило рост. В отраслевом разрезе он характерен как для добычи полезных ископаемых, так и для энергетики и обработки (рис. 6).

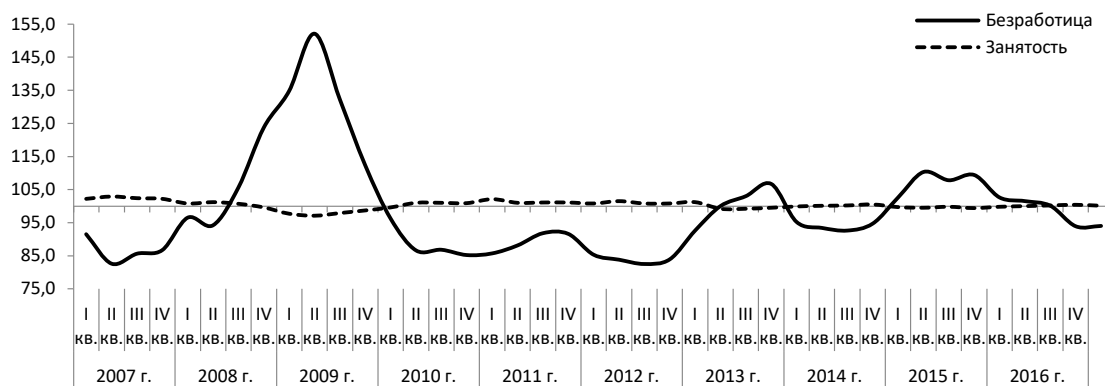


Рис. 4. Динамика ключевых показателей экономики РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.

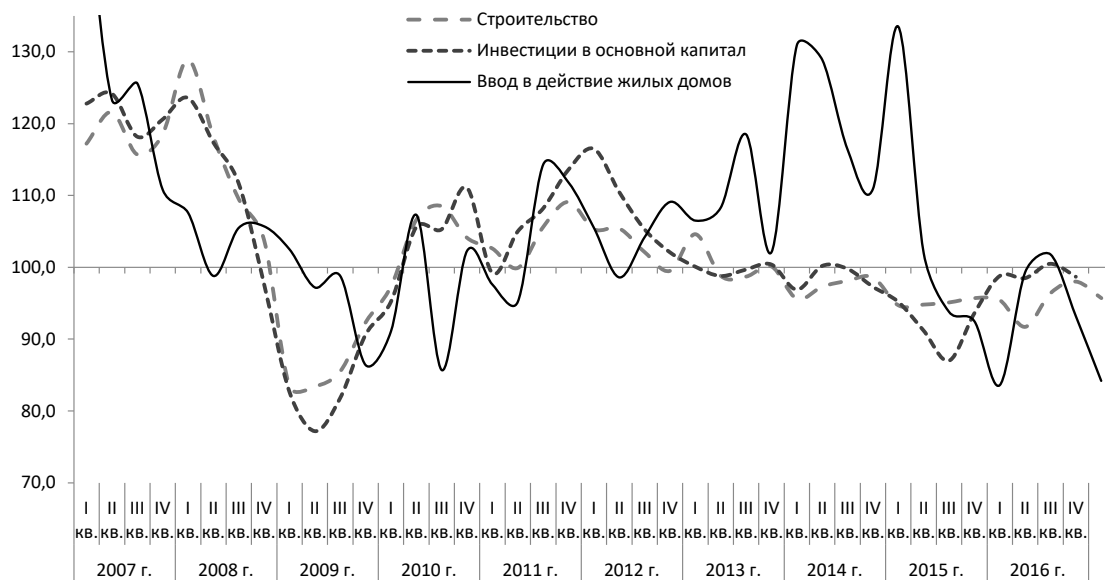


Рис. 5. Динамика ключевых показателей экономики РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.

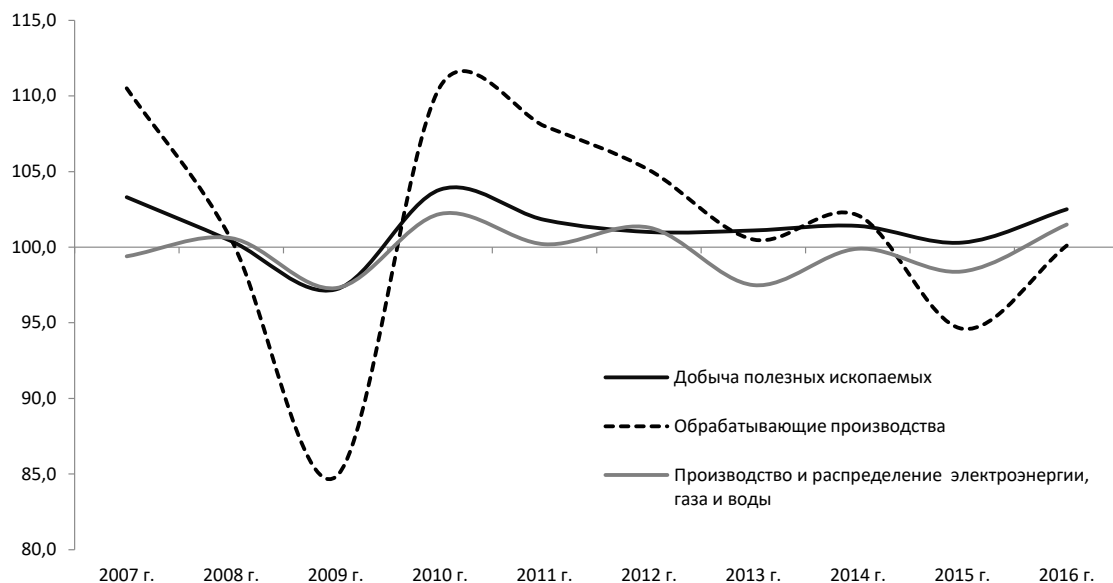


Рис. 6. Динамика промышленного производства РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.



Рис. 7. Динамика производства отраслей промышленности конечного спроса РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.

Относительно неплохо себя чувствуют отрасли промышленности конечного спроса – в 2016 г. пищевая отрасль выросла на 2,4%, легкая – на 5,3% (рис. 7).

Разнонаправленную динамику демонстрируют экспортноориентированные отрасли промежуточного спроса. Рост в 2016 г. показали химическое производство и деревопереработка (5,3 и 1,4% соответственно), снижение объемов – металлургия, производство кокса и нефтепродуктов (2,3 и 2,4% соответственно).

Особенно хочется отметить продолжающийся спад в секторе инвестиционного спроса (рис. 9). Это плохой сигнал о будущей динамике инвестиций.

В целом, несмотря на наличие некоторых положительных моментов, представленные данные позволяют констатировать глубокий кризис российской экономики и наличие системных проблем в существующей экономической политике. Проводимые в нашем институте исследования позволяют выделить ключевые из них.

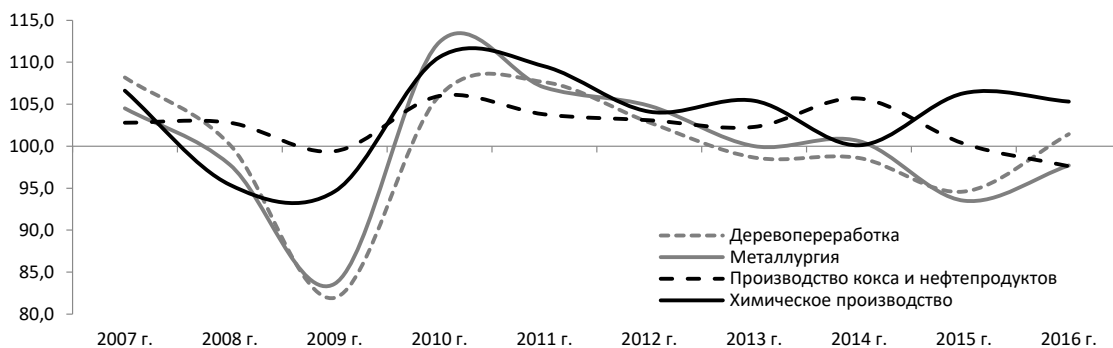


Рис. 8. Динамика производства отраслей промышленности промежуточного спроса РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.

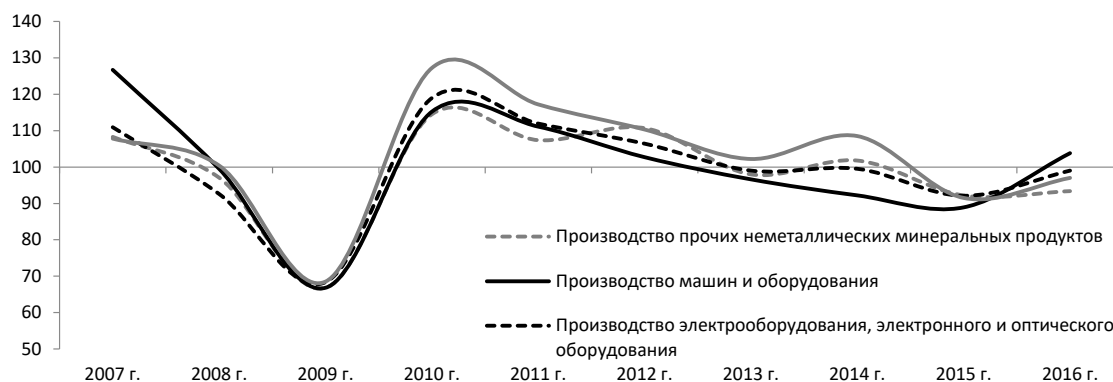


Рис. 9. Динамика производства отраслей промышленности инвестиционного спроса РФ, % к предыдущему периоду
Источник: Росстат.

Первая из них – это короткие технологические цепочки. Наша экономика в основном ограничивается первичным переделом сырьевых ресурсов, сокращая тем самым свои потенциальные доходы, часть из которых можно было бы использовать для модернизации производств. Такое положение вещей негативно сказывается на конкурентоспособности выпускаемой продукции, производительности труда, технологическом уровне производств и т. д.

Недостаточную глубину переработки сырьевых ресурсов в экономике России наглядно демонстрирует мультипликатор добавленной стоимости (рис. 10). Он существенно ниже уровня развитых стран. Исчисляется он отношением совокупной величины товарной массы к стоимости первичных сырьевых ресурсов. Крайне низкая величина мультипликатора добавленной стоимости исчерпывающе характеризует природу нынешнего экономического развития, при котором экономика России выступает сырьевым источником для экономик развитых стран.

Изменение качества экономического роста возможно только за счет разворота к высокотехнологическому развитию. Но при этом возникает вторая проблема – слабое государственное регулирование воспроизводственного процесса.

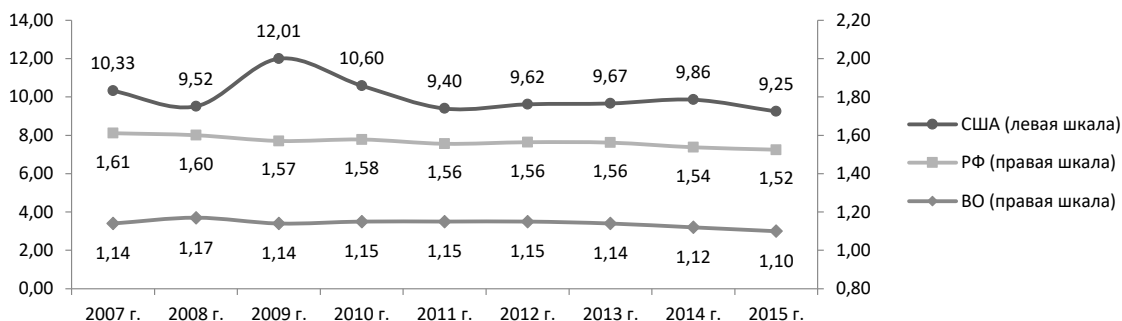


Рис. 10. Динамика мультипликатора добавленной стоимости в экономике
 Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата, ВЕА.

Таблица. Структура использования ВВП и финансового потенциала накопления, %

Показатель	2014 г.	2015 г. (оценка)	Прогноз		
			2016 г.	2017 г.	2018 г.
ВВП использованный	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1. Расходы на конечное потребление, в т. ч.:	73,2	73,9	73,4	72,6	71,5
домашних хозяйств	53,3	54,3	54,5	54,4	54,1
государственного управления	19,5	19,2	18,5	17,8	17,0
2. Валовое накопление, в т. ч.:	20,3	17,4	19,9	20,7	21,6
валовое накопление основного капитала	20,6	19,9	19,5	19,5	19,5
изменение запасов	-0,3	-2,5	0,4	1,2	2,1
3. Чистый экспорт, в т. ч.:	7,1	8,9	7,7	7,5	7,5
экспорт товаров	30,0	32,6	31,0	30,0	29,1
импорт товаров	22,9	23,7	23,3	22,5	21,6
Статистическое расхождение	-0,6	-0,2	-1,0	-0,8	-0,6
Справочно:					
Валовое сбережение	23,8	22,7	23,6	24,8	26,0
Чистое кредитование (+), чистое заимствование (-)	0,5	5,3	3,8	4,1	4,4

Источник: Росстат, Минэкономразвития.

Во-первых, следует отметить, что на цели инвестирования используется далеко не все потенциально возможные для этого средства. Валовое накопление основного капитала в 2015 г. составило 17,7 трлн руб., или 22% ВВП (это существенно ниже, чем необходимо для осуществления модернизации экономики; табл.). Реальный же инвестиционный потенциал намного выше и уменьшается, главным образом, чрезмерными величинами чистого экспорта и чистого вывоза капитала. Чистое кредитование других стран в 2015 г. достигло величины в 4,2 трлн руб., или 5,3% ВВП. Это снижает валовое накопление на 10–15% от возможностей, вытекающих из объемов сбережений. Экономика испытывает недостаток инвестиций.

Во-вторых, надо сказать о неэффективном использовании инвестиционного потенциала. Норма накопления промышленного капитала (т. е. ввод основных средств в обрабатывающих производствах) составляет всего 1,3% ВВП (в США – 15% ВВП).

К сожалению, экономические власти не видят в этом проблемы. Судя по размещенному Минэкономразвития прогнозу, норма накопления основного капитала на ближайшие годы замораживается на уровне 19,5% ВВП.

В 2016 г. в российской экономике сложился уникальный набор позитивных факторов. Во-первых, произошла адаптация экономики к новым ценовым пропорциям, обеспечившая рост прибыльности большинства видов экономической деятельности.

Во-вторых, в результате спада значимая часть высокоэффективных производственных мощностей, введенных в строй в последние 5-7 лет, оказалась незагруженной.

В-третьих, численность занятых в реальном секторе из-за низких темпов высвобождения работников соответствует более высоким параметрам выпуска, что отчасти снимает проблему ограничений по трудовым ресурсам и позволяет достаточно быстро наращивать объемы производства.

В-четвертых, произошло вытеснение импорта с внутреннего рынка, обеспечившее значительное пространство для расширения спроса на отечественную продукцию.

Реализовать имеющиеся возможности позволит корректировка государственной экономической политики. Ее основная задача на ближайшую перспективу должна заключаться в том, чтобы, опираясь на внутренние источники финансирования, трансформировать имеющиеся предпосылки в действующие факторы роста.

Исходя из анализа развития экономики, выявленных проблем в сфере регулирования общественного воспроизводства и имеющихся ресурсов и предпосылок восстановления экономического роста в России, анализа экспертных заключений (В.В. Ивантер, А.А. Широ, Е.Б. Ленчук, И.А. Погосов, С.С. Губанов, О.С. Сухарев и др.), приоритетными направлениями государственной экономической политики должны стать:

- стимулирование активности экономической деятельности в реальном секторе экономики; межотраслевой баланс доказывает, что реальный сектор обладает наибольшим мультипликативным эффектом и выступает локомотивом роста всей экономики;
- развитие внутреннего потребительского и инвестиционного спроса;
- переход к инновационной модели экономики, проведение новой наукоемкой индустриализации страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восстановление экономического роста в России: научный доклад / Руководитель, отв. редактор: академик В.В. Ивантер. – М., 2016. – 32 с.
2. Губанов С. Трудовая парадигма: А. Смит против «неоклассики» // Экономист. 2009. № 3.
3. Губанов, С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) [Текст] / С. Губанов // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3-27.
4. Леонтьев, В.В. Межотраслевая экономика [Текст] / В.В. Леонтьев. – М.: Экономика, 1997. – 479 с.
5. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики: научный доклад / Руководитель темы Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 58 с.
6. Новая экономическая политика – политика экономического роста [Электронный ресурс] / В.В. Ивантер. – Режим доступа: <http://viperson.ru/data/201305/klmjcblljujsjtljtjcb.pdf>

Содействие структурной модернизации промышленного сектора экономики старопромышленных регионов СЗФО

Исчерпание потенциала роста сырьевых отраслей, действие ряда дестабилизирующих мировую конъюнктуру факторов и негативные тенденции экономического развития регионов России ставят перед органами власти задачу совершенствования управления экономикой. Промышленность как ключевой вид экономической деятельности для старопромышленных регионов и основа их социально-экономического развития в таких условиях выступает главным объектом управления, в отношении которого необходима модернизация действующих форм и методов регулирования.

В настоящее время переход регионов России на путь устойчивого развития зависит от раскрытия их потенциала, изменения структуры промышленного комплекса, создания условий для ухода от сырьевой модели экономики к модели, базис которой составляют производства с высокой добавленной стоимостью. Понимание важности реализации этой задачи есть и на государственном уровне, однако существующие в настоящее время формы, методы и инструменты управления промышленностью не обеспечивают ее пропорционального развития. В результате в промышленном комплексе преобладают сырьевые отрасли, удельный вес высокотехнологичных видов деятельности достаточно низкий и практически не увеличивается на протяжении последних 10 лет (*табл. 1*).

Если фокусироваться на результатах обрабатывающих производств старопромышленных регионов СЗФО как драйверах социально-экономического развития территорий [2; 4; 7], можно заключить, что для них присущ в основном инертный характер изменения номенклатуры, ее параметров, улучшения качества выпускаемой продукции и обновления основных фондов. Как и в целом по стране, хуже всего данные процессы протекают в машиностроении и производстве технологически сложных товаров [5]. В связи с этим темпы производства, не подкрепленные стабильно увеличивающимся спросом, годами остаются на одном уровне. Данное утверждение справедливо для всех старопромышленных регионов СЗФО, за исключением Новгородской области, где прирост объема выпускаемой продукции составил 45,4% (*табл. 2*).

Говорить об активном развитии обрабатывающих производств старопромышленных регионов СЗФО не приходится вследствие того, что они в большинстве своем не обеспечены в требуемом объеме инвестиционным предложением. Органы власти на различных уровнях реализуют комплекс мероприятий, направленных на устранение негативных факторов развития промышленного сектора. В числе инициатив можно отметить приоритетное финансирование проектов по разработке и освоению новой российской техники, стимулирование на нее спроса с запретом государственным организациям приобретать иностранное оборудование при наличии отечественных аналогов. Однако в

¹ Мельников Алексей Евгеньевич (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

Таблица 1. Структура промышленности старопромышленных регионов СЗФО, %

Регион	Год	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Пищевая промышленность	Легкая промышленность	Деревообработка	Химическая промышленность	Промышленность строительных материалов	Металлургия	Машиностроение	Прочие виды обрабатывающих производств	Производство электроэнергии, газа и воды
Республика Карелия	2005	33,4	51,6	5,3	0,2	30,4	1,4	0,9	8,3	4,3	0,8	15,0
	2010	34,0	50,2	4,4	0,1	27,8	1,9	0,8	9,4	4,3	1,6	15,9
	2015	32,0	50,6	6,9	0,1	33,0	1,3	1,5	4,9	2,3	0,6	17,4
Республика Коми	2005	47,7	42,6	2,3	1,1	17,4	19,1	0,8	0,4	0,8	0,6	9,7
	2010	55,1	33,4	1,8	0,8	11,4	17,6	0,4	0,2	0,6	0,6	11,4
	2015	57,8	33,8	1,8	0,7	13,2	13,8	0,4	2,5	0,9	0,4	8,4
Архангельская область	2005	35,5	52,7	2,9	0,2	26,3	0,7	1,0	0,7	20,3	0,6	11,9
	2010	55,1	34,8	3,4	0,1	18,2	0,7	0,6	0,8	10,3	0,6	10,2
	2015	51,8	40,2	2,8	0,0	20,0	3,5	0,4	2,3	10,9	0,3	8,0
Вологодская область	2005	0,1	92,5	5,9	0,3	3,7	9,1	1,9	66,7	4,0	0,9	7,5
	2010	0,1	91,5	7,4	0,3	3,8	13,6	2,3	57,9	4,8	1,4	8,4
	2015	0,1	92,2	7,2	0,1	5,4	22,0	0,9	51,9	2,5	2,1	7,7
Мурманская область	2005	28,2	47,5	4,9	0,1	0,5	6,2	0,6	28,5	6,0	0,8	24,3
	2010	32,1	45,6	12,7	0,1	0,4	4,0	0,2	23,7	3,9	0,5	22,3
	2015	35,2	46,1	19,6	0,1	0,3	0,4	1,2	18,1	5,5	1,0	18,7
Новгородская область	2005	0,3	87,2	17,4	0,3	14,5	21,7	10,8	7,4	10,7	4,4	12,5
	2010	0,6	89,2	27,4	0,3	15,2	21,4	7,0	5,8	8,7	3,5	10,3
	2015	1,6	90,7	22,9	0,7	14,8	27,4	6,5	4,4	11,7	2,3	7,7

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006 [Текст] / Стат. сб. – М.: Росстат, 2007. – 981 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 [Текст] / Стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 [Текст] / Стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – 1326 с.

Таблица 2. Объем продукции, выпущенной обрабатывающими производствами в старопромышленных регионах СЗФО (в ценах 2015 г.), млрд руб.

Регион	2007 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. / 2007 г., %
Новгородская область	129,3	131,8	163,6	187,5	188,1	145,4
Вологодская область	430,6	415,9	459,5	474,3	481,8	111,9
Мурманская область	125,5	116,3	123,4	124,4	139,3	111,0
Республика Коми	169,3	156,2	197,5	200,1	172,7	102,0
Архангельская область	176,5	224,1	252,4	168,6	170,5	96,6
Республика Карелия	117,6	81,9	69,3	71,5	70,9	60,3

Рассчитано по: Промышленное производство [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial

настоящее время принимаемые меры не позволяют значительно изменить ситуацию [3]. Прежде всего, не хватает мероприятий, направленных на устранение острого дефицита финансовых ресурсов в промышленном секторе экономики.



Рис. Инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств старопромышленных регионов СЗФО в 2015 г., % к 2007 г.

Источник: Рассчитано по данным территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по республикам Карелия и Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской и Новгородской областям.

Из-за их недостатка имеет место низкая динамика инвестиций в основной капитал обрабатывающих производств в старопромышленных регионах СЗФО (рис.). В среднесрочной перспективе это может привести к деградации наименее обеспеченных инвестиционным предложением отраслей вследствие утраты выпускаемой ими продукции конкурентоспособности на международном рынке, полного морального и физического устаревания основных производственных фондов и отсутствия средств на модернизацию.

Таким образом, развитие промышленных производств в старопромышленных регионах СЗФО не обеспечено необходимым объемом финансовых ресурсов, что значительно препятствует уверенному освоению новейших технологических укладов, выпуску конкурентоспособной на международном рынке продукции. Как следствие, качественные характеристики производимой товарной номенклатуры существенно не меняются на протяжении многих лет, что обуславливает ее недостаточную привлекательность для потенциальных потребителей и не создает предпосылок для наращивания объема отгрузки. Финансовый аспект является основной причиной возникновения трудностей с привлечением высококвалифицированной рабочей силы и приобретением современных средств производства.

Еще одним нюансом сложившейся ситуации является низкая перспективность структурной модернизации промышленного сектора в исследуемых старопромышленных регионах. Для ее активизации целесообразной видится реализация следующих направлений:

1. Предоставление субъектам промышленной деятельности льготных условий функционирования со стороны государства, субсидий, инвестиционных кредитов для реализации перспективных проектов технологического развития и освоения инновационных разработок. В контексте развития кадрового потенциала необходимы гранты для образовательных учреждений, осуществляющих подготовку высококвалифицированных специалистов для инновационно активных отраслей экономики.

2. Совершенствование действующего законодательства в области регулирования налоговой политики и снижение административной нагрузки. В первую очередь, следует апеллировать к активизации практики предоставления налоговых льгот, сокращению количества и конкретизации обязательных требований к промышленным предприяти-

ям, уменьшению количества процедур проверки. Воздействие на промышленный сектор со стороны государства должно быть направлено не только на создание благоприятных условий функционирования для крепко стоящих на ногах субъектов промышленной деятельности, но и на повышение его привлекательности для новых участников рынка.

3. Увеличение степени кооперации между государством, промышленными предприятиями и образовательными учреждениями в целях повышения качества подготовки специалистов для промышленности и увеличения количества выпускников для инновационно активных отраслей экономики. Необходимо восстановление развернутой системы подготовки профессиональных рабочих, расширение практики обучения непосредственно на мощностях действующих промышленных предприятий, обновление материально-технической базы учебных заведений.

Способствовать структурной модернизации промышленного сектора экономики будет благоприятный налоговый режим, создание условий для справедливой конкуренции, низкие административные барьеры и развитая инфраструктура для ведения бизнеса, о чем свидетельствует положительный опыт Калужской области. В регионе инвесторам предоставляются налоговые льготы, государственные гарантии и содействие на всех уровнях региональной власти. Такой подход распространяется только в отношении инвестиционных проектов, соответствующих следующим параметрам [6]:

- высокая добавленная стоимость производимой продукции;
- высокий экспортный потенциал продукции;
- создание высокопроизводительных рабочих мест;
- высокая степень использования местных ресурсов;
- низкая степень воздействия на окружающую среду.

Особенность развития промышленного сектора экономики в Калужской области заключается в создании условий для перехода от преимущественно индустриального типа развития к инновационно-индустриальному. Для этого в регионе изначально была сделана ставка на предприятия автомобильного кластера как основу экономического роста. Одновременно с этим осуществлялось укрепление позиций малых и средних инновационных предприятий, консалтинговых и торговых организаций, сферы услуг [1].

Реализация обозначенных направлений создаст качественную основу для активизации структурной модернизации промышленного сектора экономики старопромышленных регионов СЗФО, позволит в дальнейшем осуществить переход от сырьевой к высококладной экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, В.И. Стратегия развития Калужской области до 2030 года [Текст] / В.И. Авдеева, Д.М. Аганичев // Вестник Российской академии естественных наук. – 2010. – № 2. – С. 19–23.
2. Антонова, З.Г. Модернизация экономики как главный фактор экономического роста [Текст] / З.Г. Антонова // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – № 6. – С. 10–15.

3. Водомеров, Н. Государственное планирование станкостроения – ключевое звено импортозамещения [Текст] / Н. Водомеров // Экономист. – 2017. – № 1. – С. 29–37.
4. Изряднова, О.И. Структурные альтернативы российских обрабатывающих производств и архитектура технологической модернизации (часть 1) [Текст] / О.И. Изряднова, Л.И. Лугачева, М.М. Мусатова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – № 2. – С. 48–60.
5. Потенциал конкурентоспособного выпуска [Текст] // Эксперт. – 2017. – № 7. – С. 30–35.
6. Стратегические направления социально-экономического развития Калужской области [Электронный ресурс]: официальный портал органов власти Калужской области. – Режим доступа: http://admoblkaluga.ru/upload/mineconom/strategy/strateg/strateg_priorit_KR.pdf
7. Сухарев, О.С. Экономический рост в России: роль малого бизнеса [Текст] / О.С. Сухарев // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 1. – С. 372–379.

Бедность населения как ограничитель экономического роста страны

Аннотация. Данная статья посвящена определению понятия «бедность», факторов, влияющих на нее. Был проведен анализ основных статистических показателей, анализ дифференциации доходов населения. Выявлены сферы деятельности и регионы с наибольшей разницей доходов населения.

Ключевые слова: бедность, дифференциация доходов, экономическое развитие, депривация, неравенство.

Тема бедности в настоящее время является очень важной для определения состоятельности и полноценности развития страны в целом, а также отдельных регионов в частности. С каждым годом все глубже и внимательнее изучаются вопросы относительно части бедного населения, по причине того что это оказывает немалое влияние на экономическое развитие государства и его субъектов. Тем самым обусловлена актуальность данной статьи.

В современных экономических условиях данная проблема встает особенно остро по причине обострения экономической ситуации в ходе последних геополитических событий, с которыми столкнулись государственные власти.

Бедность является многоаспектным понятием, включающим в себя совокупность материальных и качественных показателей социального субъекта, при которых его возможности не способны удовлетворять потребности.

Массовая доля бедного населения, а также высокий уровень поляризации общества негативно сказываются на экономическом развитии государства. Неравномерность распределения доходов, а также усиление данного фактора оказывают сопротивление в развитии внутреннего рынка страны, образовании промежуточного класса [2, с. 74].

Существует множество групп факторов, совокупность которых представляет собой бедность. К таким группам можно отнести следующие:

- политические, к их числу относятся такие факторы, как военные конфликты, вынужденная миграция населения, потеря устоявшихся межрегиональных связей;
- экономические, в состав которых входят безработица, низкий уровень заработной платы, высокая дифференциация доходов населения, неконкурентоспособность отрасли, низкая производительность труда;
- образовательно-квалификационные основываются на низком уровне образования населения, недостаточном уровне профессиональной подготовки;
- регионально-географические вызваны неравномерным развитием регионов (дотационные регионы с невысокой экономикой, северные регионы, области, зависимые от центровых поставок ресурсов, монопромышленные регионы);

¹ Неволина Елизавета Сергеевна (Россия, г. Тюмень) – магистрант, Тюменский государственный университет.

– социально-медицинские факторы: старость, маргинализация, инвалидность, детская безнадзорность, высокий уровень заболеваемости;

– демографические составляют такие факторы, как неполные семьи, семьи с большой нагрузкой иждивенцев, взрослое и молодое поколения с худшими позициями на рынке труда.

Главными экономическими факторами, оказывающими влияние на бедность, на территории Российской Федерации являются:

- 1) сокращение среднего уровня доходов населения страны;
- 2) неравенство в распределении доходов;
- 3) недостаточный уровень минимальных социальных гарантий [3, с. 91].

Выделенные экономические факторы отрицательно сказываются на всех слоях общества, тормозят ход развития страны путем роста доли бедного населения. Уменьшение заработной платы работников выражается в сокращении производительности, ухудшении качества человеческого капитала. Поляризация доходов ведет к социальному разлому общества, недоверию к государственным органам власти. Низкий уровень минимальных социальных гарантий, в свою очередь, влияет на обострение демографической ситуации в стране [1, с. 113].

В данной статье отражен анализ динамики бедности в России. В *табл. 1* рассмотрены статистические данные о численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода.

Таблица 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода, 2000–2015 годы

Год	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума		Дефицит денежного дохода		Величина прожиточного минимума, руб. в месяц
	млн чел.	% от общей численности населения	млрд руб.	% от общего объема денежных доходов населения	
2000	42,3	29,0	199,2	5,0	1210
2001	40,0	27,5	238,6	4,5	1500
2002	35,6	24,6	250,5	3,7	1808
2003	29,3	20,3	235,3	2,6	2112
2004	25,2	17,6	225,7	2,1	2376
2005	25,4	17,8	288,7	2,1	3018
2006	21,6	15,2	277,1	1,6	3422
2007	18,8	13,3	272,1	1,3	3847
2008	19,0	13,4	326,7	1,3	4593
2009	18,4	13,0	354,8	1,2	5153
2010	17,7	12,5	375,0	1,2	5688
2011	17,9	12,7	424,1	1,2	6369
2012	15,4	10,7	370,5	0,9	6510
2013	15,5	10,8	417,9	0,9	7306
2014	16,1	11,2	478,6	1,0	8050
2015	19,5	13,3	700,5	1,3	9701

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

На основании данных таблицы 1 можно говорить о стабилизации экономического положения населения до 2013 года, однако с 2014 года все показатели имеют тенденцию к сокращению. Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума за 15 лет сократилась более чем в 2 раза и в 2015 году составила 19,5 миллионов человек. Дефицит денежного дохода населения постоянно увеличивается, и к 2005 году данный показатель составил 700,5 миллиарда рублей, что существенно превышает показатель предыдущего года. Однако, следует отметить, что дефицит денежного дохода в процентах от общего объема денежных доходов населения сократился почти в 5 раз за анализируемый период, что подтверждает сокращение численности бедного населения и свидетельствует о девальвации российской валюты [4, с. 152].

На основании графика можно сделать вывод о том, что доля бедного населения за 15 лет сократилась более чем в 2 раза и к настоящему моменту составляет 13,3%.

В табл. 2 представлены информация о распределении общего уровня денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения.

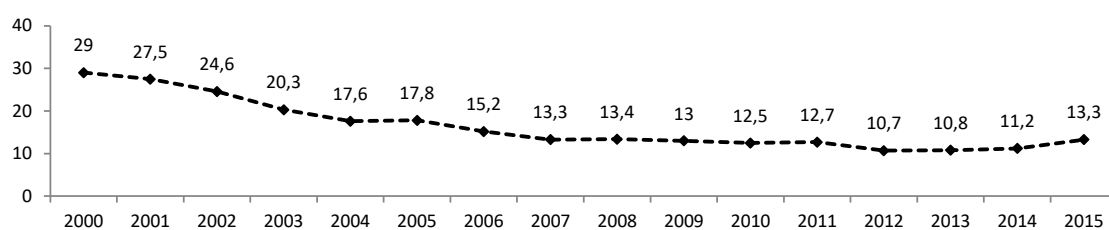


Рис. 1. Динамика доли численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума за 2000–2016 гг.

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2. Распределение общего уровня денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения России за 2000–2015 годы

Год	Денежный доход по 20-процентным группам населения, %					Коэффициент Джинни
	1	2	3	4	5	
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	0,395
2001	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7	0,397
2002	5,7	10,4	15,4	22,7	45,8	0,397
2003	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2	0,403
2004	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	0,409
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	0,409
2006	5,3	9,9	15,0	22,6	47,2	0,415
2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	0,422
2008	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	0,421
2009	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	0,421
2010	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	0,421
2011	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	0,417
2012	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	0,420
2013	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	0,419
2014	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	0,416
2015	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	0,413

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

На основании таблицы можно сделать вывод о том, что группа населения с максимальными денежными доходами с каждым годом увеличивает свои денежные доходы за счет сокращения этого показателя у остальных групп. Это негативно сказывается на коэффициенте Джинни, который характеризует равномерность распределения доходов и находится на стадии стабильного увеличения, что свидетельствует о непропорциональной дифференциации доходов российского населения.

На *рис. 2* представлена диаграмма распределения денежных доходов по 20-процентным группам.

Представленная графически информация дает основания говорить о неравномерности распределения денежных доходов среди 5 групп. 20% населения с максимальным уровнем дохода обладают почти 50% суммарного денежного дохода, в то время как 20% населения с минимальными доходами владеют лишь 5% дохода.

В настоящее время в экономике страны существует дифференциация доходов в разрезе видов деятельности, а также региональная.

В *табл. 3* представлена информация об уровне дифференциации заработной платы работников организаций в разрезе сфер деятельности.

На основании информации, представленной выше, мы можем наблюдать, насколько различается уровень доходов в различных сферах деятельности. Максимальное значение данного показателя присуще таким сферам деятельности, как добыча полезных ископаемых и финансовая деятельность. Их уровень за 2015 год составил 58.277 и 56.701 рублей, соответственно, относительно 33.800 рублей средней заработной платы всех работников. Максимальный децельный коэффициент наблюдается в такой сфере, как операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, данный показатель за весь анализируемый период колеблется в пределах 7,7 – 8,1 раза. Это говорит о значительной неравномерности распределения доходов в данной отрасли. Наименьшее неравенство в распределении заработной платы наблюдается в сферах сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, данный показатель варьируется от 4,5 до 4,8, в 2015 и в 2013 годах, соответственно.

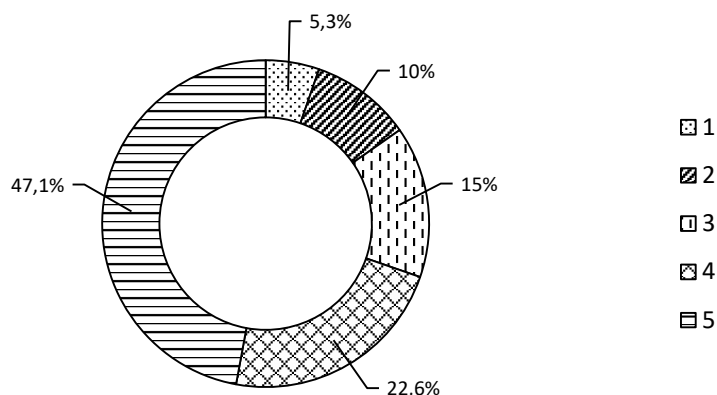


Рис. 2. Дифференциация доходов населения по 20-процентным группам за 2015 год
 Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 3. Уровень дифференциации заработной платы работников организаций

Показатель	Децельный коэффициент дифференциации, раз				Средняя заработная плата, рубли			
	2009	2011	2013	2015	2009	2011	2013	2015
Всего	6,7	7,1	7,1	6,7	18287	22334	29453	33800
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	–	4,7	4,8	4,5	9688	12120	16021	19830
Добыча полезных ископаемых	6,3	5,7	5,5	6,0	32737	41547	50234	58277
Обрабатывающие производства	5,0	4,7	4,6	4,8	17772	23047	28999	34378
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,0	5,2	5,1	5,0	20101	25086	29513	33799
Строительство	6,0	5,9	6,0	6,0	21965	27843	34261	38149
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	6,8	6,9	7,3	6,4	20646	25627	31480	34580
Гостиницы и рестораны	5,2	5,5	5,0	5,3	15826	20528	23212	28427
Транспорт и связь	5,8	5,8	6,2	6,1	21706	27131	33798	38252
Транспорт	5,0	5,1	5,4	5,2	22951	28773	35612	40575
Связь	7,1	6,9	7,8	7,7	17790	22033	27884	30611
Финансовая деятельность	6,5	13,5	6,7	6,2	34058	44659	54971	56701
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,7	8,1	8,0	7,9	24258	29534	38444	43021
Научные исследования и разработки	5,8	5,9	5,9	5,8	23735	28782	41973	47982
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование; деятельность экстерриториальных организаций	4,6	4,5	6,1	5,8	20657	23791	35576	39112
Образование	5,3	5,8	6,5	6,3	12393	13909	20452	24026
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,7	6,0	5,8	5,3	13652	15263	21039	25616
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	6,3	6,5	6,8	6,4	15500	16678	23308	29194
Деятельность по организации отдыха, развлечений, культуры и спорта	6,3	6,3	7,0	6,5	15650	16029	22970	29636

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

Следует выделить отрасли с наименьшим уровнем доходов, к их числу относятся сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг. Данная информация является негативной по отношению к населению. В связи с этим ограничивается доступ к получению полноценного качественного уровня образования и оказанию высококвалифицированной медицинской помощи, что существенно сказывается на всех сферах жизнедеятельности общества [6, с. 75].

В условиях развития нашей страны немалое влияние оказывает региональная дифференциация дохода [3, с. 92]. В табл. 4 представлена информация о распределении фонда начисленной заработной платы по 20-процентным группам работников в разрезе субъектов Российской Федерации.

Таблица 4. Распределение фонда начисленной заработной платы по 20-процентным группам работников по субъектам Российской Федерации за 2015 год

Субъект	1	2	3	4	5
Российская Федерация	5,7	10,2	14,9	21,5	47,7
Центральный федеральный округ	5,4	9,6	14,1	20,8	50,1
Северо-Западный федеральный округ	6,0	10,9	15,7	21,9	45,5
Южный федеральный округ	6,6	11,3	16,1	22,4	43,6
Северо-Кавказский федеральный округ	6,4	10,9	15,6	22,1	45,0
Приволжский федеральный округ	6,7	11,7	16,3	22,3	43,0
Уральский федеральный округ	5,6	10,5	15,1	21,7	47,1
Сибирский федеральный округ	6,0	10,7	15,6	22,4	45,3
Дальневосточный федеральный округ	5,9	10,6	15,3	22,1	46,1

Источник: составлено автором на основании данных Федеральной службы государственной статистики.

Согласно информации, представленной в таблице 4, самая наибольшая дифференциация доходов сконцентрирована в Центральном федеральном округе. Первая группа (с наименьшим уровнем дохода) имеет лишь 5,4% дохода в сравнении с 5,7% по стране. Пятая же группа, наоборот, имеет максимальный показатель и составляет 50,1% по сравнению с 47,7% по России. На основании этого можно говорить, что 20% самого богатого населения, сконцентрированного в Центральном федеральном округе, существует за счет бедного населения своего региона.

Наименьшая дифференциация доходов наблюдается в Приволжском и Южном федеральных округах, в которых существует относительная равномерность распределения заработной платы. Первая группа имеет 6,7% и 6,6%, соответственно; пятая – 43,0 и 43,6%.

Вследствие этого можно заключить, что заработная плата и ее распределение существенно зависят как от сферы деятельности работников, так и от местоположения, регионального размещения [3, с. 93].

На основании проведенного анализа следует отметить, что проблема бедности является одной из главных социально-экономических проблем страны и общества, она влияет на доступ населения к основным ресурсам развития: качественное образование и здравоохранение, высокооплачиваемая работа, социализация детей. Невысокий уровень доходов большей части населения в сочетании с существенной поляризацией доходов оказывает серьезное влияние на социальную напряженность и провоцируют социальный разлом общества, что, в свою очередь, противостоит стабильному развитию страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2014. – 304 с.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, – 2015. – 260 с.
3. Климкова, К.О. Институциональные особенности бедности в России / Климкова К.О. // Евразийский Союз Ученых. – 2014. – № 5 (часть 1). – С. 91–93.

4. Пасовец, Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях / Ю.М. Пасовец // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз – 2015. – № 2(38) – с. 143 – 160.
5. Федеральный закон от 24 октября 1997 года №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 27.05.2000 № 75-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 24.07.2009 № 213-ФЗ, от 30.11.2011 № 363-ФЗ, от 03.12.2012 № 233-ФЗ).
6. Шаховская, Л.С. Бедность как экономическая категория: институциональный подход : монография / Л.С. Шаховская, К.О. Климкова. – Saarbrücken (Germany) : Palmarium Academic Publishing, 2016. – 139 с.

Конкурентоспособность предприятия как фактор устойчивого развития региона

Аннотация. В статье рассмотрены методы оценки конкурентоспособности предприятия, выявлены их преимущества и недостатки. Оценка конкурентоспособности предприятия представлена как важная составляющая конкурентной борьбы, которая, в свою очередь, является значимым фактором устойчивого развития региона.

Ключевые слова: развитие региона, конкурентоспособность, методики оценки конкурентоспособности предприятия.

Современный этап развития экономики характеризуется существенными дисбалансами на региональном уровне. Работа над повышением эффективности региональной политики в этих условиях состоит в совершенствовании механизма формирования стратегии регионального развития, позволяющего осуществить выбор эффективных инструментов сбалансированного развития различных подсистем, повысить эффективность использования ресурсов, снизить степень уязвимости региональных систем и экономики в целом к воздействию внешних шоков [3, с. 38]. Особенно важным становится повышение конкурентоспособности предприятий для устойчивого развития региона.

В современных условиях конкурентная борьба среди предприятий предполагает не только обновление технологий и технологического оборудования, изучение внутреннего и внешнего рынков, проведение маркетинговых исследований, своевременное выявление слабых и сильных сторон и уязвимых мест конкурентов, но и способность производить оперативную оценку своих реальных возможностей и осуществлять мероприятия по повышению собственной конкурентоспособности [8, с. 23]. На основании вышесказанного видно, что оценка конкурентоспособности предприятия должна являться неотъемлемым элементом менеджмента любого субъекта хозяйственной деятельности всех форм собственности, поэтому цель статьи – рассмотреть основные методики оценки конкурентоспособности предприятия, выявить их преимущества и недостатки, дать рекомендации по их использованию в целях повышения конкурентоспособности предприятия как фактора устойчивого развития региона.

Подходы, согласно которым конкурентоспособность предприятия оценивается только исходя из характеристик производимого продукта (услуги), не являются предметом нашего исследования. Фокус внимания будет направлен на выявление и экономическую оценку параметров деятельности организации.

В настоящее время единой методики оценки конкурентоспособности предприятий не существует. При ее анализе используются различные факторы: ликвидность и рыночная устойчивость, качество продукции, интенсивность производства и оборота средств, уро-

¹ Нечаева Екатерина Станиславовна (Россия, г. Тюмень) – магистрант 1 курса, Тюменский государственный университет.

вень использования производственного и экономического потенциала, эффективность менеджмента, ценовая и сбытовая политика, продвижение товара на рынке, прибыльность, деловая активность, размеры предприятия и производства, уровень их концентрации, доля на рынке, обеспеченность собственными средствами и т. д. [7, с. 24].

Зарубежный опыт в этой области освещается в научной литературе крайне мало. Это объясняется тем, что каждая компания оценивает свою конкурентную позицию по собственной методике и не хочет ее раскрывать. На сегодняшний день наиболее распространена следующая классификация методов оценки конкурентоспособности предприятия [8, с. 25] (рис.).

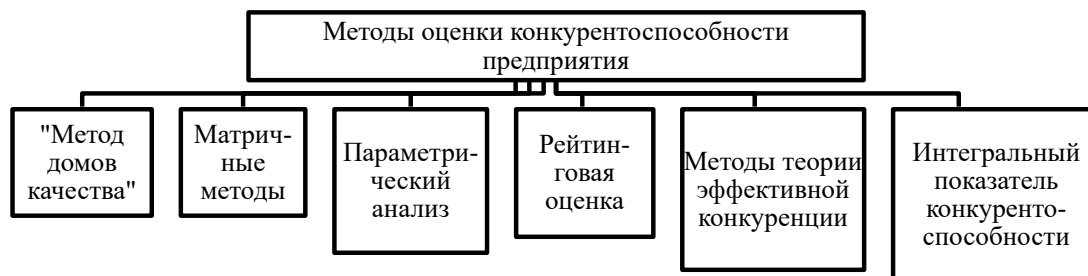


Рис. Методы оценки конкурентоспособности предприятия
Составлено автором на основании данных: [6, с. 151; 7, с. 283; 8, с. 25].

Рассмотрим основные методы оценки конкурентоспособности предприятия более подробно и выявим их основные достоинства и недостатки.

1) Метод развертывания функций качества

В рамках данного метода используют серии матриц («домов качества»), учитывающих требования потребителя и технико-эксплуатационные характеристики продуктов. Плюс метода в том, что он является универсальным инструментом разработки продуктов, гарантирующим, что все элементы производственной системы взаимосвязаны и подчинены потребительским требованиям. Однако попытки использования его в качестве методики оценки конкурентоспособности некорректны, поскольку не учитываются показатели, характеризующие процесс потребления созданных продуктов [8, с. 25].

2) Матричные методы

Суть метода состоит в анализе матрицы, построенной по принципу системы координат: по горизонтали – темпы роста (сокращения) объема продаж; по вертикали – относительная доля предприятия на рынке. Наиболее конкурентоспособными признаются те предприятия, которые занимают значительную долю на быстрорастущем рынке [4, с. 14]. Данный подход включает в себя применение таких инструментов, как матрица БКГ, матрица «Стратегическое преимущество – Стратегическая цель» (модель Портера), матрица «Привлекательность рынка / конкурентоспособность» (модель GE/Mc Kinsey), матрица «Привлекательность отрасли / конкурентоспособность» (модель Shell/DPM) и др. [6, с. 150].

К преимуществам указанного подхода можно отнести простоту применения инструментов и наглядность получаемых результатов. При доступности необходимой информации матричные модели обеспечивают высокую достоверность оценки конкурентных

позиций продуктового портфеля предприятия. Однако они не предусматривают выявление причин сложившегося положения предприятия и делают сложной выработку управленческих решений, а также требуют наличия актуальной маркетинговой информации и, соответственно, дополнительных трудовых, временных и денежных затрат [6, с. 151].

3) Параметрический анализ

Данный вид анализа предполагает использование системы, которая разработана и структурирована руководством компании и экономическими службами с учетом антикризисного управления хозяйственно-финансовой деятельностью предприятия. Чаще всего применяется комплексный экономический анализ, поскольку он позволяет получить актуальную информацию для принятия эффективных управленческих решений. В рамках метода важно правильно выбрать ключевые оценочные параметры. Однако использование такого анализа осложняется трудоемкостью самого метода. Также огромную роль играют навыки и компетенции топ-менеджеров, позволяющие грамотно использовать полученные результаты.

4) Рейтинговая оценка

Наиболее уместна рейтинговая оценка при сравнении предприятий отрасли или региона. Чаще всего анализируют такую документацию, как результаты опроса менеджеров заказчика или данного предприятия; финансовая отчетность предприятий. При этом рассчитанные на основе реальной информации показатели должны характеризовать существенные аспекты хозяйственной деятельности и финансового состояния предприятия. Для разработки рейтинга применяют десятифакторную модель. Ее структурируют по двум основным аспектам: эффективность хозяйственной деятельности (пять факторов) и финансовая стабильность (пять факторов). Далее с использованием специальной формулы выводится итоговый балл, согласно которому каждому предприятию присуждается определенное место в рейтинге. Расчет выглядит следующим образом: сумма произведений баллов, умноженных на соответствующие весовые коэффициенты. Последние определяются, как правило, на основе экспертных оценок (которые обычно даже статистически не обрабатываются), что говорит о существенном субъективизме при проведении оценки.

5) Методы теории эффективной конкуренции

Выделяют группу методов, в основе которых лежит теория эффективной конкуренции. Наиболее конкурентоспособными признаются предприятия, где лучше всего организована работа всех подразделений и служб. При этом эффективность деятельности подразделений и служб зависит от совокупности факторов – ресурсов предприятия. Оценка эффективности работы подразделения включает оценку эффективности использования им этих ресурсов. Метод включает оценку четырех групповых показателей, или критериев, конкурентоспособности. Коэффициент конкурентоспособности рассчитывается с учетом определенных экспертами весовых коэффициентов, зависящих от степени важности показателей:

$$K_{кп} = 0,15 * K_{энд} + 0,29 * K_{фп} + 0,23 * K_{эос} + 0,33 * K_{кт}, \quad (1)$$

где:

$K_{кп}$ – коэффициент конкурентоспособности предприятия;

$K_{энд}$ – показатель критерия эффективности производственной деятельности предприятия;

$K_{фп}$ – показатель критерия финансового положения предприятия;

$K_{эос}$ – показатель критерия эффективности организации сбыта и продвижения товара на рынке;

$K_{кт}$ – показатель критерия конкурентоспособности товара [7, с. 283].

Чтобы рассчитать показатель эффективности производственной деятельности предприятия ($\mathcal{E}_п$), применяется формула:

$$\mathcal{E}_п = 0,31 * O_{ип} + 0,19 * \Phi_o + 0,40 * O_{пр} + 0,10 * O_{пт}, \quad (2)$$

где:

$\mathcal{E}_п$ – критерий эффективности производственной деятельности предприятия;

$O_{ип}$ – относительные издержки производства на единицу продукции;

Φ_o – относительная фондоотдача;

$O_{пр}$ – относительная рентабельность товара;

$O_{пт}$ – относительная производительность труда.

Финансовое положение предприятия оценивается по формуле:

$$\Phi_п = 0,29 * A_{вт} + 0,20 * O_{пл} + 0,36 * O_{абсл} + 0,15 * O_{бос}, \quad (3)$$

где:

$\Phi_п$ – критерий эффективности финансового положения предприятия;

$A_{вт}$ – относительный показатель автономии предприятия;

$O_{пл}$ – относительный показатель платежеспособности предприятия;

$O_{абсл}$ – относительный показатель абсолютной ликвидности предприятия;

$O_{бос}$ – относительный показатель оборачиваемости основных средств предприятия.

Эффективность организации сбыта и продвижения товара можно оценить по формуле:

$$\mathcal{E}_с = 0,37 * P_n + 0,29 * K_{згп} + 0,21 * K_з + 0,14 * K_{эрс}, \quad (4)$$

где:

$\mathcal{E}_с$ – критерий эффективности организации сбыта и продвижения товара;

P_n – относительный показатель рентабельности продаж;

$K_{згп}$ – относительный показатель затоваренности готовой продукцией;

$K_з$ – относительный показатель загрузки производственных мощностей;

$K_{эрс}$ – относительный показатель эффективности рекламы и средств стимулирования сбыта.

Основное преимущество метода заключается в том, что он включает в себя наиболее важные характеристики деятельности предприятия: эффективность производственной деятельности, финансовое состояние предприятия, результативность политики сбыта и продвижения товара, конкурентоспособность товара. Более того, метод в большинстве случаев основан на реальных данных деятельности предприятия. Также актуально, что возможно оценивать конкурентоспособность предприятия не только по сравнению с конкурентами, но и в динамике [7, с. 283].

Недостатками метода являются:

- возникающие трудности при систематизации базы данных о предприятии;
- субъективность при определении весовых коэффициентов показателей оценки конкурентоспособности.

б) Интегральная оценка конкурентоспособности

В ее основе лежит метод, предполагающий определение набора показателей, а затем получение на их основе интегрированной оценки.

Например, В.А. Таран предлагает использовать такие показатели, как

- эффективность деятельности – собственный и заемный капитал, объем продаж, прибыль;
- уровень менеджмента – формы организации и опыт функционирования;
- финансовое положение предприятия – платежеспособность и структура капитала;
- репутация предприятия;
- квалификация персонала и ряд других аспектов.

Недостатком данной методики является отсутствие способов количественной оценки используемых показателей [1, с. 26].

А.С. Шальминова для определения уровня конкурентоспособности учитывает ряд показателей эффективности, таких как эффективность производственной деятельности, финансовое положение, эффективность маркетинговой политики, конкурентоспособность товара, эффективность инноваций.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что на сегодняшний день существует множество методик оценки конкурентоспособности. Тем не менее вопрос оценки и повышения конкурентоспособности на уровне предприятий как фактора устойчивого развития региона многогранен и требует использования совокупности показателей, в то время как односложное выражение конкурентоспособности можно считать некорректным. Мы разделяем точку зрения относительно приемлемости применения интегрального метода, который учитывает напрямую и косвенно конечные параметры хозяйственной деятельности предприятия [8, с. 27]. Главная задача оценки конкурентоспособности предприятия – систематизировать необходимые данные для разработки способов и мероприятий по ее повышению и управлению, что, безусловно, является залогом устойчивого развития региона [5, с. 34].

Оценка конкурентоспособности является сложной многофакторной задачей, которая сводится к выявлению наиболее значимых ее показателей и их интегрированию [8, с. 24]. Проведенный анализ существующих подходов позволяет выделить основные недостат-

ки используемых методов. В основном методики базируются на выявлении параметров, определяющих конкурентоспособность субъектов хозяйственной деятельности, при этом упор делается на выявлении их максимального количества, создании исчерпывающего списка. Далее выделенные параметры обрабатываются с помощью различных математических методов. Углубление анализа приводит к неимоверному возрастанию количества параметров. В итоге вся совокупность случайных и закономерных элементарных событий оказывает влияние на конкурентоспособность предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекирова О.Н. Анализ методов оценки конкурентоспособности предприятий / О.Н. Бекирова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Управление строительством. – 2015. – №2 (7). – С. 24–31.
2. Зенченко С.В. Основные методики оценки конкурентоспособности предприятия / С.В. Зенченко, В.В. Алмазов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 5 (44). – С. 72–76.
3. Нижегородцев Р.М. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона / Р.М. Нижегородцев, Е.И. Пискун, В.В. Кудревич // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – № 1. – С. 38-48.
4. Птицына А.С. Методологические подходы к оценке конкурентоспособности предприятия / А.С. Птицына // Nauka-Rastudent.ru. – 2014. – № 11 (11). – С. 14.
5. Сокова И.А. Комплексный анализ конкурентоспособности предприятия: новый взгляд на оценку / И.А. Сокова, А.В. Тихомирова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 1 (23). – С. 34–39.
6. Стрелкова Л.В. К вопросу об оценке конкурентоспособности предприятия / Л.В.Стрелкова, Т.А. Терушкина // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. – 2016. – № 1 (7). – С. 148–154.
7. Филимонова Ю.В. Анализ методов оценки конкурентоспособности предприятия (организации) / Ю.В. Филимонова // Вестник Ангарского государственного технического университета. – 2015. – № 9. – С. 280–284.
8. Щеглов А.Н. Экспресс-методика оценки конкурентоспособности предприятий / А.Н. Щеглов, Э.И. Нуртдинова // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2013. – Т. 18. – № 2. – С. 23–30.

Сущность концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК и сельскими территориями

Аннотация. Учитывая вековой отечественный и зарубежный опыт в управлении технологическими процессами, следует обратить внимание на концепцию механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК. Авторами изложена суть данной концепции, предложены направления развития сельских территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, агропромышленный комплекс, механизм стратегического управления, экономика, методы управления.

Главная цель концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК – это создание такого подхода к управлению, который бы отвечал специфике российских условий и был практически применим в любой организации и для любых видов организационных преобразований. Концепция механизма стратегического управления устойчивым развитием организации представляет собой систему знаний об управлении процессом изменений предприятия в направлении, определяемом стратегией предприятия в целях обеспечения его экономической безопасности и развития [5]. Содержание данной концепции связано с инновационными инструментариями управления, нацеливающими на кардинальные изменения системы. Авторы предлагают переход к реализации концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК по схеме, представленной в таблице.

Авторы утверждают, что в социоэкологоэкономической системе сельских территорий РФ существуют все необходимые условия, предпосылки, принципы, законы для прогрессивного движения вперед, поддержания внутреннего и внешнего баланса отраслей АПК и обеспечения постепенного перехода агроэкономики от простых явлений к более сложным, индустриальным и постиндустриальным. Концепция механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК представляет собой искусство управленческого персонала по оптимальному использованию совокупности имеющихся ресурсов, гибкому реагированию и проведению своевременных изменений в организации, отвечающих условиям окружающей среды, позволяющих добиться конкурентных преимуществ через эффективную деятельность и длительную жизнеспособность организации. Принципы устойчивого развития определяют положения, которые наиболее важны при управлении процессом изменений в организации и по своей сути являются рекомендациями, которых необходимо придерживаться при инициировании и осуществлении организационных изменений [5].

¹ Николенко Полина Григорьевна (Россия, г. Нижний Новгород) – к.э.н., доцент кафедры сервиса и экономики сферы услуг, Институт пищевых технологий и дизайна – филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет».

Терехов Андрей Михайлович (Россия, г. Нижний Новгород) – к.э.н., доцент кафедры бухгалтерского учета, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Таблица. Характеристика концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК

Основы механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК			
Категории	Характеристика категорий концепции механизма управления устойчивым развитием АПК		
Изменение	Смена характеристик организационной формы, технологического уклада через внедрение инновационных технологий производства и механизмов управления процессами		
Развитие	Переход на новый технологический уклад через совершенствование технического, интеллектуального, информационного, предпринимательского, технологического, материально-ресурсного, управленческого потенциала АПК		
Стратегическое управление	Управление комплексным потенциалом, традиционными и инновационными управленческими механизмами по ведению технологических процессов в отраслях сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, реагирующее на эволюционные изменения, ориентирующие организации на запросы различных сегментов потребителей, влияющих на доходность хозяйствующих субъектов, позволяющих развиваться сельским территориям и приводящих к качественным инфраструктурным преобразованиям на селе, в городе и регионе		
Устойчивое развитие	Сбалансированный процесс изменений, в котором эксплуатация природных, искусственных ресурсов, физический, умственный, интеллектуальный, управленческий труд направлены на оптимальное сочетание активов, пассивов, инвестиций в АПК с учетом научно-технического развития, развития личности, организации, территорий, ведущих к обеспечению продовольственной, национальной безопасности, улучшению качества жизни и наращиванию будущего потенциала		
Цель стратегического управления устойчивым развитием АПК – создание потенциала для рентабельного, конкурентоспособного и устойчивого функционирования всех отраслей АПК и отраслей продовольственного комплекса через многомерное опережающее управление (контроллинг), повышающее устойчивость функционирования всей хозяйственной и территориальной инфраструктуры			
Основные принципы механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК			
<ul style="list-style-type: none"> – обеспечение экономической и продовольственной безопасности регионов и РФ; – соответствие типу проводимых изменений в организации и во внешней среде; – сочетание сильной власти высшего руководства с организационной структурой (агрокластером) и горизонтальными связями; – обеспечение процесса управления изменениями, стратегическим руководством; – согласование интересов партнеров в кластерной структуре; – непрерывное обучение инновационным механизмам управления технологическими процессами; – укрепление социальной защищенности жителей сельских территорий 			
Характеристика законов при стратегическом управлении устойчивым развитием АПК			
Инерции	Развития	Эластичности	Непрерывности
Сельскохозяйственные организации продолжают использовать аксиомы, технологии, опыт, потенциал, накопленные в предыдущих технологических укладах	Организационная система стремится достичь наибольшего синергетического эффекта при прохождении всех этапов жизненного цикла технологий, услуг, продукции	Организационные системы (кластерные структуры) не одинаково реагируют на одни и те же события, механизмы управления в силу специфики организационной культуры, технического обеспечения, профессионализма работников, изменения в научно-образовательной инфраструктуре	Непрерывное изменение АПК через внедрение ресурсосберегающих технологий, интеграцию потенциала организационной системы (кластерной структуры), но с разной скоростью и различным синергетическим эффектом со знаком «плюс» или «минус»

Закон стабилизации	<p>Способствует укреплению финансовой, социальной защищенности жителей сельских территорий. Стабилизация и повышение потенциала зависят от потенциала самой компании, зависимость которой можно выразить функцией:</p> $P = f(P), (1)$ <p>где: P – повышение потенциала компании</p>
Методы управления устойчивым развитием АПК	
<p>Административные методы реализуются путем прямого воздействия правительства, руководителей, собственников на подчиненных. Метод может осуществляться на основе заключения договоров, через директивы, приказы, распоряжения, различные положения, правила, нормативы и другие документы. Экономические методы проявляются в воздействии на экономические интересы предприятия, государства, потребителя, работников, участников кластера и партнеров с помощью цен, оплаты труда, кредита, прибыли, налогов, льгот, тарифов, таможенных пошлин, субсидий и других рычагов, позволяющих ощутить эффективную работу.</p> <p>Социально-психологические методы управления – это способы осуществления управленческих воздействий на личность, коллектив, систему, основанные на использовании закономерностей социологии, психологии и педагогики.</p> <p>Инновационные методы представляют собой методы управления целостной структурой (организацией, кластерной системой, агрогородом, инновационным центром, ассоциацией, фондом) с использованием нововведений в основные функции управления, которые позволяют системам сохранять свою устойчивость и преуспевать в развитии долгосрочной перспективы на основе внедрения консалтинга, контроллинга, аутсорсинга. К ним можно также отнести методы хозрасчета, самоорганизации или самоуправления; полную или частичную автоматизацию управленческих процессов; кластерный подход; реинжиниринговую оптимизацию управляемых бизнес-процессов</p>	
Технология оценки устойчивого развития АПК. Методика диагностики	
<p>Экспертный метод диагностики применяется для оценки экономико-социального потенциала сельских территорий. Экономический потенциал представлен активами и возможностями управлять инвестициями, инновациями и обязательствами для расширенного ведения аграрного производства. Социальный потенциал – это стоимость обеспечения социальных потребностей человека, к которым относятся затраты на медицинское обслуживание, культурные мероприятия, организацию отдыха, различные социальные блага (пособия, материальная помощь, пользование ландшафтной инфраструктурой территории и т. п.).</p> <p>Балльный метод используется для определения уровня трудового, кадрового потенциала. Трудовой потенциал определяется стоимостью обеспечения такого уровня жизнедеятельности сотрудников и их образования, который необходим для достижения заданной производительности труда. При использовании балльного метода (от 0 до 5 или от 0 до 10 баллов) оценивают уровень необходимого потребления различных материальных благ, затрат на образование. На основе названного метода могут быть условно определены стоимость персонала и необходимые затраты на повышение его профессионального и научного уровня.</p> <p>Рейтинговый сравнительный анализ наиболее эффективен при комплексной оценке финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций (кластерных структур).</p> <p>Факторный анализ необходим при измерении производственного потенциала организации, кластерных структур. Производственный потенциал оценивается как совокупность производственных возможностей организации (кластерных систем), включающая основные фонды, материальные запасы, топливо-энергетическое, информационное обеспечение, трудовые ресурсы. Основные показатели емкости производственного потенциала – трудоемкость, материалоемкость, технологичность, фондоемкость, капиталоемкость и энергоемкость</p>	
<p>В методический базис стратегического управления устойчивым развитием аграрного производства должны войти положения антикризисного управления: стратегический мониторинг и стратегический контроллинг деятельности организаций с целью контроля экономического состояния, выявления и возникновения кризисных ситуаций, создания системы сканирования внешней и внутренней среды предприятия с целью раннего выявления «слабых сигналов» об угрозе приближающегося кризиса; формирование и постоянная адаптация стратегических и тактических антикризисных мероприятий, которые, являясь элементарными</p>	

носителями развития, разрешают соответствующие противоречия в рыночной среде. Управление развитием организации (кластерной структуры) должно базироваться на четырех моделях:

- модели жизненного цикла организации (кластерной структуры);
- модели жизненного цикла конкурентных преимуществ;
- модели жизненного цикла системы управления технологическими процессами;
- модели жизненного цикла управления нововведениями

Модель оценки эффективности процесса устойчивого развития в сельском хозяйстве

Экспресс-оценка устойчивого развития отраслей АПК на основе регионального мониторинга по модулям, показатели которых характеризуют:

- способность агроэкономики к устойчивому росту (модуль I);
- устойчивость финансовой системы АПК (модуль II);
- поддержание научного потенциала зернового производства (модуль III);
- уровень благосостояния жителей сельских территорий (модуль IV);
- качество жизни населения сельских территорий (модуль V);
- медико-экологическая обстановка сельских территорий (модуль VI);
- демографический потенциал сельских территорий (модуль VII).

Оценку эффективности процесса устойчивого развития по каждому модулю можно определить по формуле:

$$I_i = I_f / I_n (2),$$

где:

I_i – коэффициент устойчивости i -го показателя кластерной структуры;

I_f – фактическое значение показателя (например, средней урожайности зерновых, финансовых результатов, доходов аграриев в кластерной структуре);

I_n – эталонное значение (пороговое значение, это может быть средний уровень показателя по региону) показателя модулей.

Интегральные показатели устойчивости инновационной системы ($Y_{и.с.}$) (кластерной структуры) предлагаем рассчитывать по формуле:

$$Y_{и.с.} = \sqrt[n]{I_1 \times I_2 \times I_3 \dots I_n}, (3)$$

где:

I_1, I_2, I_3, I_n – устойчивость показателей инновационной системы (кластерной системы);

n – число показателей в системе.

На основе экспертных оценок можно установить значимость показателей указанных модулей организационных сельскохозяйственных структур. Обобщающую характеристику социально-экономической устойчивости развития АПК и организационных структур ($Y_{о.х.у.}$) предлагаем рассчитывать как среднюю арифметическую из интегральных показателей модулей, взвешенных по значимости по формуле:

$$Y_{о.х.у.} = (I_1 a_1 + I_2 a_2 + I_3 a_3 + \dots + I_m a_m) / m, (4)$$

где:

$I_1, I_2, I_3, \dots, I_n$ – коэффициенты устойчивости по блокам инновационной системы;

$a_1, a_2, a_3, \dots, a_m$ – уровни значимости показателей;

m – количество локальных модулей

Авторы солидарны с Р.Х. Адуковым, А.Н. Адуковой, Р.А. Юсуфовым, которые полагают, что устойчивое развитие сельских территорий, а также внедрение инноваций в управлении технологическими процессами тормозит недостаточный уровень развития государственного управления. «Государственное управление» – понятие весьма широкое, на решение сельскохозяйственных проблем влияет огромное количество факторов. Важным среди них является стратегическое развитие сельскохозяйственных территорий, которое

предполагает создание дееспособного института местного самоуправления; создание предпосылок для развития предпринимательства на селе [1]. В процессе государственного управления следует учитывать следующие положения:

1. Состояние экономики и социальной сферы всегда адекватны качеству системы государственного управления. Поэтому неудовлетворительное социально-экономическое состояние сельских территорий свидетельствует о том, что указанная система неэффективна и нуждается в перестройке.

2. Система государственного управления ориентирована на развитие лишь в двух случаях: при конструктивной диктатуре и при реальной демократии. Другие модели управления отражают необщациональные интересы и направлены преимущественно на сохранение монополии на власть и ресурсы узкой группы лиц. Демократические социально-экономические системы всегда ориентированы на развитие.

3. Сильная власть – одно из основных условий социально-экономического развития территорий и государства в целом.

4. Неудовлетворительное состояние аграрного сектора во многом является следствием слабой ориентированности системы государственного управления АПК на инновационное развитие отрасли. Недостаточное государственное регулирование приводит к нарушению цикличности инновационного процесса: «внедрение инноваций» – «переход отрасли на новый уровень» – «внедрение инноваций следующего уровня» – «переход отрасли на более высокий уровень» и т. д. В настоящее время в агронауке особое внимание в устойчивом развитии уделяется сельским территориям. Так, ряд исследователей выделяет условия устойчивого развития сельских территорий, опирающиеся на реализацию концепции «улучшение среды жизнеобитания человека»:

- выполнение сельскими территориями народнохозяйственных функций (производство продовольственных ресурсов, сельскохозяйственной продукции и сырья, других товаров и услуг, а также общественных благ);
- сохранение сельской культуры и сельского образа жизни;
- предоставление рекреационных услуг, социальный контроль над территорией, сохранение исторически освоенных ландшафтов;
- расширенное воспроизводство населения, рост уровня и улучшение качества его жизни;
- поддержание экологического равновесия в биосфере [3].

Под устойчивым развитием сельских территорий следует понимать целенаправленный процесс перехода сельского сообщества на качественно новый уровень, обеспечивающий расширенное воспроизводство производственно-ресурсного потенциала, достижение конкурентных преимуществ, повышение качества и уровня жизни сельского населения, сохранение и приумножение природных ресурсов на основе стратегических факторов развития и саморазвития [2].

Ряд ученых склоняются к использованию программно-целевого подхода в стратегическом управлении устойчивым развитием АПК и сельскохозяйственных территорий. В качестве реализации этого подхода они предлагают следующие направления:

– индикативный характер программных мероприятий, время реализации которых находятся в прямой зависимости от обеспеченности программ необходимыми материальными и финансовыми ресурсами;

– системность основных целей, задач и факторов устойчивого развития в экономике, социальной сфере, природной и институциональной среде сельских территорий;

– единство методических и методологических подходов к решению задач устойчивого развития на различных уровнях управления;

– концентрация ограниченных финансовых ресурсов для решения наиболее актуальных проблем социально-экономического развития сельских территорий, которые станут «точками экономического роста», от которых зависит поступательное развитие потенциала и рост уровня жизни населения;

– достижение синергетического эффекта при целевом использовании бюджетных ресурсов за счет максимального вовлечения в программные мероприятия внебюджетных средств, собственных средств заинтересованных государственных и коммерческих организаций, инвесторов (развитие государственно-частного партнерства);

– объективность оценки состояния сельских территорий, разработка для каждой территории альтернативных вариантов развития, целей, задач и мероприятий государственной поддержки, сглаживающих неравномерность сельского развития;

– расширенные возможности обеспечения контроля (государственного и общественного) при разработке комплекса мероприятий и использовании финансовых и материальных ресурсов [2].

Принципиально иная схема АПК РФ (рис. 1) ориентирована на устойчивое развитие, на внедрение более совершенных механизмов управления с созданием крупных комплексов: по производству биопродуктов; экологического; транспортно-технологического; торгового; социального; строительного и лесного.

Современные требования по ускорению инновационного социально-экономического развития в агропромышленной сфере РФ обуславливают необходимость поиска эффективной системы хозяйственного механизма, организационной структуры, функций и методов управления. Основным принципом такой системы является система активно-проблемно-ориентированного проектного управления (САПОПУ), которая включает следующие контуры:

– инновационно-инвестиционное обновление региональных агропродовольственных систем России;

– инновационно-инвестиционное обновление отраслей агропродовольственной системы субъектов, снабжающих сельскохозяйственным сырьем перерабатывающие предприятия;

– внешние связи (импортозамещение, повышение конкурентоспособности, привлечение инвестиций);

– социально-экологический и организационно-управленческий (улучшение социальных условий и экологической обстановки, совершенствование законодательной базы, организации управления проектами, финансового, научного, кадрового, информаци-

онно-консультативного и аутсорсингового обеспечения, экспертизы, отбора и приемки проектов).

Обоснована и значимость адаптации региональных пропорций АПК к рыночным условиям и открытости, что в свою очередь является важным условием повышения конкурентоспособности.

Деятельность АПК можно усилить через:

1) системный характер механизма устойчивого развития, включающего различные элементы с учетом неоднородности решаемых задач в социально-экономической сфере;

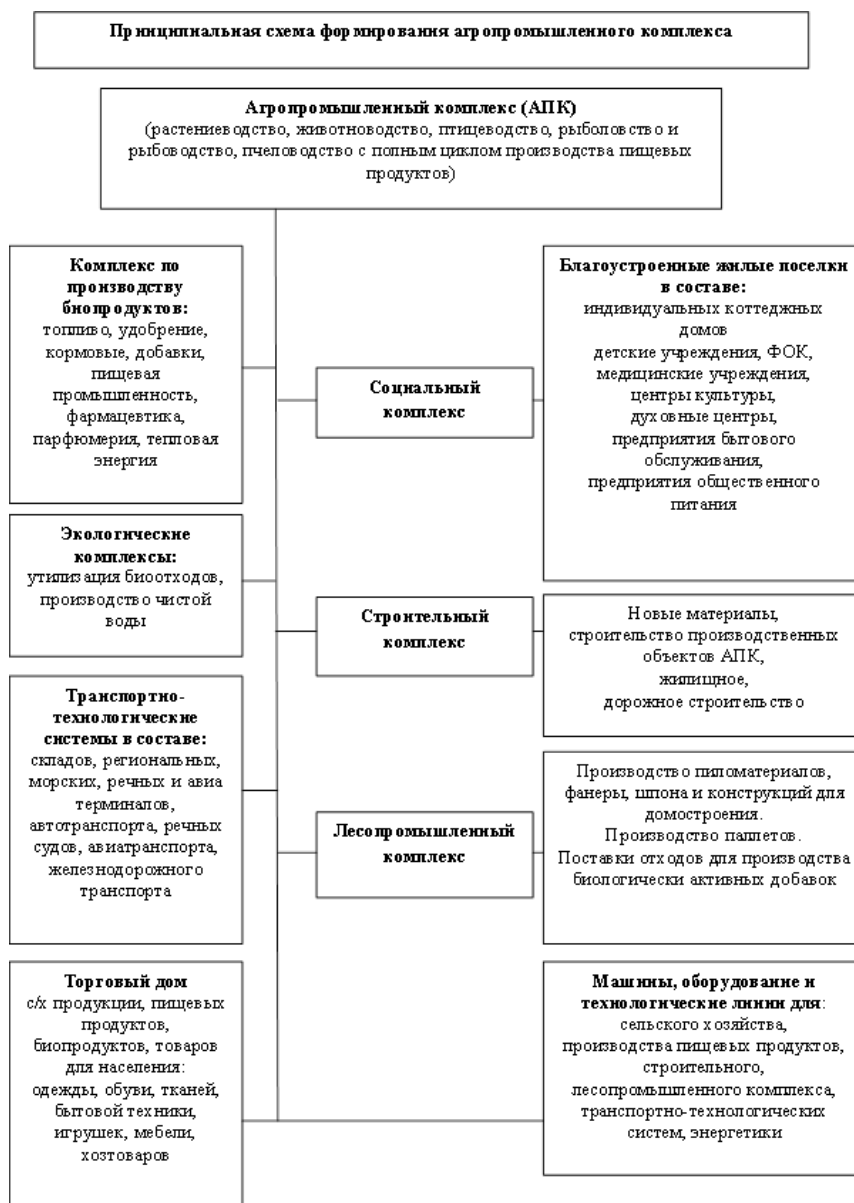


Рис. 1. Оптимальная схема АПК Российской Федерации

2) автономность, самостоятельность механизма в решении возникающих проблем или поставленных задач, наличие в нем элементов регулирования и координации;

3) эффективное использование имеющихся на территории ресурсов, потребляемых в процессе действия механизма [4].

Стратегия механизма устойчивого развития сельских территорий опирается на рациональное и эффективное управление государством в жизнедеятельности территории посредством интенсификации регулирующих процессов органами государственной власти и местного самоуправления через:

– регламентацию хозяйственной жизни путем установления нормативно-правовых основ для хозяйствующих субъектов;

– формирование институтов контроля за соблюдением норм регламентации хозяйственного поведения субъектов рынка, институтов государственно-частного партнерства;

– создание условий улучшения экологической обстановки на территории;

– повышение рационального использования земель путем выработки механизмов экономического стимулирования этих процессов;

– разработку социально-экономической политики в целях управления, определения и результативного применения механизмов ее реализации – собственно регулирование социально-экономических процессов.

Таким образом, особое место в стратегии устойчивого развития АПК должно отводиться региональной политике, которая нацеливает на реализацию интересов:

– экономического (реализация программ по росту производства и его эффективности, институциональных преобразований);

– социального (реализация программ по снижению социальных проблем сельских местностей, социальному обустройству села, достижению социальных стандартов);

– экологического (реализация программ по ресурсосбережению, поддержанию продуктивных свойств агроландшафтов, введению норм экологического поведения).

Поиск вектора экономической аграрной науки по формированию инновационной концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК нацелен на внедрение инновационных инструментов управления в практику хозяйственной деятельности организаций АПК с учетом сложившегося технологического уклада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адуков, Р.Х. Базовые условия развития сельских территорий / Р.Х. Адуков, А.Н. Адукова, Р.А. Юсуфов // Вестник Орловского государственного аграрного университета – 2011. – выпуск 5 (том 32) – С. 38–41.
2. Матюшкина, И.А. Программно-целевой подход в управлении устойчивым развитием сельских территорий / И.А. Матюшкина, О.М. Михалева, С.В. Герасименкова // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 75–78.
3. Меньщикова, В.И. Государственная политика устойчивого развития сельских территорий: содержание, оценка результативности, ключевые направления со-

вершенствования / В.И. Меньщикова, Е.А. Колесниченко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 34–43.

4. Меренкова, И.Н. Формирование механизма устойчивого развития сельских территорий на основе проведения их комплексной оценки / И.Н. Меренкова, А.Л. Медков // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. – 2011. – № 5. – С. 53–57.
5. Цхурбаева, Ф. Х. Организационно-экономический механизм управления предприятиями АПК / Ф. Х. Цхурбаева, И.Т. Фарниева// Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2009. – Том 7. – № 2 (часть 3). – С. 151 – 154.

Роль туристской сферы в экономическом развитии региона
(Исследование поддержано грантом Президента РФ. Проект № МД-5717.2016.6)

Аннотация. Целью работы является рассмотрение основных аспектов развития сферы туризма в России на региональном уровне: выявление ключевых проблем, анализ показателей выездного и въездного туризма, построение эконометрической модели туристической привлекательности региона.

Ключевые слова: туристская деятельность, региональная экономика.

Сегодня туризм как вид экономической деятельности характеризуется особым динамизмом развития, увеличением оборота, расширением традиционных форм и видов, появлением новых технологий. Координирует туристскую деятельность на международном уровне Всемирная Туристская организация (United Nations World Tourism Organization), в составе которой зарегистрированы 157 государств мира. Основными направлениями деятельности организации являются сотрудничество между странами для развития сферы туризма; анализ среды и рекомендации правительствам по большому числу вопросов, связанных с туризмом, включающие в себя генеральные планы и помощь в обосновании потребности инвестирования; совершенствование технологий и развитие маркетинга туризма.

Традиционно туризм определяется как временное перемещение индивидов с места постоянного проживания на другую территорию или страну [1, с. 17]. Туризм, с экономической точки зрения, рассматривается как вклад в экономическое развитие территории, формирование предложения и спроса, обеспечение занятости и числа рабочих мест, определение баланса платежей и финансово-экономических показателей в целом [1, с. 8–9]. Развитие туристской сферы может значительно способствовать экономическому росту.

В мировом масштабе, туризм – это мощнейшая индустрия, на долю которой в 2016 г. приходилось 10,2% от мирового валового продукта. По данным за 2015 г., туризм занимает 3 место по объему экспорта, уступая только экспорту топлива (3068 млн долларов) и продукции химической промышленности (2054 млн долларов)². Число международных туристов за 2016 г. возросло на 51 миллион человек. По прогнозам ЮНВТО, к 2020 г. число туристов возрастет до 1,36 млрд, а к 2030 г. – до 1,8 млрд. Таким образом, каждый пятый житель будет путешествовать. Дополнительно будет создано 21 млн рабочих мест³.

¹ Растворцева Светлана Николаевна (Россия, г. Белгород) – д.э.н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Кумар Дэвика Н. – магистр экономики, Московская школа экономики МГУ им. Ломоносова.

² Годовой отчет о туризме. Журнал «Туристический Барометр» 2017 (UNWTO World Tourism Barometer 2017). 2 февраля 2017. URL: <http://mkt.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2016-edition> (дата обращения 01.03.2017).

³ К 2030 году число международных туристов вырастет до 1.8 миллиардов. Барометр Всемирной Туристской организации. URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2011-10-12/k-2030-godu-chislo-mezhdunarodnykh-turistov-vyrastet-do-18-milliardov>. (дата обращения 15.02.2017).

Туристская деятельность в России регламентируется Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»⁴, в котором были полностью учтены «Рекомендации по статистике туризма» ВТО⁵.

О значительном потенциале российской экономики в сфере туризма свидетельствует тот факт, что доля данного вида деятельности на сегодняшний день не превышает 1,5% (табл. 1).

Мы видим, что доля доходов от туризма в ВВП России крайне мала, ее значение колеблется от 1,43% до 1,48%. С 2009 года доля заметно сократилась с 1,53% до 1,48% в 2016 г. Темп прироста отрасли совсем небольшой, и за 7 лет доля не смогла вернуться на прежний уровень. Лидерами по данному показателю в рейтинге промышленно развитых стран являются Гонконг и Испания. Сильный прирост заметен в Гонконге, там с 2007 г. по 2013 г. наблюдался колоссальный рост доли с 5,24 до 9,01%, но с 2014 года эта тенденция прекратилась, и теперь доля с каждым годом сокращается.

Целью работы является рассмотрение основных аспектов развития сферы туризма в России на региональном уровне: выявление ключевых проблем, анализ показателей выездного и въездного туризма, построение эконометрической модели туристической привлекательности региона.

На сегодняшний день многие секторы экономики России столкнулись с неблагоприятными экзогенными и эндогенными факторами развития. Сфера туризма не стала исключением. На его развитие оказывают значительное влияние такие процессы, как санкционные взаимоотношения со странами Запада, ослабление курса рубля, текущий экономический кризис, запрет в 2015 году на продажу туров по ранее ключевым выездным направлениям в Турцию и Египет, беспокойная геополитическая обстановка в мире [2, с. 34–35], снижение уровня доходов населения.

Таблица 1. Динамика доли туризма в ВВП некоторых стран в 2007–2016 гг., %

Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	1,43	1,41	1,53	1,37	1,33	1,32	1,33	1,44	1,47	1,48
Германия	3,95	3,78	3,82	3,88	3,78	3,87	3,87	3,91	3,90	3,92
Франция	3,68	3,70	3,60	3,54	3,72	3,72	3,74	3,75	3,68	3,73
Италия	4,19	3,96	3,81	3,80	3,93	3,95	4,01	4,10	4,20	4,24
Великобритания	3,47	3,34	3,36	3,22	3,41	3,52	3,60	3,63	3,68	3,72
Испания	5,53	5,54	5,09	5,17	5,43	5,49	5,63	5,72	5,75	5,74
Канада	1,78	1,76	1,71	1,72	1,72	1,73	1,73	1,76	1,83	1,87
Соединенные Штаты Америки	2,75	2,64	2,50	2,48	2,56	2,57	2,68	2,72	2,72	2,72
Гонконг	5,24	5,51	5,73	6,88	7,73	8,45	9,01	8,85	8,03	8,02

Составлено по данным: База данных всемирной туристской организации по странам. <https://www.wttc.org/datagateway>

⁴ Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения 02.02.2017).

⁵ ООН Международные рекомендации по статистике туризма, 2008 г [Электронный ресурс] – URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/Seriesm/SeriesM_83rev1r.pdf (дата обращения 01.02.2017).

Рассматривая туристскую деятельность в территориальном разрезе Российской Федерации, мы должны понимать, что развитие регионов происходит в макросистеме страны и мира в целом, а значит, социально-экономические тренды зависят не только от позитивных или негативных тенденций внутренней среды, но и от скорости и векторов таких же изменений во всей совокупности реально участвующих в конкурентном взаимодействии регионов [3, с. 112].

Рассмотрим развитие туристического сектора экономики по регионам-лидерам. Одним из оценочных показателей является число туристских фирм (табл. 2).

Таблица 2. Динамика числа туристских фирм в России по регионам-лидерам в 2010–2015 гг., ед.

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	9133	10266	10773	11324	11614	11893
Московская область	461	492	463	533	603	600
Республика Татарстан	296	345	389	408	399	598
Москва	716	697	614	633	465	577
Свердловская область	245	304	317	298	363	411
Челябинская область	310	318	321	312	339	401
Нижегородская область	184	258	271	289	281	399
Краснодарский край	413	459	395	400	408	386
Санкт-Петербург	346	238	357	384	247	381
Тюменская область	217	264	298	347	406	362

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

Как мы видим, по общероссийскому показателю количество туристских фирм с 2010 г. увеличивается. В 2014 году произошло некоторое сокращение по ряду регионов. В целом на национальном уровне за 2010–2015 гг. число фирм увеличилось на 30,22%, наибольшими темпами – в Нижегородской области (на 116%), Республике Татарстан (на 102%), Свердловской (на 67,76%) и Тюменской (на 66,82%) областях. В Москве и Краснодарском крае число туристических фирм за анализируемый период сократилось на 19,41% и 6,54% соответственно. Лидерами по числу туристских фирм в 2015 г. являлись Московская область, Республика Татарстан, г. Москва.

Проанализируем динамику числа туристических пакетов, проданных населению (табл. 3).

Проанализировав таблицу, можно сделать вывод, что число проданных туристских пакетов по России в 2015 г. было самым минимальным начиная с 2010 г. Наиболее резкое падение проданных туристических пакетов наблюдалось в 2014 году – это можно соотнести с такими проблемами, как внешнеполитические и экономические вызовы, массовые банкротства туристских фирм в 2014 г. Россияне стали больше путешествовать по России и по миру, не пользуясь услугами туристских фирм.

Абсолютным лидером продаж туристических пакетов стала Москва. На ее долю приходится порядка 30% от общероссийского объема. Доля Санкт-Петербурга в общероссийском показателе занимала с 2011 г. до 2013 г. 10–15%, но в 2014 г. заметно сократилась до 6% и держится на этом уровне. По темпам прироста в 2014 г. в Санкт-Петербурге наблюдалось резкое падение (на 67%), а в 2015 году прирост составил 1%. 2015 год выдался

**Таблица 3. Динамика числа туристских пакетов, проданных населению,
по регионам-лидерам в России в 2010–2015 гг., тыс. ед.**

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	4358,0	4427,0	4762,8	5384,0	4384,1	4024,0
Москва	1347,5	1087,1	1216,7	1253,7	1127,1	1100,7
Санкт-Петербург	363,6	421,3	533,2	783,2	257,3	259,1
Республика Татарстан	126,5	130,2	125,6	138,5	162,3	193,7
Свердловская область	138,9	143,7	166,1	212,6	169,6	144,7
Московская область	78,8	75,3	66,9	104,6	150,8	107,4
Нижегородская область	76,2	93,3	105,0	112,3	116,8	98,4
Челябинская область	56,7	68,2	62,2	62,2	68,8	80,1
Краснодарский край	40,8	49,0	67,6	78,5	61,4	55,1
Тюменская область	52,4	58,4	67,2	82,8	77,6	54,3

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

не очень благоприятным для Московской и Тюменской области, темп прироста был отрицательным и находился на уровне – 30%.

Рассмотрим въездной туризм. Если в отраслевой структуре ВВП России большая доля приходится на обрабатывающие производства, оптовую и розничную торговлю, добычу полезных ископаемых и операции с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг, то на долю туризма в регионах приходится от 1,5% до 3%. Данный показатель крайне невелик, так как во многих промышленно развитых странах мира вклад туризма составляет порядка 10%. Развитие туристской области как приоритетной важно в процессе диверсификации экономики страны и регионов при переходе от сырьевой модели к экономическо-социальной экономике несырьевого типа.

Появление новых, самых разнообразных видов туризма привело к тому, что туристический потенциал региона уже мало зависит от природно-климатических или историко-культурных ресурсов. Мы можем сказать, что гораздо сильнее он формируется под влиянием общих социально-экономических трендов, в большей степени зависит от экономического потенциала региона в целом. Экономический же потенциал, во-первых, не является постоянной величиной, во-вторых, поддается управлению. Таким образом, экономический потенциал развития туризма в регионе мы можем разделить на две составляющие: ресурсную (совокупность ресурсов, имеющихся в регионе для развития) и результативную (способность региона к эффективному использованию имеющихся и созданию новых ресурсов) [4, с. 13].

Рассмотрим развитие туристской сферы в отдельных регионах по показателям инфраструктуры. На *рис. 1* показана динамика объема производства сектора «Гостиницы и рестораны» в 2004–2015 гг.

Абсолютным лидером по объему производства в секторе «гостиницы и рестораны» является город Москва. С 2004 г. по 2015 г. объем производства вырос на 234%, но в 2015 г. темп прироста сократился на 15% по отношению к 2014 г. Следом за Москвой по объему производства лидируют Краснодарский край и Тюменская область. Для данных регионов 2015 г. был тоже непростым: темп прироста в Краснодарском крае был на крайне низ-

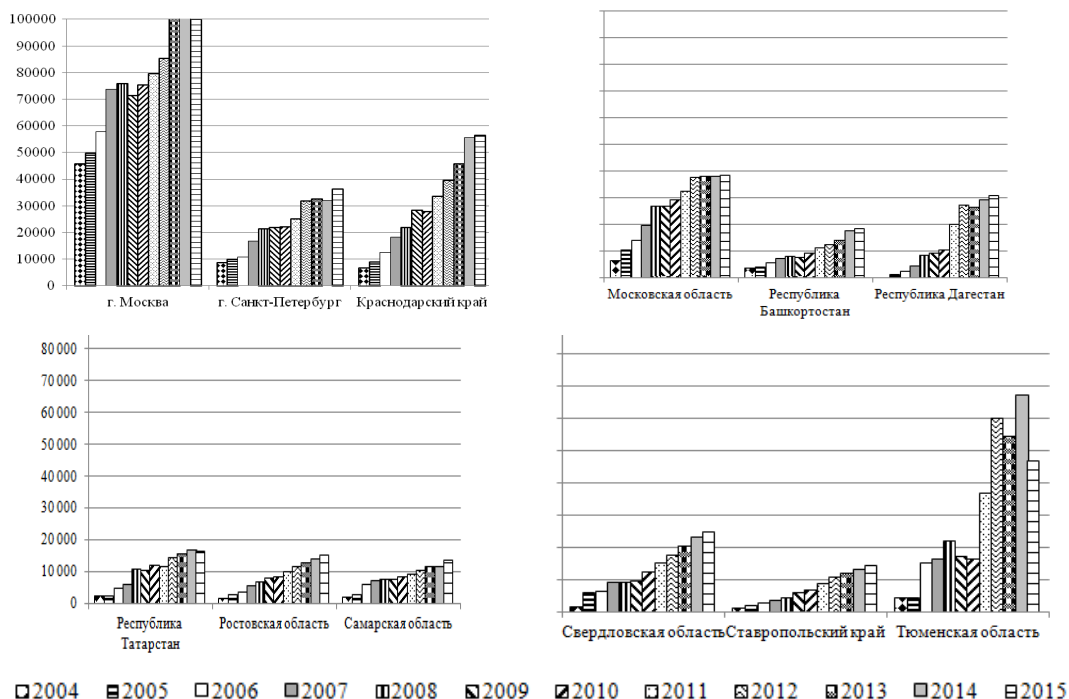


Рис. 1. Динамика объема производства сектора «Гостиницы и рестораны» по отдельным регионам в 2004–2015 гг., млн руб.

ком уровне по сравнению с предыдущими годами: (всего лишь 2%). В Тюменской области темп прироста и вовсе был отрицательным (-30%). Анализируя данные по доле гостиниц и ресторанов в ВРП, лидерами можно назвать два региона: Республику Дагестан и Краснодарский край. С 2004 г. доля гостиниц и ресторанов в ВРП Республики Дагестан выросла с 0,8% до 5,5%.

Рассмотрим динамику численности занятых в секторе «гостиницы и рестораны» по регионам-лидерам в 2000–2015 гг. (табл. 4).

Лидером по доле занятых в сфере «гостиницы и рестораны» является город Москва. С 2010 г. заметен тренд падения численности занятых в сфере «гостиницы и рестораны» в Москве. По остальным регионам доля колеблется на одном уровне начиная с 2006 г. В 2015 г. почти по всем регионам-лидерам доля в секторе сократилась на 1%.

На основе обобщения статистических данных по 12 регионам-лидерам по показателям развития туризма нами был проведен регрессионный анализ для определения наиболее значимого показателя, влияющего на объем производства в сфере туризма. В качестве объясняемой переменной был выбран показатель объема производства в сфере туризма, в качестве объясняющих переменных – количество занятых в сфере туризма, количество туристских компаний, количество проданных туристических пакетов и количество прибывших туристов (рис. 2). В итоге получилась регрессия, на основе которой можно определить, что количество занятых в сфере туризма не сильно влияет на объем производства, в связи с чем данный показатель был даже

Таблица 4. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности «гостиницы и рестораны» по регионам-лидерам в России в 2000–2015 гг., тыс. человек

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
РФ	947,8	981,9	1075,6	1150,1	1151,8	1016,7	1184,6	1259,7
г. Москва	100,3	109,8	127,7	143,3	138,8	117,9	101,4	116,8
г. Санкт-Петербург	44,9	50,5	55,4	62,5	63,7	60,4	66,0	73,3
Краснодарский край	46,9	50,7	53,9	61,4	60,5	51,7	59,3	64,7
Московская область	36,4	37,3	47,9	49,1	51,2	47,6	56,5	59,8
Республика Башкортостан	24,6	24,9	27,3	27,3	27,4	20,1	27,9	29,5
Республика Дагестан	3,5	3,6	4,8	5,9	14,2	14,3	14,5	18,5
Республика Татарстан	25,1	20,9	22,1	24,9	23,3	33,8	40,4	43,2
Ростовская область	23,7	26,7	31,5	34,0	34,0	29,4	34,4	35,5
Самарская область	26,7	24,6	28,4	31,8	31,9	25,3	33,9	33,8
Свердловская область	35,9	35,6	37,2	36,1	36,9	23,8	34,7	39,0
Ставропольский край	14,4	13,2	16,0	14,3	19,8	20,8	21,9	24,6
Тюменская область	24,1	29,0	29,2	33,7	33,0	30,4	33,5	34,0

Регион	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
РФ	1274,0	1142,0	1181,4	1218,0	1250,4	1267,5	1272,1	1338,1
г. Москва	109,7	121,2	138,7	144,2	141,9	136,9	137,2	137,8
г. Санкт-Петербург	66,0	61,1	60,9	61,3	62,5	66,5	60,8	59,2
Краснодарский край	70,5	64,3	63,2	64,4	68,4	68,3	71,7	75,1
Московская область	60,6	55,0	55,1	59,8	65,2	66,2	67,6	68,6
Республика Башкортостан	31,3	22,8	23,0	25,8	28,9	29,5	29,9	32,3
Республика Дагестан	27,7	28,3	28,9	30,1	30,4	30,2	30,2	29,7
Республика Татарстан	44,3	39,7	36,3	37,8	37,2	37,5	37,9	38,9
Ростовская область	36,9	32,9	33,9	34,6	35,1	35,8	36,0	35,9
Самарская область	33,0	29,9	30,4	30,1	30,7	31,3	32,1	32,1
Свердловская область	38,4	34,4	39,8	39,7	39,8	39,4	39,4	40,3
Ставропольский край	25,3	23,0	23,7	24,9	25,8	26,7	28,3	29,5
Тюменская область	33,3	28,2	28,4	28,9	31,9	33,6	33,7	33,4

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

исключен из окончательного варианта модели. По остальным показателям связь достаточно сильная. Показатель R^2 составляет 0,6389, что свидетельствует о высокой степени объяснения выбранных показателей для регрессионного анализа. Всего в анализе было задействовано 72 наблюдения (12 регионов за 6 лет). Аналогичная регрессия была построена отдельно для Санкт-Петербурга, но из-за небольшой выборки адекватную корреляционно-регрессионную модель построить не удалось, однако проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на показатель объема производства туристского сектора Санкт-Петербурга не влияет количество проданных туристских пакетов.

Невзирая на то что туристская отрасль находится только на седьмом месте в сфере услуг России от общего объема, значение данного сектора крайне важно для экономики страны. Расходы на туризм граждан России являются той частью бюджета, которая сильно урезается при любых финансовых проблемах. Поэтому, с одной стороны, сфера

Source	SS	df	MS			
Model	2.9078e+22	3	9.6926e+21	Number of obs =	72	
Residual	1.6433e+22	68	2.4167e+20	F(3, 68) =	40.11	
Total	4.5511e+22	71	6.4100e+20	Prob > F =	0.0000	
				R-squared =	0.6389	
				Adj R-squared =	0.6230	
				Root MSE =	1.6e+10	

Production_rest_hotels	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
Number_torist_comp	2.32e+07	1.46e+07	1.58	0.118	-6029495	5.24e+07
Numb_sold_tour_pack	52325.62	7113.669	7.36	0.000	38130.52	66520.73
Number_of_tourist_Russia	1351.802	472.7708	2.86	0.006	408.4029	2295.202
_cons	-2.40e+10	1.27e+10	-1.89	0.062	-4.94e+10	1.29e+09

Рис. 2. Результаты регрессионного анализа

туризма значительно зависит от стабильного и положительного экономического и финансового положения в стране, а с другой стороны, является некоторым индикатором социального благополучия населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основы туризма / под ред. Е.Л. Писаревского. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014.
2. Ускова Т.В., Егоров В.К., Леонидова Е.Г. Туризм в Российской Федерации: возможности для импортозамещения // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 32–46.
3. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Типология регионов по уровню и динамике повышения качества жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 111–125
4. Павлов К.В., Растворцева С.Н. Внешнеэкономический аспект управления региональной эффективностью экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 20. С. 12–19.

Международная экономическая интеграция как фактор развития территорий

Аннотация. В статье рассмотрены основные закономерности международной экономической интеграции и основные этапы, которые сопровождают страны с целью достижения наивысшей формы экономического объединения.

Ключевые слова: интеграция, национальное государство, экономика, территории, развитие.

Актуальность данной темы заключается в том, что интеграционные объединения создаются в целях использования преимуществ объединенного рынка, укрепления международных политических позиций, создания благоприятных внешних условий для национального развития, обмена опытом между странами-участницами и повышения эффективности развития приграничных территорий [7, с. 84].

Термин «интеграция» в последние годы постоянно претерпевает изменения и модификацию под требования существующей экономической и политической реальности. В работах отечественных ученых термин был введен в середине XIX века и понимался как процесс сближения [2, с. 9; 6, с. 27].

На современном этапе развития общества существует несколько определений «интеграции». В большинстве своем они содержат в себе эмпирическую природу. Причем многие из них описывают экономическую интеграцию, с которой и начиналось объединение в Европе [1]. Российские ученые понимают под международной интеграцией наивысшую степень интернационализации, при которой происходит сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и формирование целостного рыночного пространства с единой валютно-финансовой системой, единой системой правовой и внешнеэкономической политики. Другие представители отечественной экономической науки под интеграцией понимают процесс постепенного хозяйственного объединения ряда стран, в результате которого формируется новый целостный хозяйственный организм – международный региональный комплекс. Зарубежные экономисты утверждают, что интеграция – это постепенное устранение экономических барьеров между независимыми государствами и образование общего хозяйственного механизма. Причем интеграция не является самоцелью, она служит для достижения других, высших целей экономического и политического характера [3, с. 163].

Высшей стадией интеграции является создание экономического и политического союза, что означает полное объединение хозяйств стран – участниц интеграционного объединения. В противовес интеграции можно поставить такой процесс, как дезинтеграция. В переводе с латинского данный термин дословно означает «отмена восстановления». Де-

¹ Сидоров Александр Сергеевич – студент, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

интеграция – это распадение целого на отдельные части. Это явление ослабления созданных экономических и политических связей, основанное не на объективных тенденциях, а, как правило, на действии субъективных факторов и ошибках.

Если речь идет об экономической интеграции, то необходимо исходить из ее объективной природы, которая основывается на действии социально-экономических законов. В научной литературе также используется термин реинтеграция, что означает возвращение интеграционных связей. Считается, что процесс реинтеграции происходит сегодня со странами бывшего СССР, которые активно начали объединяться в союзы и альянсы с целью достижения максимально полезного эффекта для национального государства. Восстановление отношений между суверенными государствами нельзя назвать реинтеграцией, поскольку она предполагает возвращение прежних экономических связей, в том числе формирование единой экономики и развитие отраслей народного хозяйства [4, с. 104; 5, с. 78].

Процесс интеграции начинается с либерализации торговли между странами-участницами, свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Процесс интеграции зачастую основывается на следующих этапах:

- зона свободной торговли – это объединение стран, взаимная торговля между которыми осуществляется с использованием сниженных или отмененных таможенных пошлин на ввозимые товары и предполагает последующую отмену торговых ограничений между странами;

- создание Таможенного союза предполагает межгосударственное формирование, в котором действует соглашение об установлении общего внешнего тарифа, отмене каких-либо ограничений на торговлю между странами-участницами и установлении единой внешней политики по отношению к третьим странам, предполагается создание единого наднационального органа управления;

- формирование единого рынка заключается в свободном перемещении капитала и трудовых ресурсов, между странами-участницами устанавливается общая экономическая политика;

- создание Экономического союза включает формирование межгосударственного соглашения между странами и свободное обращение товаров, услуг, капитала и труда. На данном этапе проходит процесс гармонизации между странами по вопросам социальной, фискальной и монетарной политики [2, с. 10].

Полная интеграция предполагает добавление к экономическому союзу политического контекста, то есть создание надгосударственных органов управления, ликвидацию государственных границ и т. д.

На современном этапе развитие представленных форм интеграции можно наблюдать на территории всего земного шара, и создание не только межправительственных объединений, но и интеграцию хозяйствующих субъектов с целью создания транснациональных корпораций.

Таким образом, интеграция – это формирование долгосрочных политических и экономических связей национальных государств, которые имеют общие исторические, гео-

графические, политические, военные и межконфессиональные основы с целью получения максимального экономического и военно-политического эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибадуллин А.А., Борталевич С.И., Каленская Е.В. Проблемы становления электроэнергетической системы Евразийского экономического союза // Интернет-журнал «Отходы и ресурсы». – Том 3, № 4 (2016) – <http://resources.today/PDF/03RRO416.pdf>. DOI: 10.15862/03RRO416
2. Гибадуллин А.А., Борталевич С.И. Формирование Общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза: перспективы и проблемы // Энергетика Татарстана. – 2016. – № 2 (42). – С. 9–13.
3. Гибадуллин А.А. Внутренняя торговля энергетическими ресурсами стран Евразийского экономического союза // В сборнике: Инновационное развитие российской экономики IX Международная научно-практическая конференция. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд. – 2016. – С. 163–165.
4. Гибадуллин А. Зарубежный опыт повышения устойчивого развития предприятий электроэнергетики // Предпринимательство. – 2014. – № 4. – С. 98–118.
5. Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н. Современные механизмы инновационного развития промышленности России. – Москва: Государственный университет управления, 2016. – 159 с.
6. Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П. Европейский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. – М.: ООО «ВИКОР МЕДИА», 2013. – 240 с.
7. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

Экологический маркетинг территорий как инструмент преодоления глобальных проблем человечества

Аннотация. В статье представлено новое направление маркетинга – экологический маркетинг территорий, объединяющее научно-практические разработки в области маркетинга территорий, ценностно интегрированного маркетинга (маркетинга 3.0) и наук устойчивого развития для решения глобальных социальных, экономических и экологических проблем.

Ключевые слова: устойчивое развитие, маркетинг, маркетинг территорий, маркетинг 3.0, новая концепция маркетинга, экологический маркетинг территорий, ценностно-интегрированный маркетинг.

Мир становится все более плоским, такие проблемы, как изменение климата и загрязнение окружающей среды, уже не являются индивидуальной проблемой страны или локальной территории. В пользу этого предположения говорит факт единогласного принятия в Париже 196 сторонами новой договоренности – Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Это соглашение призвано заменить Киотский протокол и усилить деятельность стран по противодействию изменениям климата с 2020 г.

Парижское соглашение по климату имеет высокую историческую значимость, поскольку «его принятие подтверждает: изменение климата – осознанная всеми странами глобальная проблема, и государства готовы действовать» [2]. Экономическая составляющая данной конвенции предполагает финансовую поддержку экономически неразвитых и наиболее уязвимых к изменениям климата стран, которая в 2020 г. составит 100 млрд долларов и будет неизменно увеличиваться [Там же]. Каждая страна Парижского соглашения должна утвердить внутренние решения по низкоуглеродному развитию: внедрению современных экологически чистых и запрету устаревших технологий, повышению энергоэффективности, определению масштабов изменений и экономических инструментов для реализации заявленных планов [4]. И хотя степень участия и механизмы осуществления задач, прописанных в Рамочной конвенции, будут определяться самими странами в зависимости от уровня социально-экономического развития, прогрессивность страны (региона, локальной социально-экологической системы) будет «считываться» по вкладу в решение глобальных проблем.

Понимание реальности глобальных проблем человечества, инициировавшее изменение парадигмы социально-экономического развития в сторону неуклонного повышения внимания к трансдисциплинарным теоретическим вопросам и практическим механизмам в области охраны окружающей среды, не вызывает сомнения. Даже такой промышленный гигант, как Китай, – крупнейший эмиттер (источник выбросов, загрязнитель)

¹ Стрекалова Анастасия Сергеевна (Россия, г. Волгоград) – к.б.н., доцент каф. маркетинга, Волгоградский государственный университет.

парниковых газов (9,019,518 тыс. т) [15] – признает свой негативный вклад в ухудшение мировой экологической ситуации. И берет на себя ответственность стать мировым лидером экологических инноваций «не только ради Китая, но и ради нашей глобальной окружающей среды» [14, р. 204], первым шагом для достижения этой цели стала ратификация Парижского соглашения. Более показательным поведением малых островных государств, которые одними из первых сдали на хранение ратификационные грамоты к Соглашению, поскольку находятся «на передовой борьбы с последствиями изменением климата ... от выполнения Парижского соглашения зависит их благополучие и даже выживание» [11]. Такие территории, находящиеся в бедственном экологическом положении, реализуют стратегию поведения «территорий – защитников экобренда» [7, с. 83; 8], проявляя себя новаторами и даже революционерами в институционализации и продвижении экологических инициатив.

Парижское соглашение опирается на рыночные и нерыночные механизмы долгосрочного сотрудничества, наиболее важным его аспектом является «мощный сигнал рынкам о том, что пришло время для инвестиций в экономику с низким уровнем выбросов» [3]. Следовательно, широкое, системное, рыночно-ориентированное, жизнеспособное исследование в области пересечения экономических, социальных, экологических задач современного общества становится назревшей необходимостью.

Таким прикладным инструментом может стать экологический маркетинг территорий (ЭМТ), представляющий собой одну из сложнейших производных ценностно интегрированного маркетинга, или маркетинга 3.0, в понимании Ф. Котлера и соавт. Несмотря на невозможность однозначной, универсальной интерпретации маркетинга территорий [10, с. 83] в целом, все же предпримем попытку дать рабочее определение его частному случаю – ЭМТ.

ЭМТ – это рыночно ориентированный подход, который адаптирует и интегрирует научно-практические знания в области различных видов маркетинга (территориального, экологического, социально ответственного, событийного, отношенческого и др.) в совокупности с прикладными и фундаментальными «устойчивыми науками» (Sustainability Science). Зарубежными учеными науки об устойчивом развитии определяются как новая область науки, которая стремится понять фундаментальный характер взаимодействий между природой и социумом. Науки устойчивого развития пытаются решать такие вопросы, как поведение сложных самоорганизующихся систем и реакции системы природы и общества на множественные взаимосвязанные стрессы. В этом смысле ЭМТ сам является частью этой новой научной парадигмы, аккумулируя мульти- и трансдисциплинарные исследования как в смежных, так и далеких от классического маркетинга областях. Дефиниции предмета, объекта и субъекта ЭМТ даны в *табл.*

Итак, приоритеты научного сообщества смещаются в сторону интегративных исследований, и именно науки устойчивого развития обеспечат решение этой амбициозной задачи [13, с. 293]. Лишь при фокусировке на фундаментальном характере взаимодействия природы и общества возможна более устойчивая траектория развития человечества [1, с. 22; 12, с. 641]. В этом аспекте рыночно ориентированный подход маркетинга территорий,

Таблица. Предметная рамка экологического маркетинга территорий

Предмет	Экологический маркетинг территорий	Специфический вид территориального маркетинга и соответствующая прикладная научная дисциплина, объектом воздействия и предметом исследования являются разноуровневые социально-экологические системы; инструментарий ЭМТ, отражая сложность его объекта, охватывает комплекс как традиционно маркетинговых, так и экологически ориентированных технологических, инфраструктурных, институциональных, архитектурных, градостроительных, социальных и др. нестандартных принципов, используемых в целях (интересах) позиционирования и продвижения «зеленого» бренда территории [5, с. 97]
Объект	Социально-экологические системы	Рыночно-интегрированный, институционализированный, эмерджентный, гетерогенный комплекс регулярно воспроизводимых социально-экономических связей и отношений стейкхолдеров по поводу использования ресурсов и экстерналий экосистем в хозяйственной деятельности [9, с. 199]
Субъект	Стейкхолдеры экологического маркетинга территорий	Стороны или группы людей, заинтересованные и (или) причастные к разноуровневым экологическим процессам, происходящим в зоне их внимания или ответственности [6, с. 82]
Источник: составлено автором.		

учитывающий принципы ценностно ориентированного маркетинга 3.0, воплощенный в маркетинге территорий 3.0 и его экологической составляющей – экологическом маркетинге территорий, как никакой другой инструмент способен ответить на глобальные экономические, социальные и экологические вызовы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большаков Б.Е. Наука устойчивого развития. Книга I. Введение. М.: РАЕН, 2011. 272 с.
2. В Париже принято «историческое» климатическое соглашение ООН [Официальный сайт WWF] / WWF. Новости. 12 декабря 2015 г. URL: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/13910> (дата обращения: 10.04.2017).
3. Парижское соглашение: часто задаваемые вопросы / Бюллетень ООН [Официальный сайт]. URL: <http://www.unic.ru/bulletin/2016-4-11/parizhskoe-soglashenie-chasto-zadavaemye-voprosy> (дата обращения: 01.05.2017).
4. Сегодня будет подписано Парижское соглашение по климату [Официальный сайт WWF] / WWF. Новости. 22 апреля 2016 г. URL: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/14198> (дата обращения: 10.04.2017).
5. Стрекалова А.С. Бенчмаркинг в экологическом маркетинге территорий // Маркетинг в России и за рубежом. 2016. № 5. С. 97–103.
6. Стрекалова А.С. Гетерогенность стейкхолдеров экологического маркетинга территорий // Известия ВолгГТУ. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики». 2015. № 9 (169). С. 81–87.

7. Стрекалова А.С. Модели экологически ответственного поведения территорий // Маркетинг в России и за рубежом. 2015. № 6 (110). С. 78–84.
8. Стрекалова А.С. Радикальный экологический маркетинг территорий: причины и способы реализации // Маркетинг и общество: сборник статей 10-й Международной научно-практической конференции (12–13 ноября 2015 г.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. С. 184–188.
9. Стрекалова А.С. Социально-экологическая система как объект экологического маркетинга территорий: анализ и синтез определений / А.С. Стрекалова, Д.П. Фролов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2015. № 4. С. 194–203.
10. Фролов Д.П. Маркетинг региона: дискуссионные вопросы методологии и методики // Маркетинг в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 83–90.
11. 175 стран подписали Парижское соглашение по климату [Официальный сайт] / Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25818.VyCWgfmLTIU> (дата обращения: 14.03.2017).
12. Kates R.W. [et al.] Sustainability Science. Science. 2001. Vol. 292. Iss. 5517. Pp. 641–642.
13. Kliskey A. [et al.] A science of integration: frameworks, processes, and products in a place-based, integrative study. Sustainability Science. 2017. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 293–303.
14. Urban F. Editorial Environmental Innovation for Sustainable Development: The Role of China. Sustainable Development. 2015. Vol. 23. Pp. 203–205.
15. World Bank. Data. CO2 emissions (kt) [Official website]. URL: http://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.KT/countries/1W?order=wbapi_data_value_2011%20wbapi_data_value%20wbapi_data_value-first&sort=desc&display=default (date of access: 12.03.2017).

Ресурсный потенциал как фактор устойчивого развития экономики

Аннотация. Показано, что в секторе экономики адекватную оценку имеет ресурсный потенциал территории. Выявлена специфика макро- и микрообеспечения доступности ресурсов в зависимости от экономического состояния региона. Проанализированы преимущества и недостатки формирования ресурсной базы в условиях ограниченности ресурсов. Представлены успехи и проблемы реализации внутренних ресурсов территории. Среди главных проблем выявлена низкая эффективность использования государственных регуляторов ресурсозамещения. Систематизированы факторы ресурсного обеспечения для устойчивого развития экономики.

Ключевые слова: нововведения, микротехнологии, ресурсозамещение, ресурсообеспечение, устойчивое развитие.

Традиционно ресурсы рассматриваются как вспомогательное средство целевой деятельности людей, условия, позволяющие получить желаемый результат. Благодаря ресурсам можно с помощью определенных нововведений достичь цель, получить прибыль, а при необходимости – создать новый товар. Вместе с тем ресурсы – это вид экономической деятельности со своими особенностями, тенденциями и закономерностями.

Происходит отказ от одностороннего понимания ресурса как вторичного, т. е. подчиненного материальному производству, имеющего только товарную направленность. Макротехнологические изменения не всегда приводят к положительным результатам в осуществлении разработки и внедрений микротехнологий ресурсного обеспечения предприятий [2]. Важность развития ресурсного потенциала предприятия в зависимости от специфики региона в условиях многофакторной значимости и доступности ресурсов становится приоритетной.

В секторе экономики такая трактовка не может дать адекватную оценку экономической роли ресурсов. Становится очевидным, что ресурс это количественно измеряемая экономическая возможность приносить доходы не только предприятиям, но и региону в целом. Комплекс ресурсов стимулирует развитие разных сфер экономической деятельности, выступает в качестве катализатора и мультипликатора экономического развития предприятий [3; 4].

Главная особенность ресурсов с макроэкономической позиции заключается в невозможности их отнесения к какой-либо конкретной отрасли в экономическом и статистическом понимании этого слова. К ресурсам относятся денежные средства, запасы, возможности, доходы, ценности, знания, жизненная энергия [1]. Набор специфических ресурсов любой территории включает ряд отраслей в их традиционном смысле. Ресурсы при этом могут быть как возобновляемыми, так и невозобновляемыми. Например, деньги – ресурс возобновляемый, время – ресурс фиксированный.

¹ Суходоев Никита Дмитриевич (Россия, г. Нижний Новгород) – аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

В современных условиях ресурсный потенциал региона предоставляет неоспоримые конкурентные преимущества для субъектов хозяйствования [11]. В условиях ограниченности ресурсов возрастает социально-экономическое значение различных форм использования ресурсов и взаимодействия регионов по их эффективному использованию. В теории и практике управления ресурсного потенциала региона произошла радикальная смена парадигм и наметились признаки нового методологического подхода [5]. Эти процессы в России происходят параллельно в разных формах (*рис.*).

Сотрудничество регионов, имеющее долгосрочные устойчивые формы, объективным образом снижает различные риски неэффективной ресурсообеспеченности, риски недопоставки, непоставки или несвоевременной поставки ресурсов, минимизирует вероятность неоплаты отгруженной продукции [9]. Только взаимовыгодное сотрудничество имеет возможность ресурсозамещения масштабных проектов развития регионов. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года предусматривает получение 25–35% инновационной продукции в общем объеме промышленного производства. Для получения такого результата технологические инновации должны быть не менее чем у 40% промышленных предприятий. Производство наукоемкой продукции требует создания высокотехнологических производств инновационных ресурсов. Это позволит стать лидером глобальной экономики и иметь в ней свою долю 4,3%.

Концепция устойчивого состояния экономики включает ресурсный потенциал регионов, который обеспечивает организацию управленческого процесса с ориентацией на достижение успеха в бизнесе как отдельными организациями, так и регионом в целом [7]. В центре координации совместных усилий находится ресурсный потенциал региона, в создании которого участвуют все, и главным рычагом воздействия на экономию ресурсов является организационная культура их потребления. Именно этот аспект, тесно примыкающий к чувству удовлетворенности членов общества, выходит на первое место в совокупности факторов, определяющих использование ресурсов.

Решение этой проблемы видоизменяется под воздействием растущей конкуренции на рынках, и обеспечение ресурсами нового поколения становится приоритетным для до-

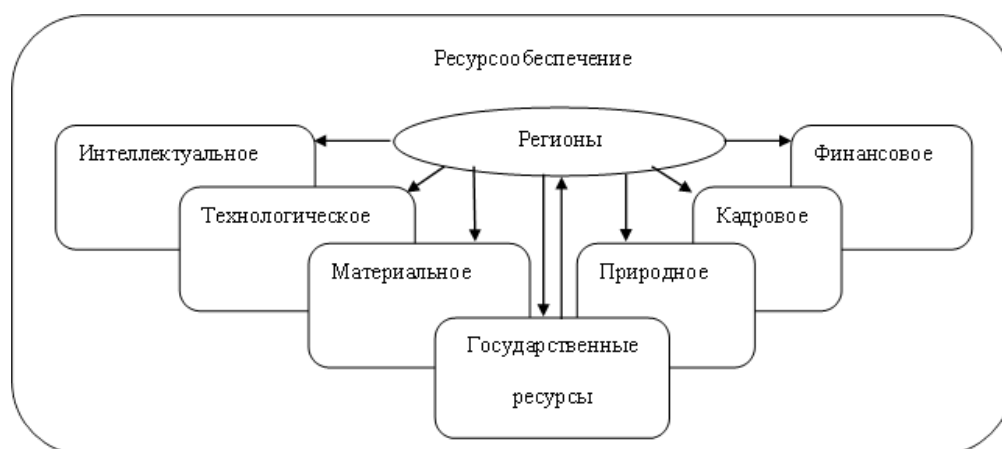


Рис. Модель процесса взаимодействия регионов по ресурсообеспечению

стижения устойчивости экономики и благосостояния работников. Серьезно относиться к этому заставляют не только научные разработки, но и известные успехи зарубежного менеджмента, используемого на предприятиях малого бизнеса различных регионов. Используются социально ориентированная модель бизнеса и механизмы с новыми приемами ресурсопотребления [8].

Диагностика ресурсного обеспечения региона представляет собой сложный социально-экономический механизм [10]. Стратегические задачи, характеризующие достижение цели экономического развития региона, описываются через совокупность показателей, отражающих взаимосвязи рассматриваемой системы. Основными уровнями, на которых строится ее структура, являются объемы инновационных производств и экспорта не только сырья, но и интеллектуальных ресурсов.

Стратегические цели диагностики ресурсного потенциала региона требуют установить отклонения от нормы использования ресурсов, принадлежность объекта к определенной группе, бюджетную обеспеченность этого процесса [6].

При оценке ресурсного потенциала большое значение имеют данные об уровне муниципальных доходов. Критерием ресурсного развития региона является индикатор инвестиционной активности как внутренней, так и внешней. Регион не имеет перспектив роста без дополнительных средств на свое развитие. Это означает, что при проведении мониторинга ресурсного потенциала региона необходимо определение объема внешних и внутренних инвестиций в экономику муниципального образования на основе анализа направлений их использования. Это могут быть инвестиции в новые технологии использования ресурсов, финансирование процедур поиска и добычи ресурсов, изменение структуры кадрового потенциала, инвестиции в новое производство.

Результаты диагностики ресурсного потенциала региона должны лежать в основе технического перевооружения действующих предприятий региона. Эффективность инвестиций в эти мероприятия выше, чем в новое строительство или расширение действующих предприятий. Пассивная часть фондов часто остается без изменения, что дает значительную экономию капитальных вложений. Активная часть фондов в региональной экономике дополняется техникой и технологиями нового поколения, что способствует повышению качества продукции и увеличению ее выпуска. Оптимальное управление фондами приводит к экономии ресурсного потенциала региона.

Ресурсный потенциал является основой создания и развития нового бизнеса. При этом определяются параметры всех видов ресурсов, имеющихся в конкретном регионе. В условиях современной российской экономики важнейшим направлением сбалансированности ресурсного потенциала региона является обеспечение согласованности использования материальных и финансовых ресурсов по предприятиям и организациям в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова И. В. Обеспечение комплексного развития коммерческого предприятия / И.В. Большакова, Е. А. Галочкина, О. М. Гринева. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2013. – 245 с.

2. Суходоев Д.В., Стожарова Т.В., Суходоева Л.Ф. Инновационные подходы к стратегическому управлению потенциалом региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 1 (123). С. 35–38.
3. Стожарова Т.В. Социально-экономическая конкурентоспособность как элемент развития субъектов экономики. // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 229–233.
4. Суходоев Д.В., Суходоева Л.Ф., Иванова В.А. Коммерческие взаимодействия в интернет-пространстве // В сборнике: Актуальные проблемы экономики. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 156–158.
5. Суходоев Д.В., Стожарова Т.В., Суходоева Л.Ф. Качественный состав региональных финансовых взаимосвязей // Экономика и предпринимательство. 2016. № 8 (73). С. 210–213.
6. Суходоев Д.В., Стожарова Т.В., Суходоева Л.Ф. Макроэкономическая оценка ресурсного потенциала региона // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8-1 (39). С. 80–82.
7. Суходоева Л.Ф. Прогноз развития промышленности города // Региональная экономика: теория и практика. 2004. № 5. С. 42–45.
8. Суходоев Д.В., Суходоев Н.Д. Инновационное развитие региона на основе его ресурсного потенциала // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2013. С. 241–245.
9. Суходоева Л.Ф., Суходоев Д.В., Стожарова Т.В. Информационное пространство коммерческих взаимодействий // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-2 (59-2). С. 747–752.
10. Суходоев Д.В., Суходоев Н.Д. Реструктурирование предприятий и развитие бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2014. № 6 (47). С. 812–816.
11. Суходоев Д.В. Подходы к организации стратегического управления ресурсным потенциалом региона // Российское предпринимательство. 2011. № 7-1. С. 108–110.

Особенности современного экономического развития Челябинской области

Аннотация. В статье проанализирована динамика ключевых показателей экономического развития Челябинской области. Выделены ключевые для региона виды экономической деятельности, представлены динамика и структура инвестиций, а также исследовано состояние основных фондов.

Ключевые слова: экономическое развитие, Челябинская область, инвестиции в основной капитал, валовой региональный продукт.

Челябинская область располагает богатыми и разнообразными природными ресурсами. Преобладающая часть месторождений представлена рудами черных, цветных и благородных металлов, нерудным сырьем. Разведано около трехсот месторождений минерального сырья, Южный Урал является монополистом в России по добыче и переработке графита (95%), магнезита (95%), металлургического доломита (71%), талька (70%).

Челябинская область располагает месторождениями подземных (более 200 месторождений) и минеральных вод (7 месторождений), лечебных грязей (5 месторождений).

Объем ВРП за 2015 г. – 1170313,5 млн руб., ВРП на душу населения – 334471,3 руб./чел. Отраслевая структура ВРП выглядит следующим образом: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 6,9%; рыболовство, рыбоводство – 0,0%; добыча полезных ископаемых – 2,4%; обрабатывающие производства – 35,7%; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 3,3%; строительство – 7,2%; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 11,9%; гостиницы и рестораны – 0,8%; транспорт и связь – 8,36%; финансовая деятельность – 0,2%; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 9,5%; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение – 4,7%; образование – 3,3%; здравоохранение и предоставление социальных услуг – 4,6%; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг – 1,2%.

Инвестиции в основной капитал в 2015 г. составили 212793,0 руб. Объем инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах уменьшился в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 18,1% (в 2014 году по сравнению с 2013 годом прирост составлял 1,2%).

В 2015 г. в структуре инвестиций в основной капитал по источникам финансирования большую долю занимают собственные средства (51,2%), привлеченные средства составляют 48,8% общего объема инвестиций.

Экспорт товаров – 4123,8 млн долл. США, импорт товаров – 1439,2 млн долл. США. Страны, с которыми проводятся основные экспортно-импортные операции: Кувейт, Нидерланды, Китай, Египет, Италия, Вьетнам, Иран, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан, Германия.

¹ Трофимова Наталья Владимировна (Россия, г. Уфа) – к.э.н., доцент, Башкирский государственный университет.

Ведущим в экономике является металлургический комплекс, в котором выпускается более 60% объема промышленной продукции.

Наибольший вклад в ВРП вносят такие уникальные крупнейшие предприятия региона, как Магнит, комбинат (ОАО «Комбинат «Магнит»); Магнитогорский металлургический комбинат (ОАО «ММК»); Челябинский металлургический комбинат (ОАО «ЧМК», группа «Мечел»); Челябинский трубопрокатный завод (ОАО «ЧТПЗ», «Высота 239»); Челябинский тракторный завод (ООО «ЧТЗ-УРАЛТРАК»); Челябинский цинковый завод (ОАО «ЧЦЗ»); Метран, промышленная группа; УРАЛ, автомобильный завод (УралАЗ); УСТЬ-КАТАВСКИЙ вагоностроительный; Южноуральский, транспортно-логистический комплекс; Завод Макфа, агропромышленная компания и др.

В 2015 г. в промышленном производстве наблюдался спад. Индекс промышленного производства в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составил 98,0% (в 2014 г. по сравнению с 2013 г. – 104,0%), в том числе в обрабатывающих производствах – 96,6% (103,3%). Замедлился рост производства в организациях, занимающихся добычей полезных ископаемых, – 114,7% (2014 г. к 2013 г. – 123,5%). Положительная динамика отмечена в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 104,3% (2014 г. к 2013 г. – 103,9%). Более половины (59,3%) объема отгруженных товаров, выполненных работ и услуг собственными силами организаций обрабатывающих производств приходилось на металлургическое производство и производство готовых металлических изделий.

Производство продукции сельского хозяйства в 2015 г. по сравнению с 2014 г., в сопоставимых ценах, увеличилось на 7,9% (в 2014 г. по сравнению с 2013 г. – на 5,6%). При этом объем произведенной продукции растениеводства к уровню 2014 года вырос на 8,2%, животноводства – на 7,7%. В хозяйствах всех категорий собрано больше, чем в 2014 г., зерна на 49,0%; произведено больше скота и птицы на убой (в убойном весе) на 5,1% и яиц – на 7,0%.

В 2015 г. позитивное влияние на динамику экономического роста оказало увеличение по сравнению с 2014 г. объемов производства добычи полезных ископаемых, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, продукции сельского хозяйства, грузооборота автомобильного транспорта организаций всех видов экономической деятельности и пассажирооборота автобусного транспорта общего пользования. Значительно вырос сальдированный финансовый результат деятельности организаций.

По итогам 2015 г. Челябинская область среди субъектов Российской Федерации заняла 7 место по объему продукции в обрабатывающих производствах. В регионе выпускается каждая 4-я тонна проката и стали, каждый 3-й кг макаронных изделий, 45% огнеупорных изделий, 12,5% стальных труб. Предприятиями обрабатывающего сектора, создается более 35% валового регионального продукта.

Одним из основных факторов, влияющих на результат производственной деятельности, является состояние основных фондов [1, с. 122].

Основные фонды региона в 2015 г. составили 2622699 млн руб, по сравнению с 2014 г. увеличившись на 8,9%.

Удельный вес основных фондов Челябинской области в федеральном округе составляет 9%, в национальной экономике – 1,6% (15 место в РФ).

В составе основных фондов 78,3% занимают крупные и средние организации, 3,8% – малые предприятия, 17,9% – собственность граждан. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. наблюдалось увеличение удельного веса основных фондов крупных и средних организаций на 0,8% и снижение доли собственности граждан на 1,0%.

Наибольшая доля основных фондов в 2015 г. сосредоточена в следующих видах экономической деятельности: «Транспорт и связь» (23,5%), «Обрабатывающие производства» (22,5%), «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (20,0%). Структура основных фондов по сравнению с 2014 г. претерпела некоторые изменения, увеличилась доля используемых основных средств по видам деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» на 1,6% и «Добыча полезных ископаемых» на 0,6%. В то же время наблюдается сокращение доли основных фондов по другим видам деятельности: «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» на 1,9%, «Образование» на 0,3%, «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» на 0,2%, «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование» и «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» на 0,1%. Видовая структура основных фондов представлена по крупным и средним организациям. В 2015 г. машины и оборудование составили 38,2% в общем объеме полной учетной стоимости основных фондов крупных и средних организаций, сооружения – 28,9%, здания – 26,7%, транспортные средства – 4,7%. По сравнению с предыдущим годом удельный вес машин и оборудования увеличился на 1,7%; зданий уменьшился на 1,0%, сооружений – на 0,4%. Одним из факторов, влияющих на результат производственной деятельности, является состояние основных фондов.

По данным баланса основного капитала, в целом по Челябинской области в 2005–2015 гг. наблюдалась тенденция старения основных фондов. К 2012 г. степень изношенности основных фондов достигла 51% и держится на данном уровне, отклоняясь на несколько процентных пунктов, составив 49,7%. В 2015 г. значения показателя износа основных фондов в Челябинской области выше среднероссийских. В 2005 г. – 47,5% в РФ против 44,1% в Челябинской области, в 2015 г. – 49,7% против 48,8% соответственно.

Самые высокие темпы роста степени износа ОФ за десятилетний период с 2006 г. по 2015 г. отмечались в ВЭД «Образовании», прирост на 72,83%. Среди видов экономической деятельности наиболее высокий износ ОФ в 2015 г. наблюдался в ВЭД «Транспорт и связь» – 73,6%, в образовании – 63,6%, в здравоохранении – 54,7%, строительстве – 48,9%, в секторе обрабатывающих производств – 47,9%, производстве и распределении газа и воды – 45,1% [2].

При этом находится на крайне низком уровне коэффициент обновления фондов (ввод в действие основных фондов, в процентах от наличия основных фондов на конец года). Так, в 2015 г. коэффициент обновления в текущих ценах составил 7,1%, коэффициент ликвидации – 0,8% (в 2014 г. 8,9% и 0,6%, соответственно). Наиболее интенсивно обновлялись основные фонды в организациях по видам деятельности: «Добыча полезных ископаемых» (коэффициент обновления составил 32,3%, при коэффициенте ликвидации 0,8%), «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (16,0% и 0,2%), «Сельское хо-

зяйство, охота и лесное хозяйство» (13,6% и 2,7%). Наименее интенсивно обновлялись основные фонды по видам деятельности: «Гостиницы и рестораны» (0,9% и 0,3%), «Образование» (1,0% и 0,2%).

Также ежегодно возрастает доля полностью изношенных основных фондов. Данный показатель увеличился с 14,1% в 2010 г., до 18,6% в 2015 г.

Фондоотдача ежегодно увеличивается: с 0,39 в 2005 г. до 0,45 в 2015 г., средний ежегодный прирост показателя составлял 1,9%. Фондоёмкость соответственно сократилась с 2,55 в 2005 г. до 2,24 в 2015 г.

Рассматриваемая проблема тесно связана с привлечением инвестиций на развитие и совершенствование производства.

В Челябинской области, как и в России в целом, зарубежные инвесторы более охотно предоставляют организациям торговые и прочие кредиты.

По результатам проведенного анализа развития промышленности Челябинской области выявлены проблемы, характерные для большинства субъектов Российской Федерации, а именно: – недостаточные объемы инвестиций, направленных на обновление основных фондов, что в целом выражается в их значительном износе; высокий средний возраст материально-технической базы промышленных предприятий региона; низкая степень участия в процессах совершенствования и развития производства.

Для преодоления выявленных проблем необходимы меры государственной поддержки. К ним, в частности, относятся инвестиционный налоговый кредит, кредитование на льготных условиях, привлечение средств частных инвесторов и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобанова, В.А., Трофимова Н.В. Структурный фактор и его воздействие на динамику макроэкономических индикаторов // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. – 2014. – № 1. – С.121–125.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. - 1326 с.

Роль и значение малого предпринимательства в обеспечении экономического роста страны

Аннотация. Целью настоящей статьи является выявление системных проблем и тенденций развития малого предпринимательства, а также определение его роли в качестве фактора экономического роста в РФ. В статье рассматривается место и роль малого предпринимательства в экономике России и за рубежом; обобщаются теоретические подходы к определению вклада малого предпринимательства в экономический рост; определяется институциональная среда развития предпринимательства в России.

Ключевые слова: экономический рост, малое предпринимательство, фактор экономического роста.

Проблемы динамики национальной экономики привлекают все большее внимание. Анализ темпов экономического роста, изменение факторов, влияющих на него, спады и подъемы экономического развития лежат в основе работ по прогнозированию экономики, служат основой для выработки экономической политики государства. Проблема экономического роста имеет много аспектов и, наряду с чисто экономическими сторонами, связана с вопросами социологического, политического, нравственного и общечеловеческого характера. Возможности обеспечения высоких темпов экономического роста особенно расширились в связи с развертыванием в середине XX в. НТР и ее дальнейшим углублением [13].

Критический анализ различных научных представлений об экономическом росте свидетельствует, что описание этого многоаспектного явления далеко не завершено. В то же время исследование и моделирование факторов, причин и механизмов, определяющих характер экономического роста, позволяет объективизировать процесс развития социально-экономических систем, формировать достоверные прогнозы, разрабатывать более эффективные инструменты его регулирования [12].

Обобщение теоретико-методологических подходов к определению сущности экономического роста позволяет заключить, что рост есть одна из составляющих экономического развития, характеризуется положительной динамикой экономики, количественным и качественным совершенствованием произведенного ВВП [9; 13]. Его роль в экономической системе противоречива. С одной стороны, экономический рост является фактором поступательного экономического развития, с другой – фактором нестабильности, поскольку при определенных условиях обуславливает перегрев экономики, ее кризисную динамику. В посткризисный период экономический рост является фактором выхода из кризиса, поступательного развития экономики [1].

Анализ современных тенденций мировой экономики свидетельствует, что выход глобальной экономики на траекторию устойчивого роста не состоялся. Это находит выраже-

¹ Усков Владимир Сергеевич (Россия, г. Вологда) – к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

ние в нестабильном экономическом развитии и замедлении его динамики в ряде ключевых экономик (табл. 1). По мнению К. Манн, глобальная экономика уже в течение пяти лет находится в ловушке низких темпов роста, выбраться из которой достаточно сложно. Основные проблемы – отсутствие новых драйверов роста [19].

Что касается России, то, безусловно, сегодня нет задачи более важной, чем переход к стратегии экономического роста. Затухание экономической динамики российской экономики и неспособность выйти на докризисные (2000–2008 гг.) темпы экономического роста свидетельствуют об исчерпании потенциала сложившейся модели «сырьевого роста» [9]. В ситуации почти двукратного сокращения в РФ ВРП экономический рост становится одной из основных макроэкономических целей (рис.). Он является объективно необходимым и для всех развивающихся стран с целью преодоления экономической отсталости.

Рост российской экономики в рыночных условиях требует формирования и развития в стране всего многообразия рыночных институтов и секторов народного хозяйства. Экономический рост является одной из основополагающих категорий экономической теории и практики. Именно с ним связываются показатели развития производства и его эффективности, возможности повышения материального уровня и качества жизни. Практиче-

Таблица 1. Прогноз динамики ВВП в странах и группах стран в 2017–2020 гг., % к предшествующему году, в неизменных ценах [19; 20]

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Мир в целом	3,4	3,6	3,7	3,7
Страны с развитой экономикой	1,8	1,8	1,8	1,7
США	2,2	2,1	1,8	1,7
Япония	0,6	0,5	0,7	0,1
Страны еврозоны	1,5	1,6	1,5	1,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся государства	4,6	4,8	5,0	5,1
Россия	1,1	1,2	1,5	1,5
Китай	6,2	6,0	6,0	5,9
Бразилия	0,5	1,5	2,0	2,0
Мексика	2,3	2,6	2,9	3,0
Нигерия	0,6	1,6	3,2	3,8
ЮАР	0,8	1,6	2,2	2,2

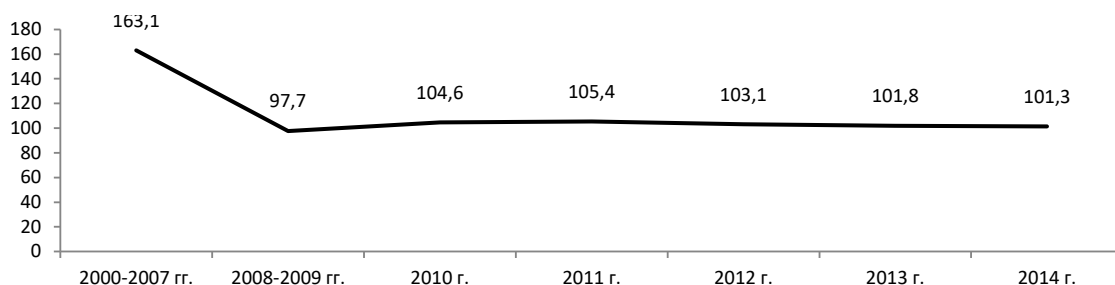


Рис. Динамика ВВП Российской Федерации, % к предыдущему году

ская деятельность любого правительства по осуществлению экономической, финансовой и налоговой политики, в конечном счете, направлена на стимулирование экономического роста. Проблема экономического роста всегда была и остается центральной в экономической науке. Экономический рост – это непрерывный процесс увеличения факторов производства и материальных благ, характеризующихся количественными и качественными показателями общественного производства. Экономическая теория определяет основным показателем экономического роста темп роста ВВП страны за определенный период (квартал, год), а также удельный вес сегментов общественного производства. В связи с этим необходимо отметить, что в экономически развитых странах в структуре ВВП больше половины (50–60%) составляет объем продукции, произведенной малыми предприятиями [10].

В соответствии с этим цель данного исследования – выявление системных проблем и тенденций развития малого предпринимательства, а также определение его роли в качестве фактора экономического роста в РФ. Цель исследования определяет необходимость решения следующих задач: определение места и роли малого предпринимательства в экономике России и за рубежом; рассмотрение теоретических подходов к определению вклада малого предпринимательства в экономический рост; определение институциональной среды развития предпринимательства в России.

Возможность реализации частной предпринимательской инициативы и развитие малого и среднего предпринимательства являются необходимыми условиями успешного развития страны, решения социальных и экономических задач.

Малый и средний бизнес России – это более 5,6 млн субъектов предпринимательства, на которых официально занят каждый четвертый работник в России. Малое предпринимательство – это, прежде всего, институт, который обеспечивает занятость населения. Именно малые компании делают деловую и общественную среду комфортной и удобной. С предпринимательством связаны решение задач экономического развития и переход на путь инновационного развития [2; 7].

В последние годы высшим руководством страны заявлен ряд мер, направленных на стимулирование развития малого и среднего предпринимательства: налоговый мораторий на 4 года, налоговые каникулы для вновь созданных производств, снижение контрольно-надзорного давления, «инвестиционный лифт» [4]. Однако следует отметить недостаточную эффективность реализуемых мер в текущих экономических условиях и отсутствие системного результата.

Несмотря на относительно высокий вклад в обеспечение занятости населения, по другим показателям малое и среднее предпринимательство играет незначительную роль в экономических процессах (табл. 2).

Таким образом, развитие малого предпринимательства в современной рыночной экономике – это уникальный ресурс и резерв экономического роста. Сегодня показатель объема производства малых предприятий России в общем объеме ВВП имеет огромное значение. Если доля малых предприятий в экономике не достигает «барьера» в 40%, что и наблюдается сегодня в России, то такое состояние малого предпринимательства, во-пер-

Таблица 2. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости в разных странах [5]

Государство	Доля в ВВП	Доля в занятости
США	~ 50%	~ 50%
Страны ЕС	50–70%	50–70%
Япония	>50%	>80%
КНР	>60%	>80%
Южная Корея	~50%	>80%
Бразилия	>60%	~ 65%
Индия	< 20%	~ 65%
РФ	<20%	< 40%

вых, свидетельствует о недостаточности реформ, а во-вторых, становится прямым препятствием к их проведению, поскольку слабый малый бизнес гасит реформационную мотивацию, в то время как сильный создает ее [10].

Особые надежды возлагаются на малый и средний бизнес в условиях действия кризиса. Малые и средние компании в силу присущей им мобильности и гибкости могут сгладить негативные процессы в сфере занятости населения, обеспечить социальную адаптацию высвобождающихся с крупных предприятий работников, а также сформировать новые рыночные ниши и точки экономического роста. Малое и среднее предпринимательство должно стать основой экономики посткризисного периода.

Следовательно, необходимо развивать «сильное» малое предпринимательство для увеличения его вклада в экономический рост.

Возможность вклада малого предпринимательства в экономический рост определяется его факторами. В экономической литературе общепринято кроме труда, земли и капитала относить к факторам роста предпринимательскую способность и научно-технический прогресс.

Анализ основных положений экономической теории позволяет заключить, что в рыночной экономике капитал как один из основных факторов экономического роста ищет сферы своего наиболее эффективного применения. В отрасли с наибольшей нормой прибыли устремляется множество различных капиталов, что приводит к увеличению выпуска продукции. Ситуация на рынке данного товара изменяется, превышение предложения товара над его спросом приводит к падению нормы прибыли и оттоку капитала. Именно малые предприятия способствуют осуществлению сложных процессов межотраслевого и внутриотраслевого перелива капитала. На крупных предприятиях перемещение финансовых, материальных и трудовых ресурсов усложняется из-за значительных объемов этих ресурсов.

В условиях экономического роста также актуальным становится вопрос распределения ресурсов между субъектами рыночных отношений. Наличие большого количества малых предприятий обеспечивает не только экономическое, но и социально оптимальное распределение ресурсов между мелкими собственниками. Возникновение малых предприятий стимулирует распределение ресурсов и перераспределение доходов в экономике, снимает социальную напряженность. Следовательно, малое предпринимательство способствует социально эффективному распределению ресурсов в экономике [4; 8].

Современные формы экономического роста предполагают изменение структуры производства и широкое использование научно-технического прогресса. Целый ряд развивающихся стран использует возможности как индустриальной формы развития, так и постиндустриальной – информационной, а также различные их комбинации, позволяющие находить наиболее эффективное соотношение факторов производства, в том числе развитие предпринимательских навыков. Именно развитие малого предпринимательства способствует оптимальному комбинированию факторов производства и полному использованию ресурсов. Малые предприниматели инициируют создание новых производственных комбинаций, привлекают те ресурсы, которые остались не использованными более крупными предприятиями. Малое предпринимательство включается в хозяйственную структуру, в общественное разделение труда, не подменяя собой те структуры и сферы, где эффективно работают другие производства. Производственные возможности реализуются в тех нишах, которые не заняли крупные фирмы, а малые видят в них возможность добиться наибольшей прибыльности. При этом малое предпринимательство не выступает чем-то изолированным от общей экономической системы, оно является ее неотъемлемой частью.

Также малое предпринимательство способствует решению противоречия экономического роста между потреблением и сбережением. Предприниматели от своей деятельности получают определенный доход. Как правило, этот доход не идет полностью на потребление. Часть полученного дохода остается «в деле», идет на расширение, модернизацию производственных и непроизводственных фондов. Таким образом, предприниматель является, по отношению к своему производству, инвестором средств, которые частично являются его сбережениями.

Отметим, что в последние десятилетия малый бизнес стал активно внедряться в инновационные процессы и выполнять функцию первопроходца в научно-технической сфере. Так называемый венчурный бизнес на три четверти состоит из малых предприятий. Огромна роль, которую играют малые предприятия на рынке труда. В развитых странах на них приходится основная часть прироста занятости [8].

Особая роль, которую играет малое предпринимательство, не ограничивается только его инновационным потенциалом. Малые предприятия в силу занимаемого ими положения в отраслевой организации и выполняемых функций оказывают значительное модифицирующее воздействие на характер и уровень интенсивности отраслевой конкуренции.

Во-первых, малые предприятия, осуществляя новые разработки в области продуктов и технологий, выступают фактором снижения рыночной власти отдельных участников рынка, так как обеспечивают им равную доступность к своим достижениям.

Во-вторых, способствуя распространению через копирование передовых достижений, они стимулируют поиск новых способов приобретения конкурентных преимуществ, обуславливая тем самым развитие форм конкуренции.

В-третьих, выступая неким объединяющим потенциалом для отраслевой организации, они обеспечивают не только единство конкурентного поля, но и более быстрое накопление в отрасли элементов конкурентоспособности.

В-четвертых, представляя собой идеальную форму для кооперации усилий крупных производителей в решении отдельных проблем через совместное финансирование разработок и взаимодействуя в разных формах с большинством участников отраслевого рынка, малые инновационные предприятия способствуют развитию коммуникативных связей между ними, а через это – и выработке цивилизованных форм конкурентной борьбы [8; 10; 16; 17].

Все это позволяет заключить, что определение места и роли малого предпринимательства как фактора экономического роста страны основывается на применении комплексного подхода.

Поэтому сегодня принципиальной позицией государства должно стать применение накопленного опыта поддержки малого предпринимательства стран, в которых качественный вклад малого и среднего бизнеса в развитие экономики несопоставимо выше, чем в текущее время в Российской Федерации. Важно систематически изучать и внедрять лучшие практики их решения, успешно апробированные другими развитыми странами, в первую очередь в части развития инновационно-технологического потенциала малого предпринимательства. Должна существенно возрасти роль науки и общества в определении приоритетов политики государства в области развития предпринимательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян, А.О. О применении научных методов при подготовке решений социально-экономических проблем. – Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 124–137.
2. Гулин, К. А. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства [Текст] / К. А. Гулин, Е. А. Хамидулина. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – 76 с.
3. Гулин, К.А. Концепция долгосрочного социально-экономического развития («Россия – 2020»): вызовы для регионов [Текст] / К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 4.
4. Доклад к заседанию Государственного совета Российской Федерации «О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/smallBusiness/201601128507>
5. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП и занятости в разных странах [Электронный ресурс]. Общественная организация «Деловая Россия». URL: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=22&doc=19101>
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>
7. Кремин, А. Е. Проблемы развития инновационной деятельности в малом бизнесе Вологодской области [Текст] / А. Е. Кремин // Современный менеджмент: проблемы и перспективы : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26–27 марта 2015 г. – СПб., 2015.

8. Лапуста, М.Г. Малое предпринимательство: учебное пособие / М.Г. Лапуста, Ю.А.Старостин. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 272 с.
9. Ускова, Т.В. Экономический рост: анализ и моделирование / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин // Научные доклады и сообщения, представленные на заседаниях Ученого совета ИСЭРТ РАН в I полугодии 2016 года [Текст]. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. С. 75–156
10. Майорова, Л.Н. Исследование проблем развития малого и среднего предпринимательства [Текст] / Л.Н. Майорова // Экономические науки. – 2013. – № 3. – С. 219–222.
11. Мазилев, Е.А. Проблемы и тенденции развития малого предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Е.А. Мазилев, А.Е. Кремин // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 5. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2039>
12. Мишулин, Г.М. Экономический рост: факторы, источники, механизмы [Текст] / Г.М. Мишулин, А.В. Стягун. – М. : ЗАО «Издательство современная экономика и право»; Краснодар: Изд. ФГБОУ ВПО «КубГТУ», 2012. – 212 с.
13. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 170 с.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. - М., 2016. - 1266 с.
15. Стратегии России на период до 2020 года / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Docs/2011/2011d153-doklad.pdf>
16. Теребова, С. В. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы [Текст] : монография / С. В. Теребова, О. В. Подолякин, В. С. Усков, С. Ю. Егорихина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011.
17. Усков, В.С. Анализ факторов развития сектора малого и среднего предпринимательства в регионе / В.С. Усков // Молодые ученые – экономике. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. С. 116–136.
18. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=90233>
19. Французов, В. Ловушка низких темпов. Мировая общехозяйственная и товарная инфраструктура: современные тенденции и перспективы [Текст]/ В. Французов/ Российский экспортер. – 2016. – С. 10–17.
20. IMF World Economic Outlook & database, October, 2016.

К вопросу о гражданской позиции российской интеллигенции

Аннотация. Статья посвящена такому аспекту социального развития территорий, как гражданская позиция интеллигенции. Выявлено, что в современных социогуманитарных науках не выработано единого взгляда на понятие «интеллигенция», однако ученые выделяют отдельные структурные элементы образа этой социальной категории, в том числе высокий уровень образования. Получен вывод о том, что в 2011 – апреле 2017 г. наблюдается стирание отличительных черт российской интеллигенции в вопросах формирования и развития гражданской позиции.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, гражданская позиция, патриотизм, гражданственность, социальная активность.

Современная социально-экономическая ситуация в России характеризуется демократическими изменениями в государственном устройстве, а также усилением роли граждан в политической и социальной системах. Важнейшим условием устойчивого развития демократического государства является гражданское общество, формирование которого выступает актуальной задачей современной жизни. Понятие «гражданское общество» означает состояние социума с развитыми культурно-нравственными, правовыми, политическими, экономическими отношениями между гражданами, которые характеризуются реальным участием граждан в жизнедеятельности государства, возможностью свободного выбора и самореализации. Таким образом, без встречной инициативы и участия со стороны граждан, их активной гражданской позиции невозможно построение и развитие гражданского общества. На наш взгляд, особенно важен анализ гражданской позиции интеллигенции, так как эта социальная категория является двигателем науки, общественной мысли, идеологии и культуры российского общества. Кроме того, по мнению экспертов, именно интеллигенция преобладает в составе среднего класса в России, который представляет из себя основу демократических преобразований [20].

Целью исследования является анализ гражданской позиции российской интеллигенции в 2011 – начале 2017 г. на основе результатов социологических исследований, проводимых на территории Вологодской области ИСЭРТ РАН².

¹ Уханова Юлия Викторовна (Россия, г. Вологда) – к.и.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

² Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в 2 крупных городах – Вологде и Череповце, а также в 8 муниципальных районах (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекнинском). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В современной российской общественной мысли, социологии, публицистике «интеллигенция» – одно из самых обсуждаемых понятий, поскольку именно эта социальная группа во многом определяет результаты тех глубоких социальных перемен, которые переживает российское общество [14]. От гражданской позиции интеллигенции, от ее социально-политической активности и духовно-нравственных ориентаций во многом зависит результат обновления экономических, социальных и политических процессов в России.

В научной литературе существуют различные теоретико-методологические подходы к трактовке категории «интеллигенция». В современных научных кругах активно разрабатываются проблемы соотношения понятий «интеллигенция», «специалисты», «интеллектуалы». В рамках социально-функционального подхода интеллигенция выделяется по такому критерию, как характер труда. Сторонники этого подхода относят к интеллигенции всех, кто занимается умственным трудом благодаря наличию специальности, образования, способностей, опыта и т. д., и соответственно не разделяют понятия «интеллигенция» и «специалисты» [7]. По мнению ряда аналитиков, этот подход малоперспективен, так как он не позволяет вычленивать среди специалистов, занятых умственным трудом, интеллигенцию [2, с. 37].

Нравственно-этический подход к определению интеллигенции базируется на духовных признаках, лежащих в основе этой общности. Сторонники обозначенного подхода признают, что не всех специалистов с высшим образованием можно отнести к интеллигенции [11, с. 61]. По мнению А.В. Соколова, интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом, специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом [22, с. 17]. Исследователь использует термин «интеллектуальный» слой, под которым понимает совокупность интеллигентов и интеллектуалов. А.В. Соколов отмечает, что и у тех, и у других присутствует интеллект, который их объединяет, но используется он по-разному, что их разъединяет [22, с. 12–13]. В современной социологии утверждается позиция, в контексте которой по отношению к специалистам употребляется термин «интеллектуалы», при этом нередко в рамках нравственно-этического подхода понятия «интеллектуалы» и «интеллигенция» противопоставляются: в первом случае – это профессионализм и образованность, во втором – вера в идеалы и человеколюбие [6, с. 41–42]. С точки зрения В.С. Меметова, какая бы специфика не вкладывалась в понятия «интеллигенция» и «интеллектуалы», речь идет об одном и том же – категории людей, группе в социуме, имеющей свои специфические и чрезвычайно важные роли и в базисе, и в надстройке [9, с. 37].

В последние годы при изучении интеллигенции становится актуальным комплексный междисциплинарный подход, синтезирующий в себе различные области знаний [19, с. 4]. Так, В.С. Меметов, Г.А. Будник, О.Ю. Олейник, А.А. Соловьев, Ж.Т. Тощенко и другие ученые отмечают, что наиболее продуктивно рассматривать интеллигенцию с точки зрения ее двуединой природы, выделяя при этом и профессионально-социологический, и нравственно-этический критерии [15; 9, с. 95; 16, с. 26; 9]. В то же время ряд исследователей считает, что междисциплинарный подход к изучению интеллигенции имеет и негативные

аспекты, что проявляется в неопределенности самого объекта исследования, нередко игнорирование специфики конкретной специальности [3, с. 450–451].

В современной зарубежной и российской научной литературе также получает распространение подход, в рамках которого специалисты рассматриваются как отдельный социальный класс интеллектуалов. Исследователи приходят к выводу о том, что специалисты объединяются в класс интеллектуалов на том основании, что они, обладая собственностью на научные знания и информацию, занимают схожее место в имущественной структуре, имеют близкие социальные права и обязанности [26; 1; 23, с. 364; 8; 13]. По мнению американского ученого А. Гоулднера, интеллигенты и интеллектуалы представляют из себя новый (универсальный) класс, возникший благодаря знаниям и умениям, при этом отличительными чертами которого выступают язык и образ профессиональной деятельности [26, с. 25–26]. В.Л. Иноземцев отмечает, что «класс интеллектуалов» отличают уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного в тот или иной момент для большинства граждан, «востребованность» в разных структурных элементах социальной иерархии, а также их исключительная мобильность [8, с. 67].

Таким образом, в современных социогуманитарных науках не выработано единого взгляда на понятия «интеллигенция», «специалисты», «интеллектуалы». Как показал краткий анализ подходов к этой проблеме, одни авторы отождествляют определения «интеллигенция» и «специалисты», другие полагают, что специалист может являться интеллектуалом, но при этом не быть интеллигентом и т. д.

Следует отметить особую сложность в изучении интеллигенции в том, что по формальным признакам в структуре общества эту группу зачастую выявить невозможно: с одной стороны, она присутствует в жизни общества в виде культурных феноменов, нравственных императивов, с другой стороны, интеллигенция не совпадает ни с одной реальной профессиональной или иной группой [18]. Вместе с тем анализ показал, что ученые выделяют отдельные структурные элементы образа интеллигенции, в том числе высокий уровень образования. По мнению Т. Парсонса, именно процесс обучения преобладает в передаче интеллектуального компонента, который создает ценностный вектор для профессионала, действующего в рамках инструментальной рациональности [27].

В рамках настоящего исследования мы выделяем интеллигентный слой по такому критерию, как более высокий образовательный уровень по сравнению с другими группами общества (категория населения с высшим и неполным высшим образованием).

Сочетание «гражданская позиция» не имеет в науке единого определения и является достаточно дискуссионным [24]. Мы поддерживаем подход, согласно которому гражданская позиция – осознанное участие человека в жизни общества, отражающее его сознательные реальные действия (поступки) в отношении окружающего в личном и общественном плане, направленные на реализацию общечеловеческих ценностей.

Гражданская позиция может определяться в совокупности с такими составляющими, как гражданские качества (патриотизм), гражданственность (гражданское самосознание) и социальная активность.

Опираясь на подходы различных ученых, мы считаем, что сущность патриотизма следует понимать как формируемое качество личности, которое предполагает гордость за достижения и культуру своей родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами своего народа [12]. По данным мониторинга общественного мнения, на декабрь 2016 г. доля положительных ответов на вопрос «Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь своей страной?» среди жителей Вологодской области с высшим и неполным высшим образованием составила 87,7%, со средним специальным – 85,2%, со средним и неполным средним – 84,1% (табл. 1). Следовательно, анализ данных позволяет утверждать, что социальные категории населения с более высоким уровнем образования в большей степени гордятся страной, характерной чертой интеллигентного слоя российского общества является проявление гражданских качеств.

Под «гражданственностью» мы понимаем сопричастность личности к общим делам государства, психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом общества, осознающим возможность оказывать влияние на решение проблем общества и государства [25].

С 2011 по апрель 2017 г. доля положительных ответов на вопрос «Можете ли Вы лично повлиять на состояние дел в нашей области?» среди наиболее образованной части населения Вологодской области сократилась на 6 п. п. (с 11 до 5%), среди лиц со средним специальным образованием – на 5 п. п. (с 9 до 4%), со средним и неполным средним – осталась без изменения (5–6%). В целом результаты полученных данных позволяют сделать вывод о том, что среди людей с высшим и неполным высшим образованием уровень осознания возможности влияния на общественно-политическую ситуацию в регионе несколько выше, чем в других группах населения. Вместе с тем в 2016 – апреле 2017 г. наблюдается тенденция сближения интеллигенции по этому показателю с прочими социальными кате-

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь своей страной?», %

Образование	Вариант ответа		
	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Среднее и н/среднее	84,1	7,5	8,4
Среднее специальное	85,2	1,9	11,9
Высшее и н/высшее	87,7	4,6	7,7

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за декабрь 2016 г.

Таблица 2. Динамика доли положительных ответов на вопрос «Можете ли Вы лично повлиять на состояние дел в нашей области?», %

Образование	Год					
	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Среднее и н/среднее	6,1	1,8	4,1	2,3	4,2	4,6
Среднее специальное	8,9	2,4	3,1	2,2	4,5	4,0
Высшее и н/высшее	11,1	5,0	5,3	7,5	5,3	4,9

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за 2011 – апрель 2017 г.

Таблица 3. Динамика оценок населением Вологодской области степени участия в общественной и политической жизни (в %)

Образование	Год					
	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Активное и скорее активное						
Среднее и н/среднее	19,6%	15,8%	20,1%	12,1%	11,7%	14,7%
Среднее специальное	29,0%	24,4%	21,6%	15,7%	14,9%	21,8%
Высшее и н/высшее	31,4%	28,7%	24,8%	26,1%	18,9%	23,8%
Пассивное и скорее пассивное						
Среднее и н/среднее	44,5%	52,4%	53,9%	47,3%	61,2%	63,5%
Среднее специальное	47,2%	48,0%	51,1%	53,7%	61,2%	56,0%
Высшее и н/высшее	52,5%	49,6%	57,3%	53,8%	62,8%	58,8%
Затрудняюсь ответить						
Среднее и н/среднее	35,9%	31,8%	26,0%	40,7%	27,1%	21,8%
Среднее специальное	23,8%	27,7%	27,2%	30,6%	23,8%	22,2%
Высшее и н/высшее	16,1%	21,8%	17,9%	20,1%	18,3%	17,4%
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за 2011 – апрель 2017 г.						

гориями населения. Следует отметить, что интеллигенция быстрее реагирует на значимые события в жизни страны. Так, в 2014–2015 гг. в период, когда существенно усилились позиции России на международной арене, заметны некоторые положительные сдвиги в динамике мнения наиболее образованной части общества в вопросах гражданственности (*табл. 2*).

Еще одним важным компонентом гражданской позиции является социальная активность – сознательные действия человека, направленные на общественно значимые преобразования материальной и духовной среды общества [10, с. 15].

С 2011 по апрель 2017 г. наблюдалась отрицательная динамика оценок наиболее образованной части населения степени своего участия в общественной и политической жизни, аналогичные тенденции проявились и среди других образовательных групп населения. Следовательно, в исследуемый период отмечается уравнивание интеллигенции с остальными образовательными группами по оценкам уровня общественно-политической активности. В 2015–2016 гг. в составе интеллигенции, как и среди остальных образовательных когорт населения региона, произошло существенное повышение доли оценок своего пассивного участия в общественно-политической жизни. По мнению М.К. Горшкова, ухудшение общественного мнения стало результатом неоправдавшихся надежд населения на ослабление кризисных явлений [5]. Обращает на себя внимание тот факт, что среди лиц с высшим и неполным высшим образованием на протяжении всего исследуемого периода выделяется значительно меньшая по сравнению с другими социальными категориями населения доля тех, кто затрудняется в своих ответах (*табл. 4*). Это может служить подтверждением того, что для интеллигенции характерна все же несколько более уверенная гражданская позиция, чем для прочих социальных групп, выделяемых по образовательному критерию.

Из представленных в *табл. 5* данных видно, что в 2011 – апреле 2017 г. произошел рост социальной активности интеллигенции в такой сфере, как подписание петиций и обра-

Таблица 4. Динамика социальной активности населения Вологодской области с различным образовательным уровнем (в %)

Образование	Год					
	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Выборы						
Среднее и н/среднее	66,4%	54,4%	37,6%	35,6%	25,5%	48,6%
Среднее специальное	67,9%	64,9%	49,1%	50,7%	32,5%	54,9%
Высшее и н/высшее	70,1%	75,9%	37,8%	58,1%	36,5%	55,1%
Деятельность общественных организаций						
Среднее и н/среднее	2,5%	0,8%	1,4%	1,1%	1,2%	1,8%
Среднее специальное	3,9%	1,7%	1,9%	2,4%	1,7%	3,1%
Высшее и н/высшее	5,9%	5,8%	7,7%	4,9%	3,4%	6,9%
Деятельность политических партий						
Среднее и н/среднее	0,5%	0,2%	0,4%	0,6%	0,0%	1,0%
Среднее специальное	0,6%	0,7%	0,6%	0,6%	0,8%	1,3%
Высшее и н/высшее	1,9%	2,6%	2,0%	1,5%	1,3%	3,1%
Подписание обращений, петиций в органы власти						
Среднее и н/среднее	1,8%	1,8%	1,1%	2,3%	4,2%	4,6%
Среднее специальное	3,3%	1,8%	2,5%	3,2%	3,4%	4,5%
Высшее и н/высшее	2,8%	3,7%	4,6%	6,1%	5,1%	8,2%
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН за 2011 – апрель 2017 г.						

щений в органы власти (на 5 п. п.: с 3 до 8%), на том же уровне осталась степень участия в деятельности общественных организаций и политических партий (6–7%, 2–3% соответственно), снизилась доля лиц, участвующих в выборах (на 15 п. п.: с 70 до 55%), что соответствует общей тенденции показателей и среди менее образованных групп населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема российской интеллигенции является достаточно дискуссионной – в современных научных кругах не выработано единого взгляда на понятия «интеллигенция», «специалисты», «интеллектуалы», не определены критерии, по которым следует выделять эту социальную категорию. Анализ показал, что ученые выделяют отдельные структурные элементы образа интеллигенции, в том числе высокий уровень образования. На наш взгляд, безусловно, для вычленения интеллигентного слоя среди других общественных групп недостаточно использовать только образовательный критерий, здесь требуется дальнейшая методологическая разработка.

В проведенном исследовании гражданская позиция интеллигенции была рассмотрена в совокупности с такими составляющими, как гражданские качества (патриотизм), гражданственность (гражданское самосознание) и социальная активность. Полученные результаты позволяют говорить о том, что, хотя в 2011 – апреле 2017 г. среди интеллигенции уровень показателей, характеризующих гражданскую позицию, несколько выше по сравнению с менее образованными группами населения, в этом социальном слое наблюдаются те же тенденции, что и в других категориях населения. Это свидетельствует о стирании отличительных черт российской интеллигенции в вопросах формирования и развития гражданской позиции, что, на наш взгляд, представляет определенную угрозу для сохранения научного и культурного потенциала, социальной стабильности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безнин М.А., Димони Т.М Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 91–102.
2. Будник Г.А. Формирование интеллигенции в советской высшей школе 1945–1985 годов. – М., 2008.
3. Веселов В.П. О новых подходах к изучению западной историографии по проблеме «Интеллигенция и власть в России» // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции: в 2 томах / под ред. В.С. Меметова. – Иваново, 1995. – Т. 2.
4. Гаязов А.С. Образование как пространство формирования личности гражданина / А.С. Гаязов. М., 2006.
5. Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 5–13.
6. Гришина Е.А. «Старая» и «новая» российская интеллигенция – противоречия социальной идентификации // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное: материалы XII Международной теоретико-методологической конференции / под ред. Ж. Тошенко. – М., 2012. – С. 41–46.
7. Диденко Д.В. Опыт исторической типологии российских интеллектуальных кадров // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 220–229.
8. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 67–77.
9. Интеллигенция: вопросы теории и методологии. – Иваново, 2014.
10. Казаева Е.А. Педагогическая концепция развития гражданской позиции будущего учителя. – Челябинск, 2010.
11. Коган Л.Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция: XX век: тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Екатеринбург, 1994.
12. Крысько В.Г. Патриотизм [Электронный ресурс] // Этнопсихологический словарь. – М.: МПСИ. – 450 с. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/ethnopsychology/Patriotizm-198.html> (Дата обращения 21.04.2017 г).
13. Крюкова Н.С. О роли интеллигенции в современных условиях // Интеллигенция в системе социально-классовой структуры общества: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции / под ред. В.Л. Соскина. – Кемерово, 1991.
14. Кураев А.Н. Актуальные проблемы современного интеллигентоведения // Интеллигенция и мир. – 2017. – № 1. – С. 9–25.
15. Меметов В.С. Проблемы становления новой парадигмы интеллигенции // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход: те-

- зисы докладов XI международной научно-практической конференции / отв. ред. В.С. Меметов. – Иваново, 2000. – С. 10–15.
16. Меметов В.С., Будник Г.А. Теоретические основы формирования интеллигенции в образовательном пространстве высшей школы / В.С. Меметов, Г.А. Будник // Интеллигенция и мир. – 2004. – № 1/2. – С. 24–30.
 17. Олейник О.Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: теоретико-методологический и историографический аспекты. – Иваново, 1997.
 18. Попов Д.С. Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации. – М., 2006.
 19. Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В.С. Меметова. – Иваново, 2008.
 20. Российский средний класс в условиях стабильности и кризисов: Информационно-аналитическое резюме по результатам многолетнего мониторинга / под. ред. М.К. Горшкова. – М.: Институт социологии РАН, 2016.
 21. Скоробогатый П. Тревожный и лояльный // Эксперт. – 2016. – № 45. – С. 33–36.
 22. Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007.
 23. Солодовников С.Ю. Класс интеллектуалов // Большой энциклопедический словарь. Философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / сост. С.Ю. Солодовников. – Минск, 2002.
 24. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Крупнейший сборник онлайн-словарей [сайт]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru>. (Дата обращения 10.04.2017 г).
 25. Чельцов М.В. Формирование гражданской позиции студенческой молодежи высшего учебного заведения. – М., 2013.
 26. Gouldner A.W. Against Fragmentation: The society of intellectuals – N. Y., 1979. – 135 p.
 27. Parsons T. Professions. International Encyclopedia of the Social Sciences. The Macmillan Company & The Free Press, 1968. – 536 p.

Развитие человеческого капитала в условиях повышения конкурентоспособности страны

Аннотация. Рассмотрено понятие и составляющие человеческого капитала. Определено практическое значение теории человеческого капитала. Исследован человеческий капитал в контексте повышения конкурентоспособности экономики. Проанализированы инвестирование в человеческий капитал и роль образовательного потенциала.

Ключевые слова: человеческий капитал, конкурентоспособность страны, конкурентные преимущества, инновационное развитие, инвестирование в капитал, образовательный потенциал, повышение конкурентоспособности.

В условиях усиления международной конкуренции особое значение приобретает не накопление материальных благ, а развитие человеческого капитала. Современная эпоха названа веком человека, что подтверждает рост значения человеческого капитала в контексте повышения конкурентоспособности национальной экономики. Однако в Украине человеческий капитал донныне не стал основополагающим фактором повышения конкурентоспособности и экономического роста.

Человеческий капитал является одной из главных составляющих национального богатства страны. Поэтому заслуживает внимания проблема формирования, эффективного использования, воспроизводства и развития человеческого капитала.

Ведущую роль в современном обществе ученые отводят человеческому капиталу, который зависит от оптимальной инвестиционной политики производства знаний. По теоретическим разработкам специалистов, человеческий капитал рассматривается как способность предлагать креативные решения, источник обновления и прогресса, указывается, что в современных условиях главное назначение человеческого капитала – создание и распространение инноваций [1].

Следовательно, в контексте повышения конкурентоспособности экономики человеческий капитал необходимо трактовать как функциональную составляющую инновационного развития, связанную с интеллектуальной активностью, которая выступает в качестве формы реализации нового, ранее неизвестного знания, которое обеспечивает получение конкурентных преимуществ.

Практическое значение теории человеческого капитала заключается в разработке:

– стратегии обеспечения ресурсами, цель которой – на основе планирования удовлетворить потребность в человеческом капитале, избирая одно из альтернативных решений – самостоятельно учить своего работника или «купить» работника;

¹ Федотова Татьяна Анатольевна (Украина, г. Днепр) – к.э.н., доцент, Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара.

Сидоренко Анастасия Юрьевна (Украина, г. Днепр) – студент, Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара.

– стратегии развития человеческих ресурсов, которая предусматривает привлечение, содержание и развитие человеческого капитала в соответствии со стратегическим планом, где работники выступают в качестве инвесторов в человеческий капитал;

– стратегии вознаграждения, которая заключается в обеспечении соответствия материальной и нематериальной составляющих ценности работника с учетом его индивидуальной рыночной цены.

Современная действительность развитых стран мира свидетельствует о значительном внимании государства к человеческому капиталу. Теория человеческого капитала в большинстве этих стран стала основным фактором в мотивации и тенденциях отношения к отраслям социальной сферы. Так, по итогам 2015 года в мире накоплено производственного капитала на сумму \$95 трлн (17%); естественного капитала – \$90 трлн (16%); человеческого капитала – \$365 трлн (сверх 65%). В составе национального богатства США основные производственные фонды представляют лишь 19%, природные ресурсы – 5%, а человеческий капитал – 76%; в Западной Европе соответственно – 23%, 2% и 47%. В России часть человеческого капитала достигает 50%, в Китае – 77%. В Украине удельный вес человеческого капитала в конце XX в. равнялся 55% национального богатства, а в 2010 г. – 39,7% [2].

Непременным условием повышения качества человеческого капитала является увеличение показателя качества жизни. Поэтому главным отличием теории человеческого развития от других научных подходов является определение роста качества жизни населения как цели повышения конкурентоспособности экономики.

Развитие человеческого капитала обуславливает повышение конкурентоспособности экономики за счет внедрения инновационных стратегий. Нагромождение человеческого капитала инновационного типа предусматривает не только активное использование инновационных идей, но и разработку инноваций путем использования информации и знаний.

Трансформационные процессы в экономике Украины требуют теоретического исследования и разработки качественно новых путей развития человеческого капитала, переосмысления роли человека в экономической системе общества. Поэтому радикально изменились взгляды на роль человека, а средства ее развития стали рассматриваться не как расходы, а как перспективное вложение капитала, то есть как инвестиции.

В своих исследованиях К. Макконнелл и С. Брю дают такое определение инвестиций в человеческий капитал: «Инвестиции в человеческий капитал – это любые действия, которые повышают квалификацию и способности и, тем же, производительность труда работников» [3].

По расчетам известного американского теоретика Е. Денисона, инвестиции в человеческий капитал дают отдачу в 5–6 раз больше, чем вложение в материальное производство [4].

В развитых странах теория человеческого капитала уже стала идеологией не только государства, но и бизнес-структур, которые начали активно инвестировать в него, что стало толчком к стремительному развитию их национальных инновационных систем. По некоторым оценкам, доля инвестиций в человеческий капитал в США – одной из наиболее конкурентоспособных стран мира – составляет более 15% ВВП [2].

Что касается современной ситуации в экономике Украины, то следует констатировать стремление экономить на инвестициях в человеческий капитал. Как в бюджетных отраслях, так и в сфере реального производства преобладает тенденция экономии ресурсов на человеке. Такие отрасли, как образование, культура, наука, здравоохранение, не получают надлежащего финансирования для развития и часто рассматриваются как отрасли потребления материальных средств, а не как основа повышения конкурентоспособности экономики.

Фундаментальным фактором, который оказывает непосредственное влияние на формирование в Украине нового качества человеческого ресурса, является образовательный капитал. Поэтому главной составляющей стратегии государства должно стать создание новой среды для повышения качественного уровня образовательной системы в условиях существенных сдвигов, вызванных процессами реформирования мировой экономики и другими превращениями.

Особой проблемой использования достигнутого образовательного потенциала является нахождение оптимального соотношения между уровнем образования, необходимым для нормального функционирования имеющихся рабочих мест, и фактическим уровнем образования и профессиональной подготовки работников. Ускоренное развитие экономики требует необходимости пребывания человека в течение всей его жизни в процессе постоянного обучения.

Не содействует развитию человеческого капитала и нынешнее состояние науки. Оно характеризуется ухудшением возрастной структуры научных кадров, низкой мотивацией молодежи к научной деятельности, оттоком из научной сферы наиболее талантливых и перспективных работников, недостаточным обладанием современными методами научных исследований, почти критическим состоянием материально-технической базы. За счет государственного бюджета можно финансировать лишь проекты государственного значения, но возможности такого инвестирования являются ограниченными, как и собственные средства учреждений, которые осуществляют научные разработки, исследования или их продвижения на рынок. Следовательно, имеющиеся механизмы инвестиционной поддержки научных исследований и разработок не позволяют достичь высоких целей и задач построения конкурентоспособной экономики.

Следовательно, среди основных причин неэффективного использования человеческого капитала Украины следует назвать такие:

- производство донныне эксплуатирует человеческий капитал, созданный во времена командно-административной системы;
- наблюдается отсутствие социальной ответственности бизнеса;
- существует несогласованность между подготовкой учебными заведениями специалистов определенных специальностей и потребностью в них национальной экономики;
- низкие цены на человеческий капитал не стимулируют применения исследований, разработок, инноваций на предприятиях.

Современной Украине следует развивать человеческий капитал инновационного типа, для чего необходимо создать такие предпосылки:

- обеспечение занятости, которая предусматривает ряд мероприятий по трудоустройству выпускников учебных заведений в условиях конкуренции;
- создание качественных рабочих мест;
- стимулирование становления высококвалифицированной рабочей силы;
- содействие повышению уровня образования человеческого капитала;
- дальнейшее развитие систем профессионального обучения и переобучения работников в соответствии с потребностями рынка труда;
- увеличение инвестиционных и инновационных вложений в человеческий капитал;
- создание надлежащих условий для сохранения и улучшения здоровья населения;
- рост качества образовательных услуг через реформирование образовательной системы;
- увеличение части расходов на научно-исследовательские работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гец В. М. Экономика Украины: стратегия и политика долгосрочного развития. – К.: Феникс, 2013. – 1008 с.
2. Доклад о человеческом развитии. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.undp.org.ua/files/ua_82452HDR2013_Report_Russian
3. Макконнелл К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 972 с.
4. Denison E. F. The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives Before Us, Committee for Economic Development N. Y., 1962. – P. 53–67.

Проблема оплаты труда при выполнении дорожных строительных работ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования в дорожной строительной отрасли, влияние повременной и сдельной форм оплаты труда, их положительные и отрицательные моменты.

Ключевые слова: дорожная строительная отрасль, повременная оплата труда, сдельная оплата труда, проблемы оплаты труда, объемы производства.

Труд – один из важнейших факторов производства в экономике строительства. Труд должен достойно оплачиваться. В данной статье рассматриваются виды заработной платы и их влияние на продуктивное выполнение дорожно-строительных работ. Проблема оплаты труда существует еще с тех пор, как появился наемный труд. Есть две основные формы заработной платы: повременная и сдельная.

При повременной системе оплаты труда работникам оплачивается то время, которое они фактически отработали. При сдельной форме труд работника оплачивается по сдельным расценкам в соответствии с объемом выполненных работ (количество произведенной продукции, оказанной услуги).

Хотелось бы отметить, что в дорожной строительной отрасли используется повременный способ оплаты труда, что является основной причиной застоя отрасли в развитии, несмотря на то что есть возможность точного учета объемов выполняемых работ. Проблемы оплаты труда в строительной отрасли рассматривались различными авторами [1; 2; 3]. Повременная оплата демотивирует сотрудников, увеличивая время выполнения дорожных строительных работ. Это и делает данный вопрос актуальным на сегодняшний день.

С одной стороны, повременная оплата труда – это гарантия относительно стабильного заработка и снижения текучести кадров, с другой – работник фактически получает деньги за присутствие на рабочем месте, а не за объем выполненных им работ. Нет стимула к росту объема производства. Для более продуктивного производства работ работодателю необходимо нанимать контролирующего работника, что увеличивает издержки на содержание еще одного работника. Но повременная оплата труда это минус не только для работодателя, но и для работника, так как труд рабочего в данном случае имеет более низкую заработную плату, чем при сдельной оплате. Это объясняется большими издержками контроля качества.

Сдельная же форма оплаты труда – это прямая зависимость между результатом работы и величиной вознаграждения. Такой вид оплаты труда имеет много плюсов как для работника, так и для работодателя. Работник может увеличить свою заработную плату путем выполнения большего объема работ, а следовательно, и роста производительности труда, что естественно является огромным плюсом для работодателя. Подобный способ

¹ Филипович Алексей Владимирович (Россия, г. Уфа) – магистрант, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

оплаты труда позволяет работодателю исключить ленивых работников. Если же работник не выполнил свой объем работ, то ему не придется платить за неделанную работу, что невозможно при почасовой оплате труда. Работодатель платит работнику только в том случае, если его труд привел к нужному результату. К тому же рабочий несет полную материальную ответственность за результат, что заставляет его более рационально и экономично использовать материалы. Это может решить и давно наболевшую проблему с кражей строительных материалов и использованием их в своих целях. Максимальный объем работ также зависит от различных инструментов, оборудования и техники, используемых при выполнении дорожных строительных работ, поэтому работнику приходится бережнее относиться к своим рабочим инструментам, строительным машинам. И наконец, поскольку работник сам заинтересован в большем объеме и качестве работы, то данная сделка позволяет работодателю снизить издержки на содержание контролирующего работника, так как незачем контролировать того, кто сам заинтересован в качественном завершении выполняемой им работы.

При сдельной оплате труда характерны:

- желание выполнить большую работу за меньшее количество времени;
- качественное выполнение дорожных строительных работ без дополнительных затрат;
- большая эксплуатация дорожных строительных машин благодаря бережному отношению работников к их состоянию;
- меньший расход материалов и их рациональное использование.

Основываясь на всем вышесказанном, можно сделать вывод, что сдельная оплата труда эффективнее для дорожной отрасли, чем повременная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Равилова А.Р., Запольских В.А., Гареева З.А. Сущность категории неопределенности и ее роль в строительной отрасли РФ. Общество, наука и инновации. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2015. С. 167–169.
2. Бадертдинова А.Р., Быкова А.Н., Гареева З.А. Проблемы строительной отрасли на современном этапе. Фундаментальные и прикладные научные исследования. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2015. С. 23–25.
3. Тамазов А.С., Фадеева А.В., Гареева З.А. Экономические аспекты трудовых ресурсов в строительстве. Наука и образование в жизни современного общества. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 18 частях. 2013. С. 143–145.

Зеленая экономика: содержание, проблемы и приоритетные направления

Аннотация. В статье рассматривается история появления понятия «зеленая экономика», противопоставляемой традиционной, так называемой коричневой, приводятся недостатки данного понятия, предлагаются выводы и приоритетные направления перехода к росту «зеленой» экономики.

Ключевые слова: зеленая экономика, зеленые инвестиции, зеленые технологии, экологическая ответственность, финансовое стимулирование.

Экономика лишь часть сложной природно-социальной системы, компоненты которой взаимосвязаны. Несмотря на все достижения и успехи, сегодня требуется все еще такой объем ресурсов, который выходит за пределы возможностей нашей планеты. По данным отчета Всемирного фонда охраны природы за 2015 г., индекс живой планеты, который формируется по оценке состояния биоразнообразия, обличает падение на тридцать процентов по сравнению с 1970 годом, а потребность человека в природных ресурсах, или так называемый экологический след человечества с 1966 г., напротив, возросла почти в 2 раза. Продолжение роста наших требований к планете в том же темпе приведет к тому, что к 2030 году нам потребуется эквивалент двух планет для поддержания прежнего образа жизни, а к 2050 году – 2,8 планеты [9].

Это говорит о необходимости переходить на такую концепцию развития, которая позволит решить социальные, финансовые и климатические проблемы комплексно, достигая не только количественного роста, но и высоких качественных, реальных улучшений. Данную проблему, связанную с теорией экологических ограничений, начали серьезно принимать во внимание в конце двадцатого века. Разработчиками государственных программ и учеными были проведены дополнительные фундаментальные исследования (Л. Браун, Х. Хендерсон, К. Галлахер, Р. Мюррей, Р. Мухлеггер, Х. Дэли, Раст, Е. Л. Д. Кортен, Маргулис, П. Хоукен, Б. Фаллери и др.), показавшие необходимую трансформацию принципов хозяйствования. Следом за научными исследованиями авторитетные международные организации и некоторые политические деятели утвердили ряд программ и деклараций, которые призывают сделать рекомендации ученых по устойчивому развитию повседневной практикой. Примерами тому служат Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) 2009 году, Парижская декларация об экологически чистом росте 2009 год; План «202020» Брюссельского энергетическо-климатического саммита ЕС 2008 год; Решения Экономической и Социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) 2005 год; Йоханнесбургский план выполнения решений 2002 год; Декларация тысячелетия 2000 году; Повестка дня на двадцать первый век, принятая в Рио де Жанейро 1992 год; Доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде 1987 год – все они сосредоточе-

¹ Чугуров Дмитрий Николаевич (Россия, г. Томск) – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Институт экономики и менеджмента.

ны на содействии региональным и национальным инициативам по повышению устойчивости и эффективности использования ресурсов в производственных процессах [5, с. 30]. Но, несмотря на всю информативность и существенность, перечисленный список инициатив носит рекомендательный и декларативный характер, зачастую не подкрепленный должным финансированием.

Так, сороковой Всемирный экономический форум 2010 г., проходивший в Давосе под лозунгом «Улучшить состояние планеты: переосмыслить, перепланировать, перестроить мир», провозгласил новый глобальный курс на зеленую экономику (термин пришел на замену ранее существовавшего понятия «устойчивое развитие») как альтернативу так называемой коричневой экономике и единственный путь дальнейшего развития. Поддержка со стороны ученого сообщества, международных организаций, правительств, ужесточающиеся повсеместно технологические и экологические стандарты, инвестиции в инфраструктуру и соответствующие секторы, бизнес в сфере инноваций и запросы потребителей – концепция зеленой экономики становится тем новым направлением, способный преодолеть кризис.

Для переориентации на зеленую модель роста национального хозяйства потребуется интегрировать принципы зеленой экономики в систему корпоративного и государственного управления финансовыми и экономическими процессами [6, с. 60].

Само понятие «зеленая экономика» только еще входит в практику. Его еще ожидает теоретическое осмысление и правовое закрепление в деятельности хозяйствующих субъектов. По крайней мере, уже сейчас оно появляется в обращениях политиков, в том числе российских, и принимается во внимание в документах стратегического развития и планирования. Значительная модернизация возможна только в случае осуществления обширных инвестиций, что вызовет спрос масштабных финансовых ресурсов. Нужно организовать условия, которые способствовали бы стимулированию собственников производств к реализации зеленых инвестиций, что приведет к образованию системы, которая обеспечит осуществление новых зеленых приоритетов развития экономики [3, с. 12].

Термин «зеленая экономика» в широком смысле понимается как институциональные механизмы и отрасли, изменяющие к лучшему окружающую среду и экологическое качество жизни на долгосрочной и экономически выгодной основе, охватывая сокращение бедности, опосредованную экономическую результативность и снабжение широкого круга населения чистой водой, энергией и земельными ресурсами [4, с. 65].

Зеленую экономику интерпретируют в целом ряде пользующихся авторитетом международных документов как вариант новой социально-экономической модели, ориентированный на принципы устойчивого развития и активно применяющий зеленые инновационные технологии. Зеленый рост предполагает стимулирование экономики при сохранении природных ресурсов и бесперебойном предоставлении ими активов и экосистемных услуг, от которых зависит благополучие настоящего и будущих поколений населения нашей планеты [8, с. 130].

Использование принципов коричневой экономики в свою очередь привело к негативным последствиям, в т. ч. к утрате биоразнообразия, изменению климата, истощению

природного потенциала, проблемам с пресной водой. Это связано с тем, что методы использования включают экологические приемы, основанные на принципах «покорения природы» человеком. Они игнорируют вызовы урбанизации и рост численности населения, изменения в организации отдыха и быта людей [2].

Исходными положениями концепции зеленой экономики служат следующие 3 аксиомы, представляющие собой постулаты:

- на поверхности Земли все является взаимосвязанным;
- невозможно безгранично расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;
- нельзя требовать удовлетворения бесконечно возрастающих нужд и потребностей в условиях ограниченности ресурсов.

Многие понятия зеленой экономики включают типовой перечень утверждений о повышении благосостояния без нанесения вреда природе ради будущих поколений, также используются термины, которые не получили своей адекватной экспликации. Зеленая экономика – это новый глобальный курс инновационного антикризисного развития для мировой экономики, способствующий переходу к новым принципам налогообложения и финансирования [1, с. 144]. Зеленой является такая экономика, которая приводит к повышению благосостояния населения и укреплению социальной справедливости при одновременном существенном снижении дефицита экологических ресурсов и рисков для окружающей среды.

В настоящее время для перехода на новый курс развития появились подходящие благоприятные возможности: прежняя традиционная система дает сбои, поэтому новым решениям и идеям проложить дорогу становится проще. Стало бесспорным, что огромные бюджетные средства в рамках традиционной экономики нерационально растрачиваются, и это столь же неприемлемо, как и уничтожение окружающей среды, а так как на наших глазах преобразовывается структура регулирования системы финансов, затраты необходимо скоординировать рациональным образом.

Финансирование проектов зеленой экономики потребует государственной помощи: ужесточение технических регламентов, налоговые стимулы, демонстрационные проекты, кредиты на научно-исследовательские работы, а также «озеленение» государственной инфраструктуры. Это будет служить катализатором для беспрецедентного глобального зеленого курса, концентрирующего в этом секторе технологии, капитал и рабочую силу [10].

На деле существует масса проблем: во-первых, просматривается нежелание вкладывать средства в природоохранную сферу; во-вторых, отсутствует комплексность проводимых мероприятий; в-третьих, природоохранные институты внедряют с существенным отставанием по сравнению с другими странами, а контроль за уже введенными правилами ослаблен, что делает все перечисленные заявления лишь политической риторикой. Отсутствует методология, которая способствует пропаганде концепции зеленой экономики. Отсутствует четкое и последовательное определение зеленой экономики. Данная концепция по-прежнему является новой и актуальной.

Приоритетными темами зеленой экономики и ресурсоэффективности являются:

- возобновляемые источники энергии (включая гидроэнергию, биотопливо и биомассу);
- энергоэффективность;

- мобильность (качество воздуха, выбросы и шум);
- промышленность (выбросы, сбросы и образование отходов);
- инновации в природоохранной сфере;
- оценка воздействия на окружающую среду и стратегическая оценка воздействия (охватывая институциональную организацию и разносторонние природоохранные соглашения) и обзоры результатов экологической деятельности;
- корпоративная социальная ответственность и экологическая отчетность;
- применение природного капитала (включая связь лесного и сельского хозяйства и процессов урбанизации с использованием и деградацией земель, почв, водных ресурсов и биоразнообразия);
- туризм.

В России же премьер-министр Дмитрий Медведев высказался против переноса сроков введения наилучших доступных технологий (НДТ, зеленых технологий) на российских производствах и пообещал расширить область применения особых экологических тарифов. «Мы не должны отступать назад. И если мы поставили для себя эту временную планку – 2019 г., я думаю, нам вполне по силам – и бизнес это подтверждает – принять все необходимые решения, договориться по условиям сотрудничества и все-таки перейти к НДТ с 2019 г.», – отметил Медведев, выступая на Российском инвестиционном форуме в Сочи.

Правительство «будет этот процесс максимально тщательно контролировать, мониторить». Медведев подчеркнул, что за последние десять лет «тема зеленой экономики переместилась из разряда обсуждаемых в экспертных кругах в бизнес». Но внедрение НДТ не должно стать непосильным для предприятий. А раз это так, то государство должно каким-то образом на нее реагировать, выпуская определенные правила. Это касается самых разных направлений, включая зеленый тариф, поощряющий предприятия к внедрению передовых экологически чистых технологий. Мы его используем, но мы будем расширять количество тем, где применяется специальный экологический тариф, естественно, не в ущерб экономическому содержанию», – пояснил глава правительства [10, с. 30].

Общество будет жить в согласии с природной сферой на принципах зеленой экономики тогда, когда начнет опираться, во-первых, на научный экологический разум, то есть на полноценные знания о причинно-следственных связях в системе «человек – природа»; во-вторых, на нравственно-этические требования; в-третьих, на экологическое мышление и экологическое поведение; в-четвертых, на экологические обычаи и традиции. Становление и развитие зеленой экономики как по странам, так и по отдельным регионам будет неравномерным и скачкообразным. Это обусловлено тем, что успехи в ее продвижении определяются рядом факторов, в том числе уровнем интеллектуального, профессионального и нравственного развития населения, уровнем развития производительных сил, наличием природных ресурсов, а также особенностями менталитета местного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ботавина Р.Н. Экологические аспекты «зеленой экономики» в системе экономического роста России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – Т. 7. – № 4. – С. 142–147.
2. Бочко В.С. Зеленая экономика: содержание и методология познания // Известия УрГЭУ. – 2016. – № 3 (65) – С. 5–13.
3. Гасанов М.А., Егорова М.С., Глик П.А. Российская практика перехода к «зеленой экономике» // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – URL : www.scienceeducation.ru/118-14462 (дата обращения: 04.04.2016)
4. Жилбаев Ж.О., Моисеева Л.В. От охраны окружающей среды к устойчивому развитию и «Зеленой экономике»: национальный проект экологизации образования в Казахстане // Образование и наука. – 2016. – № 6 (135) – С. 62–74.
5. Захарова Т.В. «Зеленая» экономика как новый курс развития: глобальный и региональный аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. – 2011. – № 4 (16) – С. 28–38.
6. Кабир Л.С. Государственное стимулирование модернизации на основе «Зеленых» технологий как ответ на вызовы Российской экономике // Экономика. Налоги. Право. – 2016. – № 3 – С. 58–63.
7. Официальный сайт Инвестиционного форума в Сочи. URL: <http://rusinvestforum.org> (дата обращения: 07.04.2016)
8. Князева Г.А., Кирушева Н.Ю. Переход к «Зеленой» экономике на примере инновационного развития регионального лесного комплекса // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. – 2016. – № 2 – С. 119–145.
9. Форум по вопросам промышленного развития [Электронный ресурс]: Технический документ, подготовленный Секретариатом UNIDO / Генеральная конференция. Тринадцатая сессия. Вена, 7–11 декабря 2009 года. 14 с. URL: <http://www.unido.org> (дата обращения: 01.04.2017).
10. Яблоков А. Экологический прогноз на 2011 год для России [Электронный ресурс]: Блог А. Яблокова на «Эхо Москвы» от 07.01.2011. URL: <http://www.echo.msk.ru> (дата обращения: 03.04.2011).

Экспортная специализация России и ее регионов: тренды и инструменты развития

Аннотация. В статье рассматривается экспортная специализация России. Показаны тренды экспортной деятельности в российских регионах. Представлен анализ классификации групп экспорта. В заключение сделаны выводы и представлены ключевые инструменты в направлении развития экспорта.

Ключевые слова: экспортная деятельность, тренд, товарная структура, специализация, регион.

Развитие мирового хозяйства в целом и внешнеэкономической сферы любого государства определяется как состоянием международного рынка, так и экспортной специализацией страны. В Российской Федерации развитие экспорта является одним из факторов формирования экономического пространства в регионах [1]. В настоящее время, как отмечено Президентом Российской Федерации, необходимо увеличение конкурентоспособности российской продукции и наращивание объемов экспорта [3]. При этом стоит отметить, что в экономическом развитии территории экспортная деятельность играет важную роль, определяя состояние и возможности развития во внешнеэкономических связях, с одной стороны, а также технологический потенциал – с другой [2; 5], где одним из индикаторов в определении направлений внешнеэкономической политики государства и реализации стратегических национальных приоритетов выступает экспортная специализация [7].

В связи с этим целью исследования является анализ специализации российского экспорта и определение перспективных направлений его развития.

По данным статистики, Россия располагается в первой десятке ведущих экспортеров товаров и занимает сегодня 8–9 строчку [10]. Столь уверенные позиции России на мировом рынке связаны в основном с расширением экспорта топливно-сырьевого сектора и сектора первичного передела продукции. На Россию приходится 11% стоимости глобального экспорта энергоносителей, 5,5% экспорта цветных металлов, 4,5% экспорта черных металлов. На этом фоне рыночные позиции России в сегментах продукции высокой степени обработки, как правило, очень слабы. Так, в мировом экспорте машин, оборудования и транспортных средств доля России не превышает 0,5%, в мировом экспорте высокотехнологичной продукции – 0,4%, в том числе 0,3% приходится на долю России в экспорте телекоммуникационного оборудования, 0,15% – в экспорте фармацевтической продукции, 0,05% – в экспорте офисной техники [7; 10]. Сложившаяся топливно-сырьевая направленность российского экспорта обеспечивает краткосрочные выгоды, которые не способствуют оптимальному развитию экономики России и ее регионов в долгосрочной перспективе.

¹ Якушев Николай Олегович (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

В 2015 г. доля экспорта в ВВП России составляет 23,6%, в странах с развитой экономикой Германии и Японии данный показатель отмечается на уровне 38,6% и 15,8% соответственно, где наибольшую долю в поставках на зарубежные рынки составляет продукция несырьевого экспорта [10].

В состав структуры российского экспорта в 2015 году входили следующие группы товаров: нефть и нефтепродукты (47,4%), природный газ (11,3%), металлургическая продукция (6,8%), химическая продукция (5,2%), машиностроительная продукция (4,8%), пищевая продукция (2,7%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (1,8%), другие товары (8,3%) [9].

Тенденции товарной структуры экспорта России показывают, что в период 2005–2015 гг. наибольшую долю занимают топливно-сырьевые товары и материалы. При этом доля промышленной продукции высокой степени переработки, являющаяся локомотивом роста экономики регионов, составляет наименьшую долю и в 2015 году по сравнению с 2005 годом снизилась на 2,8 процентного пункта (табл. 1).

Следовательно, основной проблемой экспортной деятельности России остается высокая степень сырьевой направленности экспорта, вследствие чего возникает большая зависимость от цен на топливно-сырьевой комплекс, которые, в свою очередь, делают стабильность экономики крайне неустойчивой. В сложившихся обстоятельствах принципиально важным является верное определение приоритетов в наиболее перспективных направлениях развития экспортной деятельности.

Число экспортеров за период с 2010 года по 2015 год увеличилось на 739 единиц, при этом максимальный прирост зафиксирован в 2015 году на 16% по отношению 2014 году (табл. 2). При этом доля экспортеров в общем числе предприятий обрабатывающих производств составляет только 18,6% и по сравнению с 2010 г. в 2015 г. снизилась на 0,6 п. п., где ключевыми индикаторами, оказывающими влияние, являются валютный курс, неблагоприятная экономическая конъюнктура, типизация экспорта.

Наибольшую долю в общероссийском экспорте в 2015 г. занимают следующие регионы: Тюменская область (4,2%), Республика Татарстан (4,1%), Сахалинская область (3,2%), Республика Башкортостан (2,7%), Ленинградская область (2,5%) [4]. Столь высокие показатели в перечисленных субъектах обусловлены в основном экспортом продукции топливно-энергетического комплекса, в Ленинградской области – за счет наличия приграничных территории. Анализ показателя открытости экономики региона позволяет сформировать группу регионов, у которых прослеживается зависимость между исследуемым коэффициентом и занимаемым рангом по объему экспорта (табл. 3).

Таблица 1. Тренды специализации экспорта в России 2005–2015 гг., % [9]

Вид продукции	Год							2015 к 2005, п. п.
	2005	2007	2009	2011	2013	2014	2015	
Топливо-сырьевые товары и материалы (полуфабрикаты)	82,3	88,6	86,0	87,4	87,5	87,1	87,4	5,1
Промышленная продукция высокой степени переработки	9,1	4,7	5,3	7,2	5,8	6,5	6,3	-2,8
Прочие товары	7,6	6,7	6,5	6,8	6,8	6,4	6,2	-1,4

**Таблица 2. Число участников экспортной деятельности
в Российской Федерации 2010 – 2015 гг., % [8; 9]**

Показатель	Год						Абс. отклон. 2015 г. к 2010 г.
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
1. Участники экспортной деятельности, ед.	24575	20909	20543	21110	21828	25314	739
2. Доля экспортеров в общем количестве участников ВЭД, %	31,8	27,0	25,4	25,6	27,4	33,0	1,2
3. Число предприятий и организаций, тыс. ед.	4823,3	4866,6	4886,4	4843,4	4886,0	5043,6	220,3
4. Доля экспортеров в общем числе предприятий и организаций, %	1,6	1,6	1,6	1,7	1,6	1,5	-0,1
5. Доля экспортеров в общем числе предприятий обрабатывающих производств, %	19,2	19,2	19,9	20,5	19,7	18,6	-0,6

Таблица 3. Рейтинг регионов России по доле экспорта в ВРП, 2015 г. [4; 6]

№	Наименование региона	Показатель открытости экономики региона, %	Ранг среди регионов по объему экспорта
1	г. Москва	2,12	1
2	Тюменская область	1,94	2
3	Самарская область	1,85	3
4	Республика Татарстан	1,83	4
5	Красноярский край	1,65	5
6	Ленинградская область	1,56	7
7	Челябинская область	1,53	8
8	Кемеровская область	1,51	9
9	Иркутская область	1,41	10
10	Липецкая область	1,35	14
11	Вологодская область	1,32	15
12	Хабаровский край	1,29	16
13	Тульская область	1,22	19
14	Оренбургская область	1,19	20
15	Волгоградская область	1,17	27
16	Республика Карелия	1,15	32
17	Республика Коми	1,14	36
18	Республика Хакасия	1,13	38
19	Новгородская область	1,12	44
20	Рязанская область	1,00	50

Существующая зависимость является прямой: чем выше коэффициент открытости региона, тем большую долю экспорта он занимает в объеме ВВП. Анализ корреляции показал, что зависимость составила 0,99. Для России характерны огромные межрегиональные отличия по объему включения в международные экономические отношения. Существует чрезвычайно высокая концентрация внешнеторговых операций на столичных территориях и важнейших сырьевых: почти половина всего экспорта приходится лишь на два субъекта РФ – Москву и Тюменскую область [3; 5]. Отсюда следует, что основ-

ным структурным трендом в российском экспорте товаров и услуг как в национальном масштабе, так и на региональном уровне отмечается преобладание сырья, в частности топливно-энергетического комплекса, и товаров низкой степени переработки (включая полуфабрикат) [4].

В качестве инструментов для выстраивания эффективной внешнеэкономической деятельности и экспортной политики в направлении ее развития в регионах можно выделить следующие:

1. Разработка комплекса мер и механизмов поддержки экспортной деятельности предприятий, осуществляющих производство продукции с высокой степенью переработки с использованием отечественных разработок и местного сырья, включающих организационные мероприятия, развитие организаций экспортной инфраструктуры, информационно-консультационные мероприятия, меры финансовой поддержки.

2. Увеличение доли несырьевого экспорта, в особенности продукции машиностроения, что, в свою очередь, положительно повлияет на формирование технологического потенциала и развитие промышленного комплекса региона в перспективе.

3. Формирование условий в экономике, включающих как механизм содействия, направленный на создание и развитие точек роста регионального экспорта, так и общеэкономические меры, фокусирующиеся на оценке эффективности существующей поддержки и поиске приоритетных направлений развития в долгосрочной перспективе, основанных на трех составляющих (специализации, разнородности спецификации, территориальной экспансии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардомский, Л.Б. Внешнеэкономическая деятельность регионов России / Л.Б. Вардомский. – М.: КноРус, 2010. – 448 с.
2. Леонид Абалкин: Может ли Россия остаться экономически независимым государством? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fondmk.ru/page/page_841
3. Путин заявил о необходимости наращивания российского экспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/politics/russia/putin_zayavil_o_neobhodimosti_narashchivaniya_rossiyskogo_eksporta
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
5. Татаркин, А.И., Липецкий А.Ф. Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона // Экономика региона. 2009. № 1 С. 125–135.
6. Якушев, Н.О. Аспекты методологии оценки экспортного потенциала региона / Н.О. Якушев // Теория и практика современной науки. – 2015. – № 5
7. Торгово-промышленная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tpprf.ru/ru/vneshnie-svyazy/#analitika-po-ved>
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm>

9. Федеральная таможенная служба РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sztu.customs.ru/index.php>
10. World Development Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/products/wdi>

СЕКЦИЯ 2.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ**

К вопросу о государственной аграрной политике, направленной на снижение территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного анализа форм, методов и инструментов государственной аграрной политики, направленной на снижение территориальной дифференциации сельхозпроизводства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, АПК, сельхозпроизводство, дифференциация, специализация, государственная аграрная политика, регион.

В современных условиях хозяйствования эффективность функционирования агропромышленного комплекса России и ее субъектов в частности в значительной степени зависит от рационального размещения и специализации приоритетной отрасли экономики – сельского хозяйства.

Вначале следует отметить, что в целом под территориальной дифференциацией целесообразно понимать явление, отражающее существенные различия между территориями в уровнях развития сельхозпроизводства с учетом природных, социально-экономических, а также биологических факторов. В свою очередь специализацию сельского хозяйства мы рассматриваем как сложный и разносторонний процесс, который включает рациональное размещение и специализацию производства по природно-экономическим зонам, специализацию отдельных отраслей и подотраслей, сельскохозяйственных предприятий и их производственных подразделений. Ввиду того что специализация сельского хозяйства представляет собой сложный, неуклонно развивающийся экономический процесс, ее глубина во многом зависит от влияния комплекса условий экономического, социального, демографического характера, а также факторов, обусловленных особенностями самого сельскохозяйственного производства. Вместе с тем субъекты Российской Федерации существенно отличаются степенью равномерности размещения по их территории населения и показателями его плотности, что предопределяет различия в уровне территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства между ними в целом. Заметим, что процесс отраслевой дифференциации той или иной локальной территории в рыночной экономике, безусловно, может происходить спонтанно, без прямого государственного вмешательства. В то же время агропромышленный комплекс традиционно является сферой государственного регулирующего воздействия.

В целом государственное регулирование представляет собой многоплановую, многостороннюю деятельность законодательных и исполнительных органов, направленную на создание условий для эффективного функционирования экономической системы в целом и ее структурных звеньев (отраслей и предприятий) [8].

¹ Анищенко Аlesia Николаевна (Россия, г. Вологда) – к.э.н., научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

Целью государственного регулирования процессов размещения агропромышленного производства в регионе является создание благоприятных условий для развития предпринимательства на основе межтерриториального разделения труда, обеспечивающих поступательное развитие отраслей производства и переработки сельскохозяйственного сырья, сопутствующей сферы услуг.

В общем виде можно выделить следующие задачи государственного регулирования процессов размещения агропромышленного производства на уровне региона:

- разработка и исполнение нормативно-правовой базы, обеспечивающей развитие предпринимательства в агропромышленном комплексе;
- снижение избыточных административных барьеров и повышение мотивации для субъектов предпринимательской деятельности, функционирующих в сфере АПК;
- повышение результативности государственного финансирования программ развития АПК;
- создание условий для свободной и добросовестной конкуренции территорий;
- обеспечение занятости населения и рационального использования ресурсной базы муниципальных районов;
- соответствие территориально-отраслевой специализации агропромышленного комплекса стратегическим планам развития региона;
- соблюдение «баланса интересов» внутри и между уровнями государственного управления [3; 8].

Особое значение при решении проблемы территориальной дифференциации сельхозпроизводства отводится в экономической литературе реализуемым государственным программам.

Так, проведенный анализ Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы и 2013–2020 годы (далее – Госпрограмма) показал, что в определенной степени учет региональной специфики сельскохозяйственного производства страны просматривается не по всем направлениям (подпрограммам) ее реализации [4; 5]. Например, мероприятия разделов программы «Развитие овцеводства и козоводства», «Поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» и др., предполагающие стимулирование развития сельского хозяйства в северных, горных, засушливых регионах со сложными и экстремальными условиями производства, содействуют решению проблемы снижения уровня избыточной поляризации в уровне потребления продукции. Вместе с тем, мероприятия других разделов Госпрограммы не имеют четко выраженной направленности сглаживания территориальной дифференциации, учитывающей состояние пространственной неоднородности в уровнях потребления и производства сельскохозяйственной продукции, а также региональной специфики ведения сельского хозяйства.

Следует отметить, что мероприятия Госпрограммы предполагают косвенное, а не прямое действие на производство сельскохозяйственной продукции продовольственного назначения (создание предпосылок для развития сельских территорий, создание общих

условий функционирования сельского хозяйства, развитие племенного животноводства, элитного семеноводства и т. п.).

Также применение принципа дополнительности при финансировании мероприятий Госпрограммы не предполагает территориальной дифференциации доли федерального бюджета в зависимости от различий состояния бюджетов регионов и экономического положения хозяйствующих субъектов в них. Вследствие этого из федерального бюджета средства могут получать не те регионы, где необходимо стимулировать ускоренное развитие сельскохозяйственного производства в целях решения продовольственных проблем в них, а те субъекты Российской Федерации, которые отличаются хорошей наполняемостью региональных бюджетов. В свою очередь, региональные органы власти как субъекты реализации агропродовольственной политики на иерархическом уровне воздействуют посредством таких инструментов, как регуляторы рынка труда (привлечение рабочей силы, создание новых рабочих мест, закрепление молодых специалистов на селе и др.) и рынка капитала. Так, например, в Вологодской области среди реализуемых целевых программ в агропромышленном комплексе нет ни одной, прямо нацеленной на снижение территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства. Косвенно данный факт подтверждает низкую степень приоритетности данной проблемы для региональных органов власти.

На двойственный характер региональной аграрной политики, направленной на сглаживание дифференциации в сельском хозяйстве, указывает А.И. Алтухов, увязывая ее, с одной стороны, с углублением специализации территорий в целях максимального использования их природно-экономического потенциала в зависимости от места и роли в общероссийском разделении труда, а, с другой с повышением самообеспеченности территорий [1, с. 31].

По мнению А.И. Костяева, региональная аграрная политика государства включает в себя совокупность экономических, организационных и правовых мер федеральных органов власти по нивелировке последствий несостоятельности рынка, направленных:

- с одной стороны, на получение более высокой национальной эффективности от рационального размещения и специализации регионов на тех сельскохозяйственных продуктах, для производства которых в них имеются наиболее благоприятные природные и экономические условия;
- с другой стороны, на преодоление чрезмерного межрегионального неравенства в условиях ведения агробизнеса, в уровне занятости, доходов и жизни сельского населения и на этой основе ускорение темпов экономического развития сельского хозяйства и других отраслей АПК страны в целом [7].

Соответственно научной точке зрения А.И. Костяева механизмами реализации региональной аграрной политики государства в части сглаживания территориальной дифференциации сельхозпроизводства могут быть:

- территориальная дифференциация налоговых ставок и субсидий из федерального бюджета;
- предоставление регионам субсидий в форме государственных целевых грантов на освоение современных технологий, структурную перестройку и организацию специализированных производств на новой, адекватной рынку основе;

- прямое регулирование через государственный заказ закупки продукции в федеральные фонды и т. п. [7].

По мнению Е.В. Долговой, одним из важнейших направлений снижения территориальной дифференциации сельхозпроизводства является система межбюджетных отношений и бюджетное регулирование. При реализации системы бюджетного федерализма приоритетной целью бюджетного выравнивания логически становится достижение способности региона к самообеспечению и саморазвитию на базе активного использования совокупного социально-экономического потенциала. Целесообразным с точки зрения автора представляется трансформировать систему налогообложения в сторону снижения доли федеральных налогов и их замены региональными. Применение такой модели позволит регионам обрести относительную финансовую независимость и самостоятельность за счет совместного федерально-регионального использования налоговых баз, закрепления за каждым уровнем власти своих налогов [6].

Отметим, что в отношении аграрной политики регионов в научной литературе встречаются предложения по осуществлению более жестких регулирующих мер. Так, например, И.Ф. Хицков предлагает создать региональную правовую основу для «доведения субъектам аграрной экономики, хозяйствующим на территории области, обязательных для исполнения мер по восстановлению и поддержанию плодородия земли, социальной, рыночной и производственной инфраструктуры, рациональной структуры валовой и товарной продукции земледелия и животноводства» [10, с. 28].

Таким образом, несмотря на отдельные факты применения инструментов государственной аграрной политики, направленной на сглаживание территориальной дифференциации в сельхозпроизводстве России, в т. ч. и в Вологодской области, в целом она находится в латентном состоянии, лишь частично присутствуя в рамках федеральной социально-экономической политики, без конкретных целей, системы мониторинга и эффективных форм, методов и механизма регулирования существующей дифференциации сельского хозяйства. При этом существующие инструменты и методы сглаживания территориальной дифференциации в субъектах нашей страны используются неэффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтухов, А.И. Формирование региональной аграрной политики / А.И. Алтухов // АПК: экономика, управление. – 2005. – № 11. – С. 28–35.
2. Анищенко, А.Н. Оценка эффективности государственной поддержки АПК в Вологодской области / А.Н. Анищенко // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сборник статей Международной научно-практической конференции в 2 ч. – Ч. 1. – Уфа : Аэтерна. – 2015. – С. 88–92.
3. Багаев, А.Н. Совершенствование механизма территориального развития на основе формирования региональных инновационных кластеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esstu.ru/uportal/dissertation/downloadFile.htm?type=autoreferat&typeId=488>

4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 14.07.2007 № 446 (ред. от 23.04.2012). – Режим доступа: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/145.htm>
5. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=150184>
6. Долгова, Е.В. Совершенствование механизмов региональной политики как фактора снижения территориальной дифференциации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/3524.pdf>
7. Костяев, А.И. Территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства: Вопросы методологии и теории [Текст]: монография / А.И. Костяев. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2006. – 240 с.
8. Малыш, М.Н. Аграрная экономика: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy-ru.com/selskogo-hozyaystva-ekonomika/223-factoryi-vliyayuschie-48338.html>
9. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
10. Хицков, И.Ф. Система мер по повышению эффективности функционирования предприятий АПК // И.Ф. Хицков. – ГНУ НИИЭиО АПК ЦЧР. – Воронеж, 2005. – 31с.

Возможности использования ГИС-системы в анализе доступности инфраструктуры здравоохранения региона

Для территорий Российской Федерации вопрос доступности социальных услуг и объектов социальной инфраструктуры сегодня становится еще более актуальным, чем это было в период СССР. Сокращение сельского населения, процессы урбанизации, проблемы финансирования и попытки оптимизации социальной инфраструктуры создают условия, в которых фактор доступности проявляется все ярче.

Для Вологодской области в общем характерны те же проблемы, что и для всей страны: неравномерное расселение, малочисленность сельского населения.

Геоинформационные системы (ГИС) в настоящее время получили широкое распространение и популярность в социально-экономических исследованиях, исследованиях отдельных территорий и даже инфраструктуры ЖКХ. Таким образом ГИС уже вышли из сферы исключительно географических изысканий [3]. Этому есть несколько причин.

ГИС базируются на одном из самых удобных способов учета пространственного фактора – карте. Они позволяют использовать для анализа любые доступные данные и представляют их в легкодоступном виде. Также ГИС может аккумулировать разнородные данные практически любого объема, который ограничен лишь внутренними особенностями ГИС [1].

ГИС позволяют получать непосредственно следующую информацию [2]:

- какой тип объекта находится в указанном месте;
- местонахождение интересующего объекта;
- изменения, происходящие на интересующей территории.

Поскольку анализ непосредственно связан с пространственной доступностью, было принято решение использовать для этого ГИС, выбор которой определялся следующими соображениями:

- 1) доступность ГИС;
- 2) лицензионные ограничения;
- 3) возможность использования без привязки к рабочему месту;
- 4) объем и подробность предоставляемых карт.

Так как большинство ГИС требует установки на ПК, предпочтение было отдано доступным картографическим сервисам, предоставляющим возможность расширения функций через систему API, а именно – системе Яндекс.Карты.

Картографический сервис Яндекс.Карты предлагает достаточно подробные и актуальные карты (которые, в том числе, представлены и т. н. народной картой, в которую оперативно вносятся изменения) России с указанием множества населенных пунктов, в том числе и не имеющих населения. Сервис имеет широкий набор инструментов, реализуемых через подробно описанный API.

¹ Артамонов Иван Владимирович (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

Никаких лицензионных ограничений (плата за использование, подписка и т. д.) сервис Яндекс.Карты не имеет, что обусловило его выбор в качестве источника картографической информации.

Для первичного анализа доступности объектов социальной инфраструктуры была выбрана инфраструктура здравоохранения, а именно – пункты оказания медицинской помощи населению различного уровня (от ЦРБ до ФАП и ФЗ), к организации которых имеются следующие требования (табл. 1).

В соответствии с требованиями, определенными Минздравом РФ, каждому пункту оказания медицинских услуг соответствует радиус доступности, равный шести километрам. Согласно этому с помощью API Яндекс.Карты сгенерирована карта оценочной доступности медпунктов (рис. 1). В тестовом режиме данные собраны для трех районов Вологодской области: Вологодского, Бабушкинского, Великоустюгского.

Такой выбор обусловлен существенными качественными различиями в уровне жизни, количестве и характере распределения населения. Так, если Вологодский район с высокой численностью можно охарактеризовать достаточно плотным заселением и относительно высоким уровнем жизни ввиду наличия крупного районного центра, являющегося одновременно и областным центром, то Бабушкинский район, напротив, имеет очень малое население, распределенное крайне неравномерно. Промежуточное положение между ними занимает Великоустюгский район с достаточно крупным (одним из самых крупных в области) районным центром и высокой степенью агломерации населенных пунктов.

Таблица 1. Требования к организации первичной медицинской помощи в сельских населенных пунктах в зависимости от их численности (данные Минздрава РФ)

Число жителей в населенном пункте	Медицинские пункты и организации
Районный центр	ЦРБ
более 2 тыс. человек	врачебные амбулатории
От 1 до 2 тыс. человек (если расстояние до ближайшей медицинской организации не превышает 6 км)	фельдшерско-акушерский пункт/фельдшерский здравпункт
От 1 до 2 тыс. человек (если расстояние от фельдшерско-акушерского пункта до ближайшей медицинской организации превышает 6 км)	центр общей врачебной практики/врачебная амбулатория
От 301 до 1 тыс. человек	фельдшерско-акушерские пункты или фельдшерские здравпункты вне зависимости от расстояния до ближайшей медицинской организации в случае отсутствия других медицинских организаций
От 100 до 300 человек (если расстояние от фельдшерско-акушерского пункта, фельдшерского здравпункта до ближайшей медицинской организации превышает 6 км)	фельдшерско-акушерские пункты или фельдшерские здравпункты
От 100 до 300 человек (если расстояние от фельдшерско-акушерского пункта, фельдшерского здравпункта до ближайшей медицинской организации не превышает 6 км)	домовые хозяйства и (или) выездные формы работы
Менее 100 человек (более чем в 6 км от медицинских организаций или их структурных подразделений)	домовые хозяйства

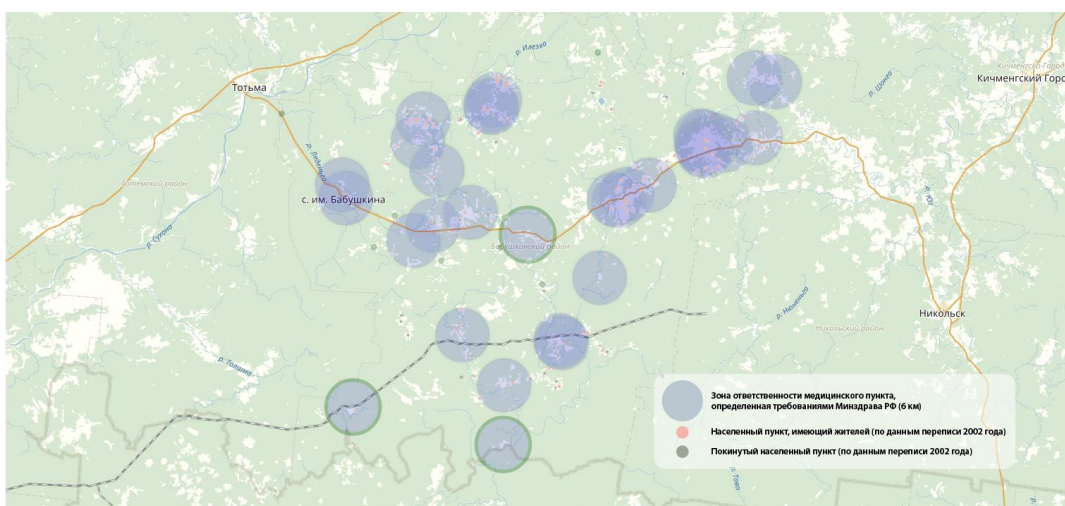
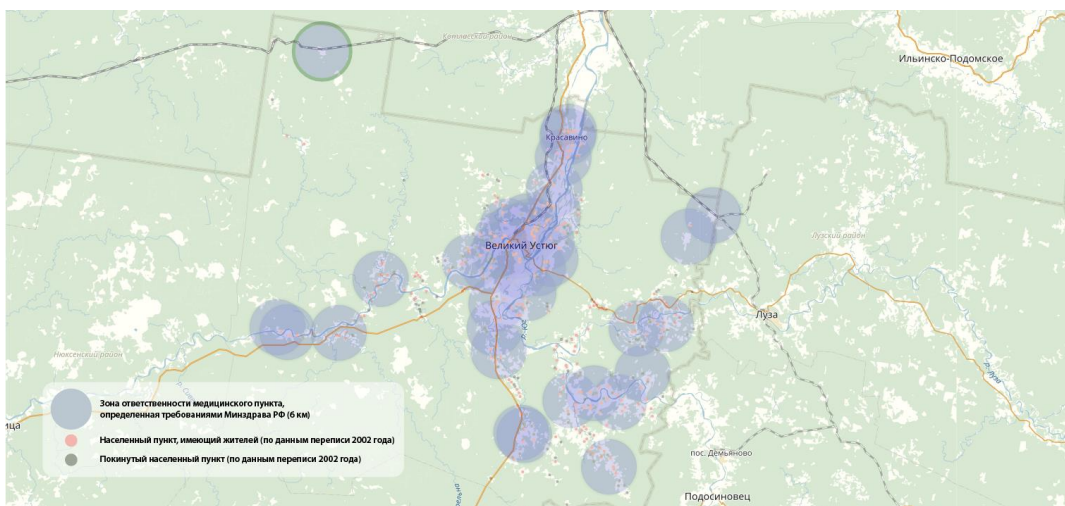
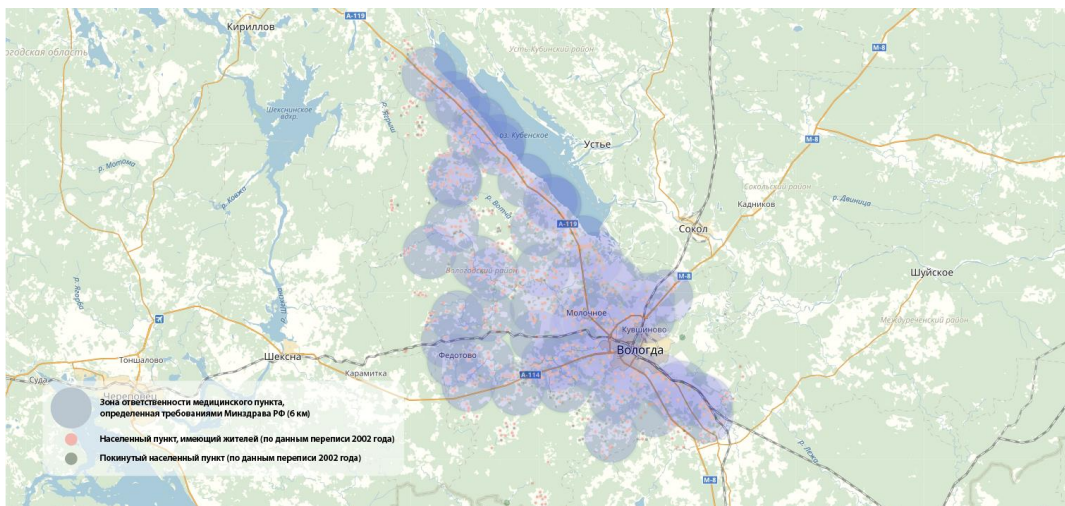


Рис. 1. Карта оценочной доступности медпунктов на основании требований Минздрава РФ для трех районов Вологодской области (Великоустюгский, Вологодский, Бабушкинский)

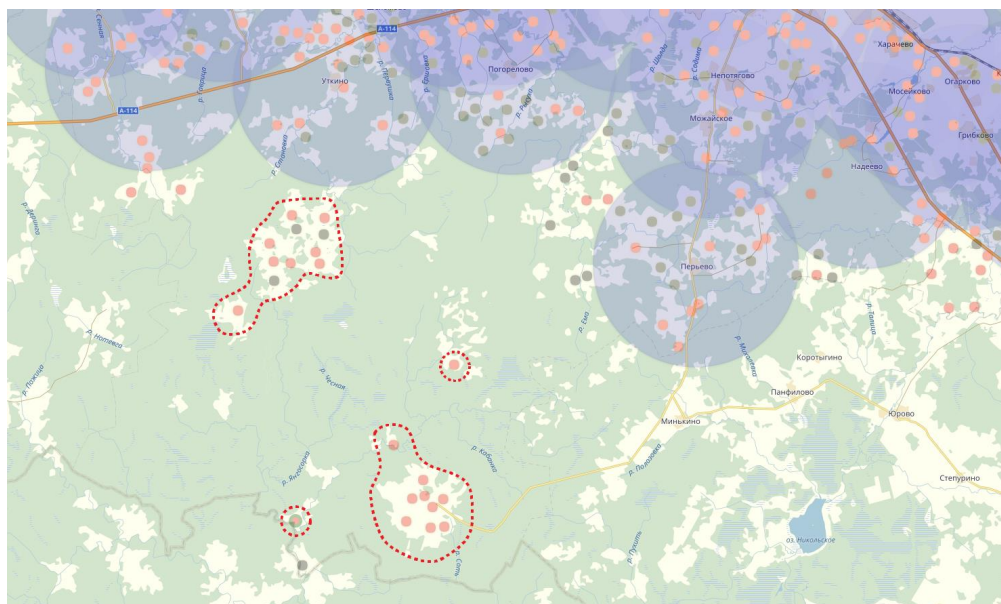


Рис. 2. Фрагмент карты Вологодского района с выделенными группами населенных пунктов, в которых отсутствуют любые объекты здравоохранения

Это не может не наложить свой отпечаток на характер распределения и доступности пунктов оказания медицинской помощи и, в конечном итоге, на качество оказания этой помощи населению.

При масштабировании (увеличении масштаба) карты видно, что система медицинских учреждений, построенная на основании требований Минздрава РФ, не обеспечивает даже потенциальной доступности медицинских услуг для существенной части населенных пунктов в указанных районах.

Так, на *рис. 2* показана часть карты Вологодского района, из которой видно, что существуют целые группы населенных пунктов, которые находятся вне зоны доступности (6 км) медицинских учреждений самого нижнего уровня организации (фельдшерско-акушерские пункты или фельдшерские здравпункты в населенных пунктах с населением от 100 до 300 человек), так как численность населения в каждом из них не превышает 100 человек. В то же самое время многие населенные пункты находятся в радиусе доступности нескольких медицинских пунктов одного уровня.

Результат построения дает понять, что в каждом из указанных районов существуют целые «кластеры недоступности», которые объединяют несколько (часто более десятка) населенных пунктов, доступность медицинской помощи в которых существенно снижена.

Главной технической проблемой, стоящей перед применением ГИС в анализе распределения населения и доступности объектов социальной инфраструктуры, является существенный временной лаг исходных данных. Так, для Вологодской области наиболее полные необходимые данные (включая численность населения по каждому населенному пункту), имеющиеся в открытом доступе, сегодня утрати-

ли актуальность, т. к. предоставляют информацию за 2002 год. По результатам переписи населения 2010 года, для Вологодской области имеются лишь обобщенные данные.

Так, с момента последней переписи населения в 2010 году население области сократилось на 18,5 тысяч человек, что условно равно нескольким десяткам деревень. А по сравнению с 2002 годом население области уменьшилось на 86 тысяч человек [4]. Более четверти (2131) из 8006 учтенных населенных пунктов не имеет постоянного населения.

Однако сервис Яндекс.Карты непосредственно предоставляет только картографическую информацию и обработку пользовательских данных, хранение же данных, предполагаемых к размещению и визуализации (а также обработке), должно осуществляться отдельно на каком-либо интернет-ресурсе (требуется хостинг веб-сайта) в виде совместимой базы данных (если речь идет о значительном объеме однотипных данных).

Массив рабочих данных организован в базу MySQL, работающую через интерфейс Workbench, и располагается в данный момент в тестовом режиме на базе хостинга Института молекулярной генетики РАН. В дальнейшем планируется перемещение данных на специально организованный хостинг.

На сегодня в базе содержатся следующие поля: уникальный идентификатор населенного пункта (числовое значение с единичным инкрементом), название населенного пункта, координаты в десятичном виде (проекция Меркатора), численность населения для каждого населенного пункта (в том числе и нулевое значение).

Отметим, что данные карты построены только на основании требований Минздрава РФ и не содержат информации о реально существующих медицинских пунктах. Эта информация будет добавлена позже.

Существенную сложность в использовании ГИС представляет отсутствие актуальных исходных данных. При этом, однако, их обновление и реконфигурация карт занимают относительно короткое время.

Другим фактором, затрудняющим применение сервиса Яндекс.Карты, является наличие ограничения в 25000 запросов к геокодеру и маршрутизатору в сутки. Это ограничение частично снимается при использовании кеширования результатов запросов на срок до 30 суток. Также результаты можно хранить во внешней базе данных и использовать API для вывода этой информации.

Среди несомненных преимуществ можно выделить доступность ГИС, возможность оперировать большими объемами данных и получать результат в легкодоступном виде. Кроме того, API ГИС позволяют существенно расширять их использование и реализовывать необходимые функции как за счет модулей, написанных самостоятельно, так и за счет применения и модификации уже имеющихся в распоряжении.

В дальнейшем планируется наполнение базы данных информацией по всем районам области как по результатам переписи 2002 года, так и по результатам переписи 2010 года, добавление информации о реально существующих и функционирующих объектах инфраструктуры, что позволит провести оценку доступности с ранжированием по типу объектов и другим параметрам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрова В.Н. Инфраструктура пространственных данных для оценки геоэкологического состояния территории региона / В.Н. Бодрова, А.В. Палякин, Изд-во ВолГУ, 2013. С. 59–66.
2. Канашин В.В. Технологии Yandex-Карт: практический опыт / В.В. Канашин, УГАТУ, 2011. С. 177–182.
3. Пичугин И.Л. Применение ГИС-технологий – эффективный метод мониторинга объектов ЖКХ / И.Л. Пичугин, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 2006. С. 76–80.
4. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 03.05.2017).

Роль негосударственных некоммерческих организаций в решении социальных проблем региона

Аннотация. В последние годы все большее внимание уделяется функционированию и развитию негосударственных некоммерческих организаций в России. В статье описаны предпосылки формирования ННКО, перечислены их основные черты, рассмотрен вопрос их функционирования в региональной экономике.

Ключевые слова: негосударственные некоммерческие организации, ННКО, социальные проблемы, регион.

Негосударственные некоммерческие организации (ННКО) существуют наряду с коммерческими предприятиями и органами государственной власти. В настоящее время они приобретают все большую актуальность в связи с тем, что способны оказывать значительную помощь государству в решении многочисленных социальных проблем. Наиболее распространенным является мнение, что ННКО возникают в ответ на провалы рынка и государства. Процессы производства, распределения, обмена и потребления могут происходить как в материальной, так и в нематериальной сфере. При рыночной системе хозяйствования предприятия ориентированы в большей степени на производство частных благ, реализация которых может принести максимальную прибыль. Однако рыночный механизм не является универсальным для всех сфер жизнедеятельности человека. В связи с этим возникает теория провалов (изъянов, фиаско) рынка, которая довольно хорошо изучена и представлена в экономической литературе. Провалом рынка называют «неспособность конкурентной среды в той или иной ситуации реализовать эффективность по Парето» [1]. К основным провалам рынка традиционно относят ограниченность конкуренции (монополию и монополию), недостаток (неполноту) и асимметрию информации, а также внешние эффекты (экстерналии). При монополии, например, фирмы выбирают наиболее выгодные для себя условия (цены, объемы производства), что ведет к неоптимальному использованию ресурсов и в итоге имеет отрицательные последствия для всего общества. Недостаток (отсутствие полной информации) или асимметрия (неравная информированность) информации об объекте сделки или ее условиях может привести к дополнительным транзакционным издержкам для экономических субъектов или злоупотреблению одним участником неинформированностью другого. Внешние эффекты, т. е. касающиеся не только участников какой-либо экономической операции, но и третьих лиц, – это издержки или выгоды от рыночных сделок, не получившие отражения в ценах [2, с. 148]. Те экономические блага, производство и распределение которых ведет к возникновению значительных экстерналий, называют социально значимыми благами. С этим понятием тесно связана сфера производства общественных благ, которая также не может регулироваться только рыночными механизмами.

¹ Артамонова Анна Станиславовна (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

Теория общественных благ была выдвинута в середине XX века американским профессором Полом Энтони Самуэльсоном. Под общественными благами понимают товары и услуги, предоставляемые гражданам на равных началах (например, оборона, бесплатное образование, общедоступное посещение парков и т. п.) [8]. Поскольку общественные блага чаще всего не могут являться товаром как таковым, их производством занимается общественный сектор, и одну из ключевых ролей здесь играет государство (в связи с этим в экономической литературе общественный сектор также часто называют государственным), выступая в качестве одного из субъектов экономики, имея в своем распоряжении совокупность ресурсов и прав на их распределение [9]. Общественный сектор представляет собой часть экономического пространства, имеющую такие характеристики, как нерыночный тип координации деятельности; производство, распределение и потребление общественных благ, а не частных; обеспечение экономического равновесия между спросом и предложением органами государственной власти и добровольно-общественными организациями [2, с. 13].

Ключевая роль государства в производстве общественных благ обусловлена, в первую очередь, так называемой проблемой безбилетника. Производство общественных благ предполагает коллективные действия всех или большинства потенциальных потребителей этого блага. Эти действия могут выражаться либо в прямом участии, либо в совместном финансировании. Однако вопрос добровольного участия в производстве не решается сам собой, поскольку, когда общественное благо будет произведено, в силу своего свойства неисключаемости, пользоваться им смогут не только те, кто участвовал в производстве, но и все остальные. Здесь и проявляется регулирующая роль государства, на котором лежит главная ответственность за производство и распределение общественного блага. Одним из главных инструментов выступает налогообложение, обеспечивающее выполнение этой функции органов власти.

Другим важным аспектом, касающимся сферы общественных благ, является их распределение. Здесь необходимо уточнить, что существуют общенациональные блага, например, защита государственных границ или законодательство, которыми, в принципе, пользуется все население страны, и блага, предназначенные для определенных категорий населения (оказание социальной помощи инвалидам, сиротам т. п.). Распределение подобных благ часто вызывает определенные сложности. Дело в том, что государство производит некоторые общественные блага в недостаточном объеме, соответственно не может удовлетворить спрос всех потенциальных потребителей. Такие ситуации относят к провалам государства по аналогии с концепцией фиаско рынка.

Теория провалов государства получила меньшее развитие, чем концепция изъянов рынка. К провалам государства – ситуациям, когда государство не может обеспечить эффективное распределение и использование ресурсов – относят чаще всего ограниченность необходимой для принятия решений информации, несовершенство политического процесса (погоня за рентой, лоббирование, поведение избирателей и т. д.), ограниченность контроля над бюрократией, неспособность государства полностью контролировать деятельность других экономических агентов [4, с. 7]. Возвращаясь к неспособности го-

сударства производить общественные блага в достаточном количестве и эффективно их распределять, следует обратить внимание и на то, что государство создает некий стандарт оказания услуг «усредненному» потребителю, часто не учитывая потребности конкретных (порой малочисленных) групп. Кроме этого, в силу бюрократической системы оно не всегда может своевременно оказать необходимую помощь. В ответ на изъяны рынка и государства началось активное развитие негосударственных некоммерческих организаций, которые в настоящее время становятся важным участником экономической жизни. Чаще всего о них говорят в контексте формирования гражданского общества, называя ННКО его основой.

Необходимо обратить внимание, что и зарубежным, и отечественным исследованиям по вопросу деятельности НКО характерна некоторая нечеткость как в терминологии, так и в определении границ сектора, в связи со сложным характером этого явления пока не сформулирована единая концепция, которой придерживались бы исследователи всех стран. В настоящее время часто употребляются понятия «неправительственные», «благотворительные», «добровольные», «общественные» организации, а сектор чаще всего называют «третьим» (наряду с органами государственной власти и коммерческими предприятиями) [11]. В зарубежной литературе наиболее распространенным является определение, данное в 1996 году Л.М. Саламоном и Х.К. Анхайером, которые инициировали проект сравнительного изучения «третьего» сектора в 22 странах и по итогам выделили основные черты, присущие негосударственным некоммерческим организациям [12, с. 17]:

- функционируют вне государственного аппарата;
- не распределяют полученную прибыль;
- предлагают добровольное участие;
- обладают определенной степенью институционализации;
- самоуправляемы.

Из отечественных исследователей большой вклад в изучение вопроса вносит Л.И. Якобсон, который определяет «третий» сектор как «совокупность ячеек регулярного и более или менее организованного сотрудничества людей» [10]. При этом он выделяет следующие признаки:

- относительно определенный состав участников и относительно определенные и стабильные цели альтруистического характера;
- отсутствие цели получения прибыли или овладения политической властью;
- добровольная самоорганизация.

Юридически деятельность некоммерческих организаций в Российской Федерации регламентируется Гражданским кодексом, Федеральным законом «О некоммерческих организациях», Федеральным законом «Об общественных объединениях», Федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Нормативные акты определяют НКО как организацию, не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками. При этом термин «некоммерческая организация» используется для идентификации организаций некоммерческого сектора экономики, без ак-

цента на государственном или негосударственном статусе [6, с. 5]. Отчасти именно эти неточности служат причиной упомянутой выше нечеткости в терминологии и определении границ сектора.

Поскольку негосударственные некоммерческие организации нацелены в большей степени на помощь в решении индивидуальных проблем населения, то можно отметить, что ННКО способны функционировать в той или иной форме во всех подсистемах, конечно, с учетом некоторых особенностей (табл.).

Оказывая поддержку конкретным группам населения, негосударственные некоммерческие организации в то же время оказывают влияние и на экономику регионов, в которых функционируют. В первую очередь, речь идет о том, что они являются налогоплательщиками. Конечно, есть существенные различия между налоговой политикой в отношении негосударственных некоммерческих организаций за границей и в России, где льготы представляют довольно слабый инструмент развития «третьего» сектора [7]. Во-вторых, ННКО создают рабочие места, таким образом влияя на занятость в регионе. В-третьих, негосударственные некоммерческие организации могут производить различные товары и оказывать услуги, удовлетворяющие спрос определенной целевой аудитории. В-четвертых, ННКО могут привлекать в регион инвестиции, получая гранты или финансовую помощь от жертвователей. Кроме этого, оказывая влияние на развитие экономики, ННКО порой выступает в качестве инициатора нововведений (негосударственное образование в виде курсов для пенсионеров, например) или принимает участие в выявлении, обсуждении и решении социально-экономических проблем на муниципальном, региональном и национальном уровнях.

В последние несколько лет к негосударственным некоммерческим организациям наблюдается значительное повышение внимания и со стороны высшего руководства страны, и соответственно со стороны региональных властей. Создаются специальные ресурсные центры для поддержки и помощи ННКО, сталкивающимся с довольно многочисленными трудностями, связанными с регистрацией, ведением деятельности, финансированием. Основной задачей на ближайшее время становится налаживание взаимоотношений и взаимосвязей между негосударственными некоммерческими организациями и региональными властями. Опыт многих стран доказал целесообразность и действенность такого партнерства. В то же время есть необходимость выстраивать отношения и с пред-

Таблица. Негосударственные некоммерческие организации в социально-экономической системе региона

Подсистема	Сфера деятельности ННКО
Системообразующая база	Потребительские кооперативы в сельском хозяйстве, ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и пр.
Системообслуживающий комплекс	Автономные некоммерческие организации в системе образования, общественные организации в сфере здравоохранения, адресная помощь в сфере социальной поддержки, работа с разными категориями граждан (инвалиды, сироты и т. д.)
Политическое управление	Политические партии, гражданские инициативы и др.
Экология	Общества по защите животных и пр.
Инфраструктура рынка	ННКО на рынке социальных услуг
Источник: составлено автором.	

принимательскими структурами, ориентировать их на повышение уровня социальной ответственности. Однако если в развитых странах место негосударственных некоммерческих организаций относительно определено и важность их деятельности не вызывает сомнений, то в отношении российских ННКО, особенно региональных, существует необходимость в более детальном анализе особенностей их деятельности и выработке наиболее эффективных механизмов их взаимодействия с другими экономическими агентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, О. В. Анализ провалов государства и провалов рынка в сравнительной форме [Текст] / О. В. Архипова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 27. Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-provalov-gosudarstva-i-provalov-rynka-v-sravnitelnoy-forme> (дата обращения: 28.02.2017).
2. Ахинов, Г. А. Экономика общественного сектора [Текст]: Учеб. пособие / Г. А. Ахинов, Е. Н. Жильцов. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 345 с. – (Высшее образование).
3. Дамдинова, Ч. Б. Подходы к определению категории «Региональные социально-экономические системы» [Текст] / Ч. Б. Дамдинова // Вестник БГУ. – 2009. – № 1–2. – С. 32–37.
4. Ефимова, Л. А. Экономика общественного сектора [Текст]: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2013. – 90 с.
5. Калашников, К. Н. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения [Текст]: монография / К. Н. Калашников, А. А. Шабунова, М. Д. Дуганов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 153 с.
6. Мерсиянова, И. В. Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития [Текст]. – 42 с.
7. Панасенко, С. Развитие некоммерческого сектора в России [Текст] / С. Панасенко // Обозреватель – Observer. Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N7_2006/7_06.NTM
8. Словарь экономических терминов. 2015. Режим доступа: http://economics_ru.academic.ru/3671.
9. Якобсон, Л. И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика [Текст]: Учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 367 с.
10. Якобсон Л. И., Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения [Текст] / Л. И. Якобсон, С.В. Санович // Общественные науки и современность. – 2009. – №4. С. 22–23.
11. Pennerstorfer, A. Die volkswirtschaftliche Bedeutung gemeinnütziger Organisationen in Österreich / A. Pennerstorfer // Der öffentliche Sektor – The Public Sector. – 2016. – № 42 (2). – Pp. 7–13.
12. Salamon, L. M., Anheier, H. K., List, R., Toepler, S., Sokolowski, S.W., & associates. Global civil society. Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies. – 1999. – 512 p.

Основные тенденции развития рынка органической продукции на Урале

Аннотация. Рассмотрены некоторые аспекты развития рынка органической продовольственной продукции. Выявлено, что потребительский рынок органических продовольственных товаров в России в целом и на Урале в частности представлен двумя основными группами продуктов: а) производимых в РФ и б) закупаемых за границей. Показано, что в условиях внутреннего кризиса и современных внешнеполитических реалий актуально самообеспечение продовольствием, и в том числе – органическими продуктами. Установлено, что национальный рынок органических продовольственных товаров сформирован (имеются емкость, границы и географическое покрытие рынка; инфраструктура, ценообразование и т. п.) и находится в стадии активного развития. Рассмотрена конъюнктура рынка на примере Уральского федерального округа в целом и Свердловской области в частности. Сделан прогноз потенциальной емкости рынка Уральского федерального округа по методу расчета «снизу – вверх», показывающий рост регионального рынка, как минимум, на 22% к 2020 г.

Ключевые слова: органические продукты, импортозамещение, уральский рынок, емкость рынка.

Продолжающийся финансово-экономический кризис в РФ и обострение внешнеполитической обстановки актуализируют проблему продовольственного самообеспечения в целом и обеспечения органическими продовольственными товарами (далее – ОргПТ) в частности. Анализ доступных нам источников литературы показывает, что потребительский рынок ОргПТ в России представлен двумя основными товарными группами: а) производимые в РФ; б) закупаемые за границей. Исследования различных ученых и практиков [2; 4; 5; 22; 27; 28; 29; 30; 31] показывают, что на текущий момент имеет место рост продаж и потребления ОргПТ импортного производства. Отдельные исследователи [19] говорят о полном отсутствии рынка производимых в России органических продуктов. Другие ученые отличают, что рынок ОргПТ оценивается «... неоднозначно на государственном, предпринимательском, научном и потребительском уровнях» [21, с. 9].

Вышеизложенное побудило авторов рассмотреть некоторые аспекты конъюнктуры и тенденций развития отечественного рынка ОргПТ с акцентом на собственное производство.

Исследование проведено с использованием монографического кабинетного исследования на основе таких источников, как: данные международной и российской статистики; результаты исследований отечественных и зарубежных ученых и практиков по современ-

¹ Астратова Галина Владимировна (Россия, г. Екатеринбург) – д.э.н., к.т.н., профессор, заведующий кафедрой «Экономики жилищного, коммунального хозяйства и энергетики», Уральский государственный экономический университет.

Рущицкая Ольга Александровна (Россия, г. Екатеринбург) – к.э.н., доцент, директор института «Экономики, финансов и менеджмента», зав. кафедрой «Менеджмента и экономической теории», Уральский государственный аграрный университет.

ным проблемам экономики, управления и маркетинга экологически чистых продуктов (в том числе – на рынке органических продовольственных товаров) и др.

Для расчета потенциальной емкости рынка (далее – ПЕР) ОргПТ региона (на примере Уральского федерального округа) мы использовали методические подходы к сбору данных на основе кабинетного исследования рынка УрФО. Считали целесообразным использовать метод расчета ПЕР «снизу – вверх».

Теоретико-методологические подходы к формированию рынка собственного производства органической продукции в России и на Урале. Общеизвестно, что продовольственный рынок (рынок продовольственных товаров) можно рассматривать как отдельную отрасль аграрно-промышленного комплекса (далее – АПК). Это также согласуется с положениями законодательства РФ о том, что отрасль экономики составляют производители аналогичного или непосредственно конкурирующего товара, на долю которых приходится основная часть (свыше 50%) объема производства такого товара [16, с. 2]. «На долю отраслей и предприятий третьей сферы АПК приходится 38% от общего объема производства продукции, 19% всех производственных фондов и 18% численности рабочих» [14]. Соответственно, вся третья сфера и ее подотрасли (например, рынок продовольственных товаров и рынок органических продовольственных товаров) вполне могут считаться отдельными отраслями.

Применяя базисные постулаты экономической теории в части «основные признаки рынка», мы считаем, что на текущий момент национальный рынок ОргПТ сформирован и находится в стадии активного развития (табл. 1). Из таблицы 1 следует, что, хотя отдельные условия и факторы реализуются не в полной мере (емкость, границы и географическое покрытие рынка; инфраструктура, ценообразование и т. п.), отечественный рынок производства ОргПТ существует и активно развивается. При этом темпы роста этого рынка (в среднем, 30–40%) [23; 29 и др.] значительно опережают его фактический объем, не превышающий 0,1–2,0% от общего рынка продуктов питания [4; 8; 19; 22; 29].

Как показывают результаты различных исследований [3; 5; 6; 8; 10; 21; 23; 27; 28; 29 и др.], становлению национального рынка ОргПТ способствует множество факторов, среди которых мы выделяем как наиболее важные следующие:

1) развернувшаяся в последние 5–10 лет широкая научно-практическая дискуссия особенностей, тенденций и перспектив эволюции российского рынка ОргПТ;

2) разработка, утверждение и введение в действие в июне 2015 г. гармонизированного с европейскими нормативами ГОСТ Р 56508–2015 «Продукция органического производства. Правила производства, хранения, транспортирования»;

3) благоприятное сочетание двух ключевых ресурсов:

- не задействованная в сельском хозяйстве за последние 20 лет земля [6, с. 48];
- дешевая по сравнению с индустриально развитыми странами рабочая сила;

4) реальный интерес и высокий потенциальный спрос на ОргПТ у потребителей;

5) обладание Россией рядом дополнительных преимуществ:

- улучшение качества жизни и здоровья населения посредством повышения качества продуктов питания;
- создание прослойки мелких предпринимателей;

Таблица 1. Совокупность основных факторов, подтверждающих наличие и активное формирование современного рынка органических продуктов в РФ

Общие условия эффективного функционирования рынка	Проявление условий в виде конкретных факторов	Характеристика факторов
1. Общественное разделение труда	Рынок ОргПТ является частью продовольственного рынка АПК	АПК в целом и продовольственный рынок в частности весьма эффективно функционируют в современных реалиях
2. Экономическая самостоятельность и свобода предпринимательской деятельности	Отсутствие устоявшихся игроков, нацеленных непосредственно на производство и/или сбыт ОргПТ	Фирменная структура рынка ОргПТ представляет собой совокупность отдельных игроков на всех стадиях «продовольственной цепочки»: от сельхозпроизводителей, пищевых перерабатывающих заводов до ритейлеров
3. Кооперация труда	Отсутствие системных связей между участниками по всей цепочке создания стоимости	Процесс создания агрохолдингов и прочих структур, объединяющих все звенья «продовольственной цепочки», не принял массового характера
4. Наличие рыночной конкуренции	Имеет место монополистическая конкуренция	Представляет ситуацию на рынке, когда каждый из игроков не имеет значительного влияния на рынок и действует в соответствии со своими возможностями на рынок. Акцент, в основном, делается на дифференциацию; стратегическое поведение практически отсутствует
5. Наличие различных форм собственности	Присутствуют следующие формы: 1) крупные и средние аграрные моно- и многоотраслевые предприятия коммерческой, государственной частно-государственной собственности; 2) фермерские хозяйства; 3) личные подсобные хозяйства населения	В России свыше 50 сертифицированных хозяйств, около 10 – производителей ОргПТ. Практически отсутствуют компании по переработке органического сырья
6. Наличие развитой инфраструктуры рынка;	Инфраструктура находится в стадии активного формирования	Проблемы логистики: не разработана система требований к транспортировке и хранению ОргПТ. Проблемы торговли: преимущественно отдельные – премиальные – ритейлеры внедрили органические продукты в свой ассортимент
7. Географическое покрытие.	Ограниченное	Абсолютное большинство продаж ОргПТ сконцентрировано в Москве и частично в Санкт-Петербурге. Большинство населения РФ пока не имеет доступа и не пробовало ОргПТ
8. Товар	Ограниченный, узкий ассортимент товаров. Определяется не столько потребностями консуменов, сколько готовностью ритейлеров без существенных дополнительных затрат и рисков представить на полке магазина ОргПТ	Основу продаж ОргПТ составляют крупы, соки, детское питание, прочие бакалейные товары. Высокая доля детского питания говорит о готовности населения платить премиальные цены за высококачественные продукты для детей. Овощи, фрукты и свежие мясо и птица – традиционно основные категории ОргПТ – практически не представлены в ассортименте основных каналов сбыта

9. Наличие однородных товаров	На рынке присутствует большое количество продуктов-субститутов	Многие продукты называются «натуральными», «чистыми», «органическими» и «полезными» без фактического изменения процесса производства. Это препятствует дифференциации ОргПТ, что создает целый ряд «квази» – субститутов, которые для большинства потребителей обладают аналогичными свойствами за более низкую цену
10. Свободное ценообразование	Отмечается наличие локального дискриминирующего ценообразования, что свидетельствует об отсутствии сформировавшегося понимания ценности ОргПТ у профессиональных участников рынка и потребителей	Разница между ценами на обычные продукты и ОргПТ как на стадии закупки у производителя, так и на полке ритейла существенна (от 30% до 8–10 раз). В магазинах часть ОргПТ реализуется скорее как один из премиальных брендов, нежели как следствие осознанного потребительского спроса на продукцию с функциональными преимуществами. Цена на ОргПТ устанавливается в зависимости от готовности потребителей платить за премиальные продукты
11. Емкость и границы рынка.	Малая емкость и отсутствие четких рамок рынка	Нет общей методики оценки рынка ОргПТ. Оценки емкости рынка ОргПТ различаются, также как и определение того, какие типы продуктов следует включать. Большинство источников сходятся на том, что объем рынка ОргПТ незначителен и не превышает 0,1–2,0% от общего рынка продуктов питания. Определение четких рамок рынка ОргПТ осложняется наличием большого количества продуктов-субститутов
Составлено на основе анализа различных источников. Библиографический список представлен в источнике [2].		

- увеличение рабочих мест за счет появления новых видов бизнеса;
- предотвращение запустения сельскохозяйственных земель вследствие рационального органического земледелия;
- усиление конкурентоспособности отечественной органической продукции на международном рынке и усиление экспортной отрасли и др.

Немаловажно и то, что эксперты Agroinfo не только не сомневаются в наличии в РФ национального рынка производства ОргПТ, но и подчеркивают, что принятие «адекватных» нормативных актов в области органического сельского хозяйства может привести к тому, что «...к 2020 году Россия может занять 10–15% мирового рынка органической продукции. В стране будут работать более 15 000 сертифицированных фермеров, что создаст 750000–1000000 новых рабочих мест на селе с высоким уровнем дохода. Потенциал российского рынка органических продуктов оценивается в \$ 700 миллиардов» [28].

Об этом же говорится и в исследовании О.Ю. Воронковой. Доказано, «... что в российских регионах имеются необходимые природно-климатические условия, ресурсный и земельный потенциал для организации (наряду с традиционной) системы ведения органического сельскохозяйственного производства. Системный анализ и оценка возможности

использования мирового опыта ведения органического сельскохозяйственного производства во взаимосвязке со сложившимися традициями российского землепользования выступают предпосылкой к стратегическому развитию и укреплению позиций сельского хозяйства в системе национальной экономики» [6, с. 237].

В то же время необходимо отметить, что условия развития рынка ОргПТ в разных регионах России различаются, поскольку климатогеографические условия и распределение ресурсов имеют четко выраженные региональные различия [1].

С позиций нашего исследования представляет интерес Уральский федеральный округ (УрФО) в целом и его отдельные субъекты в частности. К настоящему времени агропромышленный комплекс УрФО представляет собой сложнейшую систему – крупный межотраслевой комплекс, объединяющий совокупность различных форм собственности и хозяйствования в многоукладной экономике, направленных на производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получение из него продукции, доводимой до конечного потребителя. «Природно-климатические и экономические условия позволяют производить в Уральском федеральном округе в качестве основной продукции агропромышленного комплекса зерновые и зернобобовые культуры, картофель, овощи (открытого и защищенного грунта), плоды и ягоды, а также выращивать скот и птицу, производить молоко и яйца» [24, с. 53].

В структуре АПК региона представлены следующие сельскохозяйственные организации:

1) крупные и средние предприятия – птицефабрики (яичного и мясного направления); комплексы по выращиванию и откорму свиней; многоотраслевые предприятия; 2) фермерские хозяйства; 3) личные подсобные хозяйства населения. К настоящему времени [9] объемы сельскохозяйственного производства в субъектах АПК УрФО поделены следующим образом: хозяйства населения производят 49% всей агропродукции округа, сельскохозяйственные организации – 46%, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели – 5%. При этом каждый субъект регионального АПК вносит свою лепту в обеспечение населения УрФО основными видами сельскохозяйственной продукции [1].

Одним из пионеров производства органической продукции в УрФО является Свердловская область. Среднегодовой индекс агропромышленного производства в Свердловской области за период 2006–2012 гг. составил 102,5%, а по итогам 9 месяцев 2015 года – 103,5%. За этот период произведено продукции по всем наименованиям больше, чем в 2014 году, а объемы картофеля полностью обеспечивают потребности населения области [7]. Среди основных производителей ОргПТ в Свердловской области мы можем выделить ряд хозяйствующих субъектов рынка, в том числе: ООО «Сельскохозяйственное предприятие «Агроэкология», ООО «ЭКОферма «ГАРМОНИЯ», ЗАО «Уралбиовет», ИП Воденников А.Н. «Ваша ферма», (КФХ Дергачевой С.И.) «Полевская ферма», ЛПХ «Бобровское», НП «ИСКРА» и др.

Таким образом, мы можем сказать, что на текущий момент рынок ОргПТ региона развивается. В связи с этим считали целесообразным определить потенциальную емкость рынка органических продовольственных товаров для УрФО на период до 2020 г.

Некоторые практические аспекты определения потенциальной емкости рынка органических продовольственных товаров. Как известно, в экономической практике для расчета ПЕР используют три основных метода определения емкости рынка: 1) метод расчета емкости «снизу – вверх»; 2) метод расчета емкости «сверху – вниз»; 3) метод расчета емкости рынка на основе реальных продаж (табл. 2).

Считали целесообразным использовать метод расчета емкости «снизу – вверх» не только потому, что это самый известный и распространенный метод, но и потому, что данные для расчетов в данном случае получить значительно проще, чем в двух других случаях.

Формула расчета ПЕР выглядит следующим образом:

$$\text{Емкость рынка за период } N \text{ (тыс.руб)} = \text{Численность целевой аудитории рынка (в тыс. чел.)} * \text{норма потребления товара за период } N \text{ (в шт.)} * \text{средняя стоимость 1 единицы продукции на рынке (в руб.)}$$

Мы исходили из того, что потенциальная емкость регионального рынка ОргПТ – это размер рынка, основанный на максимальном уровне развития спроса на ОргПТ среди потребителей, т. е., что к 2020 году культура потребления ОргПТ достигнет своего максимума, когда «... потребители максимально часто потребляют продукт и постоянно его используют. Потенциальная емкость рынка – это максимально возможный объем рынка,

Таблица 2. Методические подходы к определению исходных данных для расчета ПЕР ОргПТ УрФО на основе кабинетного маркетингового исследования

Наименование показателей	Общее описание	Характеристика
Период	За какой период будет рассчитана емкость рынка?	Прогноз на 2020 г.
Границы рынка	По какому региону будет рассчитана доля рынка?	УрФО, в том числе по областям: Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской
Критерии для расчета потенциала	Какой показатель будет взят за основу расчета потенциальной емкости рынка – возможный уровень производства или возможный уровень потребления?	возможный уровень потребления
Аудитория	Какая аудитория будет учитываться в расчете емкости?	Все население от 18 и далее
Товарные группы	Какие группы товаров будут учитываться при расчете емкости рынка?	Только органически чистые продовольственные товары, производимые в УрФО
Единица измерения	Что будет являться единицей измерения при расчете емкости рынка (валюта, единица продукции или объем продукции)?	Тыс. руб.
Источники	Какая информация необходима для расчета емкости рынка, источники получения данной информации?	Данные официальной статистики, труды отечественных ученых и практиков, экспертные оценки
Составлено и адаптировано на основе источника [25].		

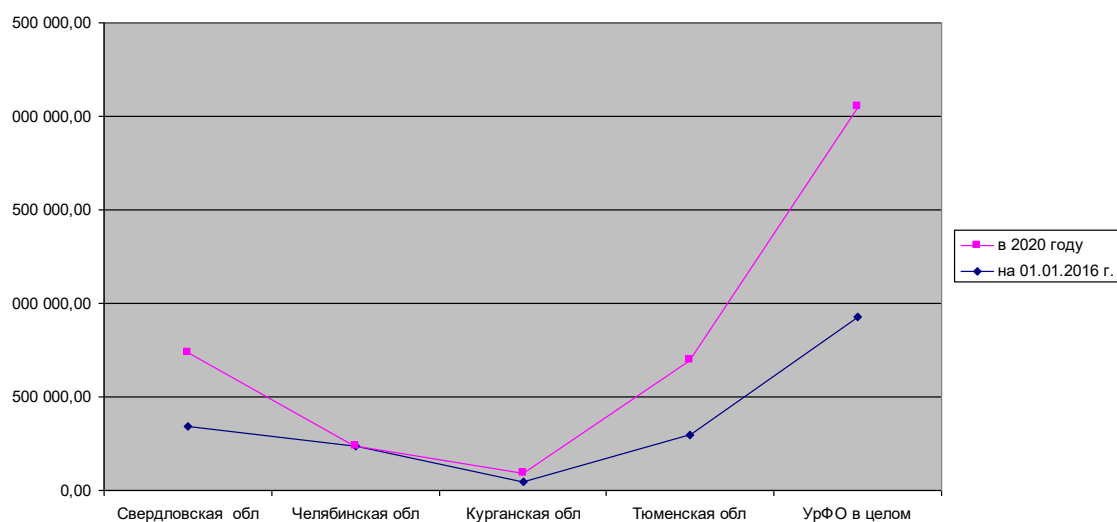


Рис. Динамика роста потенциальной емкости органического продовольствия УрФО в 2016–2020 гг., согласно авторским расчетам

который определяется из расчета, что все потенциальные потребители знают и пользуются товарной категорией» [25].

Для расчетов также использовали данные о численности населения [20], современные нормы потребления продуктов питания [18] и данные госкомстата РФ о средней стоимости продуктов питания в потребительской корзине для взрослого человека в 2015 году, данные мониторинга цен на продукты в России [13], а также экспертные оценки прогнозных данных на 2020 год. Результаты наших расчетов ПЕР ОргПТ УрФО представлены в табл. 5, а динамика роста емкости регионального рынка, как минимум, на 22% – на рисунке.

Выводы

1. Рассмотрены некоторые теоретико-методологические и практические аспекты формирования рынка собственного производства ОргПТ в России и на Урале. Показано, что этот рынок активно формируется, о чем убедительно свидетельствуют такие факторы, как емкость, границы и географическое покрытие рынка; инфраструктура, ценообразование и т. п.

2. Проведен расчет потенциальной емкости рынка ОргПТ на примере Уральского федерального округа по методу расчета «снизу – вверх». Показано, что к 2020 г. ожидается рост регионального рынка, как минимум, на 22%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астратова Г.В., Семин А.Н. Маркетинг потребительского рынка продовольственных товаров: некоторые вопросы теории и практики [Текст]. Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 1998. – 304 с.
2. Астратова Г.В., Рушицкая О.А. Маркетинг на рынке органических продовольственных товаров [Текст] . // Под общей и научной редакцией д.э.н., профессора Г.В. Астратовой. Екатеринбург: Издательство «Ажур», 2016. В II-х частях. – 620 с .

3. Баландин Е.В. Развитие рынка экологически чистых товаров и услуг в современной России [Текст] . Дисс. ... канд. экон. наук. – Казань, 2015. – 146 с.
4. БРИКС. Совместная статистическая публикация [Текст] . 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. – 235 с.
5. Брызгинский Т., Шиль Ю. Экологическое агропроизводство и рынок органической продукции в Российской Федерации [Текст] // Исследование подготовлено по заказу кооперационного проекта Федерального министерства продовольствия, сельского хозяйства и защиты прав потребителей ФРГ «Германо-Российский аграрно-политический диалог». 26.06.2012. [Электронный ресурс] // Режим доступа: // http://agrardialog.ru/files/activities/apd_eko_selskoe_xosiaistvo_2012_1.pdf
6. Воронкова О.Ю. Развитие сельского хозяйства, ориентированного на производство органической продукции (на материалах Алтайского края) [Текст]. Дисс. ... докт. экон. наук. – Новосибирск, 2014. – 277 с.
7. Воронова Е. Денис Паслер: «Сельское хозяйство в Свердловской области растет быстрее промышленности». 11 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.oblgazeta.ru/pressreleases/12735/>
8. Егоров А.Ю. Формирование и развитие рынка органической агропродовольственной продукции (на примере ЦФО) [Текст]. Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2014. – 224 с.
9. Информация о ситуации в агропромышленном комплексе Уральского федерального округа. 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.uralfo.ru/soc_econ_apk.html
10. Козлова О.А. Теория и методология формирования рынка органической продовольственной продукции на основе холистического маркетинга [Текст]. Дисс. ... докт. экон. наук. – Омск, 2011. – 340 с.
11. Крылатых Э. Рынок экологически чистых продуктов: этап становления. Дата публикации: 26 февраля 2015 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.kom-dir.ru/article/313-rynok-ekologicheskii-chistyh-produktov?utm_campaign=brain.rambler.ru
12. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432-08. «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 18 декабря 2008 г.) [Текст]
13. Мониторинг цен на продукты в России. 2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://tsenomer.ru/russia>
14. Мошков Я. Состав и структура агропромышленного комплекса России. 2011. 10 июня. [Электронный ресурс] // Режим доступа: // <http://ru-news.ru/sostav-i-struktura-agropromyshlennogo-kompleksa-rossii>

15. О развитии сельского хозяйства // Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 12.02.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2015) [Текст] .
16. О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров [Текст] // Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ (ред. от 04.06.2014).
17. Об утверждении государственной Программы Свердловской области «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2020 года» (с изменениями на 29.07.2015) [Текст] . // Постановление Правительства Свердловской области от 23 октября 2013 года № 1285-ПП. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/453135181>
18. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания. 2010. / Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: // <http://base.garant.ru/12179471>
19. Органическое продовольствие – новый вектор развития сельского хозяйства. // Мосты. Выпуск 8. Декабрь 2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ictsd.org/downloads/bridgesrussian/bridges_ru_6-8.pdf
20. Предварительная оценка численности населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/popul2016.xls
21. Ревенко Л.С. Мировой рынок продовольствия в эпоху «генной» революции [Текст] / Л.С. Ревенко. – М.: Экономика, 2003. – 304 с.
22. Россия в цифрах. 2015. Краткий статистический сборник [Текст]. – М.: Изд-во ФГС (Росстат). 2015. – 544 с.
23. Рынок органических продуктов: аналитический обзор. 13 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://buhlabaz.ru/bp/bp.php?child=getresearch&id=18241&parent=rubricator>
24. Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года [Текст] . М., 2010. – 188 с.
25. 3 способа расчета емкости рынка. 2015. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: // <http://powerbranding.ru/rynok/metod-rascheta-emkosti>
26. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года [Текст] / Федеральная служба Государственной статистики (РОССТАТ). Официальное издание. Москва, 2015. – 562 с.
27. Шеховцова Л. Обзор рынка органической продукции в России глазами зарубежной сельскохозяйственной службы США. 24.07.2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://moyaokrug.ru/prosaratov/Articles.aspx?articleId=5834>
28. Russia loses organic food market. November 26th, 2013 [Electronic resource] / Access mode: <http://agroinfo.com/en/news/russia-loses-organic-food-market>

29. Russian Organic Market Continues to Grow. / Prepared by Olga Kolchevnikova.
25.02.2013 // USDA Foreign Agriculture Service. GAIN Report Number: RSATO1302
30. Режим доступа: <http://www.gks.ru>
31. Режим доступа: <http://www.mcx.ru>

Исследование процессов технологической трансформации и оценка уровня технологического развития промышленности в регионах Севера и Арктики

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 15-06-06827 «Научные основы комплексного инновационного промышленного развития регионов Арктики минерально-сырьевой направленности»

Аннотация. Рассмотрены подходы к оценке уровня технологического развития и возможности их применения в оценке промышленности регионов Севера и Арктики. Показано, что оценка уровня технологического развития промышленности может осуществляться на основе показателя материалоемкости.

Ключевые слова: технологическое развитие, промышленность, оценка, регион, Север, Арктика.

В современных условиях развитие мировой экономической системы во многом определяется использованием природных ресурсов. Можно с уверенностью утверждать, что дальнейшее развитие глобальной конкуренции дополнится усилением геополитического соперничества за контроль над невозобновляемыми природными ресурсами, значительная часть которых расположена на территории регионов Севера и Арктики. По мнению экспертов, «геополитическое влияние Арктики усиливается именно благодаря значимости нефтегазовых ресурсов, расположенных на ее территории» [3]. В своей работе О. Янг отметил: «Едва ли будет преувеличением сказать, что мир вступает в эпоху Арктики...» [2].

В этих условиях ключевыми рисками для российской экономики становятся риск отставания от нового этапа развития технологий и угроза вытеснения на периферию мировой экономики и консервации роли поставщика сырья и топлива. Наиболее актуальными эти вызовы представляются для регионов Севера и Арктики, поскольку они накладываются на уже существующие на сегодняшний день проблемы в экономике, такие как экстенсивное развитие и ресурсодобывающая специализация региональной экономики, потеря инициативы в стратегических и инновационных видах деятельности, прогрессирующее технологическое отставание, снижение рациональности использования ресурсной базы, низкая конкурентоспособность производимых товаров и услуг.

С учетом вышеизложенного проблематика исследования процессов технологической трансформации и оценки уровня технологического развития промышленности в регионах Севера и Арктики представляется весьма актуальной.

Согласно определению Е.В. Ивановой, «технологическая трансформация современной экономической системы представляет собой двойственный процесс: с одной стороны, смены технологических способов производства и технологических укладов, с другой

¹ Березиков Сергей Александрович (Россия, г. Апатиты) – к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН».

стороны, превращения технологии в базовый ресурс постиндустриального общества, приобретающий новое экономическое содержание» [8]. Похожего взгляда придерживается А. Мартынов. По его мнению, «главный результат технологической трансформации заключается в смене технологий и в первую очередь технологических производственных способов, на которых зиждется производительный потенциал общества» [10]. Придерживаясь процессного подхода к определению технологической трансформации, можно утверждать, что ее результатом будет изменение уровня технологического развития.

Важнейшей задачей при исследовании вопросов технологического развития промышленности является оценка его текущего уровня. Без ее решения повышение уровня технологического развития промышленности невозможно, поскольку в трехуровневой иерархической системе целеполагания для этого требуется оценка текущего состояния технологического развития промышленности, оценка степени соответствия его фактического уровня целевому или текущего – перспективному.

Анализ работ в области оценки уровня технологического развития промышленности показал, что единая методология оценки уровня технологического развития промышленности на региональном уровне к настоящему времени не разработана, отсутствуют общепринятые подходы или методики оценки уровня технологического развития промышленности региона.

Развитие единого методологического подхода к оценке уровня технологического развития промышленности затрудняется отсутствием четких общепринятых терминологических понятий. Вследствие этого исследователи зачастую в оценке уровня технологического развития используют показатели инновационного развития, по сути, подменяя одно понятие другим.

В первом приближении автором были выделены три подхода: первый – «рейтинговый», второй – «модельный», третий – «нормативно-целевой». Как следует из названий подходов, рейтинговый представляет собой оценку уровня технологического развития промышленности при помощи построения рейтинга, в основе которого лежит комплексный (интегральный показатель). Второй подход реализуется на базе построения эконометрических моделей. Основу нормативно-целевого подхода составляют формулировка целей инновационного промышленного развития и определение критериев достижимости этих целей. Кроме того, необходимо упомянуть систему статистических показателей для оценки уровня технологического развития отраслей экономики Росстата, включающую перечень макроэкономических индикаторов, а также индикаторов в сфере инвестиций, науки, инноваций, производства высокотехнологичных видов продукции, передовых производственных технологий, энергоэффективности, основных фондов, строительства, торговли, транспорта и связи.

Отдельные попытки применения рейтингового подхода к оценке уровня технологического развития применительно к отраслям промышленности представлены в работах [12, с. 5], модельного – в работе [9].

Представленная в работе [12] методика основана на построении композитного индекса (интегрального показателя). Авторами методики было отобрано 20 показателей, меж-

ду которыми существует значимая прямая или обратная зависимость. Все индикаторы, характеризующие процесс технологического развития отраслей промышленности, были разбиты на шесть групп: эффективность использования основных фондов, инновационная продукция и новые технологии, организации, осуществляющие технологические инновации по отрасли, и их кооперация, использование человеческих ресурсов в сфере НИР, производственные затраты на технологические инновации, интеллектуальная собственность.

Построение индекса технологического развития по этой методике осуществляется в два этапа. На первом этапе вычисляются комплексные интегральные оценки (субиндексы) по каждой из групп показателей, характеризующих технологическое развитие отрасли, с весами, фиксированными для каждого показателя. На втором этапе осуществляется построение итогового композитного индекса.

В связи с отсутствием данных об отобранных авторами этой методики первоначальных показателях, прямо или косвенно характеризующих процесс технологического развития отраслей промышленности, возможности для верификации этой методики отсутствуют, а ее применение для оценки уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики представляется невозможным.

Подход, представленный в работе [5], базируется на системе показателей, связывающей текущий уровень производства с основными задачами научно-технического прогресса, уровень комплексного развития и технического совершенствования производства. В работе сделано предположение о том, что научно-технологическое развитие машиностроения зависит от совокупности факторов, влияющих на конечные результаты развития производства, к которым относятся износ основных фондов, обновление основных фондов, квалификация персонала, активность персонала в технологических инновациях, активность организаций в технологических инновациях, уровень кооперации, степень участия научных организаций и вузов в осуществлении технологических инноваций, уровень затрат на технологические инновации, приобретение новых технологий, технологичность товаров, степень новизны товаров, проведение маркетинговых исследований, государственная поддержка. Результативность каждого фактора представляется неким коэффициентом, который определяется как соотношение реального уровня его развития и потенциала:

$$R_i = T_i / P_i; (i=1...13) \quad (1)$$

Совокупность результирующих коэффициентов с учетом весового значения определяет уровень научно-технологического развития комплекса машиностроения (интегральный показатель НТР):

$$i = \sum a_i R_i; 0 \leq a_i \leq 1 \quad (2)$$

Использование данной методики для оценки уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики также представляется невозможным. В совре-

менной российской статистике отсутствует ряд показателей, используемых автором для оценки результативности факторов. Так, например, показатель «затраты на технологические инновации», хотя и присутствует в статистических сборниках в разрезе субъектов федерации, в разрезе видов экономической деятельности не представлен. Кроме того, вызывает вопросы обоснованность выбора факторов, влияющих на научно-технологическое развитие машиностроения. Так, например, факт наличия государственной поддержки никоим образом не гарантирует повышение уровня технологического развития промышленности.

Пример использования модельного подхода можно посмотреть в работе [9]. В качестве обобщающего показателя технологического уровня и эффективности промышленного производства автор предлагает использовать рентабельность предприятий, а для изучения степени влияния на рентабельность основных технико-экономических показателей использовалась многофакторная модель вида:

$$y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + a_3x_3, \quad (3)$$

где: y – рентабельность реализации продукции; x_1 – материалоемкость реализованной продукции; x_2 – трудоемкость реализованной продукции; x_3 – фондоемкость реализованной продукции.

Оценка уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики с помощью уравнений множественной линейной регрессии при совместном использовании предложенных показателей может оказаться недостоверной из-за наличия автокорреляции, поскольку ранее В.С. Жаровым была установлена «прямая зависимость значений показателей фондоемкости и материалоемкости промышленных предприятий Мурманской области (АО «Кольская ГМК», АО «Ковдорский ГОК» и АО «Олкон», для АО «Апатит» тоже выявлена прямая зависимость между значениями материалоемкости и фондоемкости, но с временным лагом в один год)» [11].

Нормативно-целевой подход представлен в работах [6; 7]. В его основу была положена система показателей определения уровня инновационности технологического развития горнопромышленных предприятий. Показано, что для определения типа инновационности развития предприятий перед расчетом структуры стоимости и структуры общих затрат необходимо определять темпы изменения общего объема затрат и объема затрат по отдельным элементам – материальные затраты, амортизационные отчисления, заработная плата со страховыми взносами в социальные фонды и прочие расходы [6].

Представляется, что система показателей для оценки уровня технологического развития промышленности исходя из целей ее применения должна отвечать следующим требованиям: в результате оценки должен обеспечиваться оптимальный объем релевантной информации, необходимой для принятия управленческих решений; должны быть обеспечены возможности сопоставления результатов оценки уровня технологического развития промышленности; расчет показателей должен быть основан на единой методологии на базе четких терминологических понятий, методы их расчета должны быть приемлемы для практического применения, а результаты расчета достоверными.

Отсутствие такой системы заставляет нас обратиться к исходным положениям институциональной теории технологических изменений [13].

В наиболее общем виде технология определяется как «процесс, используемый любой компанией для преобразования входящих затрат труда, материалов, капитала, энергии и информации в выходящую возросшую стоимость» [1] или «совокупность или система организованных (алгоритмически, процессуально) воздействий на любой объект или ресурс с целью получения событий, происходящих с этим объектом, ресурсом, приводящих к желательному (ожидаемому) результату» [13].

Любую технологию, с точки зрения эффективности использования ресурсов, можно охарактеризовать материало- и энергоемкостью. Соответственно, повышение уровня технологического развития любой системы связано с тем, что новые технологии обеспечивают снижение материало- и энергоемкости. Теоретически, уровень технологического развития отрасли промышленности можно определять по формуле:

$$L_t = 1/m^e e^m, \quad (4)$$

где: L_t – уровень технологического развития отрасли промышленности, $m = M/Y$ – материалоемкость, $e = E/Y$ – энергоемкость (M – материальные затраты, E – затраты энергии, Y – выпуск).

Однако, на практике расчет уровня технологического развития промышленности по формуле (4) сопряжен со значительными трудностями в связи с отсутствием статистических данных по структуре затрат на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности по субъектам федерации. Соответственно, выделение показателя энергоемкости из общих материальных затрат вида экономической деятельности на региональном уровне невозможно.

Приблизительную оценку уровня технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики можно провести по формуле:

$$L_t = 1/m, \quad (5)$$

где: $m = M/Y$ – материалоемкость.

К регионам Севера и Арктики в работе были отнесены только те субъекты РФ, территории которых полностью отнесены к Арктической зоне РФ (указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации») и (или) местностям Крайнего Севера (Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие указов президиума верховного совета СССР от 10 февраля 1960 г. и от 26 сентября 1967 г. о льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях, утвержден Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029).

По имеющимся в открытом доступе статистическим данным была проведена оценка уровня технологического развития промышленности Республики Саха (Якутия), Ненец-

кого и Ямало-Ненецкого автономных округов за период с 2010 по 2012 г. По остальным регионам Севера и Арктики необходимые для расчетов данные о затратах на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности отсутствуют.

Для приведения стоимостных показателей в сопоставимые цены использовался метод экстраполяции посредством индексов производства по видам экономической деятельности². Показатель материалоемкости был рассчитан как отношение между показателем материальных затрат и валовым выпуском вида экономической деятельности. Уровни технологического развития по видам экономической деятельности рассчитывались по формуле (5). Итоговый уровень технологического развития промышленности регионов Севера и Арктики рассчитывался как среднее арифметическое от суммы уровней технологического развития видов экономической деятельности (табл. 1).

Источники данных: объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по субъектам Российской Федерации³, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по субъектам Российской Федерации⁴, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» по субъектам Российской Федерации⁵,

Таблица 1. Уровень технологического развития промышленности

	2010	2011	2012	2012 к 2010
Ненецкий АО	5,76	6,17	5,10	-0,66
Ямало-Ненецкий АО	11,51	10,99	11,51	0,00
Республика Саха (Якутия)	2,58	2,71	2,71	0,13
Источник: расчеты автора.				

² Индексы производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_dob.xls; Индексы производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_obr.xls; Индексы производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/ind_raspr.xls

³ Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/otgruzka_C.xls

⁴ Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/otgruzka_D.xls

⁵ Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/otgruzka_E.xls

затраты на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности⁶.

Анализ полученных результатов показал, что рассматриваемые регионы Севера и Арктики характеризуются неравномерностью технологического развития промышленности. Наиболее высокий уровень технологического развития промышленности наблюдается в Ямало-Ненецком автономном округе. Отрицательная динамика изменения уровня технологического развития промышленности 2012 к 2010 г. наблюдалась в Ненецком автономном округе. В целом изменения в уровнях технологического развития промышленности рассматриваемых регионов за период 2010–2012 гг. можно считать незначительными.

Представляется целесообразным, чтобы в основу стратегии технологической трансформации промышленности регионов Севера и Арктики был положен «принцип наращивания и концентрации научного знания и производственного потенциала» [4, с. 40] в ресурсных отраслях экономики северных и арктических территорий с учетом сложившихся тенденций в технологическом развитии экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Christensen C., Raynor, M. The Innovators solution: Creating and sustaining successful growth. Boston, MA: Harvard Business School Press. 2003. p. 39.
2. Oran R. Young. The Age of the Arctic // Foreign Policy, No. 61, 1985–1986, pp. 160–179. URL: <http://www.jstor.org/stable/1148707> (дата обращения 21.04.2017).
3. R. Tamnes, K. Offerdal. Geopolitics and Security in the Arctic. Regional dynamics in a global world // Routledge Global Security Studies. – Routledge, 2014. – 198 p.
4. Березиков С.А. Согласование интересов государства, регионов и бизнеса как необходимое условие для освоения минерально-сырьевого потенциала российской Арктики // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы X Международной научно-практической интернет-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. – 500 с.
5. Дубровина Н.А. Интегральная оценка научно-технологического развития машиностроения // Вестник Оренбургского государственного университета, 2015, № 4 (179), с. 271–276.

⁶ Затраты на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности в республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // URL: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/resources/28803f0049b228519e35def2e93b570e/101_ЗАТРАТЫ+НА+ПРОИЗВ_продажу+ПРОДУКЦИИ_ВЭД.doc; Затраты на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности в Ямало-Ненецком автономном округе [Электронный ресурс] // URL: http://yamalstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/yamalstat/resources/fa47d10042226dea82ebce2d59c15b71/Затраты+на+производство+и+продажу+продукции+%28товаров%2C+работ%2C+услуг%29+организаций.htm; Затраты на производство и продажу продукции (товаров, работ и услуг) организаций (юридических лиц) в разрезе видов экономической деятельности в Ненецком автономном округе [Электронный ресурс] // URL: http://arhangelskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/arhangelskstat/resources/134e7e804da252928802fb0d534aab22/затраты.xls

6. Жаров В.С. Выбор системы показателей для управления инновационным развитием экономики регионов // Север и рынок: Формирование экономического порядка. 2014. №1. С. 20–23.
7. Жаров В.С. Цукерман В.А. Система показателей определения уровня инновационности технологического развития горно-промышленных предприятий // Горный информационно-аналитический бюллетень. Mining informational and analytical bulletin. 2015. № 1. – С. 180–184.
8. Иванова Е.В. Технологическая трансформация современной экономической системы: теория и методология: автореф. дис ... д-ра экон. наук : 08.00.01. – М.: Всероссийский заочный фин.-экон. ин-т, 2009. – 41 с.
9. Иванова М.В. Критерии оценки технологического уровня экономики в международном сотрудничестве [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gosbook.ru/node/82833>
10. Мартынов А. Модернизация как трансформация // Аналитические записки. – URL: <http://analyticmz.ru/?p=802> (дата обращения 11.03.2017).
11. Отчет о научно-исследовательской работе № 3-13-6001 «Разработка научных основ модернизации промышленного развития Севера и Арктики России» (промежуточный) за 2015 год [Электронный ресурс] URL: <http://www.iep.kolasc.net.ru/zuknir2015.pdf> (дата обращения 18.06.2016 г).
12. Стрелкова Л.В., Кабанов С.С. Технологическое развитие отраслей промышленности: оценка и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (2), с. 247–251.
13. Сухарев О.С. Институциональная теория технологических изменений: определения, классификация, модели // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Том 6, № 1. 2014, с. 84–106.

Транспортно-логистический аспект организации поставок нефтепродуктов и моторного топлива в субъектах Арктической Зоны России

Аннотация. Исследование посвящено вопросам топливного обеспечения субъектов, вошедших в состав Арктической Зоны России. Рассмотрены региональные аспекты транспортно-логистической инфраструктуры, процессы формирования подсистем поставок нефтепродуктов и моторного топлива российских арктических территорий.

Ключевые слова: Россия, Арктика, транспорт, инфраструктура, моторное топливо.

В товарной номенклатуре продукции производственно-технического назначения, завозимой в районы российского Севера и Арктики, нефтепродукты занимают одну из ведущих позиций. Наибольшие объемы поставок осуществляются в отношении ограниченного перечня товаров – топочных мазутов, автомобильных бензинов и дизельного топлива. В последнее время отмечается усиление роли региональных подсистем нефтепродуктообеспечения в процессах формирования энергетической безопасности арктических территорий. По данным Федеральной службы государственной статистики, с 2000 года устойчиво растут показатели отправок наливных грузов (нефть и нефтепродукты) водным транспортом в труднодоступные районы Крайнего Севера, достигнув своего максимума в 2013 году. Существенно увеличились объемы поставок нефтепродуктов, перевозимых железнодорожным транспортом в арктическом направлении до крупнейших нефтеперевалочных баз (Мурманск, Архангельск, Печора, Усть-Кут, Пурувск, Абалаково, Обская, Ванино, Находка и другие). За последние пять лет в сравнении с общим объемом национального производства важнейших видов нефтепродуктов доля поставок нефтепродуктов в северные и арктические регионы всеми видами транспорта возросла почти в два раза [2].

Вопросы нефтепродуктообеспечения северных и арктических территорий, вероятно, продолжают оставаться остро актуальными в среднесрочной перспективе [3; 4]. Результаты экономических исследований подтверждают тенденцию увеличения спроса на нефтепродукты со стороны потребителей, ведущих свою хозяйственную деятельность на территориях, включенных в состав Арктической Зоны России (АЗ РФ) [2]. Считается, что на перспективу ближайших пяти лет дальнейший прирост произойдет за счет увеличения поставок моторного топлива, которое почти полностью представлено различными видами светлых нефтепродуктов. Их доля в годовом потреблении углеводородов (жидкого и твердого топлива, природного газа и газового конденсата) за последний десятилетний период возросла до 27%, достигнув величины порядка 4,5 млн тонн в натуральном выражении. В свою очередь, поставки моторного топлива составили 62,7% от общего завоза нефтепродуктов [5].

¹ Биев Александр Анатольевич (Россия, г. Апатиты) – к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН».

Применяемые транспортные схемы для доставки нефтепродуктов потребителям в сухопутной части АЗ РФ достаточно разнообразны. На разных этапах поставок транспортировка происходит по железной дороге, водным транспортом, по сезонным временным автомобильным дорогам. Поставки нефтепродуктов по сети нефтепродуктопроводов АО «АК «Транснефтепродукт»» на территории АЗ РФ не осуществляются. Несмотря на ограничения транспортных связей большинства арктических регионов с федеральной транспортной сетью, используемые схемы поставок предусматривают базовую роль железнодорожного транспорта. Наряду с водной доставкой, режим применения железнодорожной транспортировки в системе нефтепродуктообеспечения арктических территорий характеризуется наибольшей протяженностью транспортных расстояний. Как в настоящее время, так и в обозримой перспективе сеть железных дорог будет использоваться как базис магистральных средств доставки нефтепродуктов потребителям в АЗ РФ. Этот вид транспортировки предусматривается почти во всех транспортных схемах в межрегиональном транспортном сообщении. Можно предположить, что по мере развития транспортного потенциала и реализации крупнейших инфраструктурных проектов, таких как, например, строительство высокоширотных участков железнодорожных магистралей «Северный широтный ход» и «Белкомур», роль железнодорожного транспорта в обеспечении перевозок нефти и нефтепродуктов в российской Арктике будет только возрастать. В настоящее время наибольшие объемы отправок нефтепродуктов в арктические районы в прямом смешанном железнодорожном сообщении осуществляются в Мурманскую и Архангельскую области. Эти же межрегиональные транспортные схемы используются как базовые при организации промежуточной перевалки и последующих поставок на экспорт, а также в арктические порты и портопункты по трассе Северного морского пути. Помимо Мурманской и Архангельской областей, транспортные расстояния большой протяженности применяются при организации доставки нефтепродуктов в Чукотский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа (АО). Среднее транспортное расстояние (протяженность) поставок нефтепродуктов от основных групп поставщиков в регионы АЗ РФ с учетом использования базиса железнодорожного транспорта составляет более 1500 км [3].

Основные перевозки нефтепродуктов внутренним водным транспортом в арктическом направлении приходится на Восточную Сибирь, северные районы Красноярского края (Норильский промышленный район, Туруханский район, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район), республику Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО. В этих районах применяются сезонные транспортные схемы, функционирующие в период летней навигации в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении. Использование сезонной автомобильной доставки и схем материально-технического снабжения по временным автодорогам (зимникам) в прямом транспортном сообщении от нефтегазоперерабатывающих предприятий до основных групп потребителей отмечается в трех арктических субъектах: Ненецком АО (зимники Ухта (республика Коми) – Печора – Нарьян-Мар, Усинск – Нарьян-Мар), республике Коми (зимник Сосногорск – Воркута), Ямало-Ненецком АО (Пуровск – Ноябрьск, Пуровск – Коротчаево, Пуровск – Пурпе,

Салехард – Надым и другие). Наиболее интенсивно автомобильные перевозки нефтепродуктов по зимникам в арктические районы осуществляются на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО).

Столь высокая значимость роли инфраструктуры железнодорожного и других видов транспорта в обеспечении перевозочных процессов в Арктике одновременно обуславливает необходимость сокращения доли транспортной составляющей в конечных ценах реализации продукции производственного назначения, а также доставляемых сюда социально значимых товаров. Доля составляющей железнодорожного тарифа в структуре мелкооптовых и розничных цен реализации моторного топлива на локальных рынках арктических регионов колеблется от 2 до 10,8% [2]. Совокупное влияние всех ценообразующих факторов, включая транспортный, приводит к превышению цен нефтепродуктов, реализуемых на территории арктических субъектов, над общероссийскими показателями, в среднем, на 18% [там же]. В пределах труднодоступных районов, не имеющих устойчиво действующих транспортных связей с центрами регионального снабжения, превышение может быть более чем двукратным.

Среди доминирующих источников поставок нефтепродуктов для нужд арктических территорий выделяется ряд крупных нефтегазовых компаний, производственные и сбытовые филиалы которых расположены в Центральном, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах [1]. Критически важной для обеспечения перевозочных процессов в арктическом направлении является деятельность ряда перевалочных, распределительных и накопительных нефтебаз, обеспечивающих логистическое обслуживание нефтеналивных грузов. Общее количество таких объектов гражданского назначения, расположенных на арктических и приарктических территориях, составляет более 70 единиц. Большинство из них находятся в Мурманской области и ЯНАО. На сбытовом уровне, стадиях распределения и доведения топлива до конечных потребителей территориальные системы нефтепродуктообеспечения в российской Арктике представлены сетями автомобильных заправочных станций (АЗС), постоянных и сезонных пунктов реализации топлива. Наиболее сильные корпоративные позиции в данном сегменте имеют компании ПАО «НК «Роснефть», «Газпром нефть» и «Лукойл», которые оперируют деятельностью более 75% расположенных здесь крупных сетей АЗС. Общее число заправочных станций, функционирующих в составе дочерних структур и сбытовых филиалов вертикально интегрированных компаний, насчитывает более 160 единиц. Независимые торговые организации и индивидуальные предприниматели представлены более чем 250 пунктами продаж и распределения нефтепродуктов. Территориальное расположение сетей АЗС, так же как и расположение объектов нефтехимического производства, баз хранения нефтепродуктов и их перевалки, характеризуется крайней неравномерностью. Наибольшее количество заправочных пунктов расположено в Мурманской и Архангельской областях (включая Ненецкий АО), где функционируют 302 многотопливные станции. В ЯНАО заправочную деятельность осуществляют 107 пунктов. Наименее развита сетевая топливозаправочная инфраструктура в Чукотском АО. Всего же на территориях, отнесенных к АЗ РФ, деятельность по заправке моторным топливом автомобильного транспорта, по разным оценкам, ведет от 350 до 420 станций, что составляет ме-

нее 1,5% от общего количества АЗС в России [4]. В дальнейшем, в системе территориального нефтепродуктообеспечения арктических регионов целесообразно ожидать ускоренное расширение, в первую очередь, корпоративных сетей АЗС, развитие которых будет наименее емким инвестиционным решением проблемы роста спроса на поставки моторного топлива.

Полномасштабное исполнение проектов хозяйственного освоения арктических территорий России потребует создания в этих районах мощных опорных зон логистической и индустриальной поддержки, адекватного развития соответствующих видов территориальной инфраструктуры этих районов, в первую очередь, транспортной и транспортно-энергетической. В связи с этим Правительством Российской Федерации выделена необходимость разрешения первоочередных вопросов инфраструктурной обеспеченности, некоторые из которых по целому ряду причин до сих пор пока не вошли в завершающую стадию методологической и практической разработки. В наилучшем положении и в наибольшей степени готовности к созданию подобного рода опорных территориальных зон находятся три арктических субъекта РФ: это Мурманская и Архангельская области, Ямало-Ненецкий автономный округ. В этих регионах будет реализована основная часть комплексных проектов развития АЗ РФ, в том числе топливно-энергетического и транспортного направлений. Пока что сложно сказать, насколько исполнимы эти планы в современных экономических условиях, как они повлияют и какой импульс придадут процессам формирования региональных энергетических подсистем. В ближайшей и средней перспективе можно ожидать сохранения тенденции наращивания объемов перевозок нефтепродуктов в арктическом направлении, разработку проектов увеличения пропускной способности межрегиональных транспортных сетей, реконструкцию отдельных участков автомобильных и железных дорог, имеющих важное стратегическое и экономическое значение для арктических регионов, появление новых локальных предприятий нефтехимии (нефтепереработки).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биев, А.А. Возможности и перспективы появления новых нефтеперерабатывающих предприятий в северных регионах России [Текст] / А.А. Биев, А.В. Шпак // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – №1 (31). – С. 82–95.
2. Биев, А.А. Проблема мазутозависимости северного региона: ее особенности и возможные пути разрешения на примере Мурманской области [Текст] / А.А. Биев, А.В. Шпак // Проблемы развития территории. – 2016. – №1 (81). – С. 65–78.
3. Биев, А.А. Современные проблемы транспортной инфраструктуры регионов российской Арктики [Текст] / А.В. Шпак, В.А. Серова, А.А. Биев // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 6 (43). – С. 31–35.
4. Региональная экономика и вопросы североведения / коллектив авторов; под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н. Т.П. Скуфьиной: моногр. – Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. – 2013. – 200 с.
5. Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути / Науч. ред. д.э.н., проф. Селин В.С., д.э.н., проф. Козьменко С.Ю. – Апатиты: КНЦ РАН. – 2015. – 335 с.

**Роль института местного самоуправления
в пространственном развитии территорий: новации 2017 г.**

Аннотация. В статье дана оценка очередным изменениям в системе местного самоуправления в России (Федеральный закон № 62-ФЗ от 3 апреля 2017 г.), в соответствии с которыми установлена возможность преобразования муниципальных районов в городские округа и ликвидации поселенческого уровня управления.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, муниципальный район, городской округ.

Для России, которая является самым большим по площади государством мира, особое значение имеют вопросы управления пространством страны, поддержание его целостности и связности. Как и во многих федеративных государствах, в России существует 3 уровня управления: федеральный (центральный), региональный (субъекты РФ) и местный (муниципальные образования). Наиболее существенные изменения система управления (самоуправления) на местном уровне претерпела после принятия федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ), в соответствии с которым на всей территории страны с 1 января 2009 г. (в ряде субъектов – с 1 января 2006 г.) было образовано 5 видов самостоятельных муниципальных образований. Все пространство страны было разграничено между муниципальными образованиями (часть территории была отнесена к межселенным территориям), при этом организована двухуровневая система: муниципальный район и входящие в его состав городские и сельские поселения. Изменениями, внесенными в 131-ФЗ в 2014 г., предусмотрена возможность создания еще двух новых видов муниципальных образований (городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов). Однако при формировании сетки муниципалитетов не были учтены их финансово-экономические возможности, а соответственно и возможности самостоятельного решения органами местного значения вопросов и проблем местного значения. Этот факт сразу же обусловил начало процессов объединения муниципальных образований (прежде всего сельских поселений). Однако бюджеты большинства муниципалитетов и в настоящее время более чем на половину зависят от поступлений (дотаций, субсидий и субвенций) из вышестоящих бюджетов. Кроме того, в 131-ФЗ за все эти годы было внесено более 100 поправок, которые приводили к изменению числа вопросов местного значения, порядка организации органов местного самоуправления и др. В связи с этим исследование актуальных тенденций реформирования института местного самоуправления и оценки его последствий является актуальной научной и практической задачей. Анализу одного из таких нововведений 2017 г. и посвящен данный доклад.

¹ Ворошилов Николай Владимирович (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

24 марта 2017 г. Государственной думой Федерального Собрания РФ был принят Федеральный закон № 62-ФЗ, 29 марта он был одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ, а 3 апреля – подписан Президентом РФ. Главные изменения, вносимые данным законом в федеральный закон от 6 октября 2003 г. 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 131-ФЗ), заключаются в том, что теперь установлена возможность фактического преобразования муниципальных районов в городские округа посредством объединения всех поселений, входящих в состав муниципального района, с городским округом (статья 3.1 новой редакции 131-ФЗ). Кроме того, согласие населения муниципального района и городского поселения при изменении статуса городского поселения в связи с наделением либо лишением его статуса городского округа, согласие населения поселения при изменении статуса городского поселения в связи с наделением его статусом сельского поселения и наоборот будет теперь выражаться представительными органами соответствующих муниципалитетов, а не на местном референдуме, как в предыдущей версии закона. При этом по логике 131-ФЗ преобразование муниципального района в городской округ возможно при наличии на территории района городского поселения либо наличие общей границы муниципального района и городского округа, к которому могут быть присоединены все поселения района.

Складывается ощущение, что, несмотря на то что данный законопроект (Законопроект № 768237-6) был внесен в Государственную Думу еще 13 апреля 2015 г. (однако в самом первоначальном его тексте предусматривалось лишь изменение порядка принятия решения о ряде преобразований муниципалитетов), он был принят в спешке, без широкого общественного обсуждения, возможные его последствия не проанализированы. Кроме того, имеется ряд противоречий, возникающих в 131-ФЗ после внесения в него изменений, в частности теперь под городским округом (статья 2 131-ФЗ) понимается «один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов.....», однако остается непонятным, обязательно ли наличие в данном случае городского населенного пункта (города, поселка городского типа). Вместе с тем согласно статье 11 131-ФЗ «границы городского округа устанавливаются с учетом необходимости создания условий для развития его социальной, транспортной и иной инфраструктуры, обеспечения органами местного самоуправления городского округа единства городского хозяйства...».

Несмотря на отсутствие в предыдущей редакции 131-ФЗ прямого указания на возможность преобразования муниципального района в городской округ, практика показывает, что такие преобразования осуществлялись в ряде субъектов РФ (табл. 1). Существовали три возможных способа таких преобразований: 1) наделение городского поселения статусом городского округа и присоединение к нему сельских поселений района; 2) объединение поселений района с городским округом в единый городской округ; 3) объединение городского поселения и сельских поселений в городское поселение и одновременное наделение его статусом городского округа.

При этом данные преобразования осуществлялись одновременно с внесением изменений в законы субъектов РФ об административно-территориальном устройстве.

**Таблица 1. Преобразования муниципальных районов
в городские округа в ряде субъектов РФ в 2011–2015 гг.**

Год	Преобразованные в городские округа муниципальные районы
2015	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобразованы Егорьевский, Каширский, Мытищинский, Озерский, Подольский, Серебряно-Прудский, Шаховский районы Московской области в городские округа. 2. Преобразованы Зеленоградский, Краснознаменский, Правдинский и Славский районы Калининградской области в городские округа. 3. Преобразован Минераловодский район Ставропольского края в городской округ. 4. Преобразованы Кулебакский, Невашинский, Чкаловский районы Нижегородской области в городские округа. 5. Преобразованы Абдулинский, Гайский, Кувандыкский, Соль-Илецкий, Ясенский районы Оренбургской области в городские округа. 6. Преобразованы Ольский, Северо-Эвенкийский, Сусуманский, Тенькинский, Хасынский, Ягодинский районы Магаданской области в городские округа. 7. Преобразованы Иультинский, Провиденский, Чаунский районы Чукотского автономного округа в городские округа.
2014	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобразованы Алексинский, Ефремовский районы Тульской области в городские округа. 2. Преобразованы Гвардейский, Озерский, Гурьевский, Гусевский районы Калининградской области в городские округа. 3. Преобразован Сокольский район Нижегородской области в городской округ. 4. Преобразован Ангарский район Иркутской области в городской округ. 5. Преобразованы Омсукчанский и Среднеканский районы Магаданской области в городские округа.
2013	не было таких преобразований
2012	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобразованы Лысьвенский и Губахинский районы Пермского края в городские округа. 2. Преобразован Первомайский район Нижегородской области в городской округ.
2011	<ol style="list-style-type: none"> 1. Преобразованы Выксунский, Шахунский районы Нижегородской области в городские округа. 2. Преобразован Славгородский район Алтайского края в городской округ.
Составлено по: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года [Электронный ресурс]: бюллетень / Росстат. – М, 2016. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/bul_dr/mun_obr2016.rar	

Следует отметить, что большинство муниципалитетов России являются малонаселенными. Так, согласно данным Росстата, на 1 января 2016 г. в 47,4% городских округов России численность населения была менее 50 тыс. чел.; в 46,3% муниципальных районов численность населения – менее 20 тыс. чел. (в Вологодской области – в 61,5% районов); в 59,6% городских поселений численность населения – менее 10 тыс. чел. (в Вологодской области – в 68,2% поселений); в 44,8% сельских поселений численность населения – менее 1 тыс. чел. (в Вологодской области – в 41,4%).

Чрезмерное количество мелких, слабо развитых муниципальных образований приводит к нерациональному расходованию бюджетных средств. В таких муниципалитетах зачастую более половины расходов местного бюджета уходит на функционирование самих органов власти, а на развитие территории и решение местных проблем остается минимум средств. Так, например, в Великоустюгском районе Вологодской области расходы на управление в 2015 г. составили от 16,5% в городском поселении г. Великий Устюг до 66,4% в Нижегородском сельском поселении; в Кадуйском районе – от 23,2% в пгт Кадуи до 68,2% в Андроновском сельском поселении; в Кичменгско-Городецком районе – от 22,4% в Городецком сельском поселении до 40,3% в Енангском сельском поселении; в Между-

реченском районе – от 34,9% в Старосельском сельском поселении до 57,5% в Шейбухтовском сельском поселении; в Тарногском районе – от 30,2% в Тарногском поселении до 49,3% в Заборском поселении.

В Вологодской области с 1 января 2006 г. начали функционировать 372 муниципальных образования. В результате 2 этапов осуществления объединения поселений (2008–2010 гг. и 2013–2016 гг.) общее число муниципалитетов области сократилось на 154 единицы и составило на начало 2017 г. 218, в том числе 2 городских округа (Вологда и Череповец), 26 муниципальных районов, 22 городских поселения, 168 сельских поселений. При этом исследования, проведенные сотрудниками ИСЭРТ РАН, показали, что объединялись, как правило, слаборазвитые поселения, и значительного улучшения ситуации в их развитии не предвидится. Правительством Вологодской области принято решение, что сэкономленные финансовые средства в результате сокращения работников органов местного самоуправления упраздняемых поселений будут передаваться в местные бюджеты в форме трансфертов. Однако результаты ежегодных анкетных опросов глав муниципальных образований Вологодской области, проводимых ИСЭРТ РАН, показывают, что положительно оценивают произошедшие изменения на территории объединенных муниципалитетов лишь треть глав районов и всего 14% опрошенных глав поселений.

С 2018 г. в Вологодской области планируется начать объединение поселений, в которых проживает менее 1000 человек [1].

Поэтому дискуссия о том, нужен ли поселенческий уровень местного самоуправления, идет в разных научных и властных структурах и кругах фактически сразу после вступления в силу 131-ФЗ.

Общее впечатление от 62-ФЗ заключается в том, что это очередная попытка ослабить роль института местного самоуправления. Предыдущая заметная попытка такого ослабления была осуществлена с принятием федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ, согласно которому был сокращен перечень вопросов местного значения сельских поселений до 13. Органы государственной власти субъекта РФ тогда же получили право самостоятельно определять (приняв соответствующий закон) порядок формирования органов местного самоуправления на всей территории региона. Принятие этого закона привело к тому, что в большом количестве субъектов РФ (в том числе и в Вологодской области) прямые выборы населением глав муниципальных образований на муниципальных выборах были заменены на избрание главы представительным органом муниципального образования из своего состава. Главы местных администраций («сити-менеджеры») в данном случае назначаются представительным органом муниципального образования по результатам конкурса, проводимого конкурсной комиссией, половина состава которой формируется губернатором региона. В некоторых случаях данную конкурсную комиссию возглавлял сам губернатор, который как председатель имеет право решающего голоса. Поэтому о каком местном самоуправлении здесь можно говорить и о какой роли населения в осуществлении власти на местах? При ликвидации поселений и преобразовании районов в городские округа, на наш взгляд, также произойдет ослабление доступности органов власти и соответствующих услуг для населения удаленных территорий, сниже-

ние возможностей населения в непосредственном осуществлении власти на местах (их инициативы могут быть просто не услышаны, так как органы власти будут находиться от них недалеко и решать прежде всего вопросы развития в целом муниципалитета, а не территории упраздненных поселений).

Пойдут ли органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления на масштабное преобразование муниципальных районов в городские округа, однозначно сказать пока сложно. В Вологодской области о возможной инициативе таких преобразований было заявлено сразу после вступления в силу 62-ФЗ. Рассматривается возможность объединения всех поселений Кадуйского муниципального района и формирования городского округа вместо района с ликвидацией тем самым поселенческого уровня управления. Инициатива данного преобразования исходит от главы района, ее поддержал и губернатор области. В конце апреля 2017 г. в Кадуйском районе состоялись публичные слушания по данному вопросу, однако большинство их участников высказались против образования городского округа. Одновременно была создана рабочая группа, которая состоит из юристов, представителей ассоциации муниципальных образований и местных жителей, которая будет более тщательно прорабатывать возможность и целесообразность данных преобразований в Кадуйском районе [4].

Следует отметить, что в Вологодской области 15 муниципальных районов из 26 имеют в своем составе городские поселения. Кроме того, административными центрами Вологодского и Череповецкого районов являются города Вологда и Череповец, являющиеся городскими округами, к которым возможно присоединение всех поселений этих районов. Соответственно на территории Вологодской области имеется возможность преобразования муниципальных районов в городские округа и формирования 17 новых, крупных городских округов. Таким образом, однозначно говорить в возможных последствиях принятия 62-ФЗ пока сложно. Главным в настоящее время видится то, чтобы не получилось усиления вертикали и централизации власти и снижения доступности органов власти для населения, качества и доступности предоставления услуг населению.

В заключение доклада целесообразно высказать ряд принципиальных замечаний и предложений как по дальнейшему совершенствованию законодательства, регламентирующего муниципальное устройство, так и по устранению возможных негативных последствий принятия 62-ФЗ.

1. Возможность и целесообразность преобразования муниципальных районов в городские округа и ликвидации поселений должна осуществляться индивидуально для каждого района на основе анализа² всех рисков и последствий принятия такого решения, проведения расчетов и оценки эффективности данного преобразования.

2. Принятие решения об объединении поселений с городским округом, преобразовании городского поселения в сельское и наоборот целесообразно осуществлять с учетом мнения населения, выраженного путем голосования, предусмотренного частью 3 и 4 статьи 24 131-ФЗ

² Научно-методическое обеспечение проведения анализа и оценки эффективности осуществления преобразований муниципально-территориального устройства представлено, например, в статье [2].

(то есть на местном референдуме). Все разговоры о том, что проведение местных референдумов – это дорого и нецелесообразно, имеют в себе политический характер. Эти референдумы можно проводить в общероссийские дни голосования на выборах Президента РФ, губернаторов, депутатов всех уровней, что позволит значительно экономить средства. Ведь местное самоуправление – это «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций». Поэтому лишение населения реальной возможности прямого волеизъявления является нарушением принципов народовластия и ограничением местного самоуправления.

3. В случае преобразования муниципального района в городской округ необходимо обеспечить представительство органов местного самоуправления вновь образованного городского округа в упраздненных поселениях (создать территориальные подразделения администрации городского округа). При разработке и реализации стратегии социально-экономического развития такого городского округа важно учитывать специфику, условия и перспективы развития всей территории округа, а не только административного центра.

4. Преобразование муниципального района в городской округ может использоваться в качестве модели управления городской агломерацией. В данном случае объединяются все муниципальные образования (включая районы), входящие в агломерацию, и формируется единый городской округ. Здесь также необходимо сформировать территориальные подразделения администрации округа в упраздненных поселениях. Мероприятия по подготовке рекомендаций по составу и функциям органов управления агломераций; разработке механизма формирования «агломерационного» территориального образования как межмуниципального объекта управления (определение объема его полномочий); разработке рекомендаций по формированию управленческой модели и структуры органов управления агломерации обозначены в Плане мероприятий («дорожной карте») «Развитие агломераций в Российской Федерации» [3]. На наш взгляд, данные работы должны быть организованы Министерством экономического развития с широким привлечением научной общественности и представителей органов государственной власти и органов местного самоуправления, где уже функционируют агломерации.

5. Необходимо устранить все противоречия и неоднозначные формулировки, появившиеся после принятия 62-ФЗ, проверить согласованность данных решений с другими нормативно-правовыми актами (градостроительный, земельный кодексы и др.), касающихся регулирования данных вопросов.

6. На наш взгляд, назрела необходимость разработки и принятия Концепции развития института местного самоуправления и Основ государственной политики по его развитию (нового Указа Президента РФ взамен Указа от 15 октября 1999 г. № 1370 или другого нормативно-правового акта на федеральном уровне). Впоследствии, возможно, это потребует принятия нового федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Складывается ощущение, что к этому все идет.

Важно, что местное самоуправление в России необходимо развивать (прежде всего, укреплять финансово-экономические основы муниципальных образований и повышать роль органов местного самоуправления и населения в регулировании процессов на местном уровне), а не заниматься дальнейшим его ослаблением и разрушением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В 2018 году в Вологодской области начнут объединять поселения, в которых проживает меньше 1000 человек [Электронный ресурс] / Официальный портал Правительства Вологодской области. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/novosti/v_2018_godu_v_vologodskoy_oblasti_nachnut_obedinyat_poseleniya_v_kotorykh_prozhivaet_menshe_1000_chelovek/?sphrase_id=4304806
2. Ворошилов, Н.В. Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию [Электронный ресурс] / Н.В. Ворошилов // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2202>
3. План мероприятий («дорожная карта») «Развитие агломераций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/resources/1e045965-51e7-43f9-929f-c81f1bce56ab/p2_Дорожная+карта_агломерации_проект.pdf
4. Союз нерушимый... [Электронный ресурс] // Газета Премьер № 18 (1017) от 9 мая 2017 г. – Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/np1017/s29.html>

**Формирование модели экономического развития
высокотехнологичного территориального кластера
и методики оценки ее экономической эффективности**

Аннотация. Кластерный подход рассматривается автором как инструмент обеспечения ускоренного развития региональной экономики. В статье исследуется вопрос формирования модели развития территориальных кластеров в высокотехнологичных отраслях промышленного комплекса региона и методики оценки ее экономической эффективности.

Ключевые слова: территориальный кластер, модель развития, экономическая эффективность.

В настоящее время кластеры становятся одним из элементов в сложном механизме новой экономической политики государства. Стратегическое развитие территориальных кластеров повышает вероятность достижения устойчиво положительных темпов экономического роста страны. Если рассматривать вопрос на региональном уровне, то территориальные кластеры и их стратегическое развитие являются эффективным инструментом для решения большинства задач, связанных с социально-экономическим развитием региона [2; 3].

Несмотря на значительное количество научных публикаций, посвященных формированию и управлению развитием кластеров, отсутствуют исследования, где целенаправленно и в полном объеме рассматриваются вопросы разработки модели экономического развития высокотехнологичного территориального кластера и ее оценки, адаптированные к условиям экономики российских регионов.

В то же время анализ существующих исследований проблем развития промышленных кластеров в зарубежных странах (Финляндия, Швеция, Дания, Германия, Норвегия, Нидерланды) [8] и регионах России [1; 2] позволил сделать вывод, что, во-первых, уровень кластеризации промышленного комплекса России является достаточно низким, он значительно отстает от аналогичного показателя европейских стран; во-вторых, национальные особенности промышленной политики во многом определяют направленность кластерных инициатив, в-третьих, без наличия финансово-экономического, технико-технологического, информационно-коммуникационного и иного взаимодействия между предприятиями-участниками невозможно сформировать эффективную модель экономического развития кластера; в-четвертых, для оценки экономической эффективности функционирования кластера необходимо учитывать особенности и основные показатели развития отдельных предприятий – участников кластера.

По мнению автора, высокотехнологичный территориальный кластер – это инновационно направленная на развитие отраслей промышленного комплекса региона структура, состоящая из кластерных единиц, относящаяся к категории межотраслевых класте-

¹ Заушицына Лилия Леонидовна (Россия, г. Киров) – к.э.н., доцент кафедры экономики, Вятский государственный университет.

ров, образованная по принципу технологической цепи и реализующая экономические интересы через осуществление проектной деятельности взаимосвязанных кластерных единиц. Модель экономического развития высокотехнологичного территориального кластера представляет собой последовательность процессов и этапов инновационной деятельности кластера, соединенных связями, информационными и ресурсными потоками и обусловленных достижением целей и решением задач посредством взаимодействия участников кластера. При этом последовательность действий участников кластера строго упорядочена и состоит из трех уровней: разработки инноваций; производства и коммерциализации инновации и масштабирования инноваций.

При разработке модели развития высокотехнологичного территориального кластера автор исследования исходил из следующих предпосылок. Во-первых, при формировании кластера необходимо ориентироваться на положения экономической теории (А. Маршалла [6], М. Портера [7], М. Энрайта [5], О. Солвелла [9]) о том, что специализированные отрасли промышленности имеют свойство территориально концентрироваться и формировать кластеры – сообщества предприятий тесно связанных отраслей, взаимно способствующих росту конкурентоспособности друг друга на национальном и мировом рынках.

Во-вторых, необходимо рассматривать высокотехнологичный территориальный кластер как сложную открытую систему, субъектами которой являются производственные и обслуживающие отрасли, рыночная инфраструктура, образовательная, научная и финансовая сферы; партнеры, соответствующие властные структуры и потребители продукции, расположенные на определенной территории (страна, область, край, округ, район, муниципальное образование и т. д.) и имеющие помимо территориальной финансово-экономическую и технико-технологическую взаимосвязь [4].

В-третьих, под механизмом управления развитием высокотехнологичного территориального кластера следует понимать использование правовых, организационных, информационных, административных и экономических рычагов и инструментов для целенаправленного воздействия на формирование устойчивых долговременных и взаимовыгодных отношений между производственными и обслуживающими организациями, рыночной инфраструктурой, образовательными, научными и финансовыми структурами, иными партнерами и конкурентами, органами государственной и муниципальной власти, потребителями, расположенными на определенной территории, обеспечивающее их эффективное функционирование и развитие.

В отличие от традиционных подходов в качестве главных структурных элементов модели развития территориального кластера – кластерных единиц – предлагается рассматривать не совокупность предприятий, функционирующих в составе кластерных единиц, как это делается в настоящее время, а одно предприятие (участника кластера).

Предлагается новое содержание категории «кластерная единица», которое в отличие от известных представляет ее как структурно-функциональную элементарную единицу в территориальном кластере, выполняющую определенную задачу, способствующую достижению цели кластера. При этом по функциональному назначению кластерные единицы предлагается классифицировать на пять типов (табл. 1).

Все кластерные единицы территориального кластера находятся в определенной зависимости друг от друга, и эта зависимость имеет соподчиненный характер. Общий синергетический эффект от развития кластера образуется по следующей схеме: инновационные кластерные единицы разрабатывают инновационный продукт (технологии). Далее происходит его производство, которым занимаются производственные кластерные единицы, и сбыт, которым занимаются сбытовые кластерные единицы. Конструкторско-разработческие кластерные единицы и кластерные единицы трансфера технологий выполняют вспомогательную функцию, занимаются, соответственно, разработкой необходимого оборудования для производства инновационной продукции, созданной по новой технологии, и осуществляют передачу новых технологий как внутри кластера, так и за его пределы.

Отличительные особенности предлагаемой структуры высокотехнологичного территориального кластера заключаются в том, что, во-первых, в кластере выделено три функциональных блока («ядро», «центр», «периферия») и пять функциональных уровней, которые расположены по принципу включения: каждый последующий уровень включает предыдущий уровень, увеличивая количественные и качественные характеристики кластера, во-вторых, в предлагаемой структуре кластера отдельно выделено «ядро», от которого зависит деятельность кластера в целом. В результате традиционно применяемый подход к структуре кластера «центр–периферия» преобразуется в модель «ядро–центр–периферия». При этом «ядро» состоит из двух типов кластерных единиц: из кластерных единиц, которые генерируют новации, и кластерных единиц, которые разрабатывают инновации (табл. 1).

Построить модель экономического развития высокотехнологичного территориального кластера также предлагается на основе принципа включения. Высокотехнологичный территориальный кластер является частью промышленной отрасли страны, следовательно

Таблица 1. Структура высокотехнологичного территориального кластера

Функциональный блок	Функциональный уровень	Тип кластерной единицы	Функция кластерных единиц уровня
Ядро	Инновационный	Инновационная	Кластерные единицы, разрабатывающие инновационную продукцию и технологии (НИИ, вузы)
Центр	Производственный	Производственная	Кластерные единицы, производящие инновационную продукцию, созданную по новой разработанной технологии
	Сбытовой	Сбытовая	Кластерные единицы, занимающиеся сбытом инновационной продукции, разработанной по новым технологиям
Периферия	Конструкторско-разработческий	Конструкторско-разработческая	Кластерные единицы, занимающиеся разработкой необходимого оборудования для производства инновационной продукции, созданной по новой технологии
	Трансфера технологий	По трансферу технологий	Кластерные единицы, осуществляющие передачу новых технологий как внутри кластера, так и за его пределы

но, направления его развития должны разрабатываться в том же ключе, что и приоритетные направления развития национальной промышленности и промышленного комплекса региона. Практически это означает, что экономическое развитие кластерной единицы является первичной составляющей модели экономического развития высокотехнологичного территориального кластера как единого целого, который выступает одним из инструментов развития промышленного комплекса региона.

В основу методики оценки экономической эффективности модели экономического развития высокотехнологичного территориального кластера предлагается включить две группы показателей эффективности. Первая группа показателей состоит из фондоотдачи, коэффициента оборачиваемости оборотных средств и производительности труда, вторая группа – из показателей рентабельности: рентабельности продаж, рентабельности основных средств и рентабельности оборотных средств (в каждой группе одинаковое количество показателей оценки). Предлагаемая методика является универсальной, позволяет оценить все составляющие кластера, получить объективные экономические результаты его деятельности.

Предложенные подходы к формированию модели экономического развития высокотехнологичного территориального кластера и методике ее оценки были апробированы на территориальном кластере Кировской области – Некоммерческом партнерстве «Биотехнологический кластер Кировской области» (НП «БТК») и использовались при актуализации стратегии развития НП «БТК» на период 2015–2020 гг. НП «БТК» функционирует в Кировской области с 2009 года. Это классический пример кластера, образованного «снизу», – союза малых предприятий, которые уже прошли школу «тестирования рынка», занимались производством и сбытом высокотехнологичной продукции и объединились для усиления синергетического эффекта. Участники кластера сами финансируют и сопровождают свои проекты. НП «БТК» развивался при поддержке Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд Бортника) и с привлечением субсидий из бюджета региона, выделяемых на цели развития малого бизнеса [3]. Приоритеты деятельности НП «БТК» – промышленные биотехнологии в сфере биоэнергетики, сельского и лесного хозяйства, экологии.

В связи с тем что НП «БТК» – это квазиинтегрированная структура, состоящая из кластерных единиц, при этом каждая кластерная единица проходит определенные стадии жизненного цикла: начальную стадию, периоды роста, зрелости и спада, в разработанной модели развития кластера для каждой кластерной единицы НП «БТК» предлагался набор тактических действий (*табл. 2*).

Экономическую эффективность предложенной модели экономического развития НП «БТК» проводили в четыре этапа. На первом этапе оценили общие результаты деятельности кластерных единиц. На втором этапе проанализировали результаты деятельности кластера в разрезе его функциональных уровней и блоков («ядра», «центра», «периферии»). Далее провели оценку проектной деятельности НП «БТК» (от эффективности проектной деятельности кластера зависит эффективность кластера в целом). При этом все инновационные проекты кластера разделили на три категории: проекты в стадии реа-

Таблица 2. Типы и виды тактических действий для кластерных единиц НП «БТК»

Стадии жизненного цикла	Тип тактики развития	Виды финансовой тактики	Направления тактики
Начальная стадия развития или стадия быстрого роста кластерной единицы	Тактика ускоренного роста: – вертикальной кластеризации; – горизонтальной или конгломератной диверсификации	Тактика поддержки ускоренного роста	Ускоренное возрастание потенциала формирования финансовых ресурсов
Стадия зрелости кластерной единицы	Тактика концентрированного роста: – усиления конкурентной позиции – расширения рынка; – совершенствования продукта	Тактика финансового обеспечения устойчивого роста	Обеспечение эффективного распределения и использования финансовых ресурсов
Стадия спада или стадия кризиса кластерной единицы	Тактика сокращения: – сокращения структур; – сокращения расходов; – переход в другую организационную форму; – изменение направления деятельности	Антикризисная тактика, направленная на высокую маневренность использования высвобождаемого капитала с целью финансовой стабилизации кластера	Формирование достаточного уровня безопасности

лизации, проекты в стадии посева, проекты в стадии ожидания. Распределив проекты и оценив структурность проектной деятельности, оценили эффективность проектов в стадии реализации с учетом коэффициента участия кластерных единиц в проектах. На четвертом этапе произвели расчет абсолютного и относительного эффекта от кластеризации. При этом положительный абсолютный эффект от кластеризации выражается в росте добавленной стоимости, в абсолютном приросте показателей эффективности (фондоотдачи, оборотоотдачи и производительности труда), а положительный относительный эффект – в относительном приросте показателей эффективности (фондоотдачи, коэффициента оборачиваемости и производительности труда), а также в положительной динамике показателей рентабельности (табл. 3).

Реализация предложенной модели экономического развития НП «БТК» позволит получить положительный эффект в виде добавленной стоимости по всем функциональным уровням кластера. Результатом реализации модели экономического развития будет являться, во-первых, включение в инновационно-проектную деятельность всех кластерных единиц, во-вторых, получение от инновационно-проектной деятельности положительных эффектов в виде добавленной стоимости в расчете на одну кластерную единицу от одного проекта, в-третьих, реализация модели экономического развития обеспечит устойчивую тенденцию роста добавленной стоимости, то есть общего синергетического эффекта, полученного в результате деятельности кластера. Все это в целом обеспечит достижение целей развития высокотехнологичной отрасли промышленной биотехнологии в Кировской области в части увеличения доли продукции отрасли в структуре ВРП к 2020 году до 1%.

Таблица 3. Оценка экономической эффективности модели экономического развития НП «Биотехнологический кластер Кировской области» на период 2015–2020 гг.

Показатели	До кластеризации 2001–2009 гг.	После кластеризации без модели развития	После кластеризации с учетом модели развития	Абсолютный эффект от кластеризации, +/-	Абсолютный эффект от кластеризации с учетом модели развития, +/-	Относительный эффект от кластеризации, %	Относительный эффект от кластеризации с учетом модели развития, %
Доходы, тыс. руб.	776667	1215520	1383620	438853	606953	156,50	178,15
Расходы, тыс. руб.	719165	754148	764148	34983	44983	104,86	106,25
Финансовый результат, тыс. руб.	57502	461372	619472	403870	561970	802,36	1077,31
Основные фонды, тыс. руб.	1324589	1401786	1401796	77197	77207	105,83	105,83
Оборотные средства, тыс. руб.	86822	93113	93113	6291	6291	107,25	107,25
Среднесписочная численность работников, чел.	3619	4844	4844	1225	1225	133,85	133,85
Фондоотдача, тыс. руб./тыс. руб.	0,59	0,87	0,99	0,28	0,4	147,46	167,80
Оборотоотдача, тыс. руб./тыс. руб.	8,95	13,05	14,86	4,1	5,91	145,81	166,03
Производительность труда, тыс. руб./чел.	214,61	250,96	285,66	36,35	71,05	116,94	133,11
Рентабельность продаж, %	7,4	37,96	44,77	30,56	37,37	512,97	–
Рентабельность основных фондов, %	4,34	32,91	44,19	28,57	39,85	758,29	–
Рентабельность оборотных средств, %	66,23	495,5	665,29	429,27	599,06	748,15	–

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашкин, В.Л. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации. / В.Л. Абашкин, М.Ю. Голанд, Л.М. Гохберг. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – 108 с.
2. Заушицына, Л.Л. Инновационный биотехнологический кластер как основа раскрытия регионального потенциала страны (на материалах Кировской области) / Л.Л. Заушицына. – Киров: ВятГУ, 2015. – 136 с.
3. Заушицына, Л.Л. Анализ условий образования, эффективного функционирования и управления инновационными технологическими кластерами Кировской области: монография / Л.Л. Заушицына, Л.А. Суворова, Т.В. Байбакова. – Киров: ВятГУ, 2015. – 176 с.

4. Заушицына, Л.Л. Развитие территориально-производственных кластеров как основа активизации инновационных процессов в Кировской области / Л.Л. Заушицына, Л.А. Суворова // Научное обозрение. – 2014. – № 6. – С. 255–260.
5. Enrghit M. Regional Clusters and Economic Development: A research Agenda / M. Enrghit, U. Staber, N. Shaefer, B. Sharma // Business Networks: Prospects for Regional Development. – Berlin: Walter de Gruyter. – 1996. – Pp. 190–213.
6. Marshall A., Marshall M. The Economics of Industry / A. Marshall, M. Marshall. – London: Macmillan, 1879. – 231 p.
7. Porter M.E. Location, competition, and economic development: local clusters in a global economy / M.E. Porter // Economic Development Quarterly. – 2000. – Vol.14, No.1. – Pp. 15–34.
8. Regional Clusters in Europe: European Commission Report // Observatory of European SMES. Enterprise Publications. – 2002. – Vol. 3.
9. Solvell O. Clusters – Balancing Evolutionary and Constructive Forces / O. Solvell. – Stockholm: Ivory Tower Publisher, 2009. – 140 p.

Индикаторы имиджа Республики Башкортостан в 2016 году

Аннотация. В современных реалиях наиболее значимой составляющей имиджа территории является комплекс конкурентных преимуществ и недостатков, основанных на особенностях специализации отрасли региона. Тем самым можно утверждать, что имидж региона представляет из себя совокупность его недостатков и конкурентных преимуществ. В данной статье автор описывает функции имиджа региона, инвестиционный потенциал республики Башкортостан. Рассматриваются понятия «имидж региона», «инвестиционный потенциал» и др. Автор раскрывает сущность индикаторов имиджа республики.

Ключевые слова: имидж региона, инвестиционный потенциал, индикаторы имиджа, Республика Башкортостан.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что индикаторы имиджа региона являются непосредственными индикаторами инвестиционной привлекательности региона, следовательно развитие и увеличение последнего будет иметь мультипликативный эффект в экономике, инфраструктуре, уровне жизни и др. в регионе.

Проблема управления регионом на стадии развития состоит в необходимости эффективных конкурентных преимуществ, которые позволяли бы удерживать конкурентные преимущества на высоком уровне в течение достаточно долгого периода времени. Конкурентные преимущества в свою очередь формируются при положительных показателях инвестиционной привлекательности региона, которая параллельно формирует имидж региона.

К функциям имиджа региона принято относить:

- идеализация (обеспечивает режим наибольшего благоприятствования образа региона);
- идентификация (обеспечивает аудитории восприятие информации о положительном в жизнедеятельности региона);
- противопоставление (строится на основе имиджевых образов других регионов или прошлого своего региона);
- эстетическая (призвана гармонизировать впечатление, которое производит регион на общественность);
- номинативная (отличает регион конкретными условиями в среде других регионов, демонстрирует отличительные его черты);
- адресная (связь между имиджем региона и целевой аудиторией, для которой он создавался) [1, с. 467].

Проанализировав функции имиджа региона, можно сказать, что в целом они направлены на создание благоприятного впечатления о регионе у целевой аудитории. Пропорционально динамике развития имиджа региона развивается и инвестиционный потенциал

¹ Кинзябаев Шамиль Рамилевич (Россия, г. Уфа) – бакалавр, Институт экономики, финансов и бизнеса, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

региона. Общая картина об инвестиционном потенциале формируется на базе следующих показателей: развитость существующих производств и возможность создания новых; инфраструктура производственная и рыночная; динамика роста отраслей связи и информации; структура и уровень занятости, наличие трудовых резервов; степень благосостояния населения региона; количество и динамика инвестиций.

Например, говоря о столице республики Башкортостан, городе Уфе, можно отметить следующие моменты. Согласно социологическим опросам у населения республики сложилось определенное мнение об Уфе. Рассматривая комплексно имидж города Уфы на сегодняшний день, можно сложить следующие представление: у города уникальное географическое положение, которое служит поводом для гордости жителей за свою столицу. Также местоположение является главным стимулирующим фактором Уфы в конкуренции за туристические рынки. Несомненно, город является опорой в экономике региона и обладает стабильной социально-политической обстановкой, но, к сожалению, имеет ослабленную внешнюю и внутреннюю привлекательность, из чего следуют низкие инвестиции.

Но можно ли отнести данный вывод ко всему региону в целом? Считается, что данное утверждение будет не вполне корректным. На данный момент Башкортостан состоит в списке ведущих регионов РФ в сфере сельскохозяйственной и индустриальной деятельности, также на территории региона развита нефтедобывающая, легкая и пищевая промышленность. При разборе имиджа города надо учесть, что как и любой другой имидж территории, он оказывает влияние не только на социально-экономическое, но и на культурное и политическое развитие. Особое значение имеет социокультурный эффект позитивного имиджа, который ведет становлению социальной перспективы будущего территории. Таким образом, мы можем предполагать, что имидж региона является рациональным способом или же методом управления социально-пространственными взаимоотношениями как всех жителей региона, так и каждого его члена.

При планировании стратегии имиджа республики появляется необходимость учесть специфические принципы успешного имиджа территории. Среди принципов имиджа регионов в России, которые признаны наиболее важными, в большей мере преобладают следующие [2]:

- намерение заключить взаимовыгодные соглашения с надежным, добросовестным инвестором на долгосрочный период;
- ориентация на отечественного производителя;
- вовлечение иностранных партнеров с учетом взаимных интересов в решение социально-культурных проблем ;
- абсолютная открытость в отношениях с партнерами;
- открытость реализуемых стратегических планов и степень личного его участия в этом процессе;
- прозрачность финансовой составляющей для потенциальных и действующих партнеров, государственных налоговых органов.

А.В. Ульяновский пишет в своей работе, что установка на предвосхищающую парадигму дает преимущество при ее использовании в субъектных взаимоотношениях [3, с. 300].

По его мнению, творческое решение является краеугольным камнем имидж-проектирования. Нам это говорит о том, что для улучшения имиджа региона необходимо развивать культурные показатели, а не материальные, хотя бренд региона и не несет в себе никакой материальной выгоды, но его узнаваемость приведет к увеличению притока денежных средств в регион. Важно также, какой имидж мы хотим получить в регионе. Например, в последние годы наш регион движется по пути социально-экономических и политических реформ: создаются и стремительно развиваются социальные институты, которые необходимы для корректного функционирования рыночной экономики; политическая и экономическая открытость дала толчок динамичному развитию различных сфер бизнеса, что, в свою очередь, помогло активизироваться инвестиционной работе по развитию привлекательности Республики Башкортостан.

Если говорить о развитости международных связей Башкортостана, мы явно можем утверждать, что накопили позитивный опыт в данном направлении. Регион активно занимается расширением внешнеторговых отношений, уделяя все большее внимание привлечению иностранных капиталовложений, что было бы недостижимо без положительной репутации региона. В социально-политическом и экономическом отношении регион относится к наиболее стабильным и развитым субъектам РФ. По основным макроэкономическим индикаторам Башкортостан в течение многих лет занимает лидирующие позиции. По объему производства валового регионального продукта (ВРП) Республика Башкортостан стабильно входит в лидирующую десятку субъектов Российской Федерации [4].

Удобное транспортно-географическое положение, богатые природные и трудовые ресурсы, развитая промышленность и стабильно функционирующее сельское хозяйство, политическая и межнациональная устойчивость – именно эти качества являются тем, что обеспечивает положительный имидж нашему региону. Нефтеперерабатывающая промышленность в республике – крупнейшая в России и Европе. Выпускаемые продукты соответствуют международному стандарту.

Имидж республики как успешного региона формируется не только на фоне богатых природных ресурсов, но и благодаря проводимым в республике социальным программам поддержки населения. На сегодняшний день вопрос жилья является весьма актуальным для многодетных, малообеспеченных и молодых семей. В последние годы в Республике Башкортостан проводится социальная политика в сфере жилья по поддержке молодежи, в том числе и поддержке молодых семей. Молодые семьи могут улучшить свои жилищные условия: во-первых, путем получения субсидий на оплату первоначального взноса при приобретении или строительстве индивидуального жилья; во-вторых, через Фонд жилищного строительства РБ путем реализации жилья с длительной рассрочкой по договорам долевого участия; в-третьих, за счет участия в программе ипотечного кредитования.

Данные меры также являются мерами повышения имиджа региона для привлечения, например, молодых специалистов и т. д. Можно отметить, что современный Башкортостан – индустриально развитый регион с устойчивыми темпами роста промышленного производства.

Таким образом, можно сделать вывод, что имидж республики находится на приемлемом уровне, что положительно сказывается на инвестиционном потенциале региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильконова Е. А. Развитие теории имиджа территорий как активного инструмента регионального менеджмента // БИЗНЕС-ИНФОРМ. 2014. № 12. С. 467.
2. Солдатова Е.В. Имидж территории: сущность и инструменты формирования // Известия академии управления: теория, стратегии, инновации, Выпуск № 3 (4), 2011.
3. Ульяновский А.В. Мифодизайн рекламы – СПб.: «Институт Личности», 1995. – 300 с.
4. Общероссийский научный и научно-практический юридический журнал // <https://www.eurasialaw.ru>

Стратегическое планирование развития территорий в рамках становления Евразийского экономического союза

Аннотация. Проблемы развития региональных территорий являются актуальными для Российской Федерации в условиях нестабильности национальной экономики и интеграционных процессов на территории постсоветских государств. В работе рассмотрены основные механизмы формирования стратегического планирования развития территорий в рамках глобализации национальной экономики.

Ключевые слова: планирование, развитие территорий, Евразийский экономический союз, национальная экономика, принципы планирования.

Стратегическое планирование развития территории осуществляется путем разработки и реализации согласованных концепций, стратегий, программ и проектов (планов) развития территорий. В соответствии с реализуемой стратегией совершенствования региональной политики в Российской Федерации особое значение в системе стратегического планирования приобретают стратегии социально-экономического развития территорий, призванные обеспечить синергетический эффект от сложения и взаимодополнения количественных, качественных и пространственных характеристик развития территорий. В соответствующих документах должны быть конкретизированы перспективные экономические специализации территорий, скоординированы направления развития федеральной, региональной и муниципальной производственной и социальной инфраструктур [7, с. 24].

Стратегии развития территорий призваны служить основой для разработки документов территориального планирования, в которых должно быть учтено планируемое размещение объектов экономики, а также производственной, социальной, инженерной, транспортной, логической и прочих инфраструктур. На сегодняшний день развитие территорий регламентируется несколькими приказами профильного министерства и рядом принятых федеральных законов [8, с. 220].

Цели разработки стратегии развития территорий целесообразно основывать на следующих направлениях:

- 1) определение приоритетных направлений и целей развития на долгосрочную перспективу;
- 2) оценка потенциала социально-экономического развития;
- 3) установление взаимосвязи краткосрочной политики и долгосрочных стратегических приоритетов развития;
- 4) обеспечение совместных действий и разработка механизма партнерства государственных органов исполнительной власти, представителей бизнеса и общественных организаций;

¹ Клевцов Олег Игоревич – студент факультета трансферных специальностей Ульяновского государственного университета.

- 5) обеспечение согласованности действий федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления [1, с. 33].

Стратегический план территориального развития позволяет достичь устойчивого социально-экономического роста посредством решения комплекса задач:

- 1) преобразование механизма управления муниципальным образованием в более открытую систему, дающую возможность населению, всем общественным и политическим силам, представителям хозяйствующих, финансовых, научных структур принимать участие в выборе решений и их успешной реализации;
- 2) демонстрация широким кругам местной общественности направления усилий государственных органов, не только решающих частные задачи, но и устремленных в будущее с целью обеспечения устойчивого функционирования и развития территорий;
- 3) установка ориентиров для предпринимателей, потенциальных внутренних и внешних инвесторов, оказание им помощи в принятии оперативных решений с учетом видения перспектив;
- 4) приобретение и поддержание конкурентных преимуществ;
- 5) упорядочение, распределение и использование ресурсов территорий, всегда ограниченных в той или иной мере, предельно эффективным способом;
- 6) формирование и поддержание взаимосвязи социально-экономического и пространственного развития территории;
- 7) привлечение к активному творчеству населения, которое в процессе разработки или реализации стратегии вовлекается в партнерство с государственными и региональными органами, общественными организациями, предпринимательскими структурами;
- 8) обеспечение концентрации основных усилий членов местного сообщества на ключевых направлениях развития, являющихся наиболее перспективными для территорий [5, с. 108].

Для достижения целей стратегического планирования развития разработка стратегии должна базироваться на ряде общих и частных принципов.

Принципы стратегического планирования территориального развития представляют собой теоретические, научно обоснованные положения, на базе которых строится процедура разработки стратегии. Они определяют характер и содержание деятельности субъектов планирования; их соблюдение позволяет уменьшить риски, минимизировать негативные результаты планирования и повысить эффективность реализации стратегии.

К общим принципам планирования относятся:

1. Принцип единства (комплексности). Предполагает системный характер планирования, охватывающий деятельность всех его субъектов (органов власти и местного самоуправления, представителей бизнеса, общественности). При этом имеет место четкая иерархия и системность программных мероприятий, когда каждое из них направлено на достижение стратегической цели.

2. Наиболее важный аспект, соблюдение которого необходимо при разработке стратегии социально-экономического развития, – согласованность с направлениями пространственного планирования (развития) муниципального образования.

3. Принцип участия. Предполагает активную роль в процессе стратегического планирования всех, кто задействован в разработке и реализации стратегии. В данном случае реализация принципа обеспечивается за счет открытости (гласности) процесса разработки стратегии, публичного обсуждения разрабатываемых направлений, а также за счет использования механизма стратегического партнерства. Он связан с формированием системы экономического взаимодействия органов власти и предпринимателей в решении проблем социально-экономического развития территорий.

4. Принцип непрерывности. Заключается в постоянстве процесса планирования, что обеспечивается за счет принципов единства и участия. Реализуется посредством применения программно-целевых методов планирования.

5. Принцип точности. Предполагает соблюдение таких требований, как научность и обоснованность разработанной стратегии.

6. Принцип гибкости. Связан с принципом непрерывности и обусловлен сочетанием оперативного, тактического и стратегического планирования, что позволяет перейти от жесткого планирования к гибкому реагированию в изменяющихся условиях в зависимости от изменений внешней и внутренней среды посредством корректировки целевых показателей.

Таким образом, стратегия как основа разработки схем территориального планирования должна четко учитывать планируемое размещение объектов экономики, а также производственной, социальной, транспортной и прочих инфраструктур муниципального образования [3, с. 9].

В рамках вступления Российской Федерации в Евразийский экономический союз актуальным представляется проанализировать показатели строительства объектов инфраструктуры и жилого назначения (таблица) [6, с. 24].

Из представленной таблицы видно, что государства развиваются по-разному и согласно принятым на национальном уровне стратегических программ территориального планирования. В связи с этим можно сделать вывод, что пространственное распределение материальных объектов формирует пространственную структуру территорий, а социально-экономические взаимосвязи между объектами, субъектами муниципального управления – функциональную. Пространственное планирование служит основой градостроительной деятельности, которая включает в себя территориальное планирование, градостроительное зонирование, планировку территории, архитектурно-строительное проектирование и строительство.

Таблица. Объем выполненных строительных работ, млн долларов США

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	151	229	462	557	507	574	558	501	471	479	379
Беларусь*1000	3	4	5	8	7	8	7	8	10	10	5
Казахстан*1000	8	11	13	14	12	13	14	15	16	14	12
Кыргызстан	160	180	321	448	418	348	468	609	756	780	776
Россия*1000	62	86	128	182	126	146	175	183	189	161	101

Источник: Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. <http://www.eurasiancommission.org>

Основными полномочиями наднациональных органов в рамках развития территорий ЕАЭС должны стать подготовка и утверждение документов территориального планирования; утверждение местных нормативов градостроительного проектирования; утверждение правил землепользования и застройки; утверждение подготовленной документации по планировке территории [2, с. 164; 4, с. 38].

Таким образом, стратегическое планирование становится важнейшей составной частью общей системы стратегического управления территориями Евразийского экономического союза. В случае отсутствия элементов долгосрочного планирования развитие территорий ЕАЭС во многом становится хаотичным, а управление носит лишь рамочный характер и реагирует на изменение внутренних и внешних факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибадуллин А.А., Пуляева В.Н. Современные механизмы инновационного развития промышленности России. – М.: Государственный университет управления, 2016. – 159 с.
2. Гибадуллин А.А. Внутренняя торговля энергетическими ресурсами стран Евразийского экономического союза // В сборнике: Инновационное развитие российской экономики IX Международная научно-практическая конференция. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; Российский гуманитарный научный фонд. – 2016. – С. 163–165.
3. Гибадуллин А.А., Борталевич С.И. Формирование Общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза: перспективы и проблемы // Энергетика Татарстана. – 2016. – № 2 (42). – С. 9–13.
4. Гибадуллин А.А. Механизмы реализации устойчивого развития в электроэнергетике // В сборнике: Инновации: перспективы, проблемы, достижения Материалы III международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 34–40.
5. Гибадуллин А. Зарубежный опыт повышения устойчивого развития предприятий электроэнергетики // Предпринимательство. – 2014. – № 4. – С. 98–118.
6. Гибадуллин А.А. Механизмы устойчивого развития отрасли // Международный научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 23–27.
7. Клевцов О.И. Возникновение общества потребления как следствие естественного процесса глобализации // Труды шестой Всероссийской научной конференции с международным участием «Региональная инновационная экономика: сущность, элементы, проблемы формирования, новые вызовы». Ульяновский государственный университет. – 2016. – С. 30–38.
8. Кожевников С.А. Вертикальная интеграция – ключевой путь развития экономики регионов России // В сборнике: Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем Материалы IX Всероссийской научно-практической Internet-конференции. – 2015. – С. 219–222.

Проектное управление как инструмент обеспечения комплексного развития территорий

Аннотация. В статье проанализированы особенности проектного управления, представлен успешный опыт Белгородской области, выявлен ряд проблем, тормозящих его внедрение в органах исполнительной власти. Предложены мероприятия, способствующие формированию благоприятных условий для внедрения проектного управления.

Ключевые слова: проектное управление, проект, органы власти, территориальное развитие, эффективность государственного развития.

Потребность в модернизации, переводе национальной экономики на инновационные рельсы развития, устранении диспропорций в развитии территорий и отраслей, а также полноценном решении целого комплекса других проблем социально-экономического развития обуславливает необходимость повышения эффективности государственного управления территориальным развитием.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что решением данных проблем является активное внедрение в практику деятельности органов власти проектного подхода к управлению, позволяющего успешно реализовывать проекты (социальные, экономические, управленческие и др.), которые направлены на решение приоритетных задач и оказывают широкий мультипликативный эффект на развитие территории. Одно из главных его преимуществ состоит в организации эффективного взаимодействия экономических субъектов (в том числе межведомственного), являющихся участниками реализации проекта. Проектный подход обеспечивает прозрачность деятельности публичного сектора, позволяет повысить качество и сократить сроки достижения планируемых результатов [1]. Так, по данным Международной Ассоциации Управления Проектами, на практике использование данной методологии и инструментария проектного управления позволяет экономить порядка 20–30% времени и 15–20% затрачиваемых на осуществление деятельности средств². Среди других его преимуществ – обеспечение предсказуемого поведения участников на основе прозрачно закрепленных ролей и сфер ответственности; осуществление сквозных и эффективных управленческих процессов, реализуемых в электронном виде и др.

Несмотря на то что в течение последних лет проектное управление довольно активно развивается и используется на различных уровнях управления, в научной экономической литературе устоявшегося понятия и единых принципов его использования так и не сложилось. Вместе с тем данный пробел был устранен на законодательном уровне: в

¹ Кожевников Сергей Александрович (Россия, г. Вологда) – к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

² Материалы VIII Междунар. конф. ПМСОФТ по управлению проектами «ПМСОФТ и Primavera – успешные инвестиции в промышленность и строительство».

нормативно-правовых документах под проектной деятельностью понимается «деятельность, связанная с инициированием, подготовкой, реализацией и завершением проектов (программ)»³.

Таким образом, проектное управление – это особый вид деятельности, который так или иначе может применяться к управлению любыми объектами, а не только явно обладающими признаками проекта. Иными словами, это технология организации людей для достижения определенных задач. При этом следует отметить, что категории «проектное управление» и «управление проектами» не являются идентичными. Проектное управление в современных условиях является не только видом деятельности по управлению проектами (экономическими, социальными), а фактически концепцией (технологией) управления, имеющей свои базовые принципы организации.

За последние несколько лет в РФ на федеральном и региональном уровне была проведена большая методическая работа в области использования проектного подхода в организации деятельности органов государственной исполнительной власти. Федеральной структурой, ответственной за внедрение проектного управления в исполнительных органах государственной власти, является Департамент стратегического управления, государственных программ и инвестиционных проектов при Министерстве экономического развития РФ. В 2013 году при Департаменте был образован Совет по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов РФ, в состав которого вошли представители органов государственной власти Российской Федерации, руководители коммерческих организаций, научных и образовательных учреждений.

При непосредственном участии Совета были разработаны Методические рекомендации по внедрению проектного управления в органах исполнительной власти (утв. Распоряжением Минэкономразвития России от 14 апреля 2014 г. № 26Р-АУ), носящие рекомендательный характер. Данные рекомендации определяют подходы, принципы, порядок внедрения проектного управления и формализуют типовые шаблоны нормативных методических документов для их использования в органах исполнительной власти. Советом были определены «пилотные» территории для внедрения проектного управления в практику деятельности органов исполнительной власти, среди которых Белгородская, Ярославская области, Пермский край.

В целях нормативного регулирования перехода к проектному управлению во второй половине 2016 года на федеральном уровне были приняты два базовых документа:

1. Постановление Правительства РФ от 15 октября 2016 г. № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

2. Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2016 года № 2165-р «План первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации на 2016 и 2017 годы».

Данные документы законодательно закрепили базовые принципы проектного управления в публичном секторе; основные проектные роли, их полномочия и обязанности; механизм разработки и реализации проектов и т. п.

³ Источник: ст. 2. Постановления Правительства РФ от 15 октября 2016 г. №1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

Одним из субъектов РФ, где практика проектного управления получила наибольшее развитие, является Белгородская область. Проектный менеджмент активно используется для решения социально-экономических задач развития территории региона. Общее количество проектов в области, разработанных в рамках новой системы управления, составляет более 3100 единиц, в т. ч. 2000 – завершены, 800 – в реализации, 300 – в разработке. Доминирующие позиции занимают социальные проекты, далее следуют экономические проекты, затем технические и организационные [3].

Внедрение проектного управления в органах власти области обусловило возникновение значительного эффекта для всей региональной социально-экономической системы (рис.).

Активно данная практика используется и на уровне муниципалитетов при решении задач социально-экономического развития.

Изучение опыта Белгородской области позволяет утверждать, что факторами успеха внедрения проектного управления в органах власти региона являются:

1. Высокий уровень поддержки проектного управления со стороны высшего должностного лица субъекта (Губернатора Белгородской области).
2. Определение органа власти, ответственного за внедрение проектного управления.
3. Включение в единый контур проектного управления всех органов государственной и муниципальной власти региона.
4. Широкое вовлечение работников в проектную деятельность и их профессиональное переобучение.
5. Создание среды оценки и отбора проектов для реализации (экспертные комиссии по их рассмотрению, привлечение внешних экспертов).

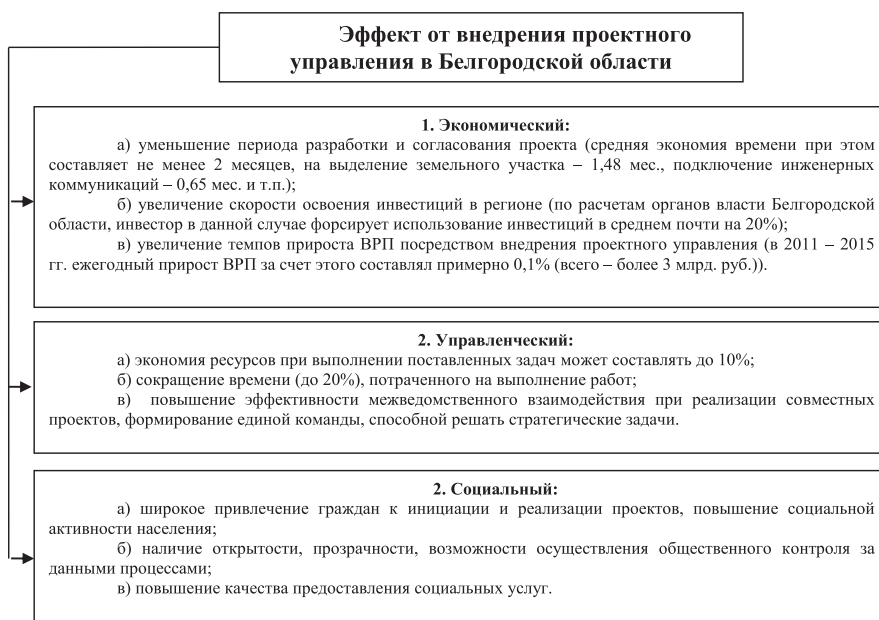


Рис. Эффект от внедрения проектного управления в Белгородской области
Составлено по [2; 3].

6. Построение системы администрирования «от исполнителя проекта до руководителя органа власти»; регулярное информирование руководства о ходе внедрения проектного управления.

7. Формализация проектного управления (проектная документация, роли, процедуры, порядки).

8. Наличие технологической поддержки проектной деятельности (автоматизированная информация система (АИС)).

9. Мотивационная политика, ориентированная как на участие работников в проектах, так и на успешное их завершение. Она заключается в материальном стимулировании государственных и муниципальных служащих, успешно завершивших реализацию проекта (формирование в регионе проектного премиального фонда), а также присвоение служащим рангов в области проектного управления (например, проектный специалист 1–4 класса, выступающий членом рабочей группы проекта, и менеджер проекта 1–4 класса, являющийся его руководителем) [3].

Определенные успехи во внедрении проектного управления наблюдаются и в других субъектах РФ (Ярославской области, Пермском крае и др.). Однако даже в регионах, являющихся пилотными площадками, проектное управление в настоящее время пока находится на стадии зарождения. Изучение существующих публикаций и отечественного опыта позволило выявить следующие проблемы, тормозящие его внедрение в органах исполнительной государственной власти субъектов РФ:

1. Неразвитая нормативно-правовая база и низкий уровень методической поддержки со стороны федеральных и региональных органов власти. В связи с этим крайне актуальной задачей является принятие комплекса подзаконных актов в целях унификации отношений, в том числе и на муниципальном уровне.

2. Слабая активность, инициативность и мотивация государственных и муниципальных органов власти при использовании проектных принципов управления, а также отсутствие у них необходимых знаний и навыков. Для решения данной проблемы во всех регионах необходимо разработать эффективную и адекватную систему управления мотивацией участников проектной деятельности; совершенствовать механизм премирования госслужащих, руководителей проектов и сотрудников, вовлеченных в проектную деятельность. Крайне важным является также обучение сотрудников органов власти по проектной деятельности с привлечением экспертов из бизнес-сообщества, успешно внедривших в свою деятельность методы проектного управления.

3. Недостаточный уровень техподдержки проектной деятельности. Наличие комплексной АИС позволит сократить трудозатраты, повысить скорость выполнения процесса проектного управления, эффективность межведомственного взаимодействия при реализации совместных проектов.

4. Проблемы, возникающие по причине наличия конфликтов и противоречий функционального и проектного подхода к управлению (двойное подчинение). Решением данной проблемы, на наш взгляд, является юридическое разграничение компетенций государ-

ственных служащих, участвующих в проектной деятельности, и постепенное внедрение данных принципов в деятельность всех органов власти региона.

5. Формальное использование новых методов работы. Решением может быть повышение квалификации сотрудников, а также привлечение специалистов, обладающих необходимыми знаниями [2].

При формировании благоприятных условий проектное управление может стать одним из инструментов развития, позволяющих эффективно управлять государственными программами, инвестиционными проектами, ключевой проблемой в реализации которых является низкая эффективность при огромных бюджетных расходах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственное стратегическое управление: монография [Текст] / под. общ. ред. проф. Ю.В. Кузнецова. – СПб.: Питер., 2014. – 320 с.
2. Кожевников, С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти [Электронный ресурс] / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 5. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2037>
3. Опыт внедрения проектного управления на примере Белгородской области [Электронный ресурс] / О.А. Павлова. – Режим доступа: leader-id.ru/upload/file/get/3267/ (дата обращения: 29.11.2016).

Пространственное распределение экономической активности в Республике Карелия: показатели и закономерности

Аннотация. Целью работы является выявление закономерностей пространственного распределения экономической активности внутри региона на основе анализа отраслевой структуры экономики муниципальных поселений с помощью данных о налоговых поступлениях на примере Республики Карелия.

Ключевые слова: региональное экономическое пространство, пространственное распределение экономической активности, новая экономическая география, Республика Карелия.

Целью настоящей работы является выявление закономерностей пространственного распределения экономической активности внутри региона на уровне взаимодействия между отдельными пространственными «атомами». Пространственным «атомом» в рамках исследования принимается населенный пункт или группа населенных пунктов, экономическое расстояние между которыми позволяет определить их как единое место поселения людей. Цель исследования обусловила выбор объекта наблюдения – им стала структура экономической активности в разрезе административно-территориальных единиц наименьшего масштаба, принятого в России, то есть муниципальных поселений и городских округов, на примере Республики Карелия.

Поставленная цель была конкретизирована в соответствующих задачах, решение которых обусловило структуру и содержание исследования и настоящей статьи. В первой части статьи теоретически обосновывается влияние факторов размера рынка и расстояния на размещение экономической активности внутри региона. Во второй части статьи предлагается решение задачи выявления показателей экономического развития муниципальных поселений, которые, во-первых, характеризуют структуру экономической активности в поселении, во-вторых, статистически наблюдаемы на основе открыто публикуемых данных. В третьей заключительной части статьи выявлены закономерности изменения пространственной структуры экономической активности в Республике Карелия.

Плотность, размер рынка и расстояние как факторы пространственного размещения экономической активности в регионе

Первая задача, которая была решена в рамках настоящего исследования, определение и обоснование влияния факторов размера рынка и расстояния на размещение экономической активности внутри региона.

Концентрация экономической активности (также часто определяемая как «плотность»), размер рынка, расстояние и разобщенность – ключевые факторы (или «простран-

¹ Колесников Николай Геннадьевич (Россия, г. Петрозаводск) – к.э.н., с.н.с, Институт экономики Карельского НЦ РАН.

Колесникова Наталья Владимировна (Россия, г. Петрозаводск) – к.э.н., ст. преподаватель, Петрозаводский государственный университет.

ственные измерения»), которые в рамках концепции новой экономической географии рассматриваются как главные детерминанты экономического развития в той или иной точке пространства [1; 4]. Приняв за основу данную теоретическую концепцию, мы, тем не менее, исключили из анализа фактор разобщенности. Это связано с тем, что разобщенность определяется как наличие и величина барьеров для перемещения или перераспределения в пространстве различных экономических ресурсов. Такие барьеры ассоциируются, как правило, с государственными границами. В рамках национальной экономической системы и, тем более, внутри региональной экономической системы подобные барьеры отсутствуют. В связи с этим мы не рассматриваем разобщенность в качестве параметра экономического взаимодействия поселений в регионе.

Плотность экономической активности в рамках новой экономической географии является синонимом агломерационных эффектов, которые тем больше, чем выше плотность. Показателями данной плотности могут быть количество и средний размер фирм на определенной территории, объем валовой добавленной стоимости, произведенной на определенной территории, или численность экономически активного населения. Вместе с тем, значения данных показателей для малых территориальных единиц (на практике – для любой территории субрегионального масштаба), как правило, не доступны. В связи с этим принимается, что выражением плотности экономической активности является численность населения, так как данный показатель доступен для территориальных единиц любого масштаба вплоть до населенных пунктов. Для решения нашей исследовательской задачи мы будем использовать показатель численности населения в разрезе муниципальных поселений.

Размер рынка также является положительной детерминантой экономического развития. Непосредственным показателем размера рынка является объем спроса, однако его значения для территориальных единиц малого масштаба практически не доступны. В связи с этим выражением размера рынка принимается численность населения. Таким образом, численность населения является выражением двух детерминант – плотности и размера рынка, которые, хотя и имеют различную природу влияния на экономические развитие поселений, оказывают однонаправленное воздействие: условия для экономического развития тем лучше, чем выше плотность и больше размер рынка; то есть численность населения является детерминантой, имеющей положительную взаимосвязь с условиями для экономического развития поселения. Вместе с тем, если объектом анализа является определенная территориальная единица, например, муниципальное поселение, то показателем плотности будет служить численность населения в данном поселении, а показателем размера рынка – численность населения как в самом поселении, так и на территории, которая является рынком для данного поселения. В связи с этим в рамках нашего анализа экономического развития поселений в качестве показателей, выражающих детерминанты плотность и размер рынка, мы принимаем численность населения поселения и численность населения в административном центре района, к которому принадлежит поселение.

Расстояние в рамках концепции, принятой в качестве теоретической базы нашего исследования, определяется как экономическое расстояние до внешних рынков. Ближай-

шим внешним рынком для поселения является административный центр района, в состав которого входит поселение.

Статистически наблюдаемые показатели экономического развития муниципальных поселений

Методологическую проблему представляет определение показателя экономического развития муниципальных поселений, для которого были бы доступны количественно измеримые и достоверные данные предпочтительно в разрезе видов экономической деятельности. Наиболее адекватным в данном случае был бы показатель валового муниципального продукта поселений и его структура. Однако статистические органы подобную информацию не предоставляют. Решение данной проблемы мы предлагаем путем использования информации по объему налоговых поступлений в бюджет, открыто публикуемой региональным министерством финансов в соответствующей информационной системе [3]. Данная информация генерируется путем обработки сведений, предоставляемых Федеральной налоговой службой РФ. Данные о налоговых поступлениях доступны в разрезе различных видов налогов, муниципальных образований всех уровней (районов, городских округов и поселений) и видов экономической деятельности (для Республики Карелия деление информации осуществляется по 57 видам экономической деятельности). Так как в указанной информационной системе отсутствуют сведения о налоге на добавленную стоимость, то рассчитать муниципальный продукт поселения невозможно. Однако возможно определить количество видов экономической деятельности, которые осуществляют плательщики налогов в каждом поселении, то есть диверсифицированность экономики поселения. Данный показатель мы предлагаем использовать в качестве индикатора экономического развития поселения.

В качестве анализируемого вида налогов нами был выбран налог на доходы физических лиц (НДФЛ), поскольку он выплачивается всеми без исключения юридическими лицами и предпринимателями – физическими лицами в отличие от других видов налогов. Если по определенному виду экономической деятельности в поселении был зафиксирован ненулевой объем поступлений НДФЛ, то это означает, что в данном поселении данный вид экономической деятельности присутствует.

Виды экономической деятельности были нами классифицированы. Мы применили классификацию, разработанную в рамках «традиционного» подхода к изучению размещения производительных сил, которая заключается в делении всех отраслей на отрасли специализации, обслуживающие отрасли и вспомогательные отрасли. Вспомогательные отрасли мы не выделяли, поскольку в рамках представленного в информационной системе перечня видов экономической деятельности это сделать крайне затруднительно. В состав обслуживающих отраслей мы включили образование, здравоохранение, государственное управление, связь, торговлю, коммунальные услуги и ряд других (табл. 1), поскольку в поселениях предприятия и учреждения данных видов деятельности осуществляют обслуживание исключительно населения, проживающего в поселении, и не реализуют услуги за пределами поселения. В состав отраслей специализации мы включили практически все виды деятельности раздела «Обработывающие производства», сельское и лесное хозяй-

ство, рыболовство и рыбоводство, добычу полезных ископаемых и ряд услуг (табл. 1). Отрасли специализации реализуют свою продукцию или услуги за пределами поселения и, таким образом, формируют рыночную позицию поселения в рамках региональной экономической системы и генерируют входящий поток рыночного дохода для поселения, то есть являются экономической основой жизни поселения. Именно количество отраслей специализации свидетельствует о степени диверсифицированности экономики поселения.

Таблица. Классификация видов экономической деятельности поселений

Вид экономической деятельности	Категория отрасли*	Тип отрасли специализации**
Сельское хозяйство, охота и предоставление услуг в этих областях	спец.	немоб. ресурсы
Лесное хозяйство, лесозаготовки и предоставление услуг в этих областях	спец.	немоб. ресурсы
Рыболовство, рыбоводство и предоставление услуг в этих областях	спец.	немоб. ресурсы
Добыча каменного угля, бурого угля и торфа	спец.	немоб. ресурсы
Добыча металлических руд	спец.	немоб. ресурсы
Добыча прочих полезных ископаемых	спец.	немоб. ресурсы
Производство пищевых продуктов, включая напитки	неопред.	
Производство табачных изделий	спец.	ДС
Текстильное производство	спец.	ДС
Производство одежды; выделка и крашение меха	спец.	ДС
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	спец.	ДС
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели	спец.	ДС
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	спец.	ДС
Издательская и полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	неопред.	
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	спец.	ДС
Химическое производство	спец.	ДС
Производство резиновых и пластмассовых изделий	спец.	ДС
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	спец.	ДС
Металлургическое производство	спец.	ДС
Производство готовых металлических изделий	спец.	ДС
Производство машин и оборудования	спец.	ДС
Производство офисного оборудования и вычислительной техники	спец.	ДС
Производство электрических машин и электрооборудования	спец.	ДС
Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи	спец.	ДС
Производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов	спец.	ДС
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	спец.	ДС
Производство судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств	спец.	ДС
Производство мебели и прочей продукции, не включенной в другие группировки	спец.	ДС
Обработка вторичного сырья	спец.	ДС

Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	неопред.	
Сбор, очистка и распределение воды	обсл.	
Строительство	обсл.	
Торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	обсл.	
Оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	обсл.	
Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	обсл.	
Деятельность гостиниц и ресторанов	спец.	ДС
Деятельность сухопутного транспорта	спец.	немоб. ресурсы
Деятельность водного транспорта	спец.	немоб. ресурсы
Деятельность воздушного и космического транспорта	спец.	немоб. ресурсы
Вспомогательная и дополнительная транспортная деятельность	спец.	немоб. ресурсы
Связь	обсл.	
Финансовое посредничество	обсл.	
Страхование	обсл.	
Вспомогательная деятельность в сфере финансового посредничества и страхования	обсл.	
Операции с недвижимым имуществом	обсл.	
Аренда машин и оборудования без оператора; прокат бытовых изделий и предметов личного пользования	неопред.	
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	неопред.	
Научные исследования и разработки	спец.	ДС
Предоставление прочих видов услуг	неопред.	
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	обсл.	
Образование	обсл.	
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	обсл.	
Сбор сточных вод, отходов и аналогичная деятельность	обсл.	
Деятельность общественных объединений	обсл.	
Деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	обсл.	
Предоставление персональных услуг	обсл.	
Деятельность домашних хозяйств с наемными работниками	обсл.	
* Категории отраслей: «спец.» – отрасли специализации; «обсл.» – обслуживающие отрасли; «неопред.» – категорию отрасли невозможно достоверно определить. ** Типы отраслей специализации: «немоб. ресурсы» – отрасли, эксплуатирующие немобильные ресурсы территории; «ДС» – отрасли с высокой долей добавленной стоимости.		

Отрасли специализации были нами дополнительно классифицированы на две группы: 1) отрасли, основная задача которых заключается в непосредственной эксплуатации немобильных ресурсов – недр, земли, территории; 2) отрасли с высокой степенью обработки первичных ресурсов и накопленной добавленной стоимостью (табл.). Отрасли первой группы развиваются в тех поселениях, которые обладают соответствующими немобильными ресурсами, причем зачастую наличие в поселении отрасли из данной

группы свидетельствует не о развитости экономической инициативы или кадрового потенциала поселения, а о том, что поселению «повезло» с соответствующими ресурсами. Такие отрасли часто являются объектами внешнего по отношению к поселению управления. Так, например, наличие отрасли «услуги водного транспорта» применительно к поселениям Республики Карелия свидетельствует, как правило, о наличии на территории поселения шлюза, управляемого дирекцией Беломорско-Балтийского канала. По нашему мнению, о степени экономического развития поселения более адекватно свидетельствует количество отраслей второй группы, то есть отраслей с высокой долей накопленной добавленной стоимости. Данные отрасли развиваются на основе использования преимущественно человеческого капитала поселения, а не природных ресурсов. Именно данный показатель – количество в поселении отраслей специализации с высокой долей накопленной добавленной стоимости – мы приняли в качестве анализируемого индикатора.

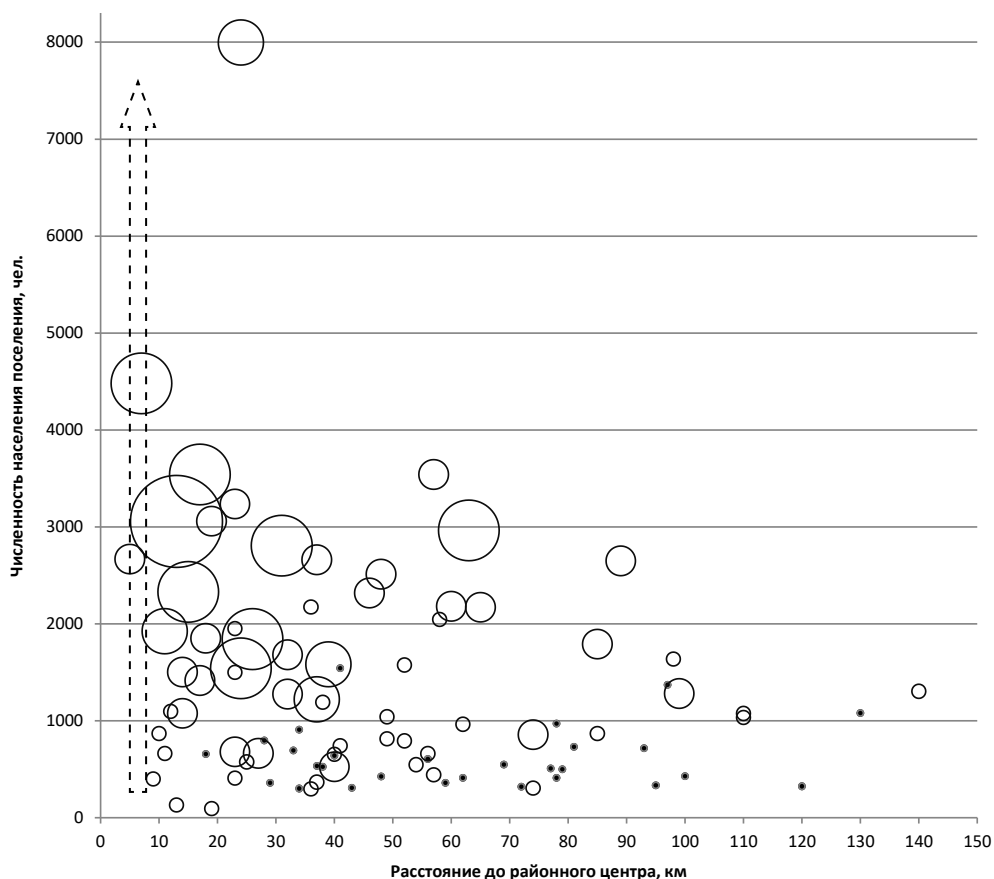
Закономерности изменения пространственной структуры экономической активности в регионе

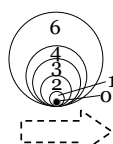
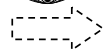
Мы определили количество отраслей специализации с высокой долей накопленной добавленной стоимости в каждом муниципальном поселении Республики Карелия по состоянию на 2015 год, получив таким образом характеристику успешности экономического развития каждого поселения. Для выполнения задачи исследования мы сопоставили значения данного показателя со значением фактора плотности и расстояния, то есть численности населения поселения и расстояния до районного центра. Результаты расчетов представлены на рисунке.

По результатам исследования мы предположили, что существует закономерность изменения пространственной структуры экономики региона, которую мы определили как «трансформационная волна». Дадим определение данному термину. Трансформационная волна – устойчивое во времени, ориентированное в пространстве согласованное изменение характеристик экономической активности (объема, структуры и др.) в отдельных точках экономического пространства, в совокупности составляющих определенную региональную (пространственно ограниченную) экономическую систему.

Результаты расчетов (рис.) позволяют нам выявить закономерность, которая заключается в том, что количество отраслей специализации с высокой долей накопленной добавленной стоимости в поселении увеличивается, во-первых, по мере уменьшения расстояния от поселения до районного центра, во-вторых, по мере увеличения размера самого поселения, то есть численности его населения. Таким образом, мы подтвердили гипотезу о том, что плотность (концентрация экономической активности) и расстояние (до внешнего рынка) влияют на экономическое развитие поселения. Существует положительная зависимость между плотностью и уровнем экономического развития поселения и обратная зависимость между расстоянием и уровнем экономического развития поселения.

Таким образом, содержание трансформационной волны применительно к северному периферийному региону (на примере Республики Карелия) заключается в векторе «пере-




 Каждая окружность обозначает отдельное поселение.
 Размер окружности соответствует количеству отраслей специализации с высокой долей накопленной добавленной стоимости в поселении.

 Направление эволюции экономического пространства региона.

распределения» объема и диверсификации экономической активности, направленного из малых удаленных поселений в пользу поселений, во-первых, более крупных, во-вторых, приближенных к региональным экономическим центрам.

Выявленная нами закономерность соответствует теоретическим положениям концепции новой экономической географии и, в целом, широко описана в научной литературе. Однако большинство эмпирических исследований концентрировались на выявлении данной закономерности на глобальном и национальном уровне, реже – на уровне межрегионального взаимодействия [2]. Региональный уровень взаимодействия, то есть закономерности пространственного распределения экономической активности на уровне взаимодействия между населенными пунктами, в научной литературе до сих пор слабо исследован. Новизна полученных нами результатов заключается в выявлении характера и обосновании факторов пространственного распределения экономической активности внутри региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад о мировом развитии 2009: новый взгляд на экономическую географию. М., Издательство «Весь мир», 2009.
2. Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 2. С. 30–47.
3. Мониторинг и анализ показателей финансовой сферы Республики Карелия // Министерство финансов Республики Карелия. URL: <http://fm.minfin.karelia.ru>
4. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. Cambridge, The M.I.T. Press, 2001. 367 с.

Современное состояние, проблемы и перспективы развития химического комплекса России

Аннотация. В работе проведен анализ одной из базовых отраслей химической промышленности – минеральных удобрений. Представлен прогноз основных показателей развития данной сферы. Сделан вывод о том, что необходимо стимулировать внутренний спрос за счет поддержки сельхозтоваропроизводителей.

Ключевые слова: химическая отрасль, минеральные удобрения, регион, развитие территорий, органы власти.

Химическая промышленность, представляющая собой одну из ведущих отраслей тяжелой индустрии, является научно-технической и материальной базой химизации народного хозяйства и играет исключительно важную роль в развитии производительных сил, в обеспечении жизненных потребностей общества, укреплении обороноспособности государства. Она объединяет целый комплекс отраслей производства, в которых преобладают химические методы переработки предметов овеществленного труда (сырья, материалов), позволяет решить технические, технологические и экономические проблемы, создавать новые материалы с заранее заданными свойствами, заменять металл в строительстве, машиностроении, повышать производительность и экономить затраты общественного труда. Химическая промышленность включает производство нескольких тысяч различных видов продукции, по количеству которых уступает только машиностроению.

Наибольший вклад в оборот химической промышленности вносит производство минеральных удобрений. Россия обладает уникальной сырьевой базой, позволяющей выпускать весь их спектр. Российские предприятия входят в число ключевых игроков мирового рынка по всем сегментам рынка: азотному, фосфорному и калийному [5, с. 57].

В развитии отечественной отрасли минеральных удобрений можно выделить ряд особенностей.

1. В советский период оборот минеральных удобрений полностью находился под государственным контролем.

После окончания Второй мировой войны мировое производство минеральных удобрений росло значительными темпами – в 3,2 раза (с 47. млн тонн в 1965 году до 150 млн тонн в 1990 году). Значительную долю удобрений в конце 80-х гг. выпускали в СССР – почти 40 млн тонн. Так, с 1962 года данная отрасль страны по объемам производства стала занимать первое место в Европе; в 1973 году Советский Союз вышел на первое место в мире, опередив США. Доля СССР в мировом производстве возросла с 11,1% в среднем за 1961–1966 гг. до 19,3% в 1975 году. Причем если за этот период мировое производство

¹ Копытова Екатерина Дмитриевна (Россия, г. Вологда) – к.э.н., научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

увеличилось в 2,3 раза, то в СССР – в 3,8 раза. В 1975 году страна вышла на 1-е место по абсолютным размерам потребления минеральных удобрений. В расчете на 1 гектар пашни оно увеличилось в 2,8 раза – с 28,4 кг в 1965 году до 78,7 кг в 1976 году (в пересчете на 100% питательных веществ) [1].

В СССР обеспечение минеральными удобрениями сельскохозяйственных товаропроизводителей полностью находилось под государственным контролем. Решения по производству, распределению и использованию удобрений принимали централизованно и планомерно, согласно государственным нормативам. Планирование поставки удобрений осуществлялось с учетом почвенно-климатических условий, народно-хозяйственной значимости выращиваемых культур и экономической эффективности удобрений, исходя из потребности страны в различных видах сельскохозяйственной продукции и достигнутого уровня развития промышленности по производству удобрений.

2. После развала СССР произошло сокращение производства минеральных удобрений.

В результате рыночных реформ прекратилось субсидирование агропредприятий (в 1990 году по причине господотаций цены минеральных удобрений для агропредприятий снизились на 40%). Производство минеральных удобрений по сравнению с уровнем 1985 года упало в 2 раза (30,0 млн т в 1985 году против 14,9 млн т в 1995 году) [6], за 1996 год снижение производства составило 5%.

Это свидетельствует о катастрофическом разрушении отрасли, обусловленном множеством факторов, в частности, таких как сокращение дотаций; спад в сельскохозяйственном производстве; изменение схемы субсидирования сельхозпроизводителей; низкая доля закупок удобрений в сельскохозяйственном производстве по сравнению с промышленным [9, с. 98]. Потребности внутреннего рынка в удобрениях незначительны, поскольку в России на один гектар обрабатываемой земли используется всего лишь 40 кг действующего вещества (по данным за 2014 год), тогда как аналогичный показатель в Европе и США составляет 130–140 кг, в странах Латинской Америки – 90 кг/га.

3. Сокращение платежеспособного спроса, уменьшение объемов потребления удобрений на внутреннем рынке в постсоветский период привело к переориентации многих производителей на экспортные рынки. В 1996–2000 гг. доля экспорта удобрений в их суммарном объеме составляла 70–85%, в настоящее время ситуация осталась прежней (в 2012–2014 гг. доля экспорта в производстве превышает 71%; табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели российского рынка минеральных удобрений

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Продажи на внутреннем рынке, тыс. т	3804	5403	5408	5406
Экспорт, тыс. т	13971	1077	13678	14273
Доля экспорта в производстве, %	79	71	72	73
Доля импорта в потреблении, %	<1	<1	<1	<1
Экспорт РФ всего, млрд долл. США	525	526	498	343
Экспорт минеральных удобрений, млрд долл. США	32,1	30,8	29,2	25,3
Доля экспорта минеральных удобрений в общем объеме экспорта РФ, %	6,1	5,9	5,9	7,4
Источник: данные Росстата.				

Удобрения являются одной из заметных статей российского экспорта – их доля в общем объеме экспорта РФ составляет 6–8%. На мировом рынке удобрений Россия занимает второе место после Китая. Таким образом, данный сегмент является одним из наиболее экспортоориентированных в промышленности России.

Стоит отметить, что товарная номенклатура экспорта химического комплекса России представлена главным образом продукцией низкой и средней степени технологического передела, которая используется для дальнейшего передела в продукцию с высокой добавленной стоимостью. Перечислим основные продукты, имеющие экспортный потенциал: минеральные удобрения – 35%; синтетический каучук – 9%; аммиак – 5% (24% объема производства); метанол – 2% (53% соответственно).

Номенклатура российского импорта химической продукции в отличие от экспорта многообразна, традиционно в ней преобладают товары с высокой добавленной стоимостью. Сравнение товарной структуры российского экспорта и импорта показывает, что из страны вывозится преимущественно химическая продукция низких переделов, а ввозится продукция высоких переделов: фармацевтическая – 36%, изделия из пластмасс – 23% (рис. 1).

Удельный вес продукции химической промышленности в целом в товарной структуре импорта в 2014 году составил 16,8% (в 2013 году – 16,6%). Вместе с тем стоимостный и физический объемы импорта продукции снизились по сравнению с уровнем 2013 года на 7,3 и 5,5% соответственно. Что касается импортных минеральных удобрений, то доля их потребления в общем объеме не превышает 1%. Это свидетельствует о том, что для экспортоориентированной промышленности минеральных удобрений традиционно положительное сальдо торгового баланса.

4. В условиях роста мирового спроса на продукцию растениеводства и животноводства создаются предпосылки для повышения уровня потребления минеральных удобрений.

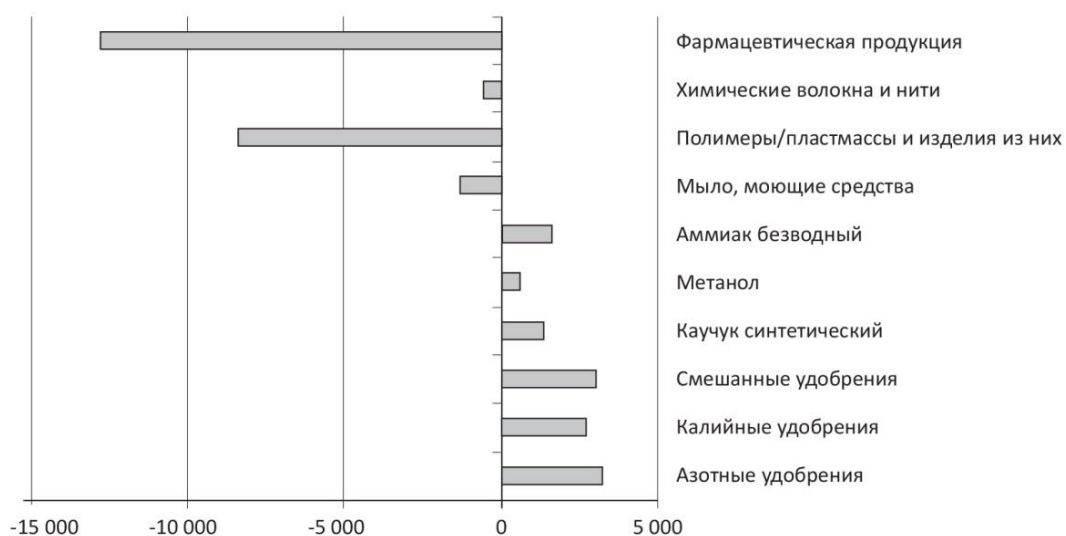


Рис. 1. Сальдо внешнеторгового баланса по отдельным продуктам химической промышленности в 2014 году, млн долл. США [3, с. 33]

В результате этих процессов в мире наблюдается ежегодное увеличение мощностей по производству удобрений. В настоящее время российская отрасль минеральных удобрений – одна из лидирующих в мире. По объемам выпуска азотных и калийных удобрений (7,0 и 18,5% от мирового объема в 2014 году) она занимает второе место, а по объемам производства фосфорных удобрений (6,5% от мирового объема) – четвертое. За 2009–2015 гг. масштабы производства минеральных удобрений увеличились на 36,3% (рис. 2).

В условиях санкций и контрсанкций актуализируются вопросы импортозамещения. В частности, развитие агропромышленного комплекса РФ возможно за счет интенсификации производства. Успехи в данной отрасли зависят от того, какую роль будут играть производители минеральных удобрений, предоставляя материально-технические ресурсы.

5. Избыток предложения минеральных удобрений и геополитические факторы спровоцировали падение мировых цен на данную продукцию (рис. 3).

Ценовая динамика на внутреннем рынке была обратной – цены на азотные удобрения повысились на 6,4%, фосфорные – на 9,2%. Зафиксировано снижение цен на калийные удобрения (22,9%; табл. 2).

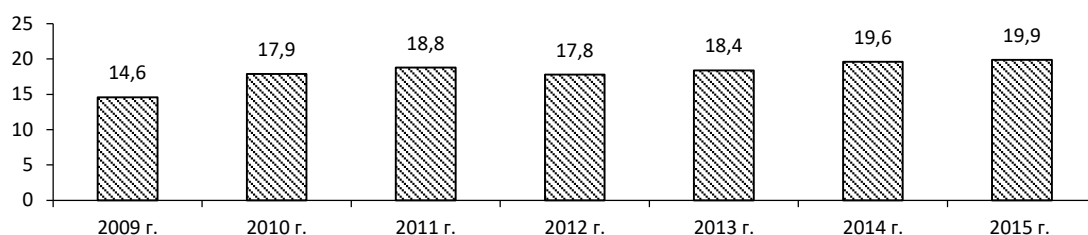


Рис. 2. Объемы производства минеральных удобрений в России, млн т (усл. ед.)

Составлено по: Россия в цифрах. 2015. – С. 259; Ежемесячный краткий доклад Росстата о социально-экономическом положении России. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B15_00/Main.htm

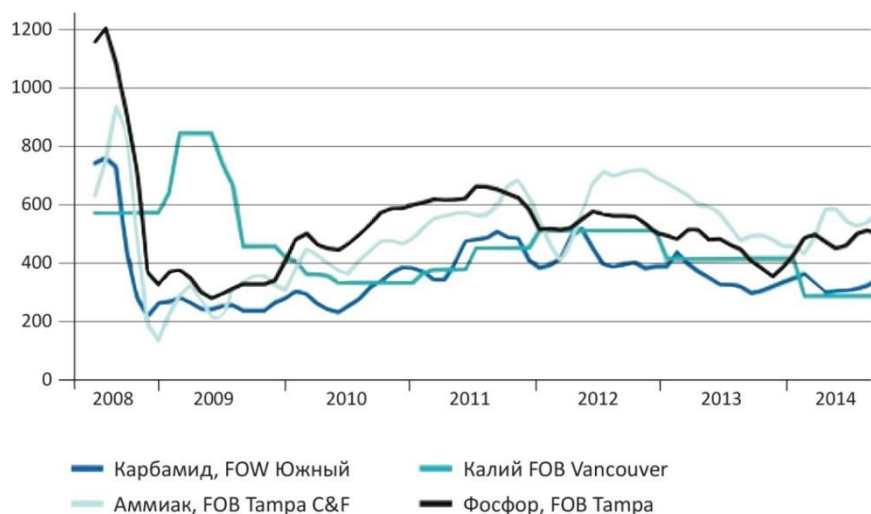


Рис. 3. Мировые цены на удобрения, долл./т

Источник: расчеты Газпромбанка [8].

Таблица 2. Средние цены производителей России на отдельные виды промышленных товаров по виду экономической деятельности «химическое производство», руб./тонну

Вид удобрения, физ. ед.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г., в % к	
					2010 г.	2012 г.
Азотные удобрения	6926	8602	7688	7366	106,4	95,8
Фосфорные удобрения	9500	11613	11000	10375	109,2	94,3
Калийные удобрения	6851	10221	8536	5280	77,1	61,9

Источник: Промышленность России. – 2014. – С. 205–207.

б. Негативная динамика мировых тенденций развития отрасли минеральных удобрений отразилась на финансовых показателях деятельности российских предприятий.

Прибыль от продаж химической отрасли в I полугодии 2015 года составила 280,5 млрд руб., увеличившись по сравнению с аналогичным периодом 2014 года в 2,5 раза. Это способствовало выходу предприятий из убыточного состояния (-27,1 млрд руб.) с достижением прибыли 368,8 млрд руб. В результате рентабельность в целом по отрасли, рассчитанная как отношение прибыли от продаж к выручке, составила в 2015 году 24% (табл. 3).

Подчеркнем, что нестабильное финансовое состояние предприятий химической промышленности в 2014 году не повлияло на инвестиционную деятельность предприятий. Судя по данным табл. 4, объем вложений как в целом по отрасли, так и в сегменте производства минеральных удобрений ежегодно увеличивается.

Вместе с тем наблюдалось снижение основных показателей занятости в химическом производстве. В 2012–2014 гг. увеличение фонда оплаты труда происходило на фоне сокращения численности работников [7, с. 226]. Аналогичная ситуация и с производством удобрений, которое обеспечивает трудоустройство 15% занятых в химической промышленности в целом (51,1 тыс. чел.; табл. 5).

Проведенный нами анализ особенностей развития отечественной отрасли минеральных удобрений позволяет сделать вывод о том, что их производство является одним из базовых сегментов химического и в целом промышленного комплекса страны. Состояние и развитие отрасли имеют стратегическое значение как для продовольственной безопасности РФ, так и для развития других отраслей экономики.

Вместе с тем ряд проведенных исследований [4] содержат тезис о постепенной утрате имеющихся и отставании в формировании новых конкурентных преимуществ. Для устранения негативных факторов органами власти осуществляются государственное регулирование производства минеральных удобрений в рамках управления химической отраслью промышленности РФ, которая относится к ряду стратегических. Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса до 2030 года определяет приоритетные направления государственной поддержки отрасли удобрений: поддержка развития производства (инвестиционных проектов) и операционной деятельности системообразующих хозяйствующих субъектов.

Особенностью российского рынка минеральных удобрений является невысокий уровень спроса, покрывающий на сегодняшний день около 30% выпуска. Стимулировать спрос со стороны российского сельского хозяйства будет реализация программ импортозамещения

Таблица 3. Финансовые показатели деятельности предприятий химической промышленности

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	I пол. 2014 г.	I пол. 2015 г.	2015 г. в % к 2014 г.
Химическая промышленность						
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток), млн руб.	279651	145871	-27130	х	368814*	х
Прибыль (убыток) до налогообложения, млрд руб.	291,3	165,8	16,1	110,7	280,5	253,4
Выручка от продаж (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей), млрд руб.	1606,9	1718,0	1806,4	926,4	1172,4	126,6
Рентабельность продаж, %	18%	10%	21%	12%	24%	12 п. п.
Производство минеральных удобрений						
Прибыль (убыток) до налогообложения, млрд руб.	182,5	89,9	25,0	66,6	137,1	205,9
Выручка от продаж (за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов и иных аналогичных обязательных платежей), млрд руб.	519,2	542,5	501,7	271,3	369,8	136,3
Рентабельность продаж, %	35%	17%	5%	25%	37%	12 п. п.
* В целом за 2015 год.						
Составлено по: данные Росстата [1].						

Таблица 4. Инвестиции в основной капитал химического производства

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2014 г.
Инвестиции в основной капитал химического производства по полному кругу организаций, млрд руб.	212,3	238,8	254,2	261,5	362,8	138,7
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал химического производства по полному кругу организаций, %	124,6	102,2	100,4	101,9	102,5	100,6
Инвестиции в основной капитал химического производства по крупным и средним организациям, млрд руб.	153,4	152,8	183,2	105,2*	116,7**	110,9
– в том числе производство минеральных удобрений	52,7	66,8	67,9	45,5*	44,0**	96,7
* За I пол. 2014 г.						
** За II пол 2015 г.						
Источники: данные Росстата [3].						

и мероприятий, предусмотренных Государственной программой развития сельского хозяйства на 2013–2020 гг. Среди главных приоритетов дальнейшего развития АПК выделяется сохранение и увеличение почвенного плодородия, что планируется обеспечить в том числе ростом внесения удобрений. В перспективе до 2020 года, при условии реализации поставленных правительством задач, внесение удобрений может увеличиться более чем вдвое – до 80–100 кг на гектар посева против 40 кг в 2014 году. При условии реализации поставленных Правительством задач спрос со стороны АПК в 2020 году может превысить 4 млн т [3, с. 21].

Таблица 5. Показатели занятости и оплаты труда в химическом производстве

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	I пол. 2014 г.	I пол. 2015 г.	2015 г. в % к 2014 г.
Химическая промышленность						
Фонд начисленной заработной платы по всем работникам, млрд руб.	127,1	140,3	152,4	74,9	81,3	108,5
Средняя численность всех работников, тыс. чел.	352,8	346,9	336,8	339,8	339,6	99,9
Производство минеральных удобрений						
Фонд начисленной заработной платы по всем работникам, млрд руб.	23,2	24,9	26,2	13,0	13,8	106,2
Средняя численность всех работников, тыс. чел.	57,7	55,6	51,9	52,9	51,1	96,6
Источники: данные Росстата [2].						

Таблица 6. Прогноз основных показателей российского рынка минеральных удобрений, млн тонн (базовый сценарий)

Удобрения в пересчете на 100 % питательных веществ	2014 г. факт	2015 г. оценка	2016 г. прогноз	2017 г. прогноз	2018 г. прогноз	Изменение 2014–2018 гг., +/-
Производство	19,6	19,5	20,3	20,8	21,3	1,7
Экспорт	14,3	14,5	14,7	14,9	15,0	0,7
Потребление	5,3	5,0	5,6	5,9	6,1	0,8
Доля экспорта в производстве, %	73	74	72	71	71	-2
Доля импорта в потреблении, %	<1	<1	<1	<1	<1	x
Источник: [3, с. 36].						

С учетом описанных тенденций развития спроса на российском рынке минеральных удобрений, а также планов по наращиванию мощностей можно представить прогноз основных показателей российского рынка минеральных удобрений.

Базовый вариант прогноза на 2016–2018 гг. основан на том, что российские производители сохраняют позиции на мировом рынке как за счет реализации мероприятий, направленных на модернизацию производственных мощностей и развитие дистрибуции, так и за счет компенсационных факторов (таких как ограниченное предложение по причине геополитических факторов и ожидаемые отсрочки по вводу новых мощностей). Также предполагается, что емкость внутреннего рынка будет расти. В этих условиях в 2016–2018 гг. можно ожидать рост объемов производства с достижением в 2018 году прироста в 8,6% по отношению к уровню 2014 года.

Консервативный вариант прогноза рассматривает развитие российской промышленности минеральных удобрений в условиях более жесткой конкурентной борьбы. Такая ситуация может сложиться в случае низкой динамики цен на сырьевую конъюнктуру (природный газ, являющейся основным сырьем для производства данного вида товара), а также минимальных количеств отсроченных вводов новых мощностей (восстановление баланса спроса и предложения на мировом рынке можно ожидать в период 2018–2019 гг.). В сложных экономических условиях также вероятно снижение потенциала роста внутреннего рынка.

Таким образом, государственная политика в сфере агропромышленного комплекса является ключевым фактором, определяющим спрос на минеральные удобрения на вну-

Таблица 7. Прогноз основных показателей российского рынка минеральных удобрений, млн тонн (консервативный сценарий)

Удобрения в пересчете на 100 % питательных веществ	2014 г. факт	2015 г. оценка	2016 г. прогноз	2017 г. прогноз	2018 г. прогноз	Изменение 2014–2018 гг., +/-
Производство	19,6	19,5	19,9	20,0	20,5	0,9
Экспорт	14,3	14,5	14,3	14,2	14,6	0,3
Потребление	5,3	5,0	5,6	5,8	5,9	0,6
Доля экспорта в производстве, %	73	74	72	71	71	-2
Доля импорта в потреблении, %	<1	<1	<1	<1	<1	х
Источник: [3, с. 48].						

треннем рынке. Ранее одним из важнейших инструментов поддержки АПК в области обеспечения удобрениями были субсидии. После вступления России в ВТО произошли существенные изменения в инструментах поддержки российских сельхозпроизводителей и механизмах регулирования рынка: цена на удобрения должна была сравняться с минимальной экспортной ценой (рассчитывается поквартально) [3, с. 52]. А субсидии, предоставляемые АПК на приобретение удобрений, были заменены единой погектарной выплатой.

Следовательно, развитие внутреннего рынка минеральных удобрений будет зависеть в первую очередь от решений Минпромторга, Минсельхоза, ФАС, Госдумы, федеральных органов власти и отраслевых союзов по решению вопросов ценообразования. При этом ограниченная емкость внутреннего рынка и определяет экспортную ориентацию российских производителей минеральных удобрений.

Подводя итог, стоит отметить, что дальнейшее развитие отрасли минеральных удобрений зависит как от активизации процессов импортозамещения в условиях санкций и антисанкций, роста внутреннего спроса, так и от сохранения отечественными производителями устойчивых позиций на мировом рынке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ сырьевых рынков. Минеральные удобрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smart-lab.ru/blog/219863.php>
2. Барабанов, А. Социальная ответственность бизнеса и развитие территорий / А. Барабанов, Е. Разгулина // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 5. – С. 73–81.
3. Волкова, А.В. Рынок минеральных удобрений / А.В. Волкова // Национальный исследовательский институт. Высшая школа экономики. – 2015. – 67 с.
4. Данилов-Данильян, В.И. Отрасль минеральных удобрений: посткризисное развитие [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск. – № 5251 (172). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/08/05/mineraly.html>
5. Копытова, Е.Д. Деятельность предприятий – производителей минеральных удобрений в экономике России / Е.Д. Копытова // Известия вузов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». – 2016. – № 1 (27). – С. 52–61.

6. Особенности формирования и развития конкурентоспособных производств химической промышленности России (на примере производства минеральных удобрений) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2011/Vorobyev.pdf>
7. Разгулина, Е.Д. Оценка влияния крупнейших предприятий на социально-экономическое развитие территорий / Е.Д. Разгулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 223–234.
8. Чернышев, А. Предложение опережает спрос [Электронный ресурс] / А. Чернышев // Официальный сайт Центра экономического прогнозирования Газпромбанка. – Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/addition/article/562949992658986>
9. Эффективность химизации народного хозяйства [Текст]: монография / Н.Н. Баранов, Л.С. Брагина, А.Н. Васильев, Д.А. Герасименко, Л.И. Кошкин, И.Е. Кричевский, И.В. Рахлин, И.Н. Рейтман, Э.С. Савинский, Н.А. Сидорова, Л.П. Соболев, Н.С. Фомина; под ред. д-ра экон. наук Э. С. Савинского. – М.: Химия, 1997. – 220 с.

Проектный офис как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления региона

Аннотация. В статье рассматривается такой орган государственного управления, как проектный офис, и анализируется развитие проектных офисов в России. Целесообразность создания проектных офисов доказывается на примере Белгородского проектного офиса.

Ключевые слова: проектная деятельность, проектный офис, государственное управление, Белгородская область.

В настоящее время сложилось множество подходов к управленческой деятельности в сфере государственного управления. Среди основных из них выделяют: программно-целевой, системный, функциональный, процессный, ресурсный, маркетинговый и т. д. [1]. Для большинства органов исполнительной власти Российской Федерации характерны регламентный и функциональный подходы, предписывающие все функции и задачи. При этом деятельность характеризуется низкой эффективностью [2]. Важно отметить, что данные подходы предполагают следование бюрократическим нормам и предписаниям, что, с одной стороны, повышает контроль деятельности, помогает избежать многих ошибок, возникающих в процессе донесения указаний до нижестоящего органа. С другой стороны, регламентный и функциональный подходы практически полностью исключают элементы творчества, гибкости.

Одним из возможных способов повышения эффективности деятельности государственных органов является развитие проектного подхода к управлению, который сочетает в себе сильные стороны ряда других подходов [4]. Проектный подход обеспечивает прозрачность деятельности публичного сектора, позволяет повысить качество и сократить сроки достижения планируемых результатов. Так, по данным Международной ассоциации управления проектами, на практике использование методологии и инструментария проектного управления помогает экономить порядка 20–30% времени и 15–20% затрачиваемых на осуществление деятельности средств.

На сегодняшний день инициатором внедрения проектного управления является глава государства Путин В.В. Выступая в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума 19 июня 2015 г., Президент произнес следующие слова: «Считаю целесообразным создать в каждом регионе страны специальные штабы, проектные офисы, которые станут своего рода администрациями развития, обеспечат внедрение лучших механизмов создания благоприятного инвестиционного климата» [6].

Очевидно, что для создания успешной системы необходимо формирование нормативной базы. Так, в постановлении Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» устанавливается

¹ Куцый Никита Владимирович (Россия, г. Владивосток) – студент кафедры менеджмента, Дальневосточный федеральный университет.

порядок организации проектной деятельности, включая этапы проектов. В распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 октября 2016 г. № 2165-р приведен план первоочередных проектных мероприятий на 2016–2017 г. Протоколами заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 13.07.2016 № 1 и от 01.10.2016 № 6 устанавливаются 11 основных направлений стратегического развития РФ [5].

В последние годы был проделан большой объем работы по написанию методической документации в области проектного управления. Методическая документация складывается из ГОСТов серии Р 54869-2011, Р 54870-2011, Р 54871-2011. В данных стандартах даются основополагающие требования к управлению проектом, к управлению портфелем проектов, к управлению программой. Принят в России международный стандарт по управлению проектами ISO 21500-2012 «Guidance on project management» (руководство по проектному менеджменту). В распоряжении Минэкономразвития России от 14.04.2014 № 26Р-АУ даются методические рекомендации по введению проектной деятельности в органы исполнительной власти. К тому же приняты методические рекомендации Агентства стратегических инициатив по применению проектного управления при решении задач улучшения инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации и методические рекомендации по мониторингу приоритетных проектов и программ от 01.12.2016 [5].

Развитие повсеместной проектной деятельности невозможно без создания проектных офисов в каждом регионе. Перед проектными офисами как организациями, ответственными за проектную деятельность в регионе, руководство поставило следующие задачи:

- Разработка и внедрение нормативно-правовой базы и методической документации по проектному управлению.
- Внедрение, поддержка и развитие методов АИС.
- Внедрение, поддержка и развитие системы мотивации.
- Организация обучения проектному управлению.
- Организация работы проектного офиса, обеспечивающего координацию планирования, реализации проектов, программ, достижения вех и показателей, контроль проектной деятельности.
- Организация мониторинга реализации проектов.

На данный момент в 70% регионов России созданы и функционируют проектные офисы (рис. 1).

На рис. 2 изображена динамика образования новых проектных офисов за период 2010–2017 гг.

Наблюдается значительный рост количества проектных офисов в 2015–2016 годах. Это явление обусловлено выбранным политическим и экономическим курсом на повсеместное внедрение проектной деятельности и повышенное внимание к развитию проектного управления со стороны высшего руководства страны. В регионах, не обладающих проектными офисами, на данный момент ведется работа по их созданию. Однако говорить об эффективности недавно созданных проектных офисов еще рано, и к тому же в ряде регионов создание офисов происходит чисто формально.



Рис. 1. Количество созданных/несозданных проектных офисов в регионах РФ

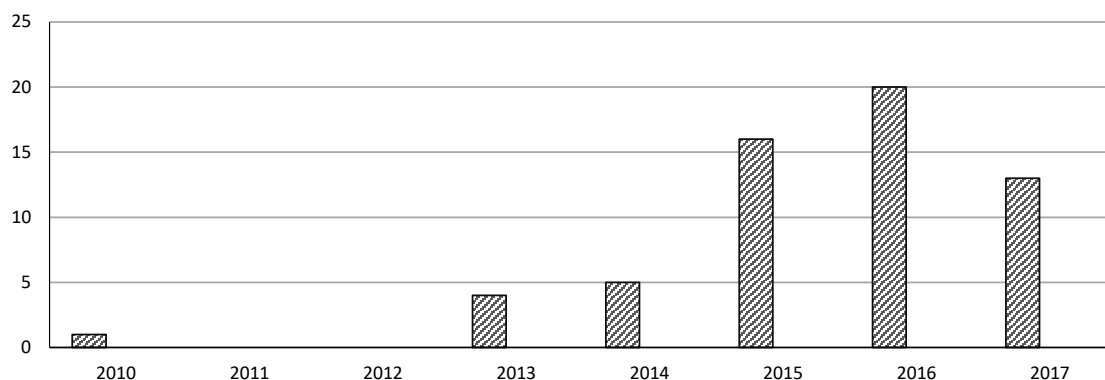


Рис. 2. Динамика образования новых проектных офисов в регионах РФ

Среди регионов России, развивающих проектное управление, лидирующую позицию занимает Белгородская область. За реализацию проектной деятельности в регионе отвечает Областной проектный офис, входящий в состав Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области.

Проекты организуются в рамках четырех основных направлений деятельности: экономическое, социальное, организационное, техническое. Примеры проектов в соответствии с направлением приведены в табл.

С момента образования Областного проектного офиса в Белгородской области был проделан большой объем работы. Общее количество проектов, прошедших за 5 лет через Областной проектный офис (период 2010–2016 гг.), составляет более 2300. Из них завершено 950 проектов, 850 проектов находятся в реализации, 500 проектов на стадии разработки. По структуре из 2300 проектов 600 имеют региональный статус, 1700 – проекты муниципального уровня.

Примечательным является количество служащих, занятых в проектной деятельности, их доля составляет более 50% от общего числа государственных работников в регионе. Проектному управлению обучены 750 государственных и 1900 муниципальных служащих. Всего по области в проектную деятельность вовлечено 30 региональных и 22 муниципальных образования органов власти. На 2016 г. проектный премиальный фонд составляет 18,3 млн руб.

Таблица. Примеры проектов в соответствии с направлением

Направление	Пример проекта
Экономическое	Комбинат по переработке мяса на базе «Ордена Трудового Красного Знамени колхоз имени Фрунзе» (1 150 млн руб.)
	Создание производства готовых лекарственных препаратов ООО «Пик-Фарма Лек» (750 млн руб.)
	Расширение завода по производству сыра ООО «Хохланд Руссланд» (500 млн руб.)
	Создание завода по производству кормов для ценных пород рыб в Шебекенском районе области (504 млн руб.)
Социальное	Внедрение комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)
	Модернизация станций по переливанию крови
	Создание механизма сопровождения беременных женщин от начала беременности до окончания родов «Шаг за шагом вместе»
Организационное	Формирование региональной модели государственного управления посредством народной экспертизы
	Художественное оформление подъездов многоквартирных домов «Яркая жизнь – наша жизнь!»
Техническое	Разработка системы управления государственными муниципальными закупками
	Модернизация деятельности ГУП «Белоблтехинвентаризация»

С начала внедрения проектной деятельности удалось сократить срок разработки и согласования проектов путем уменьшения бюрократических издержек. Средняя экономия на 1 проект составляет 2 месяца. Увеличилась скорость освоения инвестиций (в среднем объем инвестиций в проекты вырос на 23%). Увеличился ключевой региональный показатель – темп прироста ВРП (с 2011 года посредством внедрения проектного управления прирост ВРП составил 0,1% (более 3 млрд руб.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев, В. В. Проектное управление: развитие, особенности, отличительные черты [Текст] / В. В. Беляев // Формирование и реализация стратегии устойчивого экономического развития Российской Федерации: сборник статей IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Б. Я. Татарских, О. В. Федорова, 2014. – С. 14–24.
2. Государственное стратегическое управление [Текст]: монография / под общ. ред. проф. Ю. В. Кузнецова. – СПб.: Питер, 2014. – 320 с.
3. Забайкальский инвестиционный портал [Электронный ресурс] / Администрация Забайкальского края. – Режим доступа: <http://www.zab-investportal.ru>
4. Кожевников, С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 5, ч. 35.

5. Официальный сайт Администрации Приморского края и органов исполнительной власти Приморского края [Электронный ресурс] / Администрация Приморского края. – Режим доступа: <http://www.primorsky.ru>
6. Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) [Электронный ресурс] / Фонд «Росконгресс». – Режим доступа: <http://www.forumspb.com/ru>
7. О проекте | 2017 | Конкурс «Проектный Олимп» [Электронный ресурс] / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.pmolimp.ru>

Теоретические аспекты конкурентной среды лесного комплекса

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «конкурентоспособность», «конкурентная среда». Также представлены теоретические аспекты конкурентной среды лесного комплекса Северо-Западного федерального округа Российской Федерации.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентная среда, лесные ресурсы, экспорт, лесная промышленность.

Вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию, введение западными странами экономических и финансовых санкций в отношении России отразились на объемах и товарной структуре внешнеэкономической деятельности государства, его хозяйствующих субъектов. Для обеспечения эффективного действия стандарта необходимо формирование условий, стимулирующих развитие здоровых конкурентных отношений между участниками рынка, то есть конкурентной среды.

Конкурентная среда, в свою очередь, считается одним из факторов повышения эффективности рынка, способствует его сбалансированности и восприимчивости к инновационным тенденциям, росту инвестиционной привлекательности отраслей экономики региона.

Одной из отраслей, обладающих высоким потенциалом, но при этом имеющих низкую эффективность использования ресурсов и конкурентоспособность продукции наряду с неразвитостью инфраструктуры и отсутствием баланса интересов участников хозяйственной деятельности, является лесная промышленность. Развитие отрасли лесопереработки во многих субъектах СЗФО выступает приоритетным направлением в обеспечении экономического роста. При этом лесоперерабатывающая промышленность округа имеет выраженную ориентацию на экспорт [1, с. 79].

Немалый вклад в развитие вопросов конкуренции, конкурентной среды, конкурентоспособности экономических субъектов внесли такие ученые, как Л.И. Абалкин, И. Ансофф, М.И. Гельвановский, Ф. Котлер, В.С. Мисаков, М. Портер, Н.Я. Петраков, В.М. Полтерович, К.К. Прахалад, П. Самуэльсон, А.З. Селезнев, Дж. Стиглиц, Е.Г. Ясин.

Вопросами формирования институтов развития и экономического механизма управления отраслями лесного сектора экономики занимались известные зарубежные и отечественные ученые, экономисты, такие как А.В. Антонов, Н.А. Бурдин, П.Т. Воронков, В.Е. Леванов, А.Э. Клейнхоф, Н.И. Кожухов, Н.А. Моисеев, А.П. Петров, В.Н. Петров, М.М. Орлов, А. Benham, P. Bogasson, L. Carlsson, G. Eliasson, B. Lehmbruch, S. Nilsson, D. North, R. Oakerson, E. Ostrom.

Конкурентоспособность – это предопределяемое совокупностью факторов положение товаропроизводителя на внешних и внутренних рынках, отражаемое через совокупность показателей (индикаторов).

¹ Латышева Наталья Валерьевна (Россия, г. Вологда) – старший лаборант, Вологодский научный центр РАН.

Россия – страна с крупнейшими в мире лесными ресурсами и слабо реализованным потенциалом лесопромышленности. Формальные подсчеты оценивают ресурсы нашей древесины (82 млрд м³) на уровне более 21% общемирового расчетного запаса леса на корню. В то же время доля российской лесной промышленности в мировых показателях заметно меньше, так как она ориентирована на экспорт лесопроductии с низкой добавленной стоимостью. В настоящее время предпринимаются шаги по изменению структуры лесоэкспорта в направлении увеличения доли продукции с более высокой долей добавленной стоимости, что предполагает необходимость изучения конкурентной среды на мировом рынке [3, с. 52].

Последние два десятилетия политических и экономических реформ показали, что лесопромышленный комплекс России трудно адаптируется к рыночным отношениям и требованиям мировых рынков. Лесопромышленный комплекс не является приоритетом национальной экономической политики. Минэкономразвития РФ отмечает следующие основные причины неудовлетворительного функционирования отрасли: неэффективное лесопользование; истощение ресурсной базы в регионах лесозаготовок; непрозрачность рынков деловой древесины и пиломатериалов; большие расстояния между предприятиями по переработке лесных ресурсов и сырьевой базой; недостаточная степень переработки лесосырья и низкая производительность труда [4].

Имеются многие, в значительной степени схожие «наборы» причин: неясность финансового климата; пробелы в законодательной базе; большой уровень незаконного оборота древесины; истощение ресурсной базы в более доступных зонах; малоразвитая лесная инфраструктура; устаревшая производственная база; нехватка мощностей по глубокой переработке древесины; низкий уровень рентабельности многих компаний лесозаготовительной и деревообрабатывающей индустрии; недостаток кредитных ресурсов и отсутствие заинтересованности к отрасли со стороны кредитно-финансовых организаций.

Таким образом, предпосылки в виде необходимости учета общественных и коммерческих ценностей лесов при ведении экономической деятельности, рассмотренное формирование институциональных основ лесопользования и причины неудовлетворительного функционирования лесной отрасли актуализируют потребность в разработке организационно-экономического механизма развития конкурентной среды в лесной промышленности регионов. Представляется очевидным, что в первую очередь за счет действия такого механизма возможно использование лесов в соответствии с концепцией устойчивого развития. Как указал Н.А. Моисеев, процесс воспроизводства лесных ресурсов необходимо рассматривать в контексте формирования и функционирования рыночной среды. Он отметил, что воспроизводство – это непрерывный процесс, требующий непрерывного возобновления производства, которое немислимо без других сопряженных стадий, включая обмен, распределение и потребление [3, с. 54].

В наше время приоритеты формирования лесной промышленности зафиксированы только в некоторых региональных стратегиях и нормативно-правовых актах, затрагивающих социально-экономическое развитие субъектов Северо-Западного федерального округа.

Нормативно-правовая база и институты по формированию рыночной конкурентной среды в лесной промышленности Северо-Западного федерального округа практически отсутствуют. Отдельные акты и институты, в область регулирования которых входит конкурентная среда, не имеют отраслевой специфики и ставят такие задачи в этом направлении, как увеличение роли малого и среднего бизнеса, понимание участниками рынка единых четких правил, поддержка приоритетных направлений экономического развития и другие задачи, абстрагированные от конкретных мер.

Мерами государственной политики по развитию конкурентной среды в лесной промышленности регионов Северо-Западного федерального округа являются проведение аукционов по продаже леса на корню и предоставлению лесных участков в аренду (наиболее активная политика в Вологодской области), включение инвестиционных проектов по освоению лесов в перечень крупных приоритетных (эффективнее реализуется в Республиках Карелия, Коми и Архангельской области) и контроль территориальных органов Федеральной антимонопольной службы за соблюдением антимонопольного законодательства в лесной отрасли. Из них наиболее действенными считаем последние две в силу их прямого воздействия на участников лесопромышленного рынка [1, с. 87].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вохмянин, И.А. Оценка конкурентоспособности лесных комплексов территорий [Текст] / И.А. Вохмянин // Проблемы развития территории. – 2017. – № 2. – С. 77–91.
2. Забота о будущем лесов России [Текст] // Эксперт. – 2016. – № 45–46 (1007). – С. 63.
3. Моисеев, Н. А. Экономика лесного хозяйства: учеб. пособие / Н. А. Моисеев. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. – С. 64.
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

Состояние социальной сферы сельских территорий Северо-Западного федерального округа

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-32-01057.

Аннотация. В работе представлены основные результаты исследования состояния социальной сферы сельских территорий Северо-Западного федерального округа. Рассматриваются как демографическая ситуация, так и проблемы сферы жизнеобеспечения (здравоохранение, образование, личное потребление и т. д.).

Ключевые слова: социальная сфера, сельские территории, городские территории, муниципальные районы, Северо-Западный федеральный округ.

В постсоветский период сельские территории России находились в упадке, снижался их экономический потенциал, деградировала социальная сфера, что сопровождалось сокращением численности населения, в том числе и за счет миграционной убыли населения. В последние годы в России отмечается повышение внимания органов власти к развитию сельских территорий России, о чем свидетельствует, в частности, принятие и реализация Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Однако возникает вопрос о том, насколько последовательны и достаточны предпринимаемые органами исполнительной власти меры по улучшению социально-экономической ситуации на селе. Неблагоприятная социально-экономическая ситуация делает актуальной с научной и практической позиций оценку социальной сферы сельских территорий.

Для исследования состояния социальной сферы села среди муниципальных образований СЗФО выделено 74 района, которые нами условно отнесены к сельским территориям², из них 34 района характеризуются долей сельского населения в 100% и 40 районов, в которых доля сельского населения составляет от 51 до 99%. В Мурманской области территории, соответствующие критериям отнесения к сельским, отсутствуют. Доля сельских жителей районов области в 2014 г. составила 7% от всего населения муниципальных районов региона.

Общая демографическая ситуация в СЗФО. В 2014 г. рассматриваемый федеральный округ насчитывает 9 регионов, в которых проживает 13,8 млн чел., что составляет 9,5% населения страны. Доля населения, проживающего в муниципальных районах СЗФО, составляет 26% от общей численности населения округа. По данным переписи населения

¹ Лихачева Татьяна Николаевна (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

Калашников Константин Николаевич (Россия, г. Вологда) – к.э.н., научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

² Согласно подходу ОЭСР, сельские территории характеризуются долей сельского населения от 50%.

2010 г., в СЗФО насчитывалось 1171 сельское поселение, из которых 45% – с численностью менее 1000 человек, с общим числом жителей 2 026 899 человек.

Демографическая ситуация в округе типична для европейских регионов России и в целом неблагоприятна. Отмечается сокращение численности (за анализируемый период – на 218 тыс. чел., или на 6%), а также рост миграционной убыли населения (с 14 до 16 тыс. чел.). Эти процессы наблюдались почти повсеместно, однако «глубина» их проявления различалась в зависимости от типа территорий. В сельских территориях СЗФО сложилась особенно сложная ситуация («вымирание» российского села) вследствие значительного сокращения численности (на 119 тыс. чел. – 9%) и увеличения миграционной убыли селян (с 8 до 11 тыс. чел.). Имеет место превышение числа смертей над числом рождений как на сельских, так и на городских территориях СЗФО [4].

В связи с демографическими проблемами и экономическим упадком усугубляется одна из актуальных и важных проблем села – кадровое обеспечение. Отмечается устойчивое сокращение численности работников в сельских территориях. За рассматриваемый период (2010–2014 гг.) среднесписочная численность работников организаций муниципальных районов СЗФО сократилась на 9% (72 тыс. чел.). Данная тенденция прослеживается по всем муниципальным районам Северо-Запада. В отдельных группах районов, в процентном соотношении, наибольшая убыль отмечена на сельских территориях (сокращение на 23,2 тыс. чел. – 10%), наименьшая в районах с преобладанием городских жителей (сокращение на 9,7 тыс. чел. – 6%).

Общее состояние социальной сферы сельских территорий СЗФО. Помимо ухудшения демографических характеристик сельских территорий также вызывает серьезные опасения состояние социальной сферы. Социальная сфера – это совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние, потребление. К социальной сфере относят прежде всего сферу услуг (образование, культуру, здравоохранение, социальное обеспечение, физическую культуру, общественное питание, коммунальное обслуживание, пассажирский транспорт, связь) [8].

Привлечение молодых семей и молодых специалистов на сельские территории является одним из приоритетных направлений федеральных [11] и региональных программ, реализуемых в России, нацеленных на устойчивое развитие села. Для этого разработан ряд мероприятий по созданию комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности. Одним из них является предоставление социальных выплат на строительство или приобретение жилья.

Следует отметить, что за исследуемый период (с 2010 по 2014 г.) в районах СЗФО наблюдается значительное увеличение ввода площади жилых помещений (увеличение на 1 млн м² – 70%). Наибольший прирост показателя отмечен на городских территориях (на 707,2 тыс. м² – 75%). В районах, где преобладает число сельских жителей, увеличение составило 358,3 тыс. кв. метров (63%).

Тем не менее при реализации отдельных региональных подпрограмм обнаружены факты нарушений. Например, в Вологодской области за 2014–2015 гг. расходы областно-

го бюджета на реализацию мероприятий подпрограммы составили 456,8 млн руб., или 84,9% утвержденных расходов. Несмотря на это, отдельными муниципальными образованиями (Великоустюгский, Верховажский, Вологодский, Грязовецкий, Кадуйский, Кичменгско-Городецкий, Череповецкий, Шекснинский муниципальные районы) в отчетные годы не были достигнуты целевые показатели результативности предоставления субсидий по вводу в эксплуатацию 18 объектов социальной и инженерной инфраструктур населенных пунктов с общим объемом субсидий из областного бюджета 165,1 млн руб. [2].

Одной из важных проблем сельских территорий России является недостаточный уровень обеспечения врачами и качество предоставляемых медицинских услуг. В целом по районам СЗФО показатель «число врачей всех специальностей (без зубных)» за рассматриваемый период (2010–2014 гг.) сократился на 5% (760 чел.). Наибольшее сокращение отмечено в районах, где преобладает число городских жителей (сокращение на 6% – 650 чел.), наименьшее – на сельских территориях (сокращение на 4% – 110 чел.). При этом наблюдается сохранение уровня обеспечения врачами, как на городских, так и на сельских территориях (4 и 3 чел. на 1000 чел. населения соответственно). Отметим, что данный уровень обеспечения медицинским персоналом районов СЗФО является крайне низким. Несмотря на то что наличие регламента по значению данного показателя отсутствует, тем не менее, существуют средние нормативы объема медицинской помощи. По России норма объема скорой медицинской помощи в год составляет 0,3 вызова на одно застрахованное лицо, а предоставление медицинской помощи в амбулаторных условиях – 2,3 посещения на 1 застрахованное лицо в год. Значения данных показателей нашли отражение и в региональных программах.

Несмотря на то что органы исполнительной власти ставят проблему кадрового дефицита в медицинских организациях региона в перечень приоритетных, действия по изменению положения дел пока не привели к заметным результатам (программа «Земский доктор»). Выбранная стратегия в своей основе является конструктивной, тем не менее выявленные тенденции свидетельствуют о необходимости активизации действий в рамках данной работы [3].

Значение показателя «число больничных коек» в динамике за рассматриваемый период (2010–2013 гг.) по муниципальным районам СЗФО сократилось на 8% (3,1 тыс. ед.). Уровень обеспечения населения по данному показателю остался на прежнем уровне (10 ед. на 1000 чел. нас.). Это также является недостаточным. Наибольшее сокращение числа коек наблюдается на сельских территориях (сокращение на 18% – 2,4 тыс. ед.). На городских территориях сокращение показателя составило 3% – 0,7 тыс. ед.

Причиной сложившейся ситуации являются активно реализованные принципы реструктуризации здравоохранения в России во второй половине 2000-х гг., что привело к сокращению обеспеченности населения стационарной медицинской помощью. Методические подходы к оценке эффективности органов государственной власти были разработаны на основе Указов Президента РФ с учетом допущения, что сокращение стационарного звена здравоохранения способствует повышению качества, доступности и эффективности управления в отрасли [5; 6; 7].

Плановые проверки эффективности оптимизации сети государственных и муниципальных учреждений социальной сферы, проведенные в 2013–2014 гг. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (аудит затронул Челябинскую, Пензенскую, Самарскую, Ярославскую, Вологодскую, Астраханскую, Ростовскую области, Республику Башкортостан, Забайкальский край), выявили грубые нарушения в реализации принятых программ и снижение доступности и качества медицинской помощи, при этом оптимизационные мероприятия, обеспечив закрытие учреждений, не позволили сформировать финансовые резервы [9]. Дальнейшее сокращение числа стационарных мест и медицинского персонала крайне негативно отразится на качестве предоставляемой медицинской помощи, своевременности диагностики заболеваний и в целом на уровне здоровья населения [10].

На сегодняшний день в условиях перехода страны к инновационной экономике от людей все больше требуются новые профессиональные качества [11], что обуславливает необходимость сохранения и приумножения возможности доступа сельских жителей к качественному образованию. Именно эта причина является одной из ключевых мотивов оттока сельского населения. Анализ уровня образования населения, проживающего в муниципальных районах СЗФО (согласно переписи населения в 2010 г.), показывает, что наибольшая доля населения имеет среднее профессиональное образование (1340 тыс. чел. – 38%). В связи с этим тревожный симптом – сокращение числа школ в сельской местности России (с 2008 по 2013 г. более чем на 12 тыс.). Это является следствием стремления к экономической эффективности жизненно важной инфраструктуры в ущерб доступу населения к этим важнейшим социальным услугам, что фактически ведет к нарушению конституционных прав жителей села на медицинскую помощь и образование [11].

Формирование и развитие человеческого потенциала территорий также зависит от культурного облика, менталитета их жителей. Формирование личности зависит от духовно-нравственного и эстетического воспитания, данную функцию отчасти выполняют организации культурно-досугового типа, решающие различные социально-значимые задачи. Число организаций культурно-досугового типа муниципальных районов СЗФО в течение исследуемого периода (2010–2014 гг.) постепенно сокращается как в количественном, так и в качественном выражении (1,3 тыс. ед. – 56%). Данная тенденция отмечена во всех районах СЗФО. Уровень обеспечения населения организациями культурно-досугового типа на 2014 г. в районах СЗФО весьма низкий (не превышает единицы на 1000 чел. нас.) как в целом по муниципальным районам СЗФО, так и по отдельным группам территорий.

Один из основных факторов, влияющих на развитие человеческого потенциала, – уровень личного потребления населения, который определяется объемом поставляемых на рынок продуктов питания. Динамика объема производства продукции сельского хозяйства, а также оборота общественного питания и розничной торговли за изучаемый период (2010–2014 гг.) в целом по муниципальным районам характеризуется ростом показателей (64 млрд руб. – 56%; 2 млрд руб. – 32%; 42 млрд руб. – 87% соответственно). Максимальное увеличение показателей зафиксировано в районах с преобладанием числа городских жителей.

В 2014 г. главными проблемными зонами являлись: демографическая ситуация, экологическая безопасность, обеспечение населения культурно-досуговыми организациями и материальное обеспечение. Это позволяет сделать вывод о необходимости концептуального пересмотра направлений развития сельских территорий, прежде всего в социальной сфере и сфере жизнеобеспечения.

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать принятые государством ориентиры демографического развития сельских территорий как недостаточные даже для сохранения численности населения, не говоря уже о возможностях положительной динамики. Изменение ситуации в лучшую сторону требует кардинального пересмотра ориентиров и качественного наполнения государственных программ развития села [4]. Остановить процесс сокращения сельского населения можно лишь за счет принципиальных сдвигов в улучшении условий жизни на селе и при пересмотре демографической политики государства [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский, В.Н. Основные результаты пилотного исследования «Семья и рождаемость» / В.Н. Архангельский, О.И. Антонова, С.Ю. Никитина // Вопросы статистики. – 2006. – № 10. – С. 3–5.
2. Информация о результатах контрольных мероприятий, проведенных КСП в пределах ее полномочий [Электронный ресурс] : коллегия № 16 (222) от 15 декабря 2016 года. – Режим доступа: http://www.kspvo.ru/general/colleague/report_details.php?ELEMENT_ID=1448. – Дата обращения 21.01.2017.
3. Калашников, К.Н. Проблемы дефицита медицинских кадров в сельских территориях / К.Н. Калашников, Т.Н. Лихачева // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 2 (37). – 15 с.
4. Лихачева, Т.Н. Демографический прогноз численности сельского населения Северо-Западного федерального округа / Т.Н. Лихачева, А.В. Короленко, К.Н. Калашников // Проблемы развития территории. – 2016. – № 6 (86). – С. 112–131.
5. Мероприятия по реализации государственной социальной политики [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>. – Дата обращения 18.09.2016.
6. Показатели для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 года № 825. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25729>. – Дата обращения 25.11.2016.
7. Показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [Электронный ресурс] : утв. указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121454>. – Дата обращения 10.01.2017.

8. Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Б.. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999, 479 с.
9. Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс] : счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания. – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297. – Дата обращения 14.04.2016.
10. Торопушина, Е.Е. Приоритеты политики в сфере охраны здоровья северного региона / Е.Е. Торопушина // Экономические и социальные перемены. – 2012. – № 1 (19). – С. 90–99.
11. Устойчивое развитие сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : концепция утв. распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2008 года № 2136-р. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107793/. – Дата обращения 08.04.16.
12. Чекмарева, Е.А. Теоретико-методологические основы исследования человеческого потенциала сельских территорий / Е.А. Чекмарева, К.А. Устинова, Т.Н. Лихачева // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – 17 с.

Формирование конкурентной среды в приграничном регионе (на примере российско-финского взаимодействия)

Аннотация. В современных условиях наблюдается устойчивая тенденция к усилению конкурентных отношений между территориями. Особое значение отводится приграничным регионам. Одним из наиболее важных приоритетов в развитии приграничных территорий является установление сотрудничества с сопредельными государствами. Основное внимание в рамках данного исследования уделяется анализу приграничных территорий России и Финляндии. Исследование заключается в проведении анализа и оценки ряда экономических и социальных показателей развития регионов различных государств с разной экономической политикой. Особое внимание уделяется периоду введения санкций в отношении России. Основным объектом исследования является уровень экономического развития приграничных регионов (Россия – Финляндия), оцениваемый по различным экономическим и социальным показателям. Таким образом, сравнительный анализ экономических и социальных показателей приграничных территорий России и Финляндии позволит выявить как специфические, так и схожие особенности экономического и социального развития. В результате исследования основных социально-экономических показателей развития можно составить общую картину социально-экономического развития приграничных регионов в динамике, что в дальнейшем поможет определить и прогнозировать возможные направления для социально-экономической политики, проводимой государством.

Ключевые слова: дифференциация регионов, приграничные регионы, региональное развитие, экономический потенциал.

Система международных экономических отношений претерпевает изменения, что связано с изменениями, происходящими не только в отдельной экономической системе, но и в мировой экономике в целом. Международное приграничное сотрудничество является одним из важных направлений реализации государственной политики Российской Федерации. Оно приобретает более важное значение в условиях глобализации в связи с интеграцией национальных и региональных рынков в мировое сообщество.

Особую роль в международных отношениях играет сотрудничество между национальными экономиками, в частности, в сопредельных регионах. В этом отношении наиболее интересной является Финляндия, с которой Россия всегда поддерживала экономические и хозяйственные отношения. Правовая основа данного трансграничного сотрудничества – заключенное в 1992 году межправительственное Соглашение о сотрудничестве Мурманской области, Республики Карелия, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Основной целью исследования является проведение анализа развития приграничных территорий двух сопредельных национальных экономик (Россия и Финляндия).

¹ Морошкина Марина Валерьевна (Россия, г. Петрозаводск) – д.э.н., ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики Карельского научного центра РАН.

В рамках поставленной цели объектом исследования являются приграничные регионы, а соответственно предметом исследования процесс социально-экономического развития данных территорий [1]. Поставленная в исследовании цель предполагает решение отдельных исследовательских задач, которые будут рассмотрены:

- исследование динамики развития приграничных территорий России;
- исследование динамики развития приграничных территорий Финляндии;
- определение значимых показателей, которые определяют уровень социально-экономического развития исследуемых территорий;
- определение специфических и однородных показателей развития приграничных регионов.

В рамках исследования проведен анализ и оценка ряда экономических и социальных показателей развития приграничных регионов различных государств с разной экономической политикой [2].

Информационная база исследования включает данные статистических ведомств РФ и Финляндии, а также статистические данные, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях и представленные на интернет-сайтах.

В качестве базовых и статистических источников информации использовались данные и материалы:

- правительственных органов Российской Федерации (Минэкономразвития России, МИД РФ, Российской академии госслужбы при Президенте РФ);
- государственных органов Финляндской Республики (Государственного Статистического управления Финляндии, Центрального банка Финляндии);
- международных организаций (ООН, МВФ, МБРР, Всемирного экономического форума (ВЭФ) – WEF, International Institute for Management Development (IMD), Международной финансовой Корпорации – IFC и др.);
- интернета.

Экономика России и Финляндии сильно отличается по большинству экономических и социальных показателей. Всемирный экономический форум определяет национальную конкурентоспособность отдельной национальной экономики, как способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе. Рассчитан по методике Всемирного экономического форума World Economic Forum [5].

В Отчете о глобальной конкурентоспособности 2015–2016, опубликованном Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), отмечается, что «Россия улучшила показатели на 8 позиций по сравнению с прошлым годом, что объясняется в основном значительным пересмотром МВФ оценок паритета покупательной способности валют, который привел к 40-процентному увеличению ВВП России, в оценках по ППС» [6].

Таблица 1. Рейтинг конкурентоспособности

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Финляндия	6	6	7	3	3	3	4	8
Россия	51	63	63	66	67	64	53	45

В условиях глобализации и интеграционных процессов регионы, так же как национальные экономики, становятся полноценными субъектами в межрегиональных и международных отношениях. Они находятся в состоянии конкурентной борьбы за рынки сбыта и капитал и т. д. В рамках существующего положения большое значение имеет географическое положение территорий, уровень и специфика внешнеэкономических связей, наличие в регионе ресурсов. Удобное расположение регионов является основой для развития внешнеэкономических отношений, что дает им возможность компенсировать их удаленность от основных экономических центров страны. Отдельного внимания заслуживают приграничные регионы, которые, с одной стороны, рассматриваются как потенциальные «точки роста», имеющие перспективы и условия для развития, а с другой стороны, обладают рядом проблем, связанных с высокой затратоемкостью производства и низкой рентабельностью предприятий в результате их территориальной удаленности от экономически развитых регионов.

В результате проводимое исследование приграничных территорий позволит оценить влияние ряда экономических процессов и факторов, таких как процессы интеграции и глобализации, факторы политического геополитического свойства и многих других. Приграничные территории Северо-Западного федерального округа и Финляндии рассматриваются в качестве объектов исследования.

Финляндия граничит с тремя областями РФ:

- провинция Лапландия (Lappi – Lappland – Lapland) граничит с Мурманской областью;
- провинции Похьойс-Похьянмаа (Pohjois-Pohjanmaa – Norra Österbotten – North Ostrobothnia), Кайнуу (Kainuu – Kajanaland), Похьойс-Карьяла (Pohjois-Karjala – Norra Karelen – North Karelia), Этеля Карьяла (Etelä-Karjala – Södra Karelen – South Karelia) граничат с Карелией;
- провинции Итя-Уусимаа (Uusimaa – Nyland) и Кюменлааксо (Kymenlaakso – Kymmene) граничат с Ленинградской областью.

Исследование качественных и количественных показателей развития исследуемых государств определяется ресурсным потенциалом и прежде всего зависит от динамики общей численности населения.

Исследование экономических и социальных показателей по приграничным регионам России и Финляндии проводится по зонам приграничья. Таким образом, рассматривается три зоны приграничья:

Зона 1 – Лапландия, Мурманская область;

Зона 2 – Похьойс-Похьянмаа, Кайнуу, Похьойс-Карьяла, Этеля Карьяла, Карелия;

Зона 3 – Уусимаа, Кюменлааксо, Ленинградская область.

Представленные статистические данные за 2013 г. по исследованию пограничных регионов фиксируют незначительную дифференциацию данных территорий по численности населения. Следующим аспектом, характеризующим территориальное развитие приграничных регионов, являются показатели, связанные с производственной деятельностью. Трудовые ресурсы представляют собой часть населения страны, которая занята в экономике или не занята, но способна к труду по возрасту и состоянию здоровья.

Таблица 2. Сравнительный анализ приграничных регионов России и Финляндии по численности населения (Численность ..., 2014, Statistical...2014)

Финляндия			Россия	
Регионы Финляндии	население на 31.12.2014	Население на 31.12.2014	Численность населения	Регионы России
Uusimaa – Nyland	1 603 388	1 766 318	1 769 700	Ленинградская область
Kymenlaakso – Kymmenedalen	179 858			
Etelä-Karjala – Södra Karelen – South Karelia	131 764	780 959	633 500	Республика Карелия
Pohjois-Karjala – Norra Karelen – North Karelia	165 258			
Kainuu – Kajanaland	79258			
Pohjois-Pohjanmaa – Norra Österbotten – North Ostrobothnia	405 397			
Lappi – Lappland – Lapland	181 748	182 844	768 700	Мурманская область

Таблица 3. Уровень безработицы (в процентах)

	2000	2001	2003	2005	2007	2008	2009	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация	10,6	9,1	8,2	7,1	6,1	6,3	8,4	6,5	5,5	5,5	5,2
Финляндия	9,8	9,1	9,0	8,4	6,9	6,4	8,2	7,8	7,7	8,2	8,7

Источник: данные Росстата.

Другим показателем, характеризующим состояние рынка трудовых ресурсов, является уровень безработицы. Безработица в России на протяжении последних лет имеет устойчивые тенденции к снижению. На начало 2011 года она составляла 7.8%, в настоящее время – около 5.4%. С начала осени 2014 года и до начала 2015 года наблюдался рост безработицы ввиду сокращений персонала, сложившихся структурных изменений в экономике. В начале 2014 года безработица держалась на том же уровне, что в последние месяцы 2013 года (табл. 3).

Уровень безработицы Финляндии по итогам 2013 г. вырос с 7,7% (в 2012 г.) до 8,2%. Это связано с тем, что в условиях рецессии многие ведущие компании были вынуждены сокращать число сотрудников. В 2013 г. количество занятого трудоспособного населения сократилось до 68,5% (в 2012 г. – 69,0%).

В отношении приграничных регионов можно предположить что уровень безработицы в целом будет соответствовать среднесоциальному уровню, однако на данный показатель определенное влияние будет оказывать динамика данного показателя сопредельного государства. В нашем случае приграничные регионы Финляндии оказываются под влиянием экономических процессов, происходящих в Российской экономике, и наоборот (табл. 4).

Ленинградская область показывает низкий уровень безработицы, данный факт скорее связан с близким расположением крупного мегаполиса Санкт-Петербурга. В целом российские приграничные регионы показывают более высокий уровень безработицы, чем в целом по России. Данный процесс может быть связан с удаленностью данных территорий

Таблица 4. Уровень безработицы (в процентах)

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Uusimaa – Nyland	6,3	5,4	5,8	6,5	6,6	6,2	5,5	5,2	4,9	6,2	6,3	5,8	6,3	6,7
Kyumenlaakso – Kymmenedalen	12,2	9,5	10,1	10	9,1	8,7	9,1	7	7,7	7,9	11	10,6	7,5	9,4
Ленинградская область	9,6	6,9	7	8,7	6,8	7,2	5,9	4	6	7,2	5,2	4,3	3,2	4,3
Etelä-Karjala – Södra Karelen – South Karelia	10,3	9,3	11,4	9,3	9,4	9,6	9,3	8,7	6,6	10,7	10,1	9,7	6,8	7,9
Pohjois-Karjala – Norra Karelen – North Karelia	15,1	14,8	15,5	15,1	14,5	13,1	10,4	12,5	10,7	13	12,5	12,3	11,7	12,5
Kainuu – Kajanaland	19,4	17,7	16,5	17	17,5	16,6	17,1	15,7	11,2	9,3	9	8,3	11,4	11,5
Pohjois-Pohjanmaa – Norra Österbotten – North Ostrobothnia	11,7	12	13	11,5	10,5	10,3	9,8	8,2	8,3	10	10,2	8,7	9,6	9,9
Республика Карелия	11,3	8,7	7,9	8,4	7,3	8,8	3,6	6,2	8,4	10	9,3	8,4	7	8,2
Lappi – Lappland – Lapland	17,6	16,3	16,2	15,6	12,9	14	12,4	10,9	9,9	11,6	11,3	10,2	10,4	10,5
Мурманская область	13,4	12,8	10,2	10,2	11	8,7	6,7	6,5	7	7,6	8,6	8,6	7,7	7,2

от основных рынков страны, что приводит к сужению производственной структуры, и наличие границы не обеспечивает снижение уровня безработицы в рамках исследуемых территорий.

В результате исследование основных социально-экономических показателей развития приграничных регионов позволит составить общую картину социально-экономического развития трансграничных регионов в динамике, что в дальнейшем поможет выявлять и прогнозировать возможные направления для социально-экономической политики, проводимой государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлова Д., Котилко В. Проблемы безопасности экономики России и стран содружества // Экономист, 1997, № 7, с. 74.
2. Корчагин Ю.А. К 72 Современная экономика России / Ю.А. Корчагин. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008.– 670 с. – (Высшее образование).
3. Индекс глобальной конкурентоспособности \ \ <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> 12/02/2016
4. РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20150930/1292605257.html#ixzz3zxBFc6fL>

5. Розанова Л.И., Морошкина М.В. Инвестиционная диагональ в распределении иностранного капитала в России Теоретическая и прикладная экономика. 2013. № 2. С. 193–204.
6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 году: Стат.сб./ Росстат. М., 2013. – 150 с.
7. Statistical Yearbook of Finland 2013 Painopaikka – Tryckeri – Printed by: Edita Prima Oy, Helsinki, 2013, – 400 p.
8. Валовой региональный продукт // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts. Дата обращения [02.09.2015]
9. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб. / Росстат. М., 2012, 786 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели, том 2, 2013: Стат. сб. / Гокомстат. - М., 2013, - 344.

Проблемы и направления повышения эффективности сельской экономики на примере лесного сектора Республики Коми

Аннотация. В работе изучена зависимость социально-экономического благополучия муниципалитетов региона от эффективности функционирования лесного сектора. Обозначена его ключевая проблема развития, проведена оценка эффективности функционирования. Предложены направления модернизации.

Ключевые слова: лесной сектор, сельская экономика, эффективность.

Социально-экономическое благополучие многих муниципальных образований (МО) Республики Коми (РК) напрямую зависит от эффективности функционирования лесного сектора, одного из системообразующих промышленность региона. Из 720 населенных пунктов (НП) республики лесозаготовительную основу имеют 159, или 22%, однако в них проживает 70,6% жителей, поэтому роль лесного сектора (ЛС) в их развитии остается важной, особенно для сельских НП, где порой она является единственным источником формирования экономической базы. Поэтому оценка эффективности его деятельности, выявление существующих проблем и направлений ее повышения приобретают особую актуальность.

Несмотря на роль ЛС в экономике региона, выгоды, получаемые от его деятельности, незначительны по сравнению с их возможным потенциалом. Доля лесозаготовительной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности республики в валовом региональном продукте в последние годы составляла 1–1,1% (рассчитано по авторской методике Шишеловым М.А.), что превышает показатель по России в целом, но существенно уступает значениям развитых лесопромышленных стран: Финляндии – 4,1% [1] и Канады – 1,25% [2].

В последние годы предприятия комплекса стабильно отгружали готовую продукцию более чем на 50 млрд руб. ежегодно, при этом обеспечивая занятость 16–17 тыс. чел. Как и во многих других лесных регионах Российской Федерации, основной объем производства лесопромышленной продукции в РК приходится на достаточно узкий круг предприятий. Две трети суммарного объема вывозки древесины по региону в 2016 г. формировали менее чем 5% организаций, а 99% отгруженной продукции приходилось на 17 крупнейших предприятий лесозаготовительной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отрасли ЛС республики.

Проведенная в 2014–2015 годах авторами работы оценка потенциала развития населенных пунктов РК и сопутствующий ей анализ размещения лесопромышленной деятельности позволили типизировать муниципальные районы и городские округа и выде-

¹ Носков Владимир Александрович (Россия, г. Сыктывкар) – к.э.н., младший научный сотрудник, ФГБУН Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

Шишелов Максим Александрович (Россия, г. Сыктывкар) – к.э.н., научный сотрудник, ФГБУН Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

лить преобладающую их специализацию (табл. 1), а также выявить ключевую проблему регионального ЛС: «неоптимальную пространственную организацию и, как следствие, недостаточный социально-экономический эффект в муниципальных образованиях», проявляющуюся в значительной асимметрии развития лесопромышленной деятельности со сверхконцентрацией лесопереработки в г. Сыктывкар (ЦБП, плитные и фанерные производства, производство пиломатериалов) – здесь формируется более 85% отгруженной продукции сектора и представлено максимальное количество видов лесной деятельности по кодам ОКВЭД.

Важнейшей тенденцией пространственной организации лесоэкономической деятельности в РК являются два связанных между собой процесса. С одной стороны, процессы локализации лесопромышленной деятельности усиливаются на муниципальном и поселенческом уровнях, при этом создается все больше цепочек «лесозаготовка–лесопереработка–потребление», что ведет к формированию новых центров по переработке древесины в муниципальных районах, наиболее крупные из которых позволяют формировать устойчивый каркас лесопромышленной деятельности и играют градообразующую роль в населенных пунктах.

С другой стороны, растет глубина переработки древесины (развитие лесопиления, биоэнергетики), и, как следствие этого, снижается зависимость от главного центра пере-

Таблица 1. Лесоэкономическая основа муниципалитетов Республики Коми*

Городские округа и муниципальные районы	Всего лесных предприятий	Количество предприятий, всего			В том числе ИП	Количество видов деятельности по кодам ОКВЭД
		лесного хозяйства и производства недревесных ресурсов леса, ед.	занимающихся лесозаготовкой, ед.	занимающихся переработкой древесины, ед.		
Городские округа	459	37	230	192	5	25
Ядро лесопромышленной деятельности – ГО «Сыктывкар»	449	37	226	186	2	23
ГО с развитым ТЭК	10	0	4	6	3	4
Муниципальные районы	508	48	327	133	182	8
«Лесные» МР с развитой лесозаготовкой	369	28	235	106	128	6
МР с профилирующей лесопереработкой	71	8	44	19	38	5
МР «нелесной» специализации или со слаборазвитой лесной промышленностью	68	12	48	8	16	3
Итого	967	85	557	325	187	25

* Рассчитано авторами (Оценка потенциала развития населенных пунктов Республики Коми).

работки древесины в Сыктывкаре. Именно переработка древесины создает дополнительные высокооплачиваемые рабочие места и вносит более существенный вклад в бюджеты муниципалитетов.

Создание крупных высокотехнологичных лесоперерабатывающих центров в лесозаготовительных районах позволяет производить продукцию с высокой добавленной стоимостью, при этом местные власти получают выгоду в виде снижения социальной напряженности, развития инфраструктуры, в том числе транспортной, энергетической, дополнительных налоговых отчислений в местные бюджеты. Выравнивание в качестве жизни между сельским и городским населением невозможно без восстановления на новой технологической основе градообразующей роли ЛС в удаленных районах.

Оценка эффективности ЛС сельской экономики муниципальных образований РК выполнялась на основе метода интегрирования первичных показателей – рейтинговая оценка, разработанная в ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН. Использование данного подхода потребовало формирования набора показателей, отражающих, с одной стороны, эффективность самого сектора, с другой стороны, его влияние на социально-экономическое положение муниципальных образований. Кроме этого, принимая во внимание асимметрию ЛС республики, важно учитывать индивидуальные особенности пространственного размещения предприятий сектора в каждом сельском районе.

Основные результаты интегральной оценки в виде средних и предельных значений показателей, отражающих дифференциацию лесного потенциала республики, приведены в *табл. 2*. В ней представлена комплексная характеристика ЛС сельских территорий, сгруппированных по сводным рейтингам.

Чем ниже значение интегрального показателя, тем выше эффективность сектора. Для учета социально-экономической эффективности лесного комплекса муниципальных образований учитывалась доля отгруженной продукции, доля от налоговых отчислений, доля от всех занятых. Для учета отраслевой эффективности использовались данные по производительности труда, выручке на куб. м. использованной древесины, коэффициент переработки. Для учета пространственной эффективности применялись показатели по локализации производства, количеству работающих лесных предприятий, а также их номенклатурное разнообразие выпускаемой продукции.

Анализ деятельности ЛС муниципальных образований, которые являются, прежде всего, сельскими территориями, показал их разную социально-экономическую, отрасле-

Таблица 2. Интегральная эффективность лесного сектора сельских территорий

Муниципальные районы	Социально-экономическая эффективность	Отраслевая эффективность	Пространственная эффективность
«Лесные» МР с развитой лесозаготовкой	6,6	9,7	7,2
МР с профилирующей лесопереработкой	7,2	7,4	5,9
МР «нелесной» специализации или со слаборазвитой лесной промышленностью	11,0	7,6	12,4

Составлено на основе данных Комистата и Министерства экономического развития Республики Коми.

вую и пространственную эффективность. Поэтому для каждой группы муниципальных районов необходимы свои направления модернизации ЛС экономики.

Диверсификация товарно-отраслевой структуры ЛС РК является одним из ключевых элементов его модернизации, т. к. позволяет значительно повысить его конкурентоспособность прежде всего за счет выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью и широкой номенклатуры, что является первой задачей этой модернизации. Второй задачей ставится модернизация и технологическое перевооружение производства, развитие инновационных производств по комплексной переработке сырья (лесохимия, биофармацевтика, биотопливо и др.).

В настоящий момент формируются новые «ядра» лесопромышленной деятельности в «лесных» муниципальных районах с развитой лесозаготовкой. Отдельные муниципальные районы переходят от поставщика древесины для ЦБП в Сыктывкаре к созданию полного цикла заготовки и переработки древесины. Эти проекты реализуются через механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. Построены и введены в эксплуатацию крупные лесоперерабатывающие производства в Троицко-Печорском районе (силами ООО «ПечораЭнергоРесурс» и ООО «Азимут»), в Прилузском районе (ООО «Лузалес»), Усть-Вымском районе (ООО «Лесозавод № 1»), которые полностью перерабатывают древесину с выпуском продукции с высокой добавленной стоимостью. Помимо традиционных пиломатериалов они выпускают клееные изделия (клееный брус, мебельный щит), топливные брикеты и пеллеты, продукцию лесохимии (эфирные масла и др.), элементы деревянного домостроения.

К муниципальным районам с профилирующей лесопереработкой относятся районы, где давно сформировались фанерные и плитные производства, работающие, прежде всего, на привозном сырье, в том числе на древесине, заготовленной за пределами РК. С учетом того, что данные производства сформировали моногорода, вопрос их эффективности критически важен для социально-экономического положения районов.

Поэтому для региона правильной стратегией развития таких производств является их модернизация, технологическое перевооружение. С другой стороны, важно найти для этих производств крупного стратегического партнера (инвестора), который бы смог включить их в свои продуктовые «цепочки». В последние годы ООО «Жешартский ЛПК» в Усть-Вымском районе стал составной частью промышленной группы компаний «Юнайтед Панел Групп», которая не только решила проблемы сбыта продукции через свои структуры, но и начала реализацию инвестпроекта по техническому переоснащению ООО «Жешартский ЛПК», который включен в федеральный перечень приоритетных инвестиционных проектов в сфере освоения лесов. После реализации данного проекта общая производительность ООО «Жешартский ЛПК» возрастет на 30%, в том числе планируется, что производство ламинированной фанеры повысится на 74%, плит МДФ – на 46%, белой фанеры – на 20%. Доля экспорта увеличится до 51%. На внутренний рынок выйдет новый вид продукции – дверные компоненты.

По аналогичному пути идет второе крупное плитное производство в этой группе муниципальных районов – «Княжпогостский завод ДПП» в г. Емва Княжпогостского района

РК, который после череды банкротств в 2009–2013 гг. был арендован компанией «Плитный мир», которая является одним из самых крупных в России дистрибьюторов плитных материалов. Предполагается, что «Плитный мир» со временем выкупит в собственность данное производство. Главное, что удалось сделать – снова запустить производство, выйти на оптимальные объемы и полностью решить проблему сбыта.

Благоприятное воздействие на социально-экономическое развитие данных муниципальных образований окажет отнесение Емвы к территориям опережающего социально-экономического развития, на которых установлен особый правовой режим ведения предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятной среды для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного развития экономики и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения. Планируется, что до конца 2017 года Жешарт как моногород со сложным социально-экономическим положением также войдет в группу территорий опережающего социально-экономического развития.

МР «нелесной» специализации или со слаборазвитой лесной промышленностью не имеют перспектив создания лесозаготовительных и лесоперерабатывающих производств даже регионального значения, тем не менее здесь могут успешно работать небольшие лесопильные и деревообрабатывающие предприятия, обслуживающие местное население.

Формирование крупных региональных центров переработки древесины путем диверсификации товарно-отраслевой структуры и поддержки приоритетных сегментов с учетом перехода на более высокие переделы и удовлетворение внутреннего спроса должны привести к увеличению прогнозных значений ключевых показателей развития ЛС республики. Прогнозируется рост продукции с более высокой добавленной стоимостью как в натуральном, так и в стоимостном выражении (табл. 3).

Таким образом, в ходе проведения исследования выполнена типизация муниципальных районов и городских округов РК. Обозначена ключевая проблема развития

Таблица 3. Прогнозные значения ключевых показателей развития лесного сектора Республики Коми в 2014–2025 гг.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.
Объем отгруженной продукции, млн руб.				
«Лесозаготовки»	3793,3	4034,8	4951,5	5256,2
«Обработка древесины и производство изделий из дерева»	15516,2	17117,0	22539,7	23955,0
«Производство целлюлозы, бумаги, картона и изделий из них»	34656,2	37643,0	42571,9	43874,4
Итого	53965,7	58794,8	70063,1	73085,6
Производство основных видов продукции				
Древесина необработанная, млн усл. куб. м	5,6	5,7	5,85	6,0
Пиломатериалы, млн усл. куб. м	0,715	0,721	0,795	0,810
Фанера клееная, млн усл. куб. м	0,330	0,340	0,343	0,347
Древесноволокнистые плиты, млн усл. кв. м	12,0	13,0	15,1	15,1
Древесно-стружечные плиты, млн усл. куб. м	0,340	0,380	0,400	0,420
Производство бумаги, тыс. тонн	752	760	770	780
Производство картона, тыс. тонн	263	285	289	290
* Данные Министерства развития промышленности и транспорта РК / Долгосрочный прогноз развития ЛПК до 2025 г.				

ЛС сельских территорий республики – неоптимальная пространственная организация, обуславливающая недостаточный социально-экономический эффект сектора для муниципальных образований. Проведена оценка эффективности ЛС сельской экономики муниципалитетов региона, выполненная на основе метода интегрирования первичных показателей, отражающая значительную дифференциацию лесного потенциала республики. Предложены направления модернизации ЛС экономики для каждого из типов районов.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 15-14-7-10 «Повышение эффективности сельской экономики северного региона» (2015–2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. НИИ леса Финляндии, служба лесной статистики Metinfo & Finnish Statistical Yearbook of Forestry 2013 // http://www.metla.fi/metinfo/tilasto/julkaisut/vsk/2013/vsk13_tunnuslukuja.pdf
2. The State of Canada's Forests: Annual Report 2014 // <http://cfs.nrcan.gc.ca/pubwarehouse/pdfs/35713.pdf>

Система показателей, характеризующих социально-экономические взаимосвязи между приграничными регионами

Аннотация. В России как в крупнейшей по территории стране мира социально-экономическая система приграничных регионов является важной составной частью народно-хозяйственного комплекса страны. Оптимальное взаимодействие между различными приграничными территориальными образованиями возможно лишь в условиях использования системного подхода и полного учета многообразия направлений и форм межрегиональных хозяйственных связей. В частности, весьма важно рассмотреть вопрос о разработке системы статистических показателей, на основе которых можно проанализировать существующую ситуацию и оценить динамику изменений в хозяйственном взаимодействии между разными приграничными регионами. В статье эти и им подобные проблемы рассматриваются в рамках формирования новых специальных разделов регионалистики, каковыми являются приграничная экономика и приграничная экология.

Ключевые слова: приграничные регионы, система показателей, социально-экономические взаимосвязи, межрегиональное взаимодействие, приграничная экономика.

Экономическая система приграничных регионов является важной составной частью экономики Российской Федерации, так же как и экономики ряда других государств на постсоветском пространстве (например, Харьковская, Сумская, Луганская и некоторые другие области Украины). Происхождение и генезис хозяйственной системы в различных приграничных регионах, как правило, существенно отличаются друг от друга, что в значительной мере объясняется особенностями природно-климатических условий развития территориальной экономики, спецификой ресурсного потенциала каждого региона, его географическим расположением и рядом других факторов.

Создание условий для оптимального взаимодействия между различными приграничными территориальными образованиями требует системного подхода и полного учета многообразия направлений и форм межрегиональных хозяйственных связей. В частности, крайне важно рассмотреть вопрос о разработке комплекса статистических показателей, на основе которых можно проанализировать динамику изменений в системе межтерриториальных взаимодействий, а также изучить проблему повышения эффективности между приграничными хозяйственными комплексами при переходе к рыночным отношениям и в процессе их развития. Эти и подобные вопросы исследуются в специальных разделах регионалистики, названных нами приграничной экономикой и приграничной экологией. Автор предлагает также сконцентрировать внимание на важных и в то же время малоизученных научных направлениях, таких как приграничная социология и при-

¹ Павлов Константин Викторович (Россия, г. Ижевск) – д.э.н., профессор кафедры экономики и управления Ижевского филиала Российского университета кооперации, профессор, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики.

граничная статистика. Таким образом, в данной статье рассматривается широкий спектр актуальных проблем функционирования и развития территориальных приграничных социально-экономических и экологических систем в условиях формирования развитых рыночных отношений.

Среди наименее изученных проблем теории региональной, в том числе межрегиональной, экономики как в теоретическом, так и в практическом аспекте являются проблемы анализа межрегиональных социально-экономических и экологических взаимодействий и взаимосвязей между приграничными регионами различных государств. С учетом актуальности создания условий для оптимального взаимодействия между приграничными территориальными образованиями разных стран в монографии рассматриваются разнообразные вопросы развития приграничной экономики, т. е., иначе говоря, вопросы эффективного развития приграничных регионов.

Россия как крупнейшая по занимаемой площади страна мира имеет также и очень протяженную границу. Наша страна граничит с большим числом государств: с дружественными в настоящее время с РФ (Беларусь, Казахстан, Китай) и с государствами, у которых во взаимоотношениях с Россией серьезные проблемы и разногласия как политического, так и экономического характера (Украина, Прибалтийские государства).

Все это определяет актуальность и значение исследования воспроизводственной системы в приграничных регионах. С учетом значительного количества находящихся на территории РФ регионов, имеющих приграничный статус, а также разнообразия политических, экологических, социальных и экономических условий и факторов развития приграничных территорий целесообразно интенсифицировать процесс изучения особенностей функционирования экономики приграничных регионов и выявления общих тенденций и закономерностей их развития.

В статье обосновывается необходимость выделения приграничной экономики (т. е. экономики приграничных регионов) как важного и перспективного направления регионалистики. Актуальность и необходимость интенсивного развития приграничной экономики определяются также и тем обстоятельством, что во многих других странах также имеется достаточно много приграничных территорий, например, в Китае, Украине и многих других государствах (особенно в крупных по занимаемой площади государствах, как правило, действует следующая закономерность: чем крупнее по размерам занимаемой территории страна, тем больше у нее число приграничных регионов, хотя это, конечно же, не единственный фактор, определяющий эту величину). Достаточно напомнить, что только Белгородская область России граничит сразу с тремя областями Украины – Харьковской, Сумской и Луганской. В статье обосновывается необходимость выделения также и других научных направлений регионалистики, таких как приграничная экология, приграничная статистика и приграничная социология.

Таким образом, межрегиональные приграничные социально-экономические (в том числе и эколого-экономические) отношения представляют собой один из наименее изученных аспектов теории региональной экономики. В частности, в настоящее время не приходится говорить о существовании достаточно полной системы показателей, на ос-

нове которой можно получить всестороннюю комплексную информацию о состоянии и динамике межрегиональных приграничных хозяйственных взаимодействий и связей. Во многом именно с этим обстоятельством связано отсутствие полной и достаточно достоверной статистической информации об эколого-экономических отношениях между разными приграничными регионами. В связи с этим весьма актуально рассмотрение проблемы о системе показателей, характеризующих различные направления и формы межтерриториальных приграничных хозяйственных взаимосвязей.

В начальном разделе системы показателей о приграничном экономическом сотрудничестве соседних государств необходимо сначала указать общее число приграничных регионов в данной стране, определить их удельный вес в общем числе регионов в стране, указать общее число соседних, граничащих со страной государств, количество приграничных регионов с каждой из соседних стран, а также среднее число приграничных регионов на одно соседнее государство и в среднем на 1000 км границы анализируемой страны. Важно также определить количество внешних приграничных регионов окружающих стран.

Кроме этого, следует отметить общую площадь, занимаемую приграничными регионами в целом, а также ее удельный вес в общей площади, занимаемой анализируемым государством. Важно также оценить суммарный ВРП приграничных регионов и его долю в ВВП страны, а также удельный вес этой группы регионов в экспорте и импорте страны. Следует учесть также эмиграцию и иммиграцию населения (в том числе, в трудоспособном возрасте) из приграничных регионов и их долю в общем числе эмигрантов и иммигрантов. По аналогии следует отследить, на наш взгляд, экспорт и импорт капитала из приграничных регионов исследуемого государства, а также определить их долю в общем экспорте и импорте капитала этого государства.

В этой системе в особую группу следует выделить показатели, характеризующие межрегиональную торговлю между приграничными территориями. Целесообразно использовать показатели экспорта и импорта, измеряемые как в стоимостной, так и в натуральной форме между приграничными территориями двух сопредельных государств, а также показатели удельных весов, долей объемов их экспорта и импорта из одного приграничного региона в другой в общем суммарном объеме экспорта и импорта каждого из анализируемых приграничных регионов.

Правда, в связи с этим может возникнуть путаница из-за того, что многие регионы, особенно относящиеся к пограничным, непосредственно торгуют с другими государствами и поэтому в этих случаях более правильным было бы, если под региональным импортом и экспортом понимать соответственно ввоз в регион и вывоз товаров и услуг из данного региона за границу, а для обозначения результатов собственно межрегиональной торговли использовать показатели межрегионального ввоза и межрегионального вывоза. Такое разграничение понятий позволит осуществлять более точный учет торговых отношений определенного региона как с иными регионами страны, так и с другими государствами. Если же мы хотим получить общее представление о торговых отношениях определенного региона (т. е. вне зависимости от того, с каким субъектом хозяйст-

ния осуществляются торговые операции – со страной или с другим регионом), то целесообразно, на наш взгляд, использовать показатели совокупного ввоза в данный регион и совокупного вывоза из региона.

Предложенный подход позволяет учитывать в статистике особенности торговых отношений региона в зависимости от специфики его торгового партнера (т. е. иного региона той же самой страны или другого государства). Таким образом, в соответствии с нашим подходом применительно к конкретному региону под региональным экспортом понимаются товары или услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других странах. Под региональным импортом понимаются приобретенные в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под межрегиональным вывозом понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других регионах того же самого государства. Под межрегиональным ввозом понимаются приобретенные в других регионах страны и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под совокупным вывозом из региона понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям как в других странах, так и в других регионах того же самого государства. Поэтому совокупный вывоз из региона равен сумме между региональным экспортом и межрегиональным вывозом. Под совокупным ввозом в регион понимаются приобретенные как в других регионах страны, так и в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Поэтому совокупный ввоз в регион равен сумме между региональным импортом и межрегиональным ввозом. В связи с необходимостью учета экологической составляющей в каждом из этих показателей следует выделить ту часть, которая приходится на экологически чистую продукцию (т. е. в статистическом учете следует использовать и такие показатели, как региональный экспорт и импорт экологически чистой продукции, межрегиональный ввоз и вывоз экологически чистой продукции, показатели объемов экологически грязных ингредиентов, движущихся из одного региона в другой, в том числе и объемы выбросов веществ, загрязняющих окружающую среду, и т. д. – этими вопросами должна заниматься межрегиональная экология, в том числе приграничная экология).

С учетом всего вышесказанного, для каждого приграничного региона обоих соседних государств важно также определить удельный вес (в процентах) объемов его экспорта и импорта в приграничный регион другой страны в общих показателях его суммарного регионального экспорта и импорта соответственно и удельный вес, долю в объемах его межрегионального вывоза и межрегионального ввоза, а также долю в его совокупном вывозе и в совокупном ввозе соответственно. Это расширение используемых показателей позволит получить более полную и точную картину хозяйственных взаимодействий между двумя приграничными регионами различных государств.

В том же случае если какой-то приграничный регион одной страны граничит сразу с несколькими регионами другого государства (как, например, Белгородская область России граничит сразу с тремя областями Украины – Харьковской, Сумской и Луганской), то тогда кроме всей вышеперечисленной группы показателей целесообразно использовать также еще и суммарный показатель экспорта и импорта из приграничного региона

во все эти несколько приграничных территорий другой страны, с которыми он граничит (например, показатель суммарного экспорта из Белгородской области РФ во все три вышеперечисленные области Украины, а также суммарный объем импорта из этих приграничных областей соответственно в Белгородскую область РФ).

Целесообразно также, на наш взгляд, определить удельный вес суммарных показателей объемов экспорта и импорта из приграничного региона одной страны во все эти несколько приграничных регионов другого государства в общих объемах его суммарного регионального экспорта и импорта соответственно и удельный вес в объемах его межрегионального вывоза и межрегионального ввоза, а также долю в его совокупном вывозе и совокупном ввозе соответственно.

Понимать это нужно следующим образом. Целесообразно, на наш взгляд, определять, каков объем экспорта, например, из Белгородской области РФ в Харьковскую область Украины, а также долю этого показателя в суммарном объеме экспорта товаров и услуг из Белгородской области на Украину в целом. Следует также определять суммарный объем импорта товаров и услуг, осуществляемого в Белгородскую область РФ из Харьковской области, а также удельный вес этого показателя в суммарном импорте товаров и услуг в Россию из регионов Украины в целом.

Кроме этого, нужно также определить суммарный объем экспорта из Белгородской области в граничащие с ним Харьковскую, Луганскую и Сумскую области Украины, а также удельный вес этого показателя в суммарном объеме экспорта товаров и услуг из Белгородской области на Украину в целом. Целесообразно также определить суммарный объем импорта товаров и услуг, осуществляемого в Белгородскую область из граничащих с ней вышеуказанных трех украинских областей, а также долю этого показателя в суммарном импорте товаров и услуг в Россию из Украины в целом. Следует также определять удельные веса объемов экспорта товаров и услуг из Белгородской области в одну из приграничных областей Украины или во все три вышеперечисленные украинские области по отношению к показателю межрегионального вывоза из Белгородской области (т. е. к сумме объемов вывоза товаров и услуг во все другие регионы России) и по отношению к показателю совокупного вывоза (т. е. к сумме показателя межрегионального вывоза и экспорта из этого российского региона на территорию Украины в целом). По аналогии можно определить удельные веса импорта в Белгородскую область РФ из одной приграничной области Украины или из всех трех украинских приграничных областей по отношению к межрегиональному ввозу в Белгородскую область (т. е. к сумме объемов ввоза в этот регион товаров и услуг из всех остальных регионов России) и по отношению к совокупному ввозу (т. е. к сумме показателя межрегионального ввоза и импорта в Белгородскую область РФ из Украины в целом).

Как известно, в статистике международной торговли выделяют также показатели экспортной квоты и импортной квоты, под которыми понимаются установленные государственными организациями соответственно ограничения объемов экспорта и импорта конкретных товаров. В определенном смысле эти понятия могут использоваться и на региональном уровне, ибо устанавливаемые в целом по стране количественные ограни-

чения на экспорт и импорт определенных товаров далее распределяются по конкретным регионам, в том числе и приграничным. По аналогии, могут использоваться показатели квоты межрегионального ввоза или вывоза, а также квоты совокупного ввоза в приграничный регион или совокупного вывоза из региона (в том числе и экологически чистой продукции), причем такого рода квоты могут в принципе устанавливаться как на государственном уровне, так и самими региональными властными структурами. Последняя ситуация особенно часто встречается в условиях кризиса недопроизводства.

В статистике международной торговли выделяют также такой показатель, как чистый экспорт товаров и услуг, под которым понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом страны за год. Очевидно, что понятие чистого экспорта товаров и услуг может использоваться не только на национальном, но и на региональном уровне – в этом случае под чистым экспортом региона понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом региона за год. Для приграничных регионов целесообразно также определять показатель разницы экспорта товаров и услуг приграничного региона одной страны в приграничный регион другого государства и импорта в первый приграничный регион из последнего, а также находить показатель отношения этой разницы к величине чистого экспорта региона.

На наш взгляд, по аналогии имеет смысл для более точной оценки объемов межрегиональной торговли ввести понятия чистого межрегионального вывоза и чистого совокупного вывоза из региона. При этом под чистым межрегиональным вывозом следует понимать разницу между межрегиональным вывозом и межрегиональным ввозом конкретного региона за определенный период времени (обычно за год). В свою очередь, под чистым совокупным вывозом из региона следует понимать разницу между совокупным вывозом из региона и совокупным ввозом в регион за год. Величину этих разниц также целесообразно сравнить с аналогичными показателями, полученными для двух приграничных регионов из разных государств.

С учетом высокой продуктивности использования аналогии между положениями теории международных экономических отношений и положениями теории межрегиональных экономических отношений особое внимание следует уделить анализу такого важного показателя статистики международной торговли, каковым является внешнеторговый оборот. Как известно, под внешнеторговым оборотом понимается сумма стоимостей экспорта и импорта за определенный период: месяц, квартал, год. По аналогии можно ввести понятие внешнеторгового оборота региона, под которым следует понимать сумму стоимостей регионального экспорта и регионального импорта за определенный период. Для более точной оценки объемов межрегиональной торговли целесообразно использовать также показатели межрегионального оборота (или товарооборота), определенного для конкретного региона, и совокупного внешнеторгового оборота региона. При этом под межрегиональным оборотом региона следует понимать сумму межрегионального ввоза и межрегионального вывоза региона за определенный период: месяц, квартал, год. Под совокупным внешнеторговым оборотом региона следует понимать сумму между совокупным ввозом в регион и совокупным вывозом из региона за определенный период.

Все эти показатели можно использовать и для учета экологически чистой продукции. Для приграничных регионов все вышеперечисленные показатели целесообразно сравнить с аналогичными показателями, рассчитанными для двух приграничных регионов, подобно тому как это было сделано для чистого экспорта (только в этом случае вместо разницы экспорта и импорта для приграничных регионов следует учитывать их сумму и сравнивать ее с внешнеторговым оборотом для каждого приграничного региона).

Таким образом, группа статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, включает значительно больше показателей, чем аналогичная группа показателей, характеризующих международную торговлю. Это связано с тем, что регион как объект хозяйствования в системе торговли связан с большим числом разновидностей хозяйственных объектов, чем страна как объект хозяйствования в системе международной торговли, поскольку регион, как правило, имеет торговые отношения не только с другими регионами, но и с другими государствами. Именно поэтому в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, наряду с показателями экспорта, импорта, внешнеторгового оборота (то есть наряду с показателями, характеризующими также и международную торговлю) целесообразно включить и такие показатели, как межрегиональный оборот, совокупный внешнеторговый оборот региона и ряд других, специфичных именно для статистики межрегиональной торговли. Причем удельный вес такого рода специфичных показателей в общей группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, напрямую будет зависеть от той доли, которую во внешней торговле данного региона занимает межрегиональная торговля, и которую – торговля с другими государствами.

Важно учитывать также следующее обстоятельство. Подобно тому как мировой товарооборот определяется путем суммирования внешнеторгового оборота всех государств планеты, можно определять межрегиональный товарооборот каждой страны путем суммирования межрегионального товарооборота каждого ее региона, в том числе приграничного (можно подсчитать сумму межрегионального товарооборота всех приграничных регионов страны и сравнить ее с общероссийским показателем). Именно эта величина и характеризует на макроуровне взаимосвязь всех регионов страны в сфере торговли, причем межрегиональный товарооборот государства меньше национального товарооборота на величину суммы внутрирегионального товарооборота каждого региона (очевидно, что товарооборот любого региона складывается из двух частей: межрегионального товарооборота региона и его внутрирегионального товарооборота). В группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, необходимо учитывать также показатели товарной структуры и географического распределения межрегиональной торговли (в том числе и экологически чистой продукции), показатели торгового баланса региона, причем все показатели следует учитывать не только в статике, но и в динамике. Все это можно подсчитать и для приграничных регионов в отдельности. Заканчивая рассмотрение вопросов о группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, нельзя не коснуться и еще одного.

В соответствии с кейнсианской теорией экспорт оказывает множительное (мультиплицированное) воздействие на доход подобно инвестициям и государственным расходам.

Поэтому экспорт и импорт, как и другие составляющие совокупных расходов, действуют с мультипликационным эффектом. В связи с этим при анализе торговых отношений на теоретическом уровне существенную роль играет такой показатель, как мультипликатор внешней торговли, который характеризует зависимость между приростом национального дохода и вызвавшим этот прирост чистым экспортом товаров и услуг. Причем ясно, что этот показатель может использоваться и на региональном уровне. Очевидно, что по аналогии можно ввести понятие мультипликатора межрегиональной торговли, который характеризует зависимость между приростом чистого дохода региона и вызвавшим этот прирост чистым межрегиональным вывозом. Сумма мультипликатора межрегиональной торговли и мультипликатора внешней торговли региона будет равна мультипликатору совокупной внерегиональной торговли данного региона. Этот показатель характеризует зависимость между приростом чистого дохода региона и вызвавшим этот прирост чистым совокупным вывозом из региона. Для приграничного региона этот показатель характеризует зависимость между приростом чистого дохода этого региона и вызвавшим этот прирост чистым экспортом из него в приграничный регион другого государства.

Наряду с межтерриториальной торговлей важнейшей формой межрегиональных экономических отношений является межтерриториальная миграция рабочей силы. Поэтому другой важнейшей группой показателей, характеризующих межрегиональные взаимодействия, является блок показателей межрегиональной миграции рабочей силы. Эта группа показателей достаточно полно разработана, рассмотрим их подробнее. Здесь выделяют такие показатели, как число выбывших из региона за определенный период (в том числе, в трудоспособном возрасте), число прибывших в регион, сальдо миграции, отраслевая и территориальная структура миграции, доля выбывших и прибывших в общей численности жителей региона и т. д.

Для приграничных регионов эти показатели целесообразно, на наш взгляд, дополнить следующими: из общего числа выбывших из региона за определенный период времени (в том числе, в трудоспособном возрасте) следует выделить тех, кто оказался постоянно или временно, но на длительный срок в другом приграничном регионе соседнего государства, а также сравнить эту величину с общим числом выбывших из региона за определенный период времени. Подобным образом из общего числа прибывших в приграничный регион следует выделить тех, кто прибыл из другого приграничного региона соседнего государства, а также сравнить эту величину с общим числом прибывших в данный приграничный регион – тем самым определив долю приграничной миграции. Аналогично можно подсчитать сальдо приграничной миграции и ее удельный вес в общем миграционном сальдо региона. Следует добавить, что определить, насколько свободен переток рабочей силы и капитала между приграничными регионами разных стран, можно исходя из существующих на данный момент времени договоренностей об экономическом сотрудничестве между этими государствами. Между Россией и Украиной в последнее время имеются определенные политические разногласия, что негативно сказывается и на приграничном сотрудничестве в сфере экономики, тогда как между соседними странами, входящими в Европейский Союз, практически нет существенных сложностей в приграничном взаимодействии (кроме некоторых случаев, прежде всего, связанных с выходом из ЕС Великобритании).

Важнейшую роль в осуществлении межрегиональных взаимодействий играет транспорт как грузовой, так и пассажирский. Показатели статистики транспорта включают следующую систему показателей: показатели статистики перевозок, эксплуатационной деятельности подвижного состава, материально-технической базы транспорта, статистики труда, статистики издержек производства и себестоимости перевозок, статистики финансов транспорта. Причем многие показатели из этой системы имеют непосредственное отношение к характеристике межрегиональных приграничных взаимодействий – например, показатели важнейшего раздела транспортной статистики, характеризующие результаты основной деятельности транспорта по перемещению созданного продукта или пассажиров из одного приграничного региона в другой приграничный регион, коэффициент равномерности перевозок по направлениям и ряд других.

Наряду с физическими потоками товаров и перемещением населения существуют и другие типы межрегиональных связей. Другие потоки, такие, например, как денежные и коммуникационные, оставаясь большей частью невидимыми, имеют не менее важное значение. В связи с этим в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональные эколого-экономические взаимодействия, необходимо включить группы показателей, отражающих межтерриториальное движение капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств (в том числе на природоохранные мероприятия), информационных потоков между приграничными регионами. Так, например, показатель сальдо по движению капиталов и инвестиций учитывает приток и отток капиталов из приграничного региона (в том числе в другой приграничный регион соседней страны). Очевидно, что инвестирование капиталов из других регионов и стран в какой-то регион означает приток капитала, равно как и размещение акций и облигаций в других регионах и странах и получение краткосрочных ссуд извне. Наоборот, инвестирование капиталов, созданных в регионе, в другие регионы и страны, покупка предприятиями и населением региона облигаций, акций в других странах и регионах, а также предоставление краткосрочных ссуд экономическим субъектам в других регионах формирует отток капитала из региона.

В отдельный блок следует выделить группу показателей, характеризующих социальный аспект межрегиональных отношений, межтерриториальных взаимодействий между приграничными регионами. Сюда, прежде всего, следует отнести показатели, связанные с миграцией рабочей силы из одного приграничного региона в другой. В эту группу следует отнести такие показатели, как сальдо межрегионального миграционного обмена, количество уехавших из региона в связи с высоким уровнем безработицы, количество приехавших и уехавших специалистов определенного профиля и ряд других [1].

Таким образом, система показателей, характеризующих межрегиональные социально-экономические и экологические отношения и хозяйственные связи между приграничными территориями, должна включать различные блоки, группы показателей: показатели межрегиональной торговли, миграции населения, межтерриториального перемещения капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств, информации. В особую группу следует выделить сводные показатели, дающие комплексную оценку динамики межрегиональных экономических отношений – сюда следует отнести показате-

ли платежного баланса приграничных регионов, торгового баланса и пр. В каждой из этих групп показателей следует выделить те показатели, которые характеризуют природоохранную деятельность.

Здесь проблема о разработке системы показателей, характеризующих межтерриториальные социально-экономические и экологические отношения между приграничными регионами соседних государств по существу рассмотрена лишь в постановочной форме – только дальнейшие исследования позволят создать комплексную систему показателей, характеризующих все многообразие форм и направлений межтерриториальных хозяйственных связей. Тем не менее уже сейчас ясно, что разработка такого рода системы показателей является одной из актуальных задач экономической и экологической статистики [2].

Использование вышеуказанной системы показателей при анализе взаимодействия приграничных регионов России и Украины в сфере экономики целесообразно осуществлять на основе статистической информации в домайданный период развития Украины, когда все было сравнительно спокойно и на экономические взаимоотношения регионов обеих стран существенно не влияли факторы политического характера. Целью исследования является выявление перспектив экономического сотрудничества России и Украины и роли в этом процессе Белгородской области, которая граничит с тремя регионами Украины – Харьковской, Сумской и Луганской областями. Белгородская область является субъектом Российской Федерации, следовательно, возможности ее сотрудничества с регионами Украины во многом зависят от проводимой внешнеэкономической политики страны.

Развитие взаимовыгодных экономических связей между Россией и Украиной имеет объективные предпосылки. Тесная взаимосвязь между странами обоснована их географическим положением, общей историей и множеством других факторов, определивших духовное родство, глубокие традиции, отвечающие коренным интересам обеих стран. В обеих странах имеется высокий научно-производственный потенциал, работоспособные и высокообразованные трудовые ресурсы. Приоритетность и особенности экономического сотрудничества между Россией и Украиной обусловлены многими факторами, в том числе сформировавшимися в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР и унаследованными от него экономическими взаимосвязями, нацеленностью обеих стран на реформирование экономик.

Сравнение макроэкономических показателей двух стран за этот период свидетельствует об их стремительном падении в обоих государствах, однако следует отметить, что украинская экономика пережила более сильный удар. Сравнительная характеристика основных макроэкономических показателей России и Украины за период 2000–2013 годы представлена в таблице.

Как показывают данные проведенного анализа, представленные в табл. 1, темп прироста ВВП двух стран приблизительно одинаков. Так, прирост ВВП в России был немного выше, чем в Украине. Однако в период с 2001 года по 2004 год экономика Украины росла гораздо более быстрыми темпами (достигая 12,1% в 2004 году), чем российская, а в 2013 году ее рост также был более быстрым.

Таблица. Динамика основных показателей России и Украины в 2000–2013 гг.

Страна	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2013
Темпы прироста ВВП, %											
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	6,8	6,3	5,6
Украина	5,9	9,2	5,2	9,6	12,1	2,7	7,1	7,3	5,6	4,2	6,5
Индекс потребительских цен, %											
Россия	20,8	21,5	15,8	13,7	10,9	12,7	9,7	9,0	11,4	8,4	5,2
Украина	28,2	12,0	0,8	5,2	9,0	13,4	9,0	12,8	21,9	15,7	7,6
Текущий платежный баланс, % от ВВП											
Россия	18,0	11,1	8,4	8,2	10,1	11,0	9,5	5,9	5,8	2,9	-2,1
Украина	4,7	3,7	7,5	5,8	10,6	2,9	-1,5	-4,2	-7,6	-9,7	-9,2
Составлено автором.											

Многие изменения в динамике и структуре российско-украинской торговли, в том числе и с участием Белгородской области, можно объяснить изменением потребительских цен. Так, в Российской Федерации происходит почти планомерное снижение темпов роста цен с 20,8% в 2000 году до 9,0% в 2007 году. Однако в 2013 году имел место большой рост цен в сравнении с 2007 годом (на 11,4%). Индекс потребительских цен в Украине имеет достаточно большую амплитуду: от 0,8% в 2002 году до 28,2% в 2013 году. При этом чередующиеся рост и снижение показателя за анализируемый период свидетельствуют об экономических потрясениях страны. В 2008 году имел место существенный рост индекса – до 21,9%. Все это свидетельствует о неустойчивости развития украинской экономики.

Важным макроэкономическим показателем является отношение текущего платежного баланса к ВВП страны. В 2004 году показатели России и Украины были максимально близки: в России это отношение составляло 10,1%, в Украине – 10,6%. Стимулом не только экономического роста, но и развития сотрудничества Белгородской области с регионами Украины является увеличение объемов внутреннего потребления. Несмотря на то что деятельность по потребительскому кредитованию в России, на первый взгляд, развивается достаточно бурно, на Украине рост частных кредитов в 2007 году был еще выше. Можно предположить, что данная тенденция, с одной стороны, свидетельствует о совершенствовании банковской системы, а с другой – о растущем уровне спроса на кредиты среди населения по достаточно высоким процентным ставкам. Следует отметить, что объемы потребительских кредитов в России ежегодно увеличиваются, но медленнее, чем в среднем по странам СНГ. Дополнительный анализ источников денежных средств на потребительское кредитование населения и в России, и в Украине позволяет сделать вывод об их иностранном происхождении в значительной мере.

На наш взгляд, важным фактором формирования торговых отношений между Белгородской областью и регионами Украины является изменение реального эффективного валютного курса. Повышение реального эффективного курса национальной валюты, наблюдаемое в данных государствах с 2003 года по 2007 год, стимулирует приток импортных товаров на местные рынки и, наоборот, негативно сказывается на экспорте. Достаточно низкий курс российского рубля позитивно отражался на развитии экономики долгие годы. В настоящее время его рост стимулирует не экспортную деятельность, а импорт-

ную, создавая при этом жесткую конкуренцию на внутреннем рынке. Схожую динамику по данному показателю имеет и Украина. При анализе экономического сотрудничества России и Украины немаловажное значение приобретает исследование движения трудовых ресурсов между странами. На сегодняшний день Украина является четвертым по величине поставщиком рабочей силы в Россию после Узбекистана, Китая и Таджикистана.

В последние годы между Россией и Украиной в области миграции трудовых ресурсов происходят существенные изменения. Если ранее экономические преимущества России по сравнению с другими странами СНГ «притягивали» иммигрантов, то в последнее время экономика основных стран-доноров – Украины, Казахстана, а также ряда других государств СНГ и Балтии – стабилизировалась и устойчиво развивалась. Постепенное улучшение социально-политических условий привело к снижению притока мигрантов из СНГ в Россию. Однако можно ожидать, что усиление кризиса в странах СНГ, и в том числе и на Украине, приведет в обозримом будущем к росту иммиграционного притока в Россию из этих государств. В целом анализ российско-украинских экономических отношений в домайданный период ее развития показал, что Украина являлась пятым по величине торговым партнером России после Германии, Нидерландов, Италии, Китая и одним из первых в СНГ, опережая даже Республику Беларусь.

Для определения условий развития торгово-экономических отношений приграничных регионов России, в т. ч. и Белгородской области, с Украиной важно отметить особенности взаимных поставок товаров между странами в целом. Так, из России в Украину в основном экспортировалась продукция топливно-энергетического комплекса, машины и оборудование, продукция химической и целлюлозно-бумажной промышленности. В то же время ведущими статьями в импорте России являлись машиностроительная продукция, черные и цветные металлы, продовольственные товары. Примечательно, что существенную роль для экономик обеих стран играли поставки продукции по кооперации. В кооперационных поставках участвовали свыше 300 предприятий с обеих сторон. Поставки осуществлялись по 1250 позициям из Украины в Российскую Федерацию и по 1780 позициям из Российской Федерации в Украину. В кооперационных поставках участвовали в основном предприятия машиностроения, оборонно-промышленного комплекса, авиастроения, химической промышленности, черной металлургии и легкой промышленности. Около 90% взаимных поставок по кооперации приходилось на промышленно развитые восточные регионы Украины.

Внешнеэкономическая деятельность являлась важным сектором экономики Белгородской области: отношение объемов экспорта и импорта к валовому региональному продукту достигало 76%. В домайданный период в сферу внешнеэкономической деятельности было вовлечено 1054 участника, осуществлявших торговые операции с 68 странами мира. Однако Украина тогда, по-прежнему, являлась ведущим партнером Белгородской области. Как показывают результаты анализа, внешнеторговый оборот Белгородской области с регионами Украины имел постоянную тенденцию к увеличению (за исключением 2002 года).

Положительной тенденцией являлся рост как экспорта, так и импорта товаров и услуг, но объемы импортных поставок увеличивались быстрее, что приводило к возникнове-

нию значительного отрицательного сальдо торгового баланса. Однако, принимая во внимание тот факт, что большая часть импортируемых товаров через Белгородскую область попадала в другие регионы страны, можно сделать вывод о том, что отрицательное внешнеторговое сальдо не являлось неблагоприятной тенденцией.

Следует признать, что Белгородская область имела весьма скромную долю в российском экспорте в Украину. Однако положительным являлся рост ее доли на фоне общего увеличения объемов экспорта. На наш взгляд, также необходимо учесть, что область не являлась поставщиком топливно-энергетических ресурсов, занимающих значительный удельный вес в товарной структуре российского экспорта в Украину.

Что касается импорта Белгородской области из Украины, то здесь ситуация совершенно другая. На Белгородскую область приходилась пятая часть всего импорта из Украины, при этом эта величина постоянно увеличивалась в домыданный период ее развития. По нашему мнению, этот факт можно объяснить двумя причинами. Во-первых, область является приграничным регионом, и большая часть товаров ввозилась для использования и реализации на территории других субъектов РФ. Во-вторых, происходящий до кризиса постоянный рост курса рубля по отношению к украинской гривне стимулировал импортную деятельность белгородских предпринимателей.

Доля Украины во внешней торговле Белгородской области во многом объясняла необходимость развития стратегического сотрудничества, для определения направлений которого целесообразно провести подробный анализ экспортной и импортной деятельности. Одним из наиболее ярких примеров экономического сотрудничества между Россией и Украиной стало создание еврорегиона «Слобожанщина» на базе Белгородской и Харьковской областей. Геополитическое положение областей, развитие трансграничного сотрудничества путем создания еврорегиона «Слобожанщина» оказывало содействие дальнейшему развитию сотрудничества регионов Украины и Российской Федерации как друг с другом, так и с регионами других стран СНГ. Для того чтобы уплотнить экономическое пространство еврорегиона «Слобожанщина», необходима инновационная модель взаимодействия между Харьковской и Белгородской областями. Улучшение в будущем политических отношений между Россией и Украиной позволит нормализовать и систему экономических взаимосвязей между приграничными регионами этих двух братских стран. Таким образом, можно видеть, что использование предложенной нами системы статистических показателей позволит осуществлять анализ и выявлять резервы повышения эффективности приграничного взаимодействия в сфере экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлов К.В. Региональные эколого-экономические системы. М.: Магистр, 2009. – 351 с.
2. Павлов К.В. Экономика старопромышленных регионов. Особенности функционирования и развития. Германия: LAP LAMBERT, 2014. – 470 с.

Системные факторы развития экономики регионов

Аннотация. Статья посвящена исследованию зависимости структуры экономики региона от трансформации экономического пространства. Показано, что оттоку экономической ренты из регионов в центр способствует институционально установившийся порядок хозяйствования, поэтому необходимо менять экономическую политику.

Ключевые слова: валовое накопление основного капитала, экономическое пространство, периферия, экономическая рента, экономический цикл.

Трансформация экономического пространства имеет долгосрочные последствия в виде глубоких структурных изменений экономики [2]. При этом регионы с разреженным экономическим пространством и институциональной разобщенностью и недостаточностью ресурсов рыночной и административной власти (особенно периферийные) постепенно теряют бизнес и свое промышленное значение [3]. Может ли (и как) промышленность в таких условиях выступать основным источником, призванным обеспечить структурные преобразования с целью выведения экономики на путь модернизации и реиндустриализации?

Основополагающий тезис «перманентный рост идет сам по себе и при условии мобильности факторов производства и благоприятных институтах влечет за собой исключительно экономические выгоды» – не очевиден. Однако такая макроэкономическая точка зрения является доминирующей. Следуя данной логике, макроэкономическая стабилизация и институциональное управление должны привести к экономическому росту и оживлению инвестиционного процесса в регионах. Однако так ли это?

В качестве попытки найти ответ на данный вопрос рассмотрим некоторые системные факторы развития экономики периферии, имеющие геоэкономическую природу, а также сформулируем соответствующие рекомендации по изменению экономической политики.

Имеющиеся знания и опыт приводят к убеждению, что, с одной стороны, справедливо утверждение, что природные ресурсы, имеющиеся у территории, при благоприятных условиях стимулируют экономическую активность, с другой – необходимо принять также справедливость и того, что развитие межрегиональных отраслевых рынков и возрастающая отдача (и ее распределение в пользу центра как результат действия экстрактивных институтов) являются альтернативным объяснением региональной специализации по отношению к фактору запаса ресурсов периферийных территорий.

Так, небольшое расстояние, обеспечивающее доступность на рынки, – безусловно важный благоприятный фактор для роста экономики. Регионы с высоким ресурсным потенциалом в силу наличия проектов крупных компаний и магистралей имеют довольно высокий рыночный потенциал за счет как экономии масштаба, так и сравнительно невы-

¹ Толстогузов Олег Викторович (Россия, г. Петрозаводск) – д.э.н., ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики Карельского научного центра РАН.

соких затрат на транспортное плечо за счет близости к промышленным зонам (например, Карелия к Санкт-Петербургу и Финляндии или нефтяные регионы Западной Сибири к густонаселенному Уралу и Китаю). Однако сократить расстояние до рынков путем масштабных инвестиций в транспортные системы сложно. Периферия весьма чувствительна к инфраструктурным ограничениям. Поэтому очень высоки инвестиционные риски.

Также благоприятным фактором является наличие серьезного промышленного базиса развития (энергопроизводственные циклы, система воспроизводства знаний, кадров). Если какой-то город (особенно крупный) возник где-то, то даже при сильных внешних обстоятельствах промышленная база не даст ему умереть. Концентрация населения, экономических агентов, транзакций создает определенный рыночный потенциал, который движет развитием города и привлекает инвестиции. Трансформация пространства не может сразу переломить его экономические тренды.

Пространственная трансформация как постоянный фактор давления постепенно меняет структуру экономики регионов. Пространственное развитие имеет долговременные тенденции; сопутствующие факторы и барьеры, связанные с институциональной и социальной укорененностью, также имеют долговременный характер. Последние обуславливают разобщенность агентов, которая возникает в результате действия этих факторов и даже может привести к «разрыву» экономического пространства.

Далее рассмотрим структурные изменения экономики регионов: федеральных округов и регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Информационную базу исследования составили статистические данные Росстата о структуре ВДС секторов (отраслей) и ВРП регионов. Анализируемый период: 2000-2013 гг.

Динамика ВРП федеральных округов (ВДС в текущих основных ценах) в течение 2000–2013 годов демонстрирует синхронное изменение показателя (при доминировании Центрального федерального округа). В то же время, к сожалению, данная картина создает видимость того, что показатели структурно одинаковы, что провоцирует однообразность управленческих решений. Однако регионы весьма разные. Чтобы в этом убедиться, далее рассмотрим элементную структуру ВРП. Полагаем, что масштаб производства (и запасы его факторов) не является единственными и безальтернативным объяснением развития экономики и характера торговли. Полагаем, что характер торговли и ее следствия определяются также характером экономических процессов и изменяющейся рыночной структурой, выявив и оценив которые сможем найти убедительную аргументацию для изменения стратегий развития регионов в условиях трансформации экономического пространства. Для этого проведем анализ изменений пропорции «потребление–накопление» и тенденций развития отраслевых рынков, по нашему мнению, демонстрирующих структурную деформацию экономики.

Валовое накопление основного капитала характеризует инвестиционную деятельность и представляет собой вложение средств резидентными единицами в объект основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве. Будем считать, что преобразование экономической ренты в инвестиции происходит одинаково для всех точек пространства. Следовательно, изменение инвестиционной компоненты ВРП прямо пропорционально изменению извлекаемой ренты.

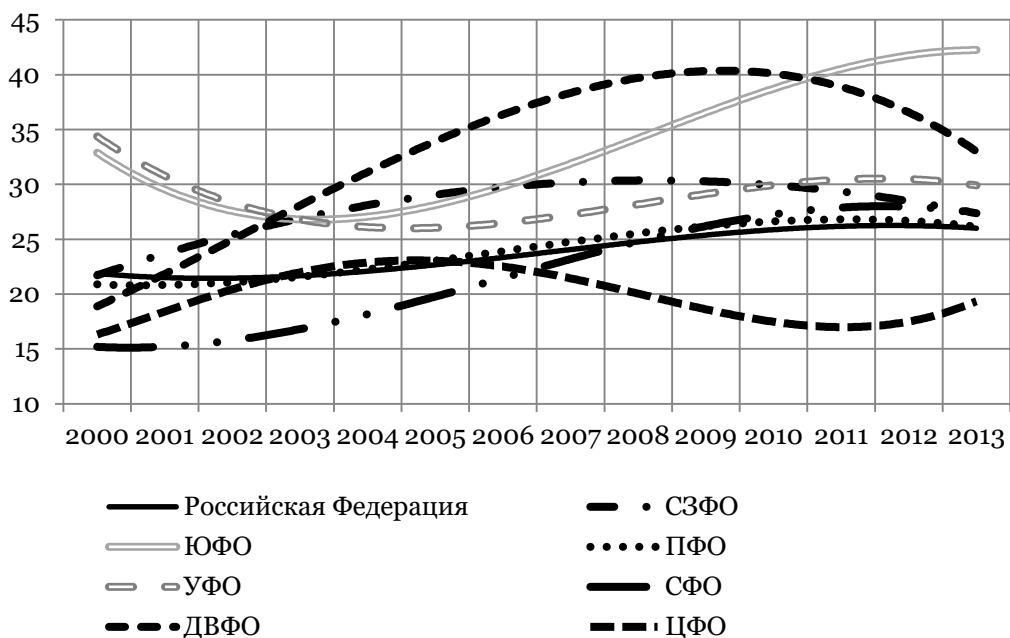


Рис. 1. Аппроксимация колебаний показателя «валовое накопление основного капитала, % к итогу» по федеральным округам
 Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

На *рис. 1* представлены аппроксимации колебаний показателя «валовое накопление основного капитала, в % к итогу ВРП». Данный показатель характеризует инвестиционную деятельность и представляет вложение резидентными единицами средств в объект основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве.

При построении графика мы исходили из следующей гипотезы: амплитуда показателя изменяется в соответствии с изменением инвестиционного процесса (в соответствии с фазами обобщенного бизнес-цикла). В отсутствие сигнала для инвестиционной активности амплитуда уменьшается относительно своего немодулированного уровня в соответствии с падением модулирующего сигнала, и наоборот, чем больше амплитуда модулирующего сигнала, тем сильнее изменяется амплитуда показателя. Модулированный показатель имеет аппроксимирующую линию, в точности повторяющую форму модулирующего сигнала. Именно эта аппроксимация выделяется как полезный сигнал, который несет в себе информацию о экономическом цикле или бизнес-цикле (фазе, амплитуде, периоде колебаний). В частности, по данным 2000–2013 гг. (в разрезе федеральных округов), этот период, по нашим расчетам, должен составлять от 15 до 25 лет. Разница интервалов периода зависит, по нашему мнению, от того, какая промышленная база составляет ядро округа. Так, наличие пиromеталлургического энергопроизводственного цикла увеличивает данный интервал.

Графики (*рис. 1*) показывают, что макроструктурные изменения (линия «Российская Федерация») идут так, как указывают исследования ЦСР (представленные в журнале «Эксперт»). В частности, ЦСР считает, что следует ожидать структурные изменения [1]. В то же

время фазы обобщенного бизнес-цикла по округам не совпадают по фазе. Так, Приволжский, Уральский и Сибирский округа находятся в стабильной фазе, Южный и Центральный – в фазе подъема, а Северо-Западный и Дальневосточный – в фазе спада бизнес-цикла. Это ведет к тому, что концентрация инвестиционных ресурсов будет вымываться из северной и восточной периферии. В то же время территории страны – это не конкуренты, а составные части единого экономического пространства, объединенного общими социально-экономическими интересами и стратегией страны в целом. В то же время глобальная трансформация таит в себе реальную возможность смены функций региона (вопреки стратегии страны) и возникновения системного кризиса (вопреки стратегии региона) в результате эндогенных дисбалансов отраслевых рынков и всей региональной экономической системы.

На примере СЗФО рассмотрим структурную деформацию экономики моноцентрического макрорегиона и ее негативные последствия для периферийных регионов. На рис. 2 представлены аппроксимации – модулирующие сигналы, информирующие о фазе бизнес-цикла в регионах СЗФО.

По нашему мнению, инвестиционная часть капитала уходит не только в другие отрасли (в добычу полезных ископаемых, как это происходит в Республике Коми и Мурманской области), но и из дискриминационных регионов в другие регионы (в Санкт-Петербургскую и Московскую агломерации) и страны. При этом политика диверсификации и действующая инвестиционная политика в периферии в условиях дисбаланса рынков как метод их нейтрализации не действует. Данные обстоятельства лишь усиливают инвестиционные риски и негативно влияют на инвестиционную привлекательность периферийного региона.

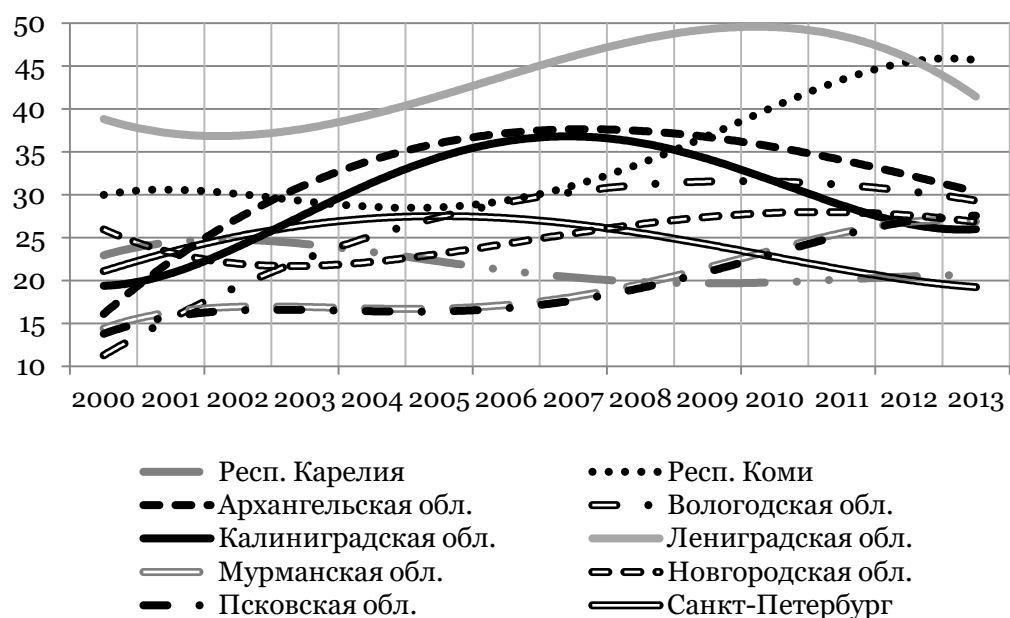


Рис. 2. Аппроксимация колебаний показателя «валовое накопление основного капитала», % к итогу по регионам СЗФО

Исправить ситуацию, на наш взгляд, возможно через сопряжение воспроизводственных циклов, всей системы разномасштабных цепочек транзакций, экономических, технологических, энергопроизводственных циклов и других элементов, которые в совокупности формируют бизнес-циклы регионов. К таким интегрированным структурам возможно более адресное и эффективное применение мер по преодолению недостатка финансовых средств и инвестиционных ресурсов. Это возможно сделать лишь в условиях государственного регулирования развитием всего экономического пространства страны, применяя финансовые, организационные и административные ресурсы государства.

Необходимость данного шага объясняется следующим образом. Оттоку капитала из регионов способствует институционально установившийся порядок хозяйствования. Развитие межрегиональных отраслевых рынков в рамках экстрактивных рыночных институтов ведет к росту аффилированности лиц, дискриминации резидентов периферии, увеличению концентрации экономической деятельности и, как следствие, к формированию рынков чемберлинского типа и соответственно к перераспределению экономической ренты в пользу сильного субъекта. Это показывает изменение индекса Херфиндаля-Хиршмана, который служит основным ориентиром при осуществлении антимонопольной политики в США, Европе, России и других странах. В нашем случае индекс призван оценить изменение рыночной силы в определенном секторе экономики с течением времени или сравнить разные сектора и регионы по уровню концентрации рыночной власти. Оказалось, что произошло изменение индекса для сектора «Обрабатывающие производства» более чем на 2000 пунктов. Это говорит о том, что складываются условия для усиления дискриминации и увеличения транзакционных издержек (особенно при увеличении транспортных издержек) для периферийных компаний.

Динамика показателей (рис. 3) «число» и «оборот организаций» сектора «обрабатывающие производства» в СЗФО и в его регионах демонстрирует определенную тенденцию. Так, в целом для округа число предприятий к концу 2013 г. снизилось более чем на 20%, а оборот увеличился более чем на 190%, для Санкт-Петербурга, соответственно, почти на 30% и более чем на 450%, для Мурманской области – снижение числа предприятий на 28% и снижение оборота на 23%. Республика Карелия благодаря близости к центрам концентрации экономической деятельности (Санкт-Петербургской агломерации и Финляндии) демонстрирует вполне определенную предпринимательскую активность в отличие от северного соседа, однако не может удержать экономическую ренту.

Анализ структуры секторов экономики показал изменение средней части функции концентрации, что говорит о системном изменении отраслей. При этом изменяется не только отрасль, но и соответствующе меняется поведение фирм. Если фирмы ценят свое будущее, то на рынке несовершенной конкуренции они начинают принимать кооперативные решения (объясняемые установлением равновесия в смысле Нэша). Изменение ситуации на отраслевых рынках (секторах экономики) происходит путем стовора или установления личных и дружеских связей между компаниями, установления системы долговременных связей, приобретения контрольного пакета акций, развития франчайзинга и аутсорсинга, слияния предприятий и т. д. Основное воздействие сделок

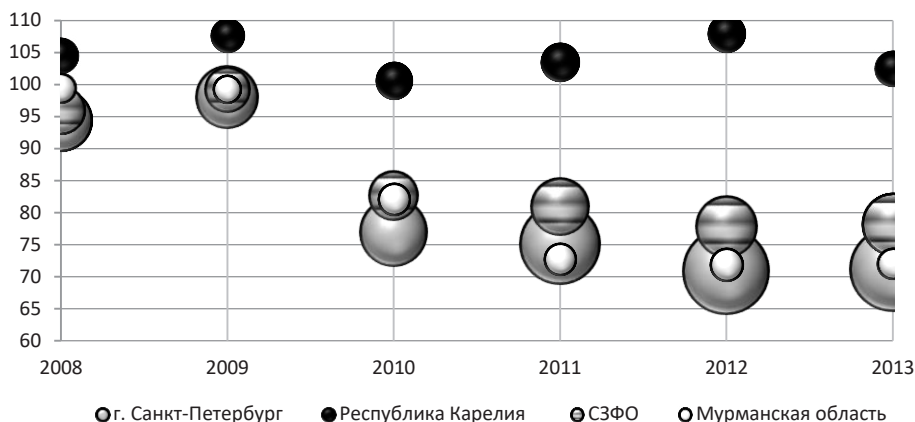


Рис. 3. Изменение показателей сектора «обрабатывающие производства» в СЗФО

Ось X – год наблюдений;

ось Y – изменение числа предприятий

и организаций, в % к 2007 г.;

Z (размер «пузырька») – оборот организаций, в % к 2007 г.

по слияниям и поглощениям на отраслевой рынок или сектор экономики проявляется в росте количества и размеров фирм и соответствующем усилении концентрации на рынке.

Таким образом, причины (механизмы создания и распределения экономической ренты) следует искать в природе кооперативных или коллективных явлений в экономическом пространстве. Рост транзакционных издержек периферийных фирм обусловлен наличием весьма чувствительных экономических и административных барьеров (действия таможенных органов и администраций территорий, картельные соглашения, кооперативные и некооперативные стратегии компаний), которые создают дополнительные транзакционные издержки и которые большим обременением падают на компании со слабой рыночной властью и территории с недостаточным административным ресурсом (т. е. на периферию).

Поскольку природа фирмы характеризуется минимизацией общего уровня издержек (и трансформационных, и транзакционных), то условием ее расширения является меньшая затратность на осуществление деловых операций внутри фирмы по сравнению с аналогичными расходами при рыночной форме хозяйствования. Как только транзакционные издержки на управление внутри фирмы начинают превышать затраты на рыночные транзакции вне ее, фирма становится в этом отношении неэффективной. Поэтому в периферии действует фактор ограничения размеров фирм. В условиях постоянного давления менеджмент вынужден либо сокращать ее размеры (упразднить лишние управленческие процедуры, сокращать наименее рентабельные направления деятельности), либо менять статус резидента или иным образом институциональное состояние, при которых суммарные издержки выпуска продукции достигают своего минимального значения. Таким образом, фирме легче уменьшать издержки, создавать возрастающую отдачу и вертикально или горизонтально расширяться в условиях географической близости с зонами высокой концентрации экономической деятельности и институциональной близости с центрами принятия решений.

Поэтому концентрация рыночной власти требует пристального внимания государственных органов в той мере, в какой она является предпосылкой для искажения механизма цен, продуцирующую информацию, необходимую для принятия решений властью и хозяйствующими субъектами по поводу производства, продажи, покупки товаров и услуг на конкретных отраслевых рынках. Устойчивое повышение концентрации и несправедливое (с точки зрения периферии) распределение экономической ренты является основанием для внедрения элементов дирижистской политики.

С одной стороны, монополизация ведет к накоплению ликвидности в центре, которая должна перетекать в основной капитал, с другой – экономика сырьевой периферии остается в состоянии инвестиционного голода и искусственного торможения капиталоемкого производства, стимулируя отток бизнеса с высокой добавленной стоимостью в центр округа. Поэтому периферийная промышленность (за исключением проектов крупных корпораций, как правило, связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов) повсеместно испытывает дефицит ликвидности. А отсутствие оборотных кредитов вводит их в состояние шока. В результате происходит вытеснение добавленной стоимости из периферии в центр и стягивание к центру обрабатывающей промышленности, отраслей.

Рыночное распределение ренты (постоянной или возрастающей отдачи, эффекта масштаба и других эффектов) в условиях либеральной модели приводит к разрушению промышленного базиса и энергопроизводственных циклов периферии, к потере научной школы и промышленной платформы для разработки новых технологий.

Данный вывод подтверждают исследования инновационной активности в регионах СЗФО. На основании сравнительного анализа состояния инновационного процесса в регионах СЗФО выделены причины деформации региональной инновационной сферы в периферийных территориях, такие как действие экстрактивных институтов. Влияние институтов на экономические процессы выразилось в формировании четкого тренда усиления «инновационности» Санкт-Петербурга по сравнению с периферией [3]. Так, за период 2010–2013 гг. в Санкт-Петербурге выдано 11330 охранных документов (патентов на изобретения и полезные модели), а во всех остальных регионах СЗФО – всего 2894.

Таким образом, институциональное установление на рынках чемберлинского типа определенного порядка присвоения имущественных прав и соответствующее присвоение монопольной прибыли являются причиной того, что периферия экономического пространства оказывается в условиях дискриминации и стагнации. Неэффективность государственной политики обусловлена тем, что большинство реальных рынков – это рынки несовершенной конкуренции, где сфера правительственного вмешательства сама по себе плохо определена. Сегодня она ограничивается только антимонопольным законодательством. А такие инструменты, как цены, вход на рынок или экономическое регулирование на уровне контрактов фирм и институциональных соглашений (например, институт лицензирования государственно-частного партнерства и др.), используются явно недостаточно.

Требуется разработать соответствующие механизмы управления трансформацией экономического пространства и определить меры, дающие реальную возможность влиять на условия обращения товара на межрегиональных рынках, в части предоставления хо-

зайствующим субъектам доступа к информации в приоритетном порядке, предоставления государственной или муниципальной преференции и иных действий, развивающих конкуренцию, ослабляющих дискриминационные условия и снижающих трансакционные издержки периферийных компаний. Все это, в конечном счете, поможет выработать новую повестку дня исследования организации промышленности, а также предложить соответствующие приоритеты и предмет для стратегического диалога региональных элит и обосновать необходимость внедрения в управленческую практику элементов дирижистской политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивантер А., Обухова Е. Уступите место реалистам // Эксперт. 2016. № 22. С. 16.
2. Колесников Н.Г., Толстогузов О.В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. Т. 8, №2. 2016. С. 30—47.
3. Толстогузов О.В. Инновационная активность в регионах Северо-Запада России в условиях кризиса // Инновации. 2016. № 1 (207). С. 85–92.

«Умное сообщество» как новая парадигма управления социально-экономическим развитием

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к управлению социально-экономическим развитием городов и регионов на основе объединения инициатив местных органов, бизнеса, учреждений образования и гражданского общества с использованием новых технологий. Это является неотъемлемым условием их функционирования при формировании экономики знаний, согласно концепции «умных сообществ», в целях оптимального и устойчивого экономического, социального и культурного развития города, района, региона.

Ключевые слова: «умные сообщества», экономика знаний, эффективное регулирование, человеческий капитал, местные инициативы.

Современное развитие мирового сообщества находится в постоянном движении, когда происходящая смена приоритетов социально-экономического развития, соответственно, генерирует новые критерии оценки результативности достижения целей и задач. Как отмечают эксперты, если XIX век был веком империй, определяющих векторы мирового развития, в XX основной силой стали национальные государства, когда политика наиболее могущественных из них определяла тренды экономической и общественно-политической жизни, то в XXI веке на первый план вышли города. Сегодня в развитии мировой экономики, трансформирующейся в экономику знаний, именно города, помимо развития производств и обеспечения значительной части ВВП, становятся показателем качества жизни и интеллектуального уровня их жителей, определяют становление новых экономических и социальных отношений в обществе. То есть, становясь основной точкой роста, города конкурируют за привлечение капиталов и умов, стараясь стать местом, привлекательным для жизни и работы.

Начавшееся в 80–90-е годы прошлого столетия бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, коренным образом изменяющих производство и процесс распространения знаний, оказывает значительное влияние на все аспекты общественной жизни человека – условия, взаимоотношения, изменение моделей профессиональной деятельности. Местные (городские) органы управления во всем мире реагируют на потребности своих граждан, открывая новые способы использования информационных и коммуникационных технологий для экономического, социального и культурного развития. В этих условиях в развитых странах важное значение приобретает концепция «умных сообществ» (имеющая некоторое отличие от концепции «умных городов», ориентирующейся в большей степени на технологическую составляющую). Здесь следует подчеркнуть такой аспект, что развитие технологической инфраструктуры и информационных технологий является лишь предпосылкой эффективного развития, открывая для города или региона

¹ Чуланова Зауре Казбековна (Казахстан, г. Алматы) – к.э.н., зав. отделом экономической теории и междисциплинарных исследований Института экономики КН МОН РК.

новые возможности, однако воспользоваться этими возможностями на благо своего региона местные органы управления и их жители смогут, лишь преобразовав свои социальные и экономические институты таким образом, чтобы они были адекватны происходящим изменениям и способствовали сотрудничеству для достижения общей цели повышения качества жизни, образования, возможностей трудоустройства и общего процветания [1].

Калифорнийский институт интеллектуальных сообществ в Сан-Диего определяет «умное сообщество» (Smart Community) как географически ограниченный регион (город или район), в котором представители местного самоуправления, бизнеса, учреждений образования и широкой общественности, формируя потенциал знаний и инноваций, создают успешные альянсы для совместной работы с использованием новых технологий в целях превращения своего сообщества в значимое и позитивное [2].

Стратегия экономического развития ОЭСР определяет принципы постановки целей управления умным сообществом, которые должны быть конкретными (Specific), измеримыми (Measurable), согласованными (Agreed upon), реалистичными (Realistic), иметь временной критерий (Time-based), иначе говоря, SMART [3]. В контексте этого развитие государства в соответствии с уровнем и целями своего развития определяют новые требования к управлению факторами формирования инновационной инфраструктуры, комфортной бизнес-среды, отвечающих требованиям быстро изменяющейся социальной среды обитания. Это связано с тем, что глобальные технологические трансформации ведут к изменению самой парадигмы социально-экономического развития, определяя смену приоритетов, комплекса задач, способов их решения, показателей полноты и эффективности их реализации. Это означает новые требования к принципам местного самоуправления, отвечающим формированию предпосылок для органичного включения каждого жителя в smart-сообщество.

Интересно, что создание большинства «умных сообществ» или аналогичных инициатив на местном уровне началось с кризисной ситуации, требующей значительных перемен в подходах к управлению. Так, первое интеллектуальное сообщество возникло в 1993 году в Силиконовой долине («Smart Valley»), когда в условиях экономического спада бизнес-лидеры, члены местного сообщества, правительственные чиновники и профессора вместе предприняли попытку выхода из кризиса [4]. Аналогичная ситуация сложилась в шведском городе Транас, находящемся в состоянии упадка в результате закрытия градообразующего предприятия меховой промышленности. Необходимость действовать побудила к поиску путей прекращения негативной тенденции и определению новых отраслей, которые можно было бы создать. Проанализировав условия, необходимые для привлечения новых участников на местный рынок, руководство общины Транас сосредоточило усилия на создании муниципальной информационной сети в целях повышения эффективности местной администрации и включения местной промышленности в совместный проект в направлении становления Smart Community [5]. Здесь важно отметить, что первые «умные сообщества» создавались на основе местных инициатив, поскольку именно местные руководители гораздо лучше осведомлены в отличие от вышестоящих чиновников о том, как и какие информационно-коммуникативные технологии лучше соответствуют потребностям сообщества, а гражданское общество, ученые и бизнес-лидеры могут вовремя объединить людей и

технологии для наилучшего использования дающихся ими преимуществ, создания рабочих мест, экономического роста и улучшения общего качества жизни. Таким образом, одной из важных предпосылок называться «умным сообществом» является реальное участие и взаимодействие всех его участников, особенно частного и государственного секторов, на основе открытости и прозрачности. Благодаря этим объединенным усилиям сообщество может использовать ресурсы и проекты для развития и использования инфраструктуры и услуг электросвязи гораздо раньше, чем это было бы в противном случае.

Большинство стратегий развития местной экономики требуют определенных усилий по стимулированию развития бизнеса, привлечению инвестиций и крупных работодателей. Это включает создание комфортной бизнес-среды и разработку ее правовых рамок, регулирующих развитие местного бизнеса как основы городского развития, путем обеспечения ему доступа на рынки, продвижения наиболее эффективных правил корпоративного управления, ответственного ведения бизнеса, борьбы против взяточничества и коррупции, уклонения от уплаты налогов.

При этом следует отметить, что эффективность «умного сообщества» зависит не только от обеспеченности города жесткой инфраструктурой («физический капитал»), все более значительную роль играет наличие и качество связи знаний и социальной инфраструктуры – интеллектуального и социального капитала.

В XXI веке определяющим в экономическом потенциале государства, способности адаптироваться к быстроменяющимся условиям становится человеческий капитал, его качество, активность трудовых ресурсов, направленность систем образования и подготовки кадров, развитие сферы здравоохранения. Соответственно, особое значение для формирования успешного интеллектуального сообщества имеет формирование нового качества системы образования, особенно профессионального, неразрывно связанного с увеличением эффективного человеческого капитала. Новый уровень качества и конкурентоспособности образовательных услуг находится в числе актуальных проблем социально-экономической модернизации и качественного роста человеческого капитала.

Интеллектуальный потенциал «умного сообщества» неразрывно связан с возрастанием роли гражданского сообщества в его управлении. Ключевой задачей в процессе модернизации экономики и общества является формирование сообщества интеллектуально ориентированных граждан. Создание «умных» сообществ отражает эффективное взаимодействие государственных и местных властей по улучшению качества жизни каждого гражданина, соответствующего требованиям быстро изменяющейся социальной среды обитания и общих проблем гуманизации общества. При этом «человеческая инфраструктура» (то есть творческая и креативная рабочая сила, информационные сети, неправительственные организации) является одной из важнейших осей для развития города.

Сегодня концепция Smart Community активно используется во всем прогрессивном мире – в виде государственных и местных инициатив (Калифорния, США), национальных программ (Канада), на наднациональном уровне (проекты и программы Европейского союза). В последнее время распространение получают глобальные совместные проекты, такие как Международная сеть Smart Community (SCIN).

В последние годы в систему обмена опытом по адаптивному к изменяющимся условиям, совершенствованию государственного управления, укреплению демократических основ при взаимодействии заинтересованных сторон в целях формирования основ местной экономики, разработки и осуществления политики, в большей степени соответствующей вызовам каждой страны, открытия возможностей для создания экономических рычагов влияния на развитие отраслей, технологий и моделей включается все большее число городов и регионов.

В менее развитых странах «умные сообщества» способствуют социальной интеграции, превращению городской среды в зону, свободную от социальной изоляции, общество процветающих и хорошо обслуживаемых жителей. Этого можно достичь, реализуя прозрачность политики при использовании всех преимуществ информационно-коммуникационных технологий путем передачи выгод и дополнительных ресурсов малообеспеченным гражданам, в частности, через обеспечение надежных систем социальной защиты, проведение активной политики на рынке труда; использование более справедливых, эффективных и прогрессивных систем налогообложения; обеспечение тесной связи финансовых рынков с реальной экономикой; стратегические инвестиции в здравоохранение, инновации и физическую инфраструктуру; активную реализацию политики поддержки малого и среднего бизнеса и регионального развития и другие меры.

В Казахстане 59 больших и малых городов, которым принадлежит важная роль в определении места и роли страны в глобальном развитии. В настоящее время они находятся на различных уровнях развития и конкурентоспособности. При этом имеют место депрессивные и дотационные населенные пункты, инфраструктура многих из них технологически стареет. Проблемы крупных городов, в частности Алматы, во многом совпадают: это экологические и социальные вызовы, ограниченность территории и мобильности жителей, высокая плотность населения при дефиците рабочих мест, не в полной мере соответствующие требованиям и возможностям экономики знаний системы образования, здравоохранения и другие составляющие качества жизни, угроза исчезновения культурного и исторического наследия и т. д.

Сегодня в республике для дальнейшего экономического и социально-культурного подъема разрабатываются стратегии и перестраиваются системы управления развитием городов и их агломераций, максимально реализуется ресурсный потенциал территорий. Однако недостаточность разработки вопросов регулирования и управления развитием новых технологий, эффективного их использования в бизнесе, учреждениях образования как в государственном, так и частном секторах делает проблематичным процесс формирования, распределения и использования имеющихся ресурсов для стимулирования инноваций. Действующая система институтов развития не стала надежным механизмом продвижения инновационных проектов, не было достигнуто необходимое взаимодействие между наукой, бизнесом, органами местного самоуправления. В итоге слабое стимулирование развития предпринимательства выливается в незначительное влияние малого и среднего бизнеса и предпринимателей на развитие экономики, недостаточное развитие региональных инновационных систем; неготовность отечественной системы образования к вызовам инновационного развития не соответствует реализации задач по

развитию высокотехнологических секторов экономики. В контексте этого процесс инновационного развития Казахстана требует разработки целостного подхода к эффективно-му использованию и интеллектуальному управлению всеми видами ресурсов, генерации и реализации востребованных бизнес-идей на основе сотрудничества государственных и местных органов, бизнеса, науки и образования, гражданского общества в целях обеспечения высокого качества жизни населения и формирования эффективного социального и интеллектуального капитала. Решением этих задач может стать применение новой модели развития городов – реализация концепции «умное сообщество».

Целенаправленная политика по формированию «умного сообщества» несомненно будет способствовать повышению конкурентоспособности муниципалитетов, обусловленной формированием комфортной бизнес-среды, в том числе для развития инновационных предприятий, повышению образовательного и интеллектуального уровня и креативности его граждан и привлечению на этой основе инвестиций. Очевидно, что фундаментом «умного сообщества» предстает экономика, основанная на знаниях, где инновации и технологии являются основными движущими силами роста и развития коллективного интеллектуального сообщества, определяемая созданием атмосферы, способствующей генерированию нестандартных творческих идей.

В целом следует отметить, что концепция формирования Smart Community должна строиться на интегральном целостном подходе, включающем разнообразные факторы социально-экономического развития на основе реализации принципиально новых возможностей управления при объединении усилий местного самоуправления, бизнеса, учреждений образования и гражданского общества. Реагируя на потребности своих граждан, используя преимущества и открывая новые способы использования информационных и коммуникационных технологий для экономического, социального и культурного развития, местные органы управления и компании создадут рабочие места, востребованные новой экономикой, в целях создания нового качества жизни и повышения человеческого и социального капитала своих сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуланова З.К. «Умное сообщество» как объединение инициатив местного управления, бизнеса и гражданского общества. Сб. материалов международной конференции «Влияние науки на социально-экономическое развитие общества». Москва, 2017.
2. Haughey D. Smart Goals. Электронный ресурс. Режим доступа: www.projectsmaart.co.uk/smart-goals.php
3. Smart Communities Guidebook: Building Smart Communities, how California's Communities Can Thrive in the Digital Age. San Diego State University, 2007.
4. Bryce M. Innovation, Broadband and the Smart community. – Technology Park Perth, 2005.
5. Lindskog H. Smart communities initiatives. University of Linköping, 2014. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/228371789_Smart_communities_initiatives

Кластерно-ориентированное экономическое развитие регионов: институциональный опыт зарубежных стран

Аннотация: в работе аргументированы преимущества кластерно-ориентированного экономического развития регионов. Показан институциональный опыт зарубежных стран в развитии кластеров с использованием государственной поддержки.

Ключевые слова: региональная экономика, кластер, институты, коллаборация, кластерно-ориентированный подход.

Конкуренция между отдельными компаниями в современном мире становится все более и более редким явлением. Напротив, наиболее распространенной формой конкурентной борьбы является противостояние на рынке межфирменных сетей и альянсов [6]. В этом смысле ключевым преимуществом территорий становятся не просто выгодное экономико-географическое положение или условия и ресурсы ведения бизнеса, а создаваемые на территории региона возможности развития сетей, партнерств, кластеров и иных форм коллаборации или коллаборационные преимущества территории [1–4]. Концепция коллаборационных преимуществ развивалась исходно на микроуровне, описывая взгляд со стороны фирм, а не регионов, в которых они базировались [5; 8]. С позиций подхода кластерно-ориентированного экономического развития территорий нет никаких препятствий для использования данной концепции на локальном и региональном уровнях.

Как показывает опыт азиатских городов, внедрявших кластерно-ориентированное экономическое развитие, несмотря на кажущуюся ясность его ключевой идеи (сфокусироваться на поддержке кластерных инициатив и уже развивающихся кластеров во всех сферах экономики при максимальном сотрудничестве и взаимном доверии стейкхолдеров), ее реализация часто сопряжена с целым рядом проблем. Во-первых, эксперты рекомендуют важное внимание уделить предварительной стадии внедрения данного подхода, в частности, программам обучения стейкхолдеров (в том числе как представителей бизнес-сообщества, так и руководителей подразделений местных администраций), в ходе которых участники получают согласованное представление о значимости кластерно-ориентированного подхода, способах его внедрения и ожидаемых результатах. Дополнением обучающих программ могли бы стать дискуссионные форматы (круглые столы, воркшопы² и т. д.). Во-вторых, региональные власти должны избежать «искушения» присвоить власть над проектом; напротив, следует стремиться, чтобы лидером проекта был представитель бизнеса, а предприниматели в целом рассматривали внедрение кластерно-ориентированного подхода как собственный процесс, осуществляемый ими и в их интересах. Важно также привлекать к участию лидеров местного гражданского общества,

¹ Шейкин Дмитрий Алексеевич (Россия, г. Волгоград) – соискатель кафедры мировой и региональной экономики, Волгоградский государственный университет.

² Воркшоп (workshop) представляет собой интенсивное обучающее мероприятие под руководством эксперта/экспертов, нацеленное на активную самостоятельную и/или командную работу.

социальных предпринимателей, гражданских активистов и др.; их игнорирование может стать причиной будущих неудач проекта. Вместе с тем, не следует чрезмерно расширять количество участников потенциальных кластеров во избежание повышения транзакционных издержек их коммуникаций и отношений до предельного уровня.

Опыт Дании в построении конкурентоспособных кластеров показал, что главным свойством регулятивной политики в отношении кластерных структур является гибкость [7, с. 16–17], означающая:

- необходимость поиска на практике баланса между восходящей (bottom-up) и нисходящей (top-down) моделями создания и развития кластеров;
- необходимость выхода за узкие рамки отраслевого и статистического анализа при выявлении кластеров (многие датские кластеры базировались на цепочках создания стоимости, границы которых выходили за рамки отдельных отраслей и с трудом поддавались идентификации). Поэтому региональная политика в отношении кластеров должна начинаться со сбора релевантной информации, которая позволяет выявить наличие кластеров (точнее, их «эмбрионов», протокластерных сетей), которые «затемнены» стандартной статистической отчетностью, оперирующей данными без учета их связи с территорией (концентрацией, размещением, расстояниями и т. д.);
- необходимость стимулирования интеграции участников кластера как в коммерческие, так и в социальные сети, причем последние играют гораздо более важную роль в долгосрочной устойчивости кластера, поскольку способствуют накоплению кластерного социального капитала.

Австрийский опыт кластеризации демонстрирует важность маркетинга в развитии кластеров. В Штирии, втором по площади австрийском регионе, маркетинговые и PR-инструменты использовались с самого начала создания автомобильного кластера для привлечения в его состав новых участников, в том числе иностранных партнеров. В результате маркетинговые действия кластера в значительной степени повлияли и на продвижение бренда региона в Евросоюзе и за его пределами. По мнению австрийских экспертов, функции маркетинга и PR должны быть имманентно присущи всем кластерам на территории страны [10, с. 66]. Хотя датские эксперты подчеркивают, что маркетинг и брендинг – это инструменты, наиболее адекватные для завершающей стадии формирования региональных кластеров, но никак не предназначенные для использования на ранних этапах [7, с. 18], по нашему мнению, все же австрийский подход является более предпочтительным и позволяет превентивно избежать маркетинговых ошибок на поздних стадиях эволюции кластера.

Сравнительный анализ биотехнологических кластеров в Японии (Кобе и префектура Шизуока), Германии (Мюнхен и Гейдельберг) и Франции (Страсбург и Лион) позволили подтвердить следующую гипотезу: активно-стимуляционная политика на основе конкурсного отбора поддерживаемых кластеров и софинансирования кластерных проектов федеральным центром и регионами положительно связана с развитием кластеров, создаваемых и развиваемых частным бизнесом [9, с. 233]. Развитие кластеров без государственной поддержки на национальном уровне задает жесткие ограничения: в частности, такие проблемы характерны и для лесопромышленного кластера в австрийской Штирии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фролов Д.П. Высокотехнологичные кластеры в регионах России: преодоление институциональных дефектов / Д.П. Фролов, М.М. Бабкин, Д.А. Шейкин // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11. Ч. 1 (64-1). С. 271–275.
2. Фролов Д.П. Грушевский Д.В. Институционально-экономическая природа кластеров // Экономика региона. 2008. № 2. С. 230–234.
3. Шейкин Д.А. К вопросу об атрибутах региональных кластеров // Стратегия устойчивого развития регионов России: Сборник материалов XXXV Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2016. 206 с.
4. Шейкин Д.А. От теории кластеров – к теории кластерного развития регионов: эволюция и проблематика // Креативная экономика. 2016. Т. 10. № 11. С. 1263–1271.
5. Creating collaborative advantage / C. Huxham (ed.). London: Sage, 1996. 200 p.
6. Dyer J.H. Collaborative Advantage: Winning through Extended Enterprise Supplier Networks. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p.
7. Engineering The Future. Rodin Genoff & Associates, 2008. 56 p. URL: <https://www.rm.dk/siteassets/regional-udvikling/ivarksatteri/publikationer/engineering-the-future.pdf>.
8. Kanter R.M. Collaborative Advantage: The Art of Alliances // Harvard Business Review. 1994. Vol. 72. № 4. P. 96–108.
9. Okamuro H., Nishimura J. Local Management of National Cluster Policies: Comparative Case Studies of Japanese, German, and French Biotechnology Clusters // Administrative sciences. 2015. № 5. P. 213–239.
10. Tödtling F. Industrial Clusters and Cluster Policies in Austrian Regions // Cluster Policies – Cluster Development? A contribution to the analysis of the new learning economy. Nordregio Report 2001:2 / Å. Mariussen (ed.). Stockholm, 2001. P. 59–78.

Подходы к оценке конкурентоспособности туристской организации

Аннотация. На примере туристской организации рассмотрены подходы к анализу и оценке конкурентоспособности туристской организации. Приведен анализ производительности труда по объему платных услуг и по выручке, дана оценка динамики доходов организации, проведены маркетинговые исследования внешней среды, выявлены основные конкуренты турфирмы.

Ключевые слова: конкурентоспособность, резервы роста, матрица STEP-анализа, конкурентная карта рынка.

Исследование вопросов конкуренции в туризме особенно актуально в последнее время, поскольку большинство туристских дестинаций оказалось вовлечено в острую конкурентную борьбу. В связи с этим вопросы конкуренции и конкурентоспособности в туризме требуют глубокого научного изучения, раскрытия закономерностей и основных тенденций их формирования и развития.

Одно из ведущих мест в стратегическом менеджменте занимает анализ конкурентных позиций. Именно на его основе и принимаются стратегические решения. Существует множество различных подходов к оценке конкурентоспособности субъектов хозяйствования, т. к. конкурентоспособность складывается из множества самых разных факторов. Целью данного исследования является оценка и применение различных подходов для анализа конкурентоспособности на примере туристской организации «В» г. Витебска.

Среди основных методических подходов к анализу выделяют следующие: горизонтальный анализ, вертикальный, факторный, сравнительный [1, с. 56]. В экономической литературе выделяются различные методы оценки конкурентоспособности:

- оценка с позиций сравнительных преимуществ (когда издержки ниже, чем у конкурентов), преимущество этого метода – простота оценки по одному критерию – размеру издержек;
- построение гипотетического многоугольника конкурентоспособности (графическое отображение показателей нескольких субъектов, где видны преимущества по факторам);
- оценка с позиций теории равновесия, в основе метода лежит теория рыночного равновесия, в которой каждый фактор рассматривается с одинаковой и одновременно наибольшей производительностью. При этом у предприятия отсутствует дополнительная прибыль, обусловленная действием какого-либо из факторов производства, и нет стимулов для улучшения факторов. Основным критерием является наличие факторов производства, не используемых в полной мере. Преимуществом данного метода является возможность определения внутренних резервов.

Туристические услуги как управляемые процессы находятся под влиянием внешней среды E, основной частью которой является конкуренция K. А это означает, что при вы-

¹ Янкевич Елена Михайловна (Республика Беларусь, г. Витебск) – старший преподаватель, УО Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.

работке управленческих решений Z туристический менеджмент учитывает влияние конкуренции, т. е. $Z = f(K)$ [2, с. 90].

Используя данные «Отчета об объеме платных услуг населению», проследим уровень и динамику производительности труда в стоимостной оценке туристской организации «В» в табл. 1.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что производительность труда в турфирме «В» на протяжении анализируемого периода как в фактических, так и в сопоставимых ценах увеличивается. Так, в 2013 году производительность по объему платных услуг населению в фактических ценах была равна 135,5 млн руб., в 2014 году она увеличилась в 2,7 раза и составила 363,2 млн руб. В 2015 году производительность труда по объему платных услуг населению по сравнению с 2013 годом увеличилась в 3,2 раза и составила 439,5 млн руб.

Что касается производительности труда по выручке от реализации, то в 2013 году она составила 21,9 млн руб., в 2014 году произошел небольшой рост данного показателя – 23,6 млн руб. В 2015 году темп роста производительности труда по выручке составил 173,3%. Это свидетельствует об эффективной деятельности организации. Если производительность труда увеличивается, следовательно, имеет место увеличение объемов реализации туристического продукта, что говорит о качестве и конкурентоспособности туристических услуг данной организации.

Проведен анализ доходов турфирмы «В». Основной целью анализа доходов является оценка состояния доходности и выявление резервов роста. В табл. 2 показан анализ доходов организации за 2013–2015 гг.

Таким образом, анализ данных таблицы 2 показывает, что доходы в организации на протяжении анализируемого периода увеличиваются. Темп роста доходов в 2015 году по сравнению с 2014 годом составил 173,5%. Уровень дохода в % к объему платных услуг населению в 2013 году составил 13,5%. В 2014 году произошло снижение уровня дохода на 8,1 п. п., а в 2015 году уровень дохода увеличился и составил 7,7%. Если сравнивать с базисным периодом, то доходы в 2015 году по сравнению с 2013 годом уменьшились.

Таблица 1. Динамика производительности труда в турорганизации за 2013–2015 гг.

Показатель	Год			Темп роста, %		
	2013	2014	2015	2014 к 2013	2015 к 2014	2015 к 2013
Объем платных услуг населению, млн руб.:						
в фактических ценах	406,5	1089,6	1318,5	в 2,7 раза	121	в 3,2раза
в сопоставимых ценах	401,9	984,5	1209,7	в 2,5 раза	122,9	в 3 раза
Среднесписочная численность работников, чел.	3	3	3	100	100	100
Производительность труда по объему платных услуг населению, млн руб.:						
в фактических ценах	135,5	363,2	439,5	в 2,7 раза	121	в 3,2раза
в сопоставимых ценах	133,9	328,2	403,2	в 2,5 раза	122,9	в 3 раза
Производительность труда по выручке от реализации, млн руб.	21,9	23,6	40,9	107,7	173,3	186,7
Источник: собственная разработка на основе данных организации.						

Таблица 2. Доходы туристской организации «В» за 2013–2015 гг.

Год	Объем платных услуг населению		Доходы		Уровень дохода, % к объему платных услуг	Изменение (+; –) уровня дохода, %	
	сумма, млн руб.	темп роста (цепной способ), %	сумма, млн руб.	темп роста (цепной способ), %		по сравнению с базисным годом	по сравнению с прошлым годом
2013	406,5	100	55	100	13,5	–	–
2014	1089,6	268	58,6	106,5	5,4	-8,1	-8,1
2015	1318,5	121	101,7	173,5	7,7	-5,8	2,3

Источник: собственная разработка на основе данных организации.

Таблица 3. Матрица STEP-анализа внешней среды организации

Факторы внешней среды (глобальные проблемы)	Краткая характеристика вариантов развития экономики		
	Пессимистичный	Реалистичный	Оптимистичный
1. Социальные: – рост реальных доходов населения; – изменения законодательства, затрагивающие социальные факторы; – улучшение демографической ситуации в регионе; – изменение потребностей и вкуса покупателей (потребительских предпочтений)	+	+	+ + +
2. Технологические: – появление научно-технических достижений; – ресурсный потенциал региона; – развитие конкурентных технологий; – потенциал инноваций	+	+	+ + +
3. Экономические: – улучшение экономической ситуации в регионе; – появление новых конкурентов; – рост активности конкурентов; – снижение покупательской способности; – обменные курсы валют; – сезонность	+	+	+
4. Политические: – ужесточение государственной политики в области сертификации; – ужесточение госконтроля за деятельностью бизнес-субъектов и штрафные санкции	+	+	

Источник: составлено автором.

Нами проведен анализ конкурентной среды туристической организации «В» с помощью маркетинговых исследований. В табл. 3 составлена матрица STEP-анализа внешней среды.

Маркетинговые возможности определяют наиболее привлекательные направления усилий на рынке услуг для получения прибыли или (и) социального эффекта. Они представляют собой сложившееся соотношение определенной области потребительских нужд и реальных ресурсов (потенциала) организации по их удовлетворению и получению прибыли.

Таким образом, при оптимистичном развитии экономики Республики Беларусь среди социальных факторов внешней среды следует отметить рост реальных доходов населения, изменения законодательства, затрагивающие социальные факторы, улучшение демографической ситуации в регионе; среди технологических факторов – появление научно-технических достижений; улучшение сырьевой ситуации и ресурсного потенциала региона; рост потенциала инноваций; среди экономических – улучшение экономической ситуации в регионе.

Далее построим матрицу GE, на которой отразим сильные стороны / конкурентоспособность организации, размер отрасли и долю организации «В» на рынке (рис.).

Для позиции А1 характерны наивысшая степень привлекательности рынка и относительно сильные преимущества организации на нем. Организация, скорее всего, будет являться безусловным лидером или одним из лидеров на данном рынке.

Для позиции А2 характерны высшая степень привлекательности рынка и средний уровень относительных преимуществ организации.

Позицию А3 занимают организации с такими видами бизнеса, у которых рыночная привлекательность держится на среднем уровне, но при этом преимущества организации на таком рынке очевидны и сильны.

Виды бизнеса, попадающие в три клетки в нижнем правом углу матрицы, называют Проигравшими (С1, С2, С3).

Это такие виды, которые обладают, по крайней мере, одним из низших и не обладают ни одним из высших параметров, откладываемых на осях Х и У [3, с. 212].

Дополнительные инвестиции организации в такие виды бизнеса, как правило, должны быть ограничены или остановлены вовсе, так как связь между такими инвестициями и массой прибыли организации отсутствует.

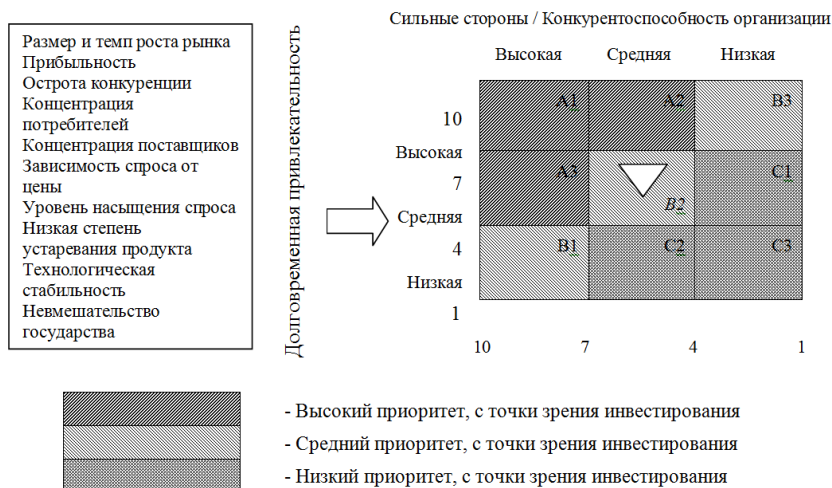


Рис. Матрица GE «Привлекательность отрасли – сильные стороны предприятия»

Источник: составлено автором.

Для С1 характерна средняя привлекательность рынка и низкий уровень относительных преимуществ на рынке.

Для С2 характерны низкая привлекательность рынка и средний уровень относительных преимуществ на рынке.

Позиции С3 определяются низкой привлекательностью рынка и низким уровнем относительных преимуществ организации в данном виде бизнеса.

Виды бизнеса, попадающие в три клетки, расположенные вдоль диагонали, идущей от нижнего левого к верхнему правому краю матрицы, называют «пограничными» – В1, В2, В3. Это такие виды бизнеса, которые могут как расти при определенных условиях, так и, наоборот, сокращаться.

Бизнес турагентства «В» относится к средним позициям (В2): средний уровень привлекательности рынка, средний уровень относительных преимуществ организации в данном виде бизнеса. Такое положение определяет и осторожную стратегическую линию поведения: инвестировать выборочно и только в очень прибыльные и наименее рискованные мероприятия.

Стратегия развития предприятия вырабатывается в ходе реализации процесса стратегического планирования, проводимого в турфирме. По существу это результирующий объект работ по стратегическому планированию. Понятию стратегии развития сопутствуют два направления работы по стратегическому планированию (выработка набора стратегий, начиная от базовой стратегии предприятия и заканчивая функциональными стратегиями и отдельными проектами) и работы по стратегическому управлению (реализация определенной стратегии во времени, корректировка стратегии в свете новых обстоятельств).

Анализ среды – очень важный элемент стратегического управления предприятием, требующий внимательного отслеживания происходящих в среде процессов, оценки факторов и установления связей между факторами и теми сильными и слабыми сторонами, а также возможностями и угрозами, которые заключены во внешней среде, и их влияния на текущую деятельность субъекта. В турагентстве «В» применяется стратегия концентрированного (интенсивного) роста. Эта стратегия связана с изменением либо продукта, либо рынка.

1. Стратегия обработки рынка. Основана на усилении мероприятий маркетинга для имеющихся продуктов на традиционных рынках фирмы с целью стабилизации или расширения рынка. Необходимое условие: растущий перспективный рынок, высокая репутация фирмы, низкая конкуренция. Пути достижения: увеличение потребления через снижение цен, увеличение объема услуг.

2. Стратегия развития рынка. Традиционный товар на новом рынке. Необходимые условия: низкий уровень конкуренции, относительно высокий спрос на аналогичные услуги.

3. Стратегия развития продукта (инновация). Новый продукт на традиционном рынке.

Для оценки уровня конкурентоспособности туристического агентства нами проведен анализ четырех организаций – конкурентов туристской организации «В»: «Центр Курорт», «АМТ-Тур», «Артинтур», «Пилигрим».

Таблица 4. Конкурентная карта рынка

Рыночная доля, D_i Темпы прироста рыночной доли, T_{pi}		Классификационные группы			
		1	2	3	4
		Лидеры рынка ($D_i > 15$)	Фирмы с сильной конкурентной по- зицией ($10 < D_i < 15$)	Фирмы со слабой конкурентной позицией ($5 < D_i < 10$)	Аутсайдеры рынка ($D_i < 5$)
		1	2	3	4
Фирмы с быстро улучшающейся конкурентной позицией (более +4)	1				
Фирмы с улучшающейся конкурентной позицией (более +2)	2	Пилигрим	АМТ-Тур		
Фирмы с ухудшающейся конкурентной позицией (от 0 до -2)	3	Центр Курорт Турфирма «В»	Артинтур		
Фирмы с быстро ухудшающейся конкурентной позицией (более -2)	4				
Источник: собственная разработка на основе данных организации.					

Таким образом, наиболее опасными конкурентами турагентства «В» в плане борьбы за рыночную долю являются «Пилигрим», «АМТ-Тур», «Центр Курорт».

В целом все конкурентные показатели исследуемой организации с применением данных подходов можно оценить выше средних. В результате исследования выяснилось, что наибольшее конкурентное преимущество достигается за счет высокого качества услуг, широкого ассортимента услуг. Следует улучшить работу компании в таких сферах, как инновационная деятельность, эффективность маркетинга, а так же разработать предложения по формированию программы повышения конкурентоспособности объекта. Прежде всего, конкуренцию составляет турпродукт, сделав его качественным, можно избрать дальнейшие тактики ведения конкурентной борьбы. Важно помнить, что конкурентоспособность организации определяется следующими факторами: качеством продукции и услуг, наличием эффективной стратегии маркетинга и сбыта, уровнем квалификации персонала и менеджмента, налоговой средой, в которой действует организация, а так же доступностью источников финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волонцевич Е.Ф. Конкурентоспособность предприятий туристической индустрии. Учебно-методическое пособие/ Е.Ф. Волонцевич – Минск.: РИПО, 2014. – 134 с.
2. Малхотра, Н.К. Маркетинговые исследования. Практическое руководство: пер. с англ. / Н.К. Малхотра – 4-е изд. – М.: Вильямс, 2007. – 1200 с.
3. Светуных, С.Г. Методы маркетинговых исследований: учеб. пособие / С.Г. Светуных. – СПб.: ДНК, 2011. – 352 с.

СЕКЦИЯ 3.

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ

ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИИ

Налоговое стимулирование финансовой самодостаточности регионов Узбекистана

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы укрепления финансовой самодостаточности регионов, которые являются актуальными не только для Узбекистана, но и для многих стран мира. Уровень социально-экономического развития территорий каждой страны, помимо широкого комплекса объективных и субъективных факторов, во многом предопределяется системой налогообложения. Это непосредственно влияет как на благосостояние населения, так и финансовую составляющую бюджетов.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, субвенции, налоговая система, внутренние резервы, налоговые льготы и преференции.

Инициированное правительством всестороннее изучение и анализ обстановки в 182 городах и районах страны послужило основой для разработки программы комплексного развития районов и городов (в разрезе каждой махалли) на 2017–2021 годы. Президент Республики Узбекистан Мирзиев Ш.М., определяя необходимость комплексного развития территорий, отметил, что «...мы хорошо понимаем, что решающим фактором обеспечения роста экономической мощи нашей страны, повышения уровня и качества жизни населения, особенно в сельской местности, прежде всего является комплексное и последовательное развитие территорий. Это наша задача как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу» [2]. В частности отмечается, что 5 из 14 регионов (36%) получают субвенции из республиканского бюджета. Кроме того, в Джизаке и Янгиере, а также в 121 из 167 районов (72%) доходы местных бюджетов формируются с помощью субвенций.

Так, на 2017 год запланирована разработка и утверждение программ социально-экономического развития Республики Каракалпакстан, Андижанской, Бухарской, Джизакской, Навоийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей. Программы призваны обеспечить бюджетную самодостаточность 81 района, а также значительно сократить субвенции в 41 районах и городах. В масштабах страны 15 целевых программ наряду с сокращением дифференциации социально-экономического развития регионов, достижением самодостаточности местных бюджетов призваны стимулировать активность как региональных властей, так и бизнеса.

Таким образом, возникает объективная необходимость внедрения кардинально новых принципов повышения финансовой самодостаточности в целях выравнивания дифференциации социально-экономического развития регионов. В связи с этим повышение бюджетных доходов через расширение налоговой базы посредством оптимизации мер фискального стимулирования является объективным и наиболее оптимальным решением.

¹ Абдувалиев Фарух Тошмухамедович (Узбекистан, г. Ташкент) – старший научный сотрудник, Институт прогнозирования и макроэкономических исследований.

ем. Соответственно, разработка налоговых стимулов с учетом зарубежного опыта является важным элементом развития территорий, что обуславливает актуальность данной темы исследования.

По мнению экспертов, для ряда стран с переходной экономикой была характерна основная системная ошибка, которая заключалась в попытке наложения в 1990-х годах налоговой системы развитых стран на текущую действительность, причем ускоренными темпами [5]. Действительно, в условиях рыночной экономики сама структура бюджета является совершенно иной, чем в плановой экономике. Следовательно, различными являются как направления расходной, так и методы формирования доходной частей бюджета. В условиях повышения полномочий регионов недостаточность средств, остающихся после исполнения обязательств перед вышестоящим бюджетом, не лучшим образом влияет на уровень и качество экономического развития территорий. При существующей системе выходит так, что, чем «уровень» территории ниже, тем меньше руководители регионов заинтересованы в развитии чего либо у них на территории [1]. В результате региональные власти, не имея законодательных рычагов регулирования деятельности крупного бизнеса, постепенно утрачивают стратегические планы развития экономики и решают преимущественно социальные проблемы в рамках распределения бюджетных средств [3].

Изучение зарубежного опыта выявило тенденцию кардинального изменения традиционного представления о подходах формирования региональной политики. Происходит трансформация мировоззрения от принципа сокращения региональных различий в пользу вектора совершенствования региональной конкурентоспособности (табл. 1).

Новый подход подразумевает адаптацию широкого спектра инструментов развития к индивидуальным потребностям отдельных регионов и включает в себя процесс децентрализации на региональном уровне. В связи с этим реализация программ регионального развития акцентируется на стимулировании эндогенного развития, что предполагает активизацию инновационно ориентированных процессов внутри отдельно взятого региона. Как отмечают эксперты ОЭСР, старая парадигма все еще определяет региональную политику в некоторых странах, например, в Финляндии, Германии и Италии. Однако новая парадигма получает все большее распространение [4]. При этом в качестве наиболее действенных инструментов стимулирования развития регионов выступают налоги и механизмы их применения.

Таблица 1. Изменение подходов формирования региональной политики

Элементы	Традиционный	Новый
Цели	Выравнивание экономического развития за счет компенсаций для снижения региональных диспропорций	Стимулирование недостаточно используемого потенциала региона для обеспечения конкурентоспособности
Стратегии	Секторальный подход	Проекты комплексного развития территорий
Инструменты	Субсидии и государственная помощь	Комплекс методов стимулирования
Субъекты	Центральное правительство	Различные уровни власти
Объекты	Административные регионы	Функциональные регионы
Ожидаемый результат	Перераспределение ресурсов от ведущих к отстающим регионам	Создание конкурентоспособных регионов
Источник: составлено автором на основе изучения мирового опыта.		

Положительные эффекты достижения сбалансированности регионального развития достигнуты в экономике Узбекистана. Масштабные структурные преобразования в экономике республики способствовали росту уровня индустриализации регионов на фоне снижения доли сельскохозяйственного производства. Повышение уровня диверсификации экономики регионов сопровождается положительной динамикой уровня и качества жизни населения.

За указанный период налоговая система также претерпела значительные изменения. Одним из важных показателей является существенное сокращение налоговой нагрузки с 49,3% до 19,5% соответственно. Достигнутые показатели обеспечены за счет ежегодного снижения налоговых ставок по отдельным видам налогов, переоценки имущества, повышения уровня собираемости по отдельным видам налогов, а также изменения организационно-правовых форм собственности в ходе структурных преобразований в экономике (табл. 2).

В частности, если к началу реформ (1992 г.) ставка налога на прибыль предприятий составляла 45%, то к 2016 году она снизилась до 7,5% (в 6 раз), ставка единого социального платежа (ЕСП) – с 40% до 25%, а для микрофирм и малых предприятий – до 15% (в 1,6 и 2,7 раза), максимальная ставка налога на доходы физических лиц (НДФЛ) – с 60% до 23% (в 2,6 раза), соответственно.

Оценка межрегиональной дифференциации по ВРП на душу населения показала, что изменение коэффициента асимметрии в разрезе регионов обусловлено неравномерной концентрацией производственных мощностей и, следовательно, налоговой базы регионов [6]. Реализация программ социально-экономического развития территорий обеспечила позитивные результаты повышения уровня индустриализации в сельской местности. Так, удельный вес районов в общереспубликанском промышленном производстве увеличился с 34,8% в 2000 г. до 48% в 2016 г. В настоящее время на 7 районов приходится 22,3% промышленного производства. Вместе с тем в целом по республике треть традиционно сельскохозяйственно ориентированных районов все еще нуждается в дальнейшем повышении уровня индустриализации.

Положительная динамика объемов инвестиций способствовала сокращению дифференциации регионов в финансовых ресурсах. За период 2000–2016 гг. коэффициент асим-

Таблица 2. Снижение ставок налогов и обязательных платежей за 1992–2016 гг.

Наименование	Макс. ставка в 1992 г. (в %)	Снижение к 2016 г. (в разгах)
Налог на добавленную стоимость	30	1,5
Налог на доходы (прибыль) юр. лиц	45	6
Единый налоговый платеж для малых предприятий	15,2	3,0
Налог на доходы физических лиц	60	2,6
Единый социальный платеж	40	1,6* / 2,7**
Источник: расчеты автора на основе налогового законодательства Республики Узбекистан. *Крупные предприятия. **Малый бизнес.		

метрии снизился с 0,67 до 0,58. Вместе с тем ее сохранение объясняется неравномерным использованием предпринимательского потенциала ввиду существенных различий в природно-климатических условиях регионов (рис. 1).

На фоне сокращения асимметрии в общих инвестициях по иностранному капиталу его значение увеличилось с 1,18 до 1,47. Это объясняется высокой концентрацией финансовых ресурсов в газохимической промышленности и транспортной инфраструктуре. Сохранение данной тенденции может негативно отразиться на увеличении разрыва между потенциалами регионов в долгосрочной перспективе.

Реализация мер по укреплению доходной базы местных бюджетов, снижению их субвенционности за счет ввода новых производственных и модернизации существующих мощностей, стимулирования экономической активности населения через развитие надомного труда, торговых сетей, сферы услуг и рыночной инфраструктуры регионов в целом способствовала снижению коэффициента асимметрии с 0,40 до 0,37.

Согласно мировой практике, налоговые льготы и преференции являются скрытым методом государственного субсидирования налогоплательщиков. Под этим принято понимать сознательный отказ правительства от определенной части налоговых доходов в пользу бизнеса в расчете получения определенных выгод в будущем. Расчеты показывают, что за период с 2002 по 2016 гг. доля налоговых льгот и преференций по отношению к доходам государственного бюджета возросла с 7,4% до 26,8%. Однако начиная с 2013 года отмечается обратная тенденция сокращения доли налоговых преференций (рис. 2).

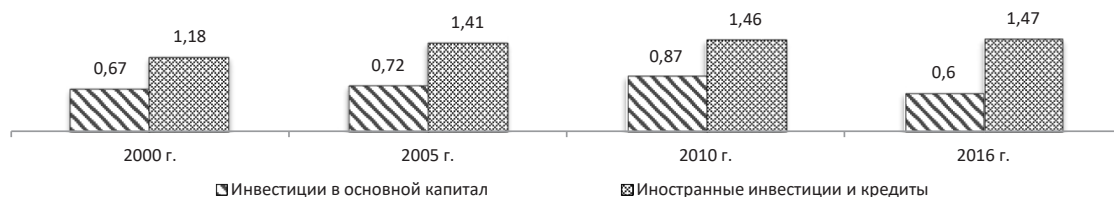


Рис. 1. Асимметрия иностранных инвестиций в Республику Узбекистан за 2000–2016 гг.

Источник: составлено автором на основе Аналитической записки // Оценка асимметрии развития и ее влияние на экономический рост регионов Узбекистана. – Т.: ИПМИ, 2016. – С. 22.



Рис. 2. Динамика налоговых доходов и преференций за 2002–2016 гг., %

Источник: расчеты автора на основе данных ГНК и Министерства финансов Республики Узбекистан.

Становится очевидным, что в настоящее время поддержка налогоплательщиков обходится государству в 26,8% потенциальных доходов бюджета. Отмечаемая тенденция определяет необходимость более детального изучения структуры предоставленных налоговых льгот и преференций.

Анализ структуры налоговых преференций в разрезе регионов республики показывает существенную разницу в их распределении. В значительной степени это обусловлено влиянием таких факторов, как неравномерность распределения численности экономически активного населения, количества субъектов хозяйственной деятельности, а также состоянием уровня развития производственной и социальной инфраструктуры.

Наибольшая доля совокупных налоговых льгот, предоставленных налоговым кодексом Республики Узбекистан, а также согласно отдельными решениями, правительства приходится на г. Ташкент, Ташкентскую, Андижанскую, Навоийскую и Кашкадарьинскую области (табл. 3).

При этом за период с 2002 по 2016 год наибольшие сокращения их удельного веса отмечается по г. Ташкенту с 44,7% до 34,6% (на 10,1 п. п.) и Ташкентской области с 24,2% до 14,4% (9,8 п. п.). Наибольший рост отмечается по Андижанской с 3,5% до (13,1 9,6 п. п.), а также Хорезмской с 1,1% до 5,0% (4 п. п.) и Кашкадарьинской с 1,6% до 5,4% (3,8 п. п.).

Отдельного рассмотрения заслуживают льготы и преференции, предоставленные в соответствии с отдельными решениями правительства в дополнение к налоговому кодексу. Сравнительный анализ показывает тенденцию сокращения объемов персонализированных льгот, за исключением Республики Каракалпакстан, Наманганской, Сырдарьинской и Андижанской областей (табл. 4). По данным регионам отмечается высокая доля

Таблица 3. Изменение структуры налоговых преференций в разрезе регионов Узбекистана за 2002–2016 гг., %

Регион	2002 г.	2005 г.	2008 г.	2013 г.	2014 г.	2016 г.
Р. Каракалпакстан	1,3	0,8	0,3	0,8	1,2	1,4
Андижанская	3,5	16,4	8,3	24,4	16,9	13,1
Бухарская	2,3	2,9	2,5	3,2	3,1	3,3
Джизакская	1,3	0,6	0,4	0,8	0,9	1,0
Кашкадарьинская	1,6	1,8	15,8	4,6	4,7	5,4
Навоийская	7,7	9,6	2,3	6,5	8,7	10,2
Наманганская	2,9	1,8	0,5	1,2	1,4	1,2
Самаркандская	3,8	3,8	1,0	3,9	3,6	4,7
Сурхандарьинская	0,8	2,5	1,3	1,2	1,5	1,4
Сырдарьинская	0,7	0,5	0,3	1,1	1,1	0,9
Ташкентская	24,2	14,9	17,5	9,1	8,3	14,4
Ферганская	4,2	2,1	2,5	3,8	3,8	3,5
Хорезмская	1,0	1,7	0,7	1,4	3,0	5,0
г. Ташкент	44,7	40,7	46,7	37,9	41,7	34,6
Всего	100	100	100	100	100	100

Источник: расчеты автора на основе данных ГНК Республики Узбекистан.

Таблица 4. Динамика льгот, предоставленных решениями правительства, в разрезе регионов Узбекистана за 2002–2016 гг., %

Регион	2002 г.	2005 г.	2008 г.	2013 г.	2014 г.	2016 г.
Р. Каракалпакстан	12,9	20,4	34,6	56,5	19,2	69,9
Андижанская	60,0	81,8	77,4	94,1	73,7	70,0
Бухарская	27,8	24,0	27,4	24,8	9,5	6,8
Джизакская	33,6	30,7	46,1	11,6	69,1	7,9
Кашкадарьинская	16,1	42,8	22,0	2,0	4,2	1,3
Навоийская	97,1	96,4	5,6	10,0	6,2	33,9
Наманганская	22,3	30,3	35,8	51,3	37,7	26,3
Самаркандская	74,8	71,1	47,7	55,8	18,1	20,8
Сурхандарьинская	27,7	29,9	13,1	22,7	7,0	13,4
Сырдарьинская	13,7	21,4	65,4	20,8	13,8	36,0
Ташкентская	27,2	39,2	11,0	7,9	14,1	7,3
Ферганская	17,5	34,8	18,1	40,4	27,8	11,0
Хорезмская	48,9	33,8	10,4	24,4	11,2	13,0
г. Ташкент	55,0	34,8	26,8	11,8	14,6	10,1
Источник: расчеты автора на основе данных ГНК Республики Узбекистан.						

преференций, предоставленных в рамках периодов реализации крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов.

В заключение необходимо отметить, что на фоне высокого уровня государственного стимулирования развития малого бизнеса и частного предпринимательства основной вклад в формирование бюджета и, как следствие, более высокая налоговая нагрузка все еще приходится на крупные предприятия. Масштабные преференции малому бизнесу пока не привели к его укреплению, усложняя условия для деятельности крупных предприятий. Кроме того, активность международных компаний проявляется в таких формах работы, как «аутсорсинг» и субподряды, способствуя появлению множества мелких и средних предприятий. Таким образом, следует ожидать, что на местном уровне движущим механизмом экономической активности и основным источником занятости в будущем во всех странах остается малый и средний бизнес.

Таким образом, данное исследование позволило сформировать следующие рекомендации, направленные на решение двуединой задачи вектора созидательного развития экономики, – укрепить бюджеты регионов за счет смещения налоговой привлекательности в регионы, а также формирования условий для выравнивания общего налогового режима:

- необходимо ввести принцип обязательного учета уровня территориального развития (областей, районов) на основе обобщения значений асимметрии основных макропоказателей при дальнейшем формировании налоговой политики в части предоставления налоговых льгот и преференций;
- рассмотреть целесообразность введения моратория на предоставление преференций по отдельным позициям налогов (юридических лиц применяющих упрощенный порядок налогообложения, налогу за пользование водными ресурсами, а также налогу

на имущество и земельный налог) для вновь создаваемых субъектов бизнеса сроком на 2 года по г. Ташкенту, г. Нукусу, а также Сырдарьинской и Андижанской областям. Данная мера позволит улучшить инвестиционную и налоговую привлекательность регионов;

- дальнейшее совершенствование налогообложения в части выравнивания общих условий налогообложения (для крупного и малого бизнеса), формирование единого налогового климата для всех категорий хозяйствующих субъектов. Создание налоговых стимулов и преференций, способствующих росту и укрупнению малого бизнеса и частного предпринимательства, позволит успешно осуществлять деятельность как за счет гибкости и мобильности, так и за счет экономии масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латыпова Г.Р., Далаев Л.М., Яруллин Р.Р. Дотационность регионального бюджета. [Текст] // Вестник ОГУ, 2014, № 8 (169). С. 160–162.
2. Мирзиеев Ш.М. Последовательное продолжение демократических реформ, обеспечение в стране мира и спокойствия, создание достойных условий жизни для нашего народа – гарантия устойчивого развития [Текст] // Народное слово. 2 ноября 2016 г. № 216 (6621).
3. Поварова А.И. Пассивное поведение правительства. Бюджетные проблемы регионов нарастают. [Текст] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. 2015. С. 39–55.
4. Соболева Г.В., Попова И.Н. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2014. Сер. 5. Вып. 1. С. 5–26.
5. Шкромада В.И. Влияние налоговой системы на уровень пространственной поляризации регионов. [Текст] // Научные ведомости БелГУ городского государственного университета. Том: 21. № 1-1 (120) 2012. С. 16–25.
6. Аналитическая записка // Оценка асимметрии развития и ее влияние на экономический рост регионов Узбекистана [Текст]. –Т.: ИПМИ. 2016. С. 22.

Оценка уровня финансовой безопасности регионального российского банка

Аннотация. Определено понятие «финансовая безопасность коммерческого банка», выявлены основные банковские риски, на примере регионального российского банка рассмотрена система управления рисками и предложены методы по совершенствованию системы оценки уровня финансовой безопасности банка.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовая устойчивость, коммерческий банк, кредитный риск, ликвидность, операционный риск, процентный риск.

В настоящее время в учебной и научной литературе уделяется внимание такому понятию, как финансовая безопасность кредитной организации. Финансовая безопасность банка – это защита финансовых интересов банка, его финансовой устойчивости и среды, в которой он функционирует. Основной целью оценки уровня финансовой безопасности банка является отражение угроз, влияющих на финансовую устойчивость банка. То есть банку необходимо обезопасить свои ресурсы и свою деятельность от возможных потерь. Поэтому в понятии финансовой безопасности банка логично заменять понятие «угроза» на понятие «банковский риск».

Государство в лице Центрального Банка жестко регулирует деятельность коммерческих банков, так как банк привлекает и размещает средства населения. Центральным Банком разработана четкая методика определения финансовой устойчивости банка. Ряд обязательных нормативов и показателей, которые банк вынужден соблюдать, определяет лишь состояние банка для внешних пользователей. Для целей внутренней оценки финансовой безопасности банка необходимо выявить те угрозы и риски, которые в первую очередь могут повлиять на снижение или неполучение прибыли банком.

Центральный банк в своем письме от 23 июня 2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках» выделил следующие виды рисков банковской деятельности:

- кредитный риск;
- рыночный риск, включающий фондовый, валютный процентный риски;
- риск ликвидности;
- операционный риск;
- правовой риск;
- риск потери деловой репутации;
- стратегический риск.

Контроль за функционированием системы управления банковскими рисками и оценка банковских рисков включены в систему внутреннего контроля банка. Банком России на основе Базельских рекомендаций разработаны рекомендации Центрального Банка о

¹ Бушукина Виктория Игоревна (Россия, г. Курган) – студентка 5 курса, ФГБОУ ВО «Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т.С. Мальцева».

порядке определения размера кредитного и операционного риска. В связи с финансовым кризисом 2008–2009 гг. Базельский комитет по банковскому надзору принял систему требований достаточности капитала и ликвидности, получившую название Базель III. В первую очередь это связано с тем, что традиционные требования (Базель II) недостаточно проявили себя во время кризиса и некоторые банки потерпели крах. Поэтому возникла необходимость расширения требований к собственному капиталу с целью улучшения финансовой устойчивости банков. В России международная практика вводится Центральным банком постепенно и в первую очередь коснулась крупных банков. С течением времени вводится новый норматив краткосрочной ликвидности, чистого стабильного фондирования, раскрытие показателя левериджа. Таким образом, Базель II в отличие от Базеля I ввел более чувствительную систему оценки рисков активов для вычисления коэффициентов достаточности капитала, а Базель III дополнил эту систему буферным и контрциклическим капиталом, который реагирует на состояние экономики в определенный момент и в зависимости от этого уже принимает значение.

Таким образом, фактически банку необходимо самостоятельно разработать систему управления рисками.

Объектом нашего исследования является российский региональный банк – ООО «Кетовский коммерческий банк» Курганской области.

В ООО КБ «Кетовский» система управления рисками представлена в виде Политики управления рисками и капиталом Группы ООО КБ «Кетовский».

Данная политика определяет основные цели и задачи управления рисками, методику управления значимыми рисками. Система управления рисками основывается на стандартах и инструментах, рекомендуемых Базельским комитетом по банковскому надзору.

Основные функции управления и контроля над рисками возложены на управление по рискам, стратегическому планированию и отчетности и руководителей структурных подразделений банка.

Одним из основных видов деятельности банков является кредитование, поэтому кредитный риск необходимо анализировать в первую очередь. Согласно политике управления рисками и капиталом Группы ООО КБ «Кетовский», количественная оценка кредитного риска производится в рамках ежедневного расчета норматива достаточности капитала Н1.0. Контроль за уровнем кредитного риска основывается на установлении лимитов. С целью оценки качества кредитного портфеля с позиции его рискованности, доходности и ликвидности мы рекомендуем ввести дополнительные финансовые коэффициенты (табл. 1): коэффициент кредитной деятельности (K1), коэффициент инвестиционной деятельности (K2), коэффициент резерва (K3), коэффициент доходности (отношение разницы между процентами, полученными и уплаченными, к общей сумме ссудной задолженности) (K4), коэффициент кредитной активности использования привлеченных средств (K5).

По результатам расчета данных показателей в динамике, мы наблюдаем, что кредитная активность банка достаточно высокая и превышает рекомендуемые значения. Это говорит о высокой специализации банка в области кредитования. Необходимо особое внимание уделить активам банка с целью обеспечения их ликвидности. Инвестиционная активность

Таблица 1. Предлагаемые показатели для оценки кредитного риска банка

Коэффициент	Рекомендуемое значение	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Отклонение 2015 г. от 2011 г.
K1	0,39–0,51	0,75	0,75	0,68	0,68	0,73	-0,02
K2	<0,12	–	–	0,01	0,02	0,02	0,02
K3	<0,15	0,24	0,24	0,23	0,29	0,30	0,06
K4	–	0,16	0,16	0,13	0,13	0,13	-0,03
K5	<1	0,70	0,72	0,66	0,67	0,86	0,16

Источник: составлено автором на основе внутренней документации ООО КБ «Кетовский».

банка только начинает проявляться. Происходит диверсификация деятельности банка. Инвестиционная политика слабо развита, в связи с чем отсутствует фондовый риск. Коэффициент резерва анализируется в динамике. Наблюдается увеличение размера резерва в течение анализируемого периода. Это в первую очередь связано с увеличением размера выдаваемых ссуд, а значит, с увеличением кредитного риска. На основании коэффициента доходности кредитного портфеля можно судить о реальной доходности активов. В пределах 13–16% банк получит доход от предоставленных ссуд. Сигналом является снижение данного показателя. Поэтому важно проводить тщательную оценку заемщиков с целью повышения данного показателя, а следовательно, доходности кредитного портфеля, так как уже было выявлено, что кредитная деятельность является основной деятельностью банка. Коэффициент кредитной активности использования привлеченных средств характеризует направленность кредитной политики банка. Данный показатель должен стремиться к единице. То есть активы должны работать, привлекаемые средства банком должны быть направлены на выдачу новых ссуд с целью получения прибыли. Однако, чем выше данный коэффициент, тем больше агрессивность кредитной политики банка.

Предложенную систему коэффициентов возможно преобразовать в систему лимитов и дополнить в уже существующие формы отчетности. Однако анализ необходимо проводить в динамике, возможно сравнение показателей с другими банками, использующими подобную методику оценки кредитного риска.

Довольно значимым риском в банковской деятельности является риск потери ликвидности. Оценка риска ликвидности в ООО КБ «Кетовский» осуществляется отделом экономического анализа ежедневно в процессе расчета фактических значений нормативов ликвидности Н2, Н3, Н4, осуществляемого в соответствии с требованиями Инструкции Банка России № 139-И. В качестве дополнительных мер оценки риска ликвидности мы предлагаем использовать коэффициенты, включающие в себя неиспользованный потенциал привлечения денежных средств и прогнозируемый отток банковских ресурсов (табл. 2), предложенные профессором О.И. Лаврушиным. Эти величины банк определяет исходя из прогноза движения средств по счетам клиентов с учетом статистических данных за предшествующий год, договорных обязательств.

На основании данных показателей можно судить о реальной ликвидности банка с учетом притока привлеченных ресурсов и оттока активов. Отметим, что значения данных показателей различны с показателями, установленными Банком России. Мы видим, что

Таблица 2. Предлагаемые коэффициенты для оценки риска ликвидности

Коэффициент	01.01.2015	01.02.2015	01.03.2015	01.04.2015	01.05.2015	01.06.2015
Без учета риска потери активов и возможного изменения в объеме привлеченных средств						
H2	1,18	12,8	1,45	0,83	0,85	1,04
H3	0,91	1,04	0,80	0,76	0,80	0,82
С учетом риска потери активов и возможного изменения в объеме привлеченных средств						
H2.1	1,61	1,40	0,82	0,68	0,91	1,20
H3.1	1,02	1,15	0,60	0,73	0,93	0,83
Источник: составлено автором на основе внутренней документации ООО КБ «Кетовский».						

банк не в каждый месяц способен полностью погасить обязательства до востребования. Нехватка высоколиквидных средств возникает в 4 месяце, особенно с учетом возможных оттоков и притоков активов и обязательств, видно, что банк способен обеспечить только 68% обязательств до востребования. Аналогичная ситуация с погашением обязательств сроком до 30 дней. Скорректированные на возможные притоки–оттоки активов и обязательств коэффициенты ликвидности в большинстве месяцев снизились по сравнению нормативами, рассчитанными в соответствии с требованиями Банка России.

ООО КБ «Кетовский» не осуществляет операции с долговыми и долевыми ценными бумагами на организованном рынке ценных бумаг, биржевыми товарами, не проводит сделок с производными финансовыми инструментами. В связи с этим управление рыночным риском сводится к процедурам управления (выявление, оценка, мониторинг, контроль за объемом) исключительно валютного риска.

Контроль за уровнем валютного риска ООО КБ «Кетовский» основывается на установлении лимитов на отдельные показатели деятельности банка по направлению валютных операций, рассчитанные в соответствии с Инструкцией Банка России № 124-И:

максимальный процент всех длинных (коротких) открытых валютных позиций в отдельных иностранных валютах от капитала банка;

максимальный процент любой длинной (короткая) ОВП в отдельных иностранных валютах, а также балансирующая позиция от капитала.

В ООО КБ «Кетовский» преобладают длинные валютные позиции по доллару и евро, представленные, преимущественно, остатками в кассе и на корреспондентских счетах банка. В рублевом эквиваленте величина открытых валютных позиций не высокая и находится в пределах 8% от собственных средств при нормативе, установленном ЦБ РФ в размере 20%. Таким образом, банк принимает на себя относительно низкий валютный риск, в том числе диверсифицируя позиции по видам валют в относительно равных пропорциях.

Факторы, оказывающие влияние на возникновение операционного, правового риска, риска деловой репутации, схожи. В основе их лежит в большей степени человеческий фактор. Например, квалификация работников, уровень профессиональной этики, ответственность выполнения работы, правильность выполнения должностных обязанностей и др. Однако риск деловой репутации намного шире других рисков и охватывает факторы других типичных рисков банковской деятельности. Количественную оценку данного риска провести практически невозможно, как и корреляцию между возникновением

рискового события и его ущербом. Таким образом, анализ данного риска строится на методе экспертных оценок. Таким примером являются рейтинговые агентства, которые составляют рейтинг деловой репутации банков. Основой рейтинга является финансовая устойчивость банка, а деловая репутация тем выше, чем выше рейтинг банка. Доверие со стороны внешних пользователей к такому банку больше. В ООО КБ «Кетовский» риск потери деловой репутации оценивается начальником управления по рискам, стратегическому планированию и отчетности на основании информации о факторах, свидетельствующих об увеличении риска потери деловой репутации.

В целом можно сделать вывод, что оценка финансовой безопасности сводится к определению финансовой устойчивости банка и оценке рисков, сопутствующих банковской деятельности. Основным элементом при определении финансовой безопасности банка является четкое выполнение рекомендаций и установок Банка России, внутреннее нормативное регулирование рисков и квалифицированный персонал, способный выявить риски и разработать стратегию по управлению ими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврушин О.И., Валенцева Н.И. Банковские риски: учебник. – М.: КНОРУС, 2016. – 292 с.
2. Ларионова И.В. Управление активами и пассивами в коммерческом банке. – М.: Издательство АО Консалтбанкир, 2002. – 272 с.
3. О банках и банковской деятельности [Текст]: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
- О методике определения величины собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III») [Текст]: Положение Банка России от 28.12.2012 № 395-П «О методике определения величины собственных средств (капитала) кредитных организаций («Базель III»)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. О типичных банковских рисках [Текст]: Письмо Банка России от 23 июня 2004 г. № 70-Т «О типичных банковских рисках» // СПС «КонсультантПлюс».
5. О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы [Текст]: Указание Банка России от 15.04.2015 № 3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Хенни Ван Грюнинг, Соня Брайович, Братанович. Анализ банковских рисков. Система корпоративного управления финансовым риском / Пер. с англ. К.Р. Тагирбекова, – М.: Издательство «Весь мир», 2007. – 304 с.
7. Alam, Masukujjaman Risk Management Practices: A Critical Diagnosis of Some Selected Commercial Banks in Bangladesh // Journal of Business and Technology (Dhaka) Volume–VI, Number–01, January–June, 2011. pp. 15–35
8. Zupanovic Ivo, Sustainable Risk Management in the Banking Sector // Journal of Central Banking Theory and Practice, 2014, Vol.3, No.1, pp. 81–100

Кластерный анализ долговой устойчивости регионов Российской Федерации

Аннотация. В статье проведен кластерный анализ распределения регионов по группам долговой устойчивости. С помощью дендрограммы и расчета критерия Calinski–Harabaszpseudo-F определено оптимальное число кластеров. В результате разбиения методом *k*-средних более 30 регионов в 2016 году вошли в группу с низкой и ниже среднего долговой устойчивостью.

Ключевые слова: региональный бюджет, государственный долг, долговая устойчивость, кластерный анализ.

В результате двух экономических кризисов, разразившихся в России за последнее десятилетие и приведших к стагнации доходов бюджетной системы страны, на фоне роста социальных расходов, усиливавшего дисбаланс бюджетов, накопленный на начало 2017 года государственный долг регионов приблизился к отметке в 2,4 трлн руб., или 34% собственных доходов (рис. 1). При этом в семи субъектах РФ уровень долговой нагрузки в 2016 году превышал 100% налоговых и неналоговых доходов (Республика Мордовия, Костромская область, Астраханская область, Республика Карелия, Смоленская область, Республика Марий Эл, Еврейская автономная область).

Расходы на обслуживание и погашение заимствований и государственных гарантий в 2016 году составили рекордные 2,25 трлн руб. В общем объеме расходов региональных бюджетов расходы на исполнение долговых обязательств превысили уровень в 34% (рис. 2). Данные тенденции подтверждают актуальность исследования проблематики долговой устойчивости регионов.

Под управлением долговой устойчивостью бюджетов регионов понимаем деятельность органов власти, осуществляемую в целях привлечения финансовых ресурсов для выполнения расходных и ранее взятых долговых обязательств, посредством применяемых для обеспечения этого управленческих решений, методов и инструментов [2].

Ключевое место в затрагиваемой проблематике занимают вопросы, связанные с методическим обеспечением управления долговой устойчивостью, поскольку данный инструментарий до сих пор не нашел отражения в законодательстве. Вместе с тем сама категория «долговая устойчивость» упоминается в Государственной программе «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», Государственной программе «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации», Проекте бюджетного прогноза Российской Федерации на период до 2030 года и пр. Кроме того, она используется Министерством финансов РФ при расчете показателей в рамках ежегодного анализа соблюдения субъектами РФ требований Бюджетного кодекса РФ.

¹ Галухин Антон Викторович (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.



Рис. 1. Объем государственного долга регионов РФ в 2007–2016 гг. (данные на конец каждого года)
 Источник: данные Минфин России.

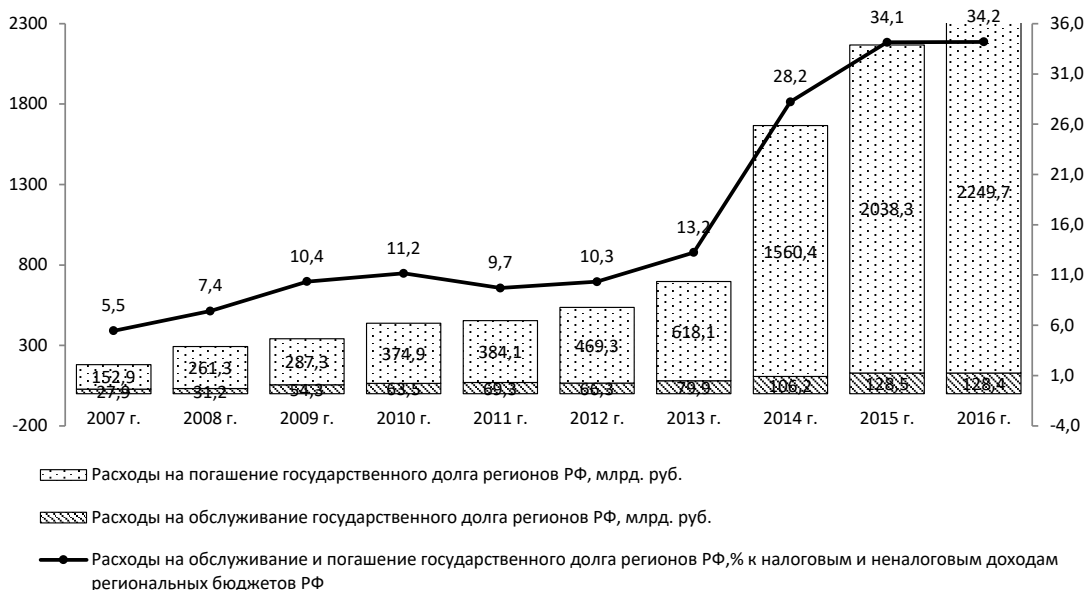


Рис. 2. Расходы на обслуживание и погашение государственного долга регионов РФ в 2007–2016 гг.
 Источник: данные Федерального казначейства.

В научном сообществе оценка долговой устойчивости регионов, в основном, сводится к расчету показателей, установленных требованиями БК РФ [1; 4; 6]. Вместе с тем набор показателей должен давать оценку:

- уровня платежеспособности субъекта федерации;
- влияния государственного долга на социально-экономическое развитие территории;
- уровня риска неисполнения расходных обязательств в связи с погашением долга региона.

На этом основании в качестве показателей оценки долговой устойчивости регионов, по нашему мнению, могут выступить [2]:

- отношение государственного долга региона к собственным доходам бюджета;
- доля расходов на обслуживание и погашение государственного долга в расходах бюджета региона за вычетом расходов, осуществляемых за счет субвенций;

– отношение расходов на обслуживание и погашение государственного долга к собственным доходам бюджета региона и сумме заимствований в текущем году.

Острой проблемой является определение градации уровней долговой устойчивости в итоговой интерпретации. Если не брать во внимание экспертные методы определения границ интервалов значений, которые, несмотря на свою достаточную обоснованность, носят субъективный характер, данный вопрос возможно решить с помощью методов многомерного анализа. Одним из наиболее часто используемых является кластерный анализ, позволяющий определять оптимальное количество групп разбиения и упорядочивать объекты по этим группам путем отбора выборки для кластеризации, определения множества переменных, по которым осуществляется разбиение объектов наблюдения по группам, а также проверка достоверности результатов анализа.

Объектами анализа в нашем случае выступают все регионы РФ. Статистической базой послужили данные Министерства финансов РФ и Федерального казначейства по показателям, которые мы выше обозначили.

Первым этапом анализа является построение дендрограммы кластерного анализа. На рис. 3 видно, что количество кластеров в нашем случае может быть от 2 до 6.

Для определения оптимального количества кластеров используется расчет величины критерия Calinski–Harabaszpseudo-F и выбирается то число кластеров, при котором данный критерий максимален. В нашем случае мы проверили критерий Calinski–Harabaszpseudo-F при разбиении на 4, 5 и 6 кластеров. В результате расчета (табл. 1) видно, что максимальное значение было получено при количестве кластеров, равном 5. Менее 4 кластеров не рассматривали, т. к. уже при 4 кластерах величина критерия Calinski–Harabaszpseudo-F снижается.

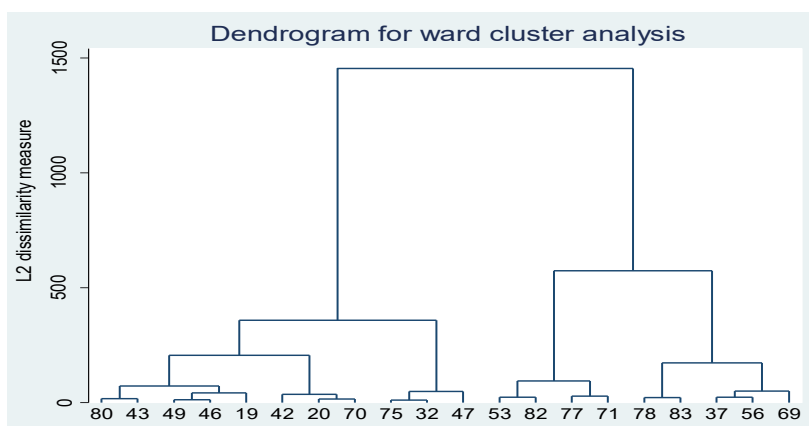


Рис. 3. Дендрограмма кластерного анализа долговой устойчивости регионов РФ в 2016 году

Таблица 1. Определение оптимального количества кластеров

Количество кластеров	Величина критерия Calinski–Harabaszpseudo-F
4	266,67
5	307,77
6	270,58

Далее с помощью метода k-средних был произведен расчет средних значений показателей по кластерам и дана характеристика каждого из них (табл. 2).

В итоге кластерного анализа долговой устойчивости регионов РФ в 2016 году (табл. 3) в группу с низким уровнем вошли 4 региона – Астраханская область, Республика Мордовия, Республика Хакасия. В группу с долговой устойчивостью ниже среднего были отнесены сразу 28 субъектов РФ. В совокупности эти регионы составляют более трети всех субъектов федерации. Еще столько же регионов (15 – с высокой долговой устойчивостью и 17 – с уровнем выше среднего) находятся в безопасной зоне по уровню государственного долга.

Таким образом, кластерный анализ долговой устойчивости регионов показал, что большая часть территории страны в настоящее время продолжает испытывать всю тяжесть долгового бремени. Для решения данного вопроса целесообразно продолжать активную реализацию мер по повышению долговой устойчивости (табл. 4).

Помимо этого нужно задействовать также меры по [2; 3; 5]:

1) стимулированию темпов экономического развития, обеспечивающего рост доходных возможностей территории:

- использование резервов роста секторов экономики регионов (загрузка свободных мощностей в промышленности, сельского хозяйства, торговли, строительства, транспорта и связи);

- более полное и эффективное использование ресурсной базы (земельные, трудовые и лесные ресурсы);

- стимулирование и диверсификация экспорта; импортозамещение, импортоопережение;
- улучшение инвестиционного климата, привлечение средств федерального бюджета (в т. ч. в рамках софинансирования общегосударственных проектов), развитие механизма государственно-частного партнерства;

Таблица 2. Расчетные средние значения по кластерам

Номер кластера	Показатель			Характеристика кластера
	отношение государственного долга региона к собственным доходам бюджета	доля расходов на обслуживание и погашение государственного долга в расходах бюджета региона за вычетом расходов, осуществляемых за счет субвенций	отношение расходов на обслуживание и погашение государственного долга к собственным доходам бюджета региона и сумме заимствований в текущем году	
1	9,366418	0,2874868	0,3525564	Высокая долговая устойчивость
2	37,79958	1,5512	1,933785	Выше средней
3	61,66723	2,176315	3,048149	Средняя долговая устойчивость
4	89,61149	2,958901	4,470419	Ниже средней
5	150,0588	6,042757	9,728786	Низкая долговая устойчивость

Таблица 3. Распределение регионов РФ по кластерам долговой устойчивости

Номер кластера	Количество регионов	Регионы
1	15	Владимирская область, г. Москва, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Республика Крым, Республика Башкортостан, Пермский край, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Алтайский край, Иркутская область, Приморский край, Камчатский край
2	17	Костромская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Тульская область, Мурманская область, Ненецкий АО, Ростовская область, Республика Адыгея, Республика Татарстан, Кировская область, Оренбургская область, Свердловская область, Челябинская область, Ямало-Ненецкий АО, Республика Бурятия, Новосибирская область, Республика Саха
3	22	Брянская область, Воронежская область, Калужская область, Тверская область, Тамбовская область, Вологодская область, Калининградская область, Новгородская область, Республика Дагестан, Ставропольский край, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Нижегородская область, Самарская область, Пензенская область, Ульяновская область, Республика Тыва, Красноярский край, Томская область, Республика Алтай, Хабаровский край, Магаданская область
4	28	Белгородская область, Ивановская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Псковская область, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Волгоградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Саратовская область, Курганская область, Кемеровская область, Омская область, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Чукотский АО
5	3	Астраханская область, Республика Мордовия, Республика Хакасия

Таблица 4. Меры по повышению долговой устойчивости регионов

Группа методов общей теории менеджмента	Мероприятия
Экономические	1) рефинансирование долга; 2) пролонгация выплат по долгу; 3) реструктуризация просроченной задолженности; 4) учет доступности заемных ресурсов путем мониторинга кредитного и фондового рынков; 5) мониторинг финансового состояния принципалов, которым предоставлены государственные гарантии регионами; 6) введение моратория на предоставление новых гарантий
Организационно-административные	1) анализ объема и структуры долга; 2) оценка долговой емкости бюджета; 3) разработка и реализация плана привлечения долговых заимствований; 4) координация регионов с федеральным центром в вопросах управления государственным долгом; 5) сокращение практики нецелевого заимствования региональными бюджетами
Социально-психологические	создание и поддержание имиджа территории как надежного заемщика

- повышение прибыльности организаций за счет освоения инноваций;
- снижение стоимости фондирования для банков и кредитов для заемщиков;
- 2) снижению дефицита бюджета за счет:
 - своевременной адаптации объема расходов уровню доходов;
 - использования резервов получения дополнительных налоговых и неналоговых поступлений;
 - неприятия новых длящихся расходных обязательств;
 - повышения качества бюджетного планирования и прогнозирования;
 - составления проектов бюджетов, исходя из консервативной оценки;
 - введения моратория на передачу на субфедеральный уровень новых расходных обязательств;
 - обеспечения полного финансирования ранее переданных полномочий.

Решение проблемы долговой устойчивости будет способствовать, в конечном итоге, обеспечению общей стабилизации государственных финансов регионов как одного из основных источников устойчивого социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балынин, И.В. Комплексный анализ долговой политики в рамках рейтинговой оценки субъектов Российской Федерации по уровню риска несбалансированности региональных бюджетов [Текст] / И.В. Балынин // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5. – С. 217–222.
2. Галухин, А.В. Оценка долговой устойчивости бюджетов субъектов федерации [Электронный ресурс] / А.В. Галухин // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 5. – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2041>
3. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления. 2000–2015. Противоречивые итоги – закономерный результат [Текст] : монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 304 с.
4. Кадзаева, И.Т. Долговая политика бюджета региона и ее изменения [Текст] / И.Т. Кадзаева // Terra Economicus. – 2012. – № 2. – С. 158–160.
5. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 170 с.
6. Солдаткин, С.Н. Влияние долговой политики органов власти субъектов Российской Федерации на устойчивость территориальной финансовой системы [Текст] / С.Н. Солдаткин // Гуманизация образования. – 2014. – № 3. – С. 47–55.
7. Marshall T. Bond market bites back. Euromoney. Dec. 2002. Vol.33.

Влияние функционирования малого предпринимательства на финансовую самостоятельность муниципальных образований

Аннотация. В настоящее время недостаточно проработаны вопросы определения роли малого бизнеса в экономике муниципального образования. В связи с этим был проведен корреляционно-регрессионный анализ между показателями функционирования малого предпринимательства и собственными доходами бюджетов муниципальных образований, направленный на выявление их взаимосвязи. В ходе оценки были выявлены основные существенные характеристики малого предпринимательства, оказывающие наибольшее влияние на уровень собственных доходов бюджетов муниципальных образований.

Ключевые слова: малое предпринимательство, муниципальные образования, оценка влияния на экономику, собственные доходы местных бюджетов, система активизации деятельности.

После принятия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ситуация в экономике муниципальных образований (МО), особенно сельского типа и малых городах, усложнилась, так как расширение управленческих функций сопровождалось сокращением налоговых поступлений в бюджеты местных органов власти. В сложившихся условиях многие МО оказались не в состоянии эффективно решать возложенные на них обязанности и задачи по причине отсутствия развитой экономической базы. В результате уровень социально-экономического развития муниципалитетов оказался сильно дифференцирован по степени собственной доходности местных бюджетов.

По мнению многих экспертов, эффективным инструментом развития экономической базы МО является малое предпринимательство (МП) [1 – 3; 5]. На всех уровнях государственной власти декларируется необходимость поддержки представленного сектора экономики, принимаются соответствующие нормативно-правовые акты и разрабатываются программные документы, направленные на его развитие. Однако на основе результатов проводимых опросов среди субъектов МП выявлено отсутствие во многих МО заинтересованности органов местного самоуправления в оказании необходимой помощи для развития данного сектора экономики.

Также анализ научной литературы, посвященной вопросам исследования МП, показал, что в настоящее время недостаточно проработаны вопросы определения роли малого бизнеса в экономике муниципального образования [6]. В связи с этим был проведен корреляционно-регрессионный анализ между показателями функционирования МП и собственными доходами бюджетов МО, направленный на выявление их взаимосвязи.

¹ Кремин Александр Евгеньевич (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН.

В качестве информационной базы представленного исследования послужили статистические материалы Вологодской области за 2009 – 2014 гг. В ходе оценки были выявлены основные сущностные характеристики МП, оказывающие наибольшее влияние на уровень собственных доходов бюджетов МО.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что органы местного самоуправления муниципальных образований заинтересованы в предоставлении ресурсов для фирмы и организации, необходимых для качественного развития сектора малого предпринимательства, о чем свидетельствуют результаты полученных регрессионных моделей (табл. 1).

Период исследования ограничен временным промежутком 2009–2014 гг. (объем выборки составляет 168 наблюдений). Информационной базой для проведения исследования являются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, представленные в сборниках «Исполнение бюджета муниципальных образований Вологодской области», «Малый бизнес в Вологодской области», «Малое предпринимательство в Вологодской области», «Финансовое и имущественное состояние организаций малого бизнеса Вологодской области», «Муниципальные районы и городские округа Вологодской области» и др. за 2009–2014 гг.

Справедливость полученных математических моделей подтверждается основными их характеристиками. Найденная зависимость позволила установить, что функционирование малых организаций на территории муниципального образования оказывает влияние

Таблица 1. Результаты корреляционно-регрессионного анализа собственных доходов местного бюджета муниципальных образований и показателей функционирования малого предпринимательства Вологодской области*

Группы муниципальных образований		Регрессионная статистика модели
1. Моделирование по всем муниципальным образованиям		
$Y = -1054050 + 17556 * X1 + 519 * X3 + \varepsilon$		R= 0,604; R ² = 0,365; Radj= 0,358
2. Группировка МО по уровню собственных доходов местного бюджета		
2.1	Уровень собственных доходов бюджета больше 400 млн руб.	$Y_{>400 \text{ тыс.руб.}} = -5978177 + 180368 * X1 + 461 * X3 + \varepsilon$ R= 0,917; R ² = 0,84; Radj= 0,833
3. Группировка МО по уровню функционирования МП		
3.1	Низкий уровень распространенности МП	$Y_{\text{низ.распр.МП}} = -3365475 + 93045 * X1 + 563 * X3 + \varepsilon$ R= 0,8; R ² = 0,642; Radj= 0,634
3.2	Высокий уровень масштабности МП	$Y_{\text{выс.масш.МП}} = -8848594 + 170074 * X1 + 466 * X3 + 39773 * X6 + \varepsilon$ R= 0,875; R ² = 0,766; Radj= 0,75
3.3	Высокий уровень эффективности	$Y_{\text{выс.эффект.МП}} = -1056375 + 32094 * X1 + 454 * X4 + \varepsilon$ R= 0,776; R ² = 0,603; Radj= 0,59
*Источник: составлено автором. Y – собственные доходы местного бюджета; X1 – число субъектов малого предпринимательства на 1000 чел. населения муниципального образования; X3 – средняя выручка от продажи товаров, работ, услуг одного субъекта малого предпринимательства муниципального; X4 – средняя стоимость имущества одного субъекта малого предпринимательства муниципального образования; X6 – доля прибыльных организаций в общем числе субъектов малого предпринимательства.		

на рост объемов собственных доходов местных бюджетов региона. Увеличение численности субъектов малого предпринимательства на территории Вологодской области на 1000 ед. (2,7% от общей численности субъектов МП региона) приведет к увеличению общей суммы собственных доходов всех муниципальных образований региона на 67,8 млн руб. (0,5% от общей суммы собственных доходов бюджета муниципальных образований области).

Однако не только численность субъектов малого бизнеса оказывает влияние на объемы собственных доходов местных бюджетов – увеличение средней выручки каждой малой организации муниципалитета на 1 тыс. руб. приведет к росту собственных доходов местного бюджета данного муниципального образования в среднем на 514 тыс. руб.

Исходя из полученных результатов корреляционно-регрессионного анализа можно сделать вывод о том, что органы местного самоуправления заинтересованы в предоставлении ресурсов и создании благоприятных условий, необходимых для качественного функционирования сектора малого предпринимательства, с целью повышения собственных доходов бюджета.

Полученные результаты корреляционно-регрессионного анализа подтверждают утверждения как зарубежных, так и отечественных исследователей о том, что деятельность сектора МП оказывает существенное влияние на экономику МО. В связи с этим МСУ должны направлять собственные усилия на создание благоприятных условий для видения бизнеса, а также оказывать различные меры поддержки для создания и развития субъектов МП.

В связи с этим существует необходимость разработки системы мероприятий по активизации функционирования сектора малого предпринимательства с учетом сложившейся экономической ситуации и имеющихся проблем в развитии бизнеса на территории каждого муниципального образования региона. Для оказания управленческого воздействия на функционирование малого предпринимательства на муниципальном уровне был разработан организационно-экономический механизм, обеспечивающий оказание административного содействия со стороны МСУ, направленного на активизацию функционирования исследуемого сектора экономики, за счет создания Фонда муниципального развития, осуществляющего финансовое стимулирование администраций муниципальных районов субъекта РФ.

Формируемый механизм основывается на действующей системе управления развитием малого предпринимательства в РФ и подразумевает корректировку существующих взаимосвязей и формирование ряда новых субъектов и методов управления (*рис.*). На основании результатов, полученных на предыдущих этапах диссертационного исследования, предложено создание структурного подразделения на базе Центров поддержки предпринимательства (ЦПП), обеспечивающего эффективную реализацию муниципальных программ развития малого бизнеса за счет осуществления финансового стимулирования администраций муниципальных районов субъекта РФ (Фонд муниципального развития).

Определение квот и распределение финансовых средств фонда рекомендуется осуществлять согласно экспертному заключению заявки муниципального образования, а также согласно разработанной группировке муниципалитетов по отклонению инте-

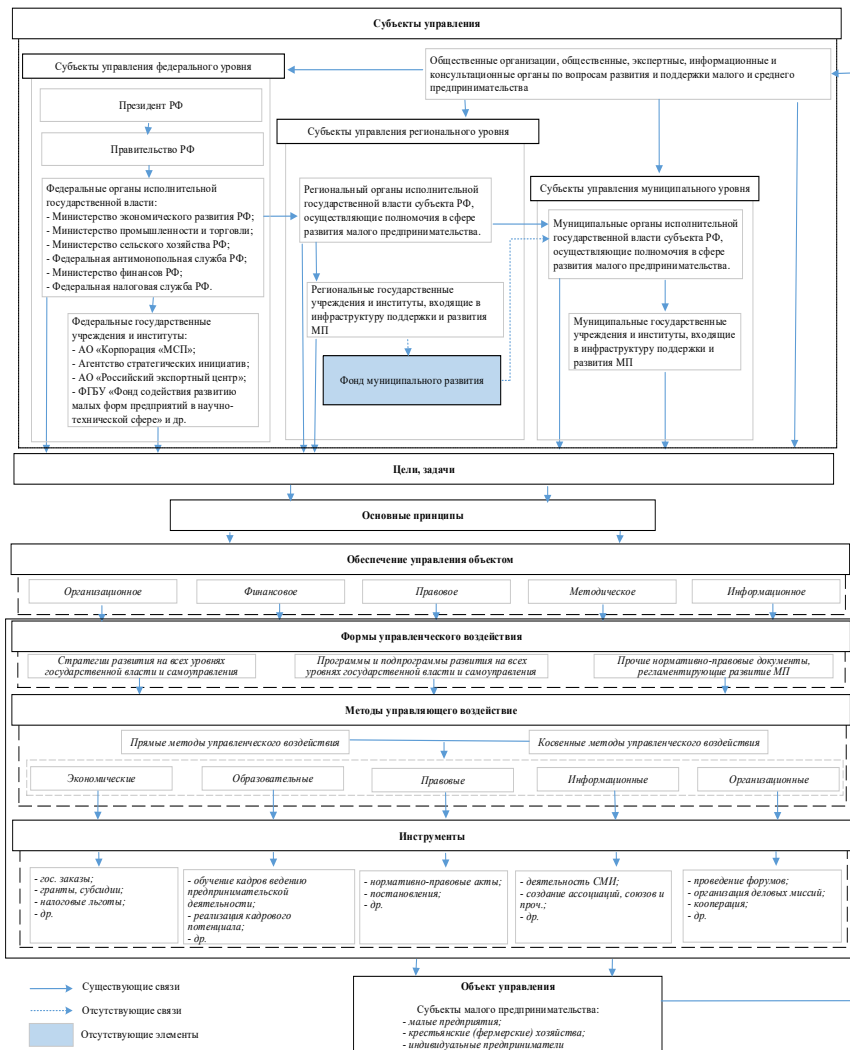


Рис. Организационно-экономический механизм управления функционированием малого предпринимательства на муниципальном уровне

гательного показателя функционирования субъектов малого предпринимательства района от среднего значения по региону (табл. 2).

Расчет суммы финансирования заявки муниципального образования осуществляется по следующей формуле:

$$S_i = F_j * \left(\frac{b_i + k_i}{\sum_{i=1}^n (b_n + k_n)} \right) * 100\%, \quad (1)$$

где:

S_i – сумма финансирования i -й заявки муниципального образования;

F_j – основные средства фонда, подлежащие распределению между муниципальными образованиями, в j -м финансовом году;

Таблица 2. Распределение баллов по отклонению интегрального показателя функционирования субъектов малого предпринимательства района от среднего значения

Уровень	Пределы отклонения интегрального показателя	Рекомендуемый балл оценки заявки
Высокий	больше 30%.	5
Выше среднего	от 10 до 30%.	4
Средний	от -10 до 10%.	3
Ниже среднего	от -30 до -10%.	2
Низкая	меньше -30%.	1

Источник: составлено автором.

b_i – балл оценки статистических показателей заявки i -го муниципального образования;
 n – количество поданных заявок муниципальных образований для рассмотрения дальнейшего финансирования в фонде;

k_i – экспертный коэффициент заявки i -го муниципального образования.

Создание представленного фонда должно стать одним из приоритетных направлений деятельности региональных органов власти и управления в области поддержки и развития малого предпринимательства. Его функционирование позволит привлечь дополнительные средства федерального бюджета, обеспечить эффективное использование консолидированного бюджета региона, а также активизировать деятельность органов местного самоуправления и повысить финансовую самостоятельность местных бюджетов за счет развития социально-экономической системы территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асаул, А.Н. Взаимодействие государства и бизнеса в решении социальных проблем [Текст] / А.Н. Асаул // Экономическое возрождение России. – 2010. – № 2. – С. 4 – 7.
2. Булакина, О.Н. Методика комплексной оценки предпринимательского потенциала муниципального образования [Текст] / О.Н. Булакина // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 4 (66). – С. 63 – 65.
3. Гутман, Г.В. Управление региональной экономикой [Текст] / Г.В. Гутман. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 173 с.
4. Елисеева, И.И. Бизнес и вопросы правового обеспечения [Текст] / И.И. Елисеева, Е.Ф. Мосин // Вопр. статистики. – 2000. – 10. – С. 49–52.
5. Захарченко, А.А. Поддержка малого предпринимательства и доходный потенциал местных бюджетов [Текст] / А.А. Захарченко // Финансы. – 2009. – № 3. – С. 37–40
6. Кремин, А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне [Текст] / А.Е. Кремин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3 (45). – С. 231–247.

Обеспечение прозрачности бюджетного процесса

Аннотация. Целью исследования является определение особенностей функционирования отечественной бюджетной системы в современных условиях. Изучаются проблемы функционирования бюджетной системы. Обоснована необходимость широкого применения принципа прозрачности в бюджетном процессе.

Ключевые слова: прозрачность, бюджет, бюджетный процесс, бюджетная система, уровень прозрачности бюджетного процесса.

Порядок разработки, принятия и контроля за выполнением плана социально-экономического развития каждого региона должен быть детально расписан как план социально-экономического развития. Рассмотрение проектов документов, связанных между собой, на разных этапах предусматривает проведение депутатских слушаний именно на стадии подготовки плана социально-экономического развития. Необходимо внедрять проведение публичных слушаний в совете бюджетных процессов с участием самоуправления – это будет способствовать решению задачи более активного привлечения населения к обсуждению и решению государственных проблем.

Проблемы становления и развития бюджетной системы рассматриваются в научных трудах И. Бескида, А. Василика, В. Опарина, В. Малько, Ю. Пасечника, С. Юрия и других. Однако в нынешних условиях социально-экономического развития недостаточно фундаментальных исследований, направленных на разведку проблем, сдерживающих процесс развития эффективной модели бюджетной системы.

Актуальной темой сегодня является обсуждение прозрачности доступа к бюджетной информации. Оказывается, что есть и такая проблема, которая заявляет, что непрозрачность бюджетной информации обнаруживает существование государства как политического организма отдельно и автономно от общества. Непрозрачность доступа к информации, процедурам, процессам и качеству использования говорит лишь о наличии коррупционных схем, что позволяет накапливать за государственный счет такие капиталы, с которыми можно выкупать телеканалы, спонсировать политические процессы, в конце концов, обеспечивать сохранение существующей схемы и непрозрачности. Размер этих ресурсов не является публичным и может быть вычислен теоретически. Опыт показывает, что состояние становится известным во время свержения режима, и оно может достигать размера, превышающего бюджет страны. В свое время писали во время свержения режима Чаушеску в 1989 году, еще социалистической Румынии, семья первого се-

¹ Леваева Людмила Юрьевна (Украина, Переяслав-Хмельницкий) – к.э.н., доцент кафедры экономики ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды».

Кучеренко Светлана Юрьевна (Украина, Переяслав-Хмельницкий) – к.э.н., доцент, заведующая кафедрой политической экономики ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Григория Сковороды».

кретаря владела состоянием большим, чем бюджет страны. Тогда это было странным для граждан социалистического лагеря, где велась пропаганда против богатых, равенство, где еще не знали об олигархах и т. д. Аналогичная информация появилась во время свержения Х. Мубарака в Египте в 2011 году.

Происхождение этих капиталов обеспечивает стагнацию экономики собственной страны, угнетение частного сектора, а главное – они не становятся инвестиционными для собственной экономики из-за природы своего происхождения.

Участие граждан в создании бюджета и дальнейшем цивилизованном контроле говорит об адекватной политической системе. Здесь речь идет не о том, что «кухарка умеет управлять государством», а о том, чтобы исключить теневые схемы, отток денег из бюджета в частных интересах распорядителей. Действительно, что для этого нужны и прозрачные процедуры, и доступный бюджет. Но не менее важен и спрос на эту информацию со стороны общества [2, с. 176].

История государственности показывает, что больше всего злоупотреблений государственной властью во всех странах с рыночной экономикой наблюдается в финансово-бюджетной сфере. Финансовые махинации, нелегальные схемы вывоза капитала, нецелевое расходование бюджетных средств, злоупотребление служебными полномочиями, нарушение тендерных процедур, биржевые мошенничества – все это присуще большинству стран и вызывает справедливое возмущение населения. Такое положение дел вызывает необходимость фокусирования внимания политиков, ученых, широких кругов общественности на поиске консенсуса в вопросах развития финансовой сферы на принципах прозрачности при соблюдении требований коммерческой тайны, конфиденциальности и эффективности государственного управления.

Сегодня возвращение доверия к действиям правительства является одной из важнейших задач достижения общественной стабильности в Украине. И должное место в этом процессе занимает обеспечение прозрачности финансово-бюджетной сферы нашего государства. Более того – эта проблема находится в центре внимания международных организаций и является одной из ключевых, решение которой будет контролировать Европейский Союз [1].

В обновленном Рейтинге бюджетной прозрачности от всемирной сети International Budget Украина опустилась на 56 место из 102 стран, участвующих в рейтинге. Об этом говорится в пресс-релизе Центра политических студий и аналитики. По сравнению с предыдущим рейтингом, который был опубликован в 2013 году, Украина опустилась на 21 позицию вниз, набрав 46 баллов из 100 в сводном индексе прозрачности бюджетов.

Информация, которая использовалась для создания рейтинга, была собрана в течение 2013 года и первого полугодия 2014 года. Однако, как отмечают эксперты, с тех пор радикальных улучшений в сфере бюджетной прозрачности пока не произошло.

«Украина продемонстрировала сногшибательное падение – за 4 года мы опустились с 19 места на 56, оказавшись между Малайзией и Бенином», – утверждает эксперт International Budget Partnership в Украине Владимир Тарнай. Как следует из рейтинга, самая большая проблема бюджетирования в Украине – правительство не дает обществен-

ности достаточно возможности для участия в бюджетном процессе. По этому показателю эксперты оценили старания Украины только на 23 балла из 100.

Возглавила рейтинг Новая Зеландия, набравшая 88 баллов из 100. Россия заняла 11 место, Польша – 22, Румыния – 9, Грузия – 16. Впереди Украины в рейтинге бюджетной прозрачности также оказались такие страны, как Танзания, Намибия, Никарагуа, Ботсвана и др.

International Budget Partnership – международная сеть организаций, занимающихся вопросами бюджетной прозрачности. С 2009 года сеть выпускает рейтинг бюджетной прозрачности Open Budget Survey.

Исследование состояло из 140 фактических вопросов, которые оценивают 3 критерия бюджетной отчетности: прозрачность бюджета, возможности для участия общественности в бюджетных процессах и проверка воздействия законодательного органа и высшего органа аудита каждой страны [4].

Есть несколько путей, которые дадут возможность радикально улучшить бюджетный процесс в Украине на территориальном уровне.

1. Пополнение местных бюджетов за счет создания дополнительных услуг для населения. Используя данный вариант решения проблемы, местные органы власти получат реальную возможность пополнить свой бюджет, а это, в свою очередь, даст следующие преимущества: повысится качество услуг; расширится спектр услуг; появится возможность оказывать помощь нуждающимся гражданам; появятся средства для развития как местных услуг, так и общественных в целом.

Для ввода дополнительных услуг населению со стороны местных органов власти не надо никаких законодательных изменений. На ранних этапах реализации понадобятся определенные небольшие средства и дополнительный штат для работы во вновь созданных службах и услугах. Это даст возможность получить дополнительные источники доходов в бюджет, увеличить количество рабочих мест, что будет выгодно и полезно для общества в условиях безработицы в Украине.

Например, в г. Торонто (Канада) действуют более 60 видов муниципальных услуг, позволяющих значительно пополнить местный бюджет и оказывать помощь как отдельным гражданам, так и неприбыльным организациям, таким как больницы, школы и т. п.

2. Применение такой формы составления бюджета, как бюджет с учетом результативности. Бюджет, основанный на исполнительных интересах с учетом результативности (исполнительный бюджет), дает информацию о категории расходов и показывает количество затрат, средств, необходимых для предоставления каждой из услуг. Эта форма соответствует современным требованиям, поскольку фокусируется на результатах и показывает эффективность и производительность затрат и их результативность, она обеспечивает контроль, планирование, управление, но в то же время требует определенных исполнительных стандартов и критериев, поскольку уровень услуг определяется использованием статистических данных и критериев качества выполнения.

Для перехода от существующей формы составления бюджета к применению такой формы, как бюджет с учетом результативности, необходимо определенное нормативное

регулирование. Имеется в виду законодательно утвержденная возможность использования этой формы, а также необходимость разработки определенных критериев и стандартов. Для этого нужно изучить зарубежный опыт и возможные варианты его применения в наших условиях.

3. Применение и использование исполнительных стандартов качества (исполнительный критерий или критерий результативности). Бюджет как главный документ, который показывает количество и качество услуг населению и то, как вообще работает орган местной власти, должен включать в себя критерии оценки деятельности, или так называемые критерии результативности. Почти все развитые страны мира используют эти критерии в своей работе. Они используются в бюджетном процессе этих стран и в их деятельности в целом; они уже разработаны и законодательно утверждены во многих странах, поэтому, наверное, есть смысл изучить зарубежный опыт и на этой основе разработать критерии для территориальных органов власти в Украине. Критерии результативности органов местной власти должны разрабатывать каждый для себя, с учетом специфики своей деятельности, ее возможностей и региональных различий.

4. Привлечение общественности к бюджетному процессу территориальных органов власти. Очень важно, чтобы выборные должностные лица и государственные служащие информировали граждан о том, чего орган власти планирует достичь, что он выполняет и сколько стоят услуги, на какие направления расходуются бюджетные средства. С этой информацией граждане могут делать выводы об уровне услуг, которые им нужны. Местные органы власти, в свою очередь, смогут удовлетворить потребности граждан в услугах, если они будут привлекать население к бюджетному процессу на стадии планирования бюджета. Очень важно привлекать общественность на ранних стадиях разработки бюджета. Сам бюджетный процесс должен стать прозрачным для жителей общины и происходить с участием населения и с учетом общественного мнения. Необходимо проводить так называемые открытые бюджетные слушания, на которых жители общины смогут получать информацию о статьях местного бюджета и выражать свое мнение о его основных направлениях. Привлечение общественности к бюджетному процессу территориальных органов власти будет способствовать значительному повышению эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; приближению власти к людям; значительному повышению активности граждан в решении вопросов местного развития; формированию новой психологии граждан; большей прозрачности местной власти; большей подотчетности исполнительной власти.

Все эти альтернативы должны быть применены вместе, потому что каждая из них в отдельности не будет существенным решением проблем местных бюджетов в целом. Все из предложенных вариантов решения проблем соответствия местных бюджетов потребностям населения в услугах является одним, общим направлением деятельности местных органов власти по улучшению бюджетного процесса и соответственно качества предоставляемых услуг населению [5].

Вопрос о необходимости обратиться к реформам местного самоуправления актуализировался в периоды правления всех четырех президентов Л. Кравчука, Л. Кучмы,

В. Ющенко, В. Януковича. Даже все политические партии, победившие на парламентских выборах 2012 г., указали на это в предвыборных программах. Вместе с тем прагматических изменений в этом секторе не было. Мы называем ряд причин отсутствия реальных реформ местного самоуправления:

1. Отсутствие системного понимания, что именно надо сделать с местным самоуправлением.
2. Отсутствие политической воли к прагматичным шагам в этой сфере.
3. «Нехватка времени» каждой президентской или парламентской каденции у политиков на этот вопрос.
4. Принципиально важно то, что и само общество, и общины являются пассивными, не развита культура самоуправления, а соответственно, не проявляется спрос.
5. Отсутствие практики обмена положительным опытом в этой сфере.

Местным руководителям негласно «провластные» силы ставили задачу «обеспечения» нужных результатов на общенациональных выборах. По большому счету, общественная политическая и экономическая жизнь в маленькой общине мало кого интересовала. Однако подсознательно, очевидно, присутствует такое ощущение, что эти общины в случае достаточной обеспеченности самоуправления будут проявлять другую гражданскую позицию, и лучше, чтобы они были зависимы, то есть бедные. Таким образом, местные бюджеты являются бюджетами «проедания», а местные органы – постоянными просителями. Большинство сельских территориальных общин не способны выполнить собственные функции, а из 5419 местных бюджетов дотационными являются более 70% [3, с. 4].

Не претендуя на полноту ссылок на Соглашение в аспекте нормирования положений по обеспечению прозрачности финансово-бюджетной сферы, можно сделать несколько выводов, опираясь на приведенный перечень.

Во-первых, одной из заметных тенденций сегодня является контроль со стороны международных организаций по национальным процессам обеспечения прозрачности всей финансовой системы. Большинство из них в своих программных документах, решениях, коммюнике записывают принцип подконтрольности и подотчетности финансовых операций, прежде всего в бюджетной сфере, довольно настойчиво рекомендуется для соблюдения всеми национальными правительствами. Также контроль за открытостью бюджетных процессов находит отражение в Индексе открытости бюджета, который рассчитывается по данным 100 стран. Он определяет, предоставляет ли правительство обществу доступ к восьми основным бюджетным документам и являются ли эти документы понятными, своевременными и полезными. Речь идет о бюджетной декларации, проекте бюджета, бюджете, бюджете для граждан, квартальных отчетах об исполнении бюджета, полугодовом отчете, годовом отчете и отчете об аудите. Следует добавить, что по доступному для расчета индексу 2012 года Украина занимала тридцать пятое место, а ее результаты были такими: в 2008 году – 55 баллов, в 2010 – 62 и в 2012 – 54 балла, что выше среднего значения.

Во-вторых, в Украине наиболее разработанным в научном плане является вопрос обеспечения прозрачности государственного бюджета. В то же время из положений соглаше-

ния четко следует, что достижение прозрачности государственного бюджета невозможно без прозрачности выполнения финансовых операций в различных сегментах финансовой системы. Речь идет, прежде всего, о «чистоте» исполнения биржевых операций; прозрачности деятельности страховых компаний, институтов совместного инвестирования, финансово-кредитных учреждений; доступе к информации о доходах и капиталах, которые находятся на счетах в любой точке мира, национальных налоговых органов; о контроле за инвестициями со стороны широкого круга общественности и тому подобное. Итак, прозрачность бюджета, бюджетного процесса и финансовой сферы является одним из важных элементов обеспечения общей прозрачности действий правительства.

В-третьих, прозрачность бюджета должна гарантировать не только доступ к информации по вопросам разработки и реализации бюджетной политики, но и к широким наборам различных инструментов, механизмов и мероприятий по квалифицированному участию заинтересованных лиц в выработке решений по регулированию финансово-бюджетных операций на различных уровнях государственного управления. В частности, обратимся к опыту Польши по созданию системы управления в рамках программы внедрения электронного правительства Европейского Союза, что коренным образом изменило саму технологию доступа и участия общественности в процессах государства. В качестве инструмента была сформирована специализированная онлайн-система, которая гарантировала открытость государственных реестров, решала проблемы с применением электронной подписи и тому подобное.

В-четвертых, при обеспечении прозрачности финансово-бюджетной системы Украины целесообразно выделить слабые места, которые тормозят все остальные процессы и делают невозможной реализацию системных действий по решению этой проблемы. К таким «узким» местам следует отнести слабую контролируемость программ местных бюджетов и недостатки в управлении финансовой деятельностью государственных предприятий. Решению первой проблемы препятствует значительное количество таких программ. Наличие более чем десяти тысяч местных бюджетов и большого количества программ при отсутствии электронной сети, охватывающей всю территорию Украины, сегодня является нерешенной проблемой.

Вместе с тем предложенное некоторыми деятелями «простое» решение по укрупнению территорий и населенных пунктов может не дать ожидаемых результатов, а взамен породить серьезные социальные конфликты и ситуации неуправляемости объектов управления. Выход возможен в усилении общественного контроля и участия общественности в принятии социально значимых решений, создании общественных советов на принципах, определенных в научных трудах, в том числе доктора наук по государственному управлению В.М. Алексева, который длительный период занимается исследованием этой проблемы [1].

Прозрачность финансово-бюджетной сферы предполагает соблюдение европейских принципов и стандартов оказания государственной помощи отраслям и отдельным предприятиям, ясность и непротиворечивость законодательства о тендерных закупках и максимальное соблюдение его норм. Обеспечение прозрачности бюджетной сферы являет-

ся сложной проблемой, которая нуждается в системных, последовательных действиях в различных сферах и направлениях государственного регулирования. И эта задача сейчас должна быть в числе первоочередных в планах властей.

Формально в Украине есть все признаки для осуществления местного самоуправления, но, по сути, это не реализуется должным образом. Как следствие, имеем такой результат: при отсутствии общественного контроля бюджетный процесс становится теневым в понимании его использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иваницкая О. Прозрачность финансово-бюджетной системы Украины: новые стандарты [Электронный ресурс] // Независимый Аудитор. – Режим доступа: http://nauditor.com.ua/uk/component/na_archive/1157?view=material.
2. Балабан Р. Прозрачность бюджетного процесса 2012–2013 гг. (Кыргызстан, Украина, Казахстан) // Научные записки ИПиЕНД им. И.Ф. Кураса НАН Украины. 2014. – Вып. 4 (66). – С. 174–180.
3. Ставнийчук М. Реформа, с которой Украина опаздывает на 20 лет // Зеркало недели. – 2012. – № 44 (92). – 1–7 декабря. – С. 4.
4. Украина опустилась на 21 позицию в рейтинге бюджетной прозрачности // Экономическая правда. – 2015. – 24 сентября.
5. Пути повышения прозрачности и эффективности бюджетного процесса территориальных органов власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukrreferat.com/index.php?referat=65627>

Актуальные аспекты обеспечения самофинансирования разных типов муниципальных образований

Аннотация. В статье проанализированы тенденции изменения финансовой самостоятельности бюджетов разных типов муниципальных образований на материалах Вологодской области. Предложены мероприятия, которые будут способствовать повышению уровня самофинансирования муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальное образование, местное самоуправление, местный бюджет, дотационность, безвозмездные поступления, самофинансирование.

Возможность достижения устойчивого социально-экономического развития территорий в значительной степени определяется результативностью функционирования бюджетно-налогового механизма в государстве. В соответствии с принципами бюджетного федерализма для России характерна децентрализация расходных обязательств с федерального на региональный и местный уровни управления. В связи с этим усиливается значимость региональных и местных бюджетов в финансовом обеспечении социально-экономического развития территорий, расширяются требования к стабильности бюджетной системы на данных уровнях управления.

Основную роль в формировании финансовых ресурсов в федеративном государстве играет местный бюджет как форма финансового обеспечения функционирования наиболее приближенного к населению уровня публичной власти. Механизм бюджетной децентрализации предполагает определенную степень автономии органов местного самоуправления, позволяющую им принимать независимые решения в налогово-бюджетной сфере [3, с. 21]. Так, вновь образованные в результате реформирования системы местного самоуправления муниципальные образования в настоящее время формируют собственные бюджеты².

Однако сохраняющаяся концентрация большей части налоговых поступлений в федеральном и региональном бюджетах в сочетании с расширением перечня органов местного самоуправления привела к тому, что собственная доходная база местных бюджетов оказалась недостаточной для обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий. Так, в 2005–2015 гг. финансирование совокупных расходов местных бюджетов России более чем на 50% состояло из средств финансовой помощи, превысив в 2015 году 63,4% по сравнению с 52,5% в 2005 году, что свидетельствует о возрастании дотационности местных бюджетов страны (*рис.*). Кроме того, самостоятельность органов местного самоуправления по реализации расходных полномочий ограничена и преобладанием в объеме безвозмездных поступлений трансфертов целевого характера, доля которых увеличилась с 64,7% в 2005 году до 79,5% в 2015 году.

¹ Микляева Ксения Алексеевна (Россия, г. Вологда) – аспирант, Вологодский научный центр РАН.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

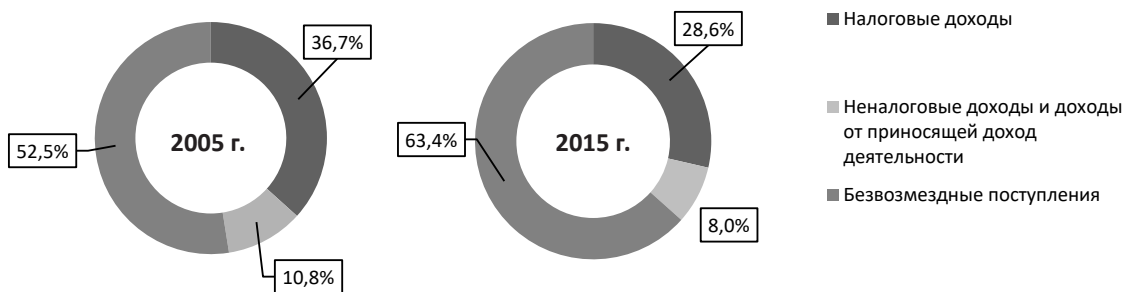


Рис. Структура доходов местных бюджетов России в 2005 и 2015 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным Федерального казначейства РФ.

Увеличение дотационности бюджетов муниципальных образований может привести к существенному недополучению доходов в местные бюджеты в случае снижения объема предоставляемых межбюджетных трансфертов. В результате функциональные задачи органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения будут реализованы не полностью, что приведет к ухудшению качества и комфортности проживания населения на территории муниципальных образований, усилению дифференциации развития внутрирегиональных территорий и деградации структуры поселенческой сети [2, с. 10]. Недостаток собственных бюджетных средств вынуждает органы местного самоуправления в своей политике придерживаться общегосударственных ориентиров, в то время как конкретные задачи развития определенных муниципальных территорий могут быть не реализованы.

Таким образом, неустойчивое состояние и развитие бюджетной системы муниципальных образований актуализирует вопрос повышения уровня самофинансирования муниципалитетов, под которым будем понимать способность органов местного самоуправления осуществлять законодательно возложенные на них полномочия с преимущественным использованием собственных доходных источников финансирования. От степени самодостаточности местных бюджетов, вовлеченности собственных финансовых резервов во многом зависят приоритеты реализуемой политики и мотивы принимаемых органами местного самоуправления решений [6, с. 70].

Особенно актуальной проблема обеспечения самофинансирования муниципальных образований становится в контексте территориальной организации местного самоуправления в России. В результате реформирования системы местного самоуправления в стране было унифицировано его административно-территориальное устройство с выделением нескольких типов муниципальных образований: внутригородских территорий федерального назначения, городских округов, муниципальных районов и городских и сельских поселений.

Исследование основных составляющих доходов бюджетов разных типов муниципалитетов в Вологодской области за 2006 – 2015 гг. показало, что степень финансовой автономии муниципальных образований с различным статусом в динамике за прошедшее десятилетие существенно видоизменялась (табл. 1).

Таблица 1. Распределение составляющих доходов местных бюджетов Вологодской области по разным типам муниципалитетов, % к совокупным доходам бюджета

Типы муниципалитетов	Год									
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Налоговые и неналоговые доходы										
Городские округа	66,49	62,56	57,98	62,69	60,07	62,32	47,41	50,06	41,00	44,48
Муниципальные районы	18,94	30,12	29,77	17,75	16,36	17,67	34,51	35,16	28,02	29,66
Городские и сельские поселения	30,19	23,34	34,75	34,44	26,77	32,91	44,17	52,9	45,47	38,94
Безвозмездные поступления										
Городские округа	33,51	37,44	42,02	37,31	39,93	37,68	52,59	49,94	59,00	55,52
Муниципальные районы	81,06	69,88	70,23	82,25	83,64	82,33	65,49	64,84	71,98	70,34
Городские и сельские поселения	69,81	76,66	65,25	65,56	73,23	67,09	55,83	47,10	54,53	61,06

Источник: рассчитано автором по данным Федерального казначейства РФ.

Образование в результате реформирования поселенческого уровня местного самоуправления и соответствующее разделение экономических и финансовых ресурсов между поселениями и районом ухудшило состояние районных бюджетов [4, с. 86]. Финансовая автономия бюджетов муниципальных районов в настоящее время является наиболее низкой среди всех типов муниципалитетов, однако удельный вес безвозмездных поступлений в их доходах сократился в 2015 году по сравнению с 2006 годом на 10,7%.

За рассматриваемый период значительно снизилась степень финансовой автономии бюджетов городских округов. Если в 2006 году собственные доходные поступления формировали 66,5% совокупных бюджетных доходов, то к 2015 году – только 44,5%. Значительное сжатие собственной доходной базы бюджетов городских округов обусловлено тем, что в результате реформирования межбюджетных отношений в России бюджеты городских округов лишились практически половины собственных налогов, в том числе налога на рекламу, налога на наследование и дарение, местных лицензионных сборов. Кроме того, с 2012 года дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов стали заменяться дифференцированными нормативами отчислений от налога на доходы физических лиц. Данная замена производилась в основном за счет изъятия части НДС из городских бюджетов – норматив отчислений по НДС для зачисления в бюджеты городских округов сократился за 2006 – 2015 гг. с 30 до 15% [5, с. 112–114].

Следствием выпадения собственной доходной базы в бюджетах городских округов стало сокращение подушевой бюджетной обеспеченности в сопоставимом выражении в городских округах (на 67,5% в г. Вологде и на 54,4% в г. Череповце), в то время как в практически во всех муниципальных районах обеспеченность собственными доходами бюджетов на душу населения за прошедшее десятилетие возростала (табл. 2).

Одной из базисных составляющих бюджетной системы муниципальных образований по итогам реформирования стали бюджеты поселенческого уровня. Уровень самофинансирования бюджетов городских и сельских поселений в целом за рассматриваемый период изменялся неравномерно: возростал к 2012 – 2014 гг. по сравнению с 2006 годом

Таблица 2. Бюджетная обеспеченность собственными доходами на душу населения муниципальных районов и городских округов Вологодской области, тыс. руб. (в сопоставимых ценах 2015 года)

Муниципалитет	Год					Муниципалитет	Год				
	2006	2009	2012	2015	2015 к 2006, %		2006	2009	2012	2015	2015 к 2006, %
Междуреченский	3,41	4,93	12,02	9,27	272,32	Череповецкий	5,34	5,72	9,61	9,38	175,60
Нюксенский	5,48	5,77	29,37	14,82	270,40	Тотемский	5,71	5,61	14,85	9,99	174,80
Верховажский	3,52	3,82	10,18	9,51	269,91	Грязовецкий	5,13	5,98	12,47	7,87	153,44
Устюженский	2,84	5,05	8,92	7,64	269,15	Чагодощенский	5,34	6,09	12,26	8,20	153,42
Сямженский	3,71	4,88	10,96	9,70	261,66	Бабаевский	5,91	11,91	13,82	8,68	146,86
Никольский	2,60	3,72	8,10	6,74	259,50	Усть-Кубинский	5,29	10,66	10,57	7,40	139,84
Вытегорский	4,50	4,82	11,30	11,30	251,05	Белозерский	6,48	4,43	10,77	8,18	126,30
Вашкинский	4,22	3,88	10,32	10,12	239,87	Кадуйский	5,82	6,48	14,88	7,31	125,55
Кич-Городецкий	3,24	3,53	7,84	7,72	238,06	Великоустюгский	5,74	5,45	11,41	6,92	120,73
Бабушкинский	3,01	10,07	8,40	7,10	235,74	Шекснинский	7,34	10,73	12,83	7,70	104,85
Вожегодский	3,60	3,57	8,35	8,07	223,97	Сокольский	5,64	5,06	9,52	5,59	99,04
Тарногский	4,19	6,18	12,08	8,57	204,34	г. Череповец	22,64	16,84	13,03	10,32	45,57
Харовский	3,91	3,68	8,94	7,96	203,67	г. Вологда	28,51	16,90	12,33	9,28	32,55
Вологодский	4,58	4,66	11,15	8,73	190,47	По области	15,01	11,31	12,03	9,09	60,54
Кирилловский	5,81	6,53	12,39	10,55	181,65						

Источник: База данных «Показатели муниципальных образований» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

и несколько уменьшился к 2015 году. Однако вследствие недостаточности собственных доходных источников доля налоговых и неналоговых доходов поселений в совокупных практически во все годы не превышала 40%. На снижение финансовой автономии бюджетов городских и сельских поселений помимо перераспределительной политики значительное влияние оказывала и существенная дифференциация поселений по уровню социально-экономического развития.

Так, сравним основные бюджетные параметры по двум поселениям, расположенным в территориально приближенном к областному центру муниципальном районе (Ростилловское сельское поселение Грязовецкого муниципального района) и отдаленном районе (Верховское сельское поселение Тарногского муниципального района) (табл. 3).

Сельское поселение Ростилловское расположено в южной части Грязовецкого муниципального района Вологодской области, имеет выгодное экономико-географическое положение (областной центр располагается в 47 км), является важным транспортным узлом. На территории поселения расположены 23 предприятия, в том числе Грязовецкое ЛПУ МГ ООО «Газпром трансгаз Ухта». Верховское сельское поселение расположено на юго-западе Тарногского муниципального района, значительно отдаленного от экономических центров региона. Основными видами экономической деятельности в Верховском поселении являются сельское и лесное хозяйство.

Как свидетельствуют данные таблицы 3, в Ростилловском сельском поселении, которое имеет более выгодное территориальное расположение и характеризуется более вы-

Таблица 3. Основные параметры бюджетов Ростилковского и Верховского сельских поселений

Поселение	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2006 г., %
Удельный вес собственных доходов в совокупных, %							
Ростилковское	78,67	72,55	98,21	88,27	80,01	68,79	87,45
Верховское	8,63	10,98	10,85	11,91	12,76	20,70	239,82
Дефицит / Профицит местного бюджета, тыс. руб.							
Ростилковское	51	-83	-15	-82	-22	-26	50,98
Верховское	-26	95	436	-81,1	153	-424	1630,77
Бюджетная обеспеченность собственными доходами на душу населения, тыс. руб. (в сопоставимых ценах 2015 г.)							
Ростилковское	5,53	5,58	6,19	6,75	5,31	3,21	58,03
Верховское	0,90	1,03	1,06	1,34	1,40	1,62	180,30
Источник: База данных «Показатели муниципальных образований» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm							

соким уровнем экономического потенциала, наблюдается высокий уровень финансовой автономии (доля собственных доходов бюджета в совокупных составляла 69–98%), чем в Верховском сельском поселении (доля 8–20%). Бюджетная обеспеченность собственными доходами на душу населения в Ростилковском поселении значительно превышает значение показателя в Верховском поселении. Между тем, динамика бюджетных параметров данных поселений за прошедшее десятилетие указывает на рост финансовой автономии и подушевой бюджетной обеспеченности в Верховском поселении и обратную тенденцию в Ростилковском поселении. Это означает, что выравнивание уровня самофинансирования поселений происходит за счет роста собственного потенциала бюджетов муниципалитетов с изначально более низким его уровнем, а не за счет возрастания уровня самофинансирования всех поселений.

Расхождения в уровне и динамике финансовой автономии муниципалитетов разных типов указывает на наличие значительной асимметрии территориального социально-экономического развития. Представители научной общественности подчеркивают, что проведенная реформа местного самоуправления, унифицирующая территориальную организацию местного самоуправления вплоть до уровня локальных поселений и предполагающая единый порядок закрепления доходов и расходов местных бюджетов, не в полной мере рассматривает специфику территорий и высокую степень ее дифференциации по уровню экономического потенциала [1, с. 125].

Поэтому одним из приоритетных направлений, обеспечивающих рост финансовой самостоятельности местного самоуправления, является развитие социально-экономического потенциала муниципалитетов за счет перестройки муниципальной экономики на интенсивную модель развития, внедрения инноваций и модернизации технологических процессов в производстве и сельском хозяйстве.

Кроме того, перспективы повышения уровня самофинансирования муниципалитетов разных типов связаны, прежде всего, с выявлением резервов роста собственных доходов местных бюджетов, оптимизации расходных полномочий муниципалитетов.

Задача по выявлению резервов роста налоговых доходов муниципальных бюджетов реализуется как за счет местных налогов, так и с помощью поступлений, перераспределяемых с федерального и регионального уровня, основную часть которых составляет налог на доходы физических лиц. Повышение собираемости местных налогов может быть достигнуто с помощью установления минимальных предельных ставок по земельному налогу, оптимизации регистрации прав собственности на имущество, отсрочек по уплате имущественных налогов для вновь зарегистрированных объектов имущества. Так, по данным Департамента финансов Вологодской области, в 2015 году не зарегистрированы права собственности на 45 тыс. земельных участков и 28,9 тыс. объектов имущества, а налоговый потенциал от налогообложения объектов недвижимости составляет 61,8 млн рублей. Выявление резервов роста поступлений НДФЛ возможно за счет сотрудничества органов местного самоуправления с налоговыми и правоохранительными органами по вопросам выявления скрытых форм оплаты труда, схем «серых» зарплат, осуществления мониторинга среднемесячной начисленной заработной платы в разрезе организаций для определения потенциальной налоговой базы.

Рост неналоговых доходов муниципальных бюджетов может быть достигнуто с помощью внедрения новых источников воспроизводства муниципальной собственности (применение концессионных соглашений), реструктуризации муниципальной собственности через отчуждение неэффективных предприятий, проведение мониторинга состояния и эффективности использования муниципального имущества.

Приоритетным направлением совершенствования системы управления бюджетными расходами является применение принципов бюджетирования, ориентированного на результат, в рамках которого необходимы внедрение системы учета потребности в предоставляемых муниципальных услугах, анализ отклонений утвержденных расходных нормативов от фактических затрат, утверждение стандартов качества оказываемых бюджетных услуг и контроль за соответствием им.

Таким образом, степень самофинансирования местных бюджетов разных типов в Вологодской области в настоящее время находится на невысоком уровне. Повышение самофинансирования муниципалитетов может быть достигнуто путем развития социально-экономического потенциала муниципалитетов, выявления потенциальных возможностей роста налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов, повышения эффективности осуществления расходов. Между тем, возникновение бюджетного эффекта от осуществления предложенного выше комплекса мероприятий невозможно без наличия эффективно работающего механизма управления муниципальными финансами, взаимодействия всех его элементов, максимального вовлечения кадровых и информационных ресурсов местного самоуправления в процесс повышения финансовой автономии муниципалитетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьева, О.А. Основные итоги первого этапа реализации реформы местного самоуправления [Текст] / О.А. Дементьева // Федерализм. – 2007. – № 3. – С.123–134.
2. Ильин, В.А. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации [Текст] / В.А. Ильин, Т.В. Ускова // Федерализм. – 2012. – № 3. – С. 7–18.
3. Малиновская, О.В. Бюджетная децентрализация: состояние и особенности развития в Российской Федерации на современном этапе [Текст] / О.В. Малиновская, А.В. Бровкина // Финансы и кредит. – 2012. – № 15 (495). – С. 20–29.
4. Печенская, М.А. Состояние бюджетов муниципальных образований разных типов и направления повышения их доходного потенциала [Текст] / М.А. Печенская // Проблемы развития территории. – 2012. – № 4. – С. 83–95.
5. Поварова, А.И. Почему не растет самообеспеченность бюджетов городских округов [Текст] / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1. – С. 108–121.
6. Тележников, В.И. Финансовая самодостаточность – экономический базис развития местного самоуправления [Текст] / В.И. Тележников, Г.Д. Бирилло // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 67–71.

К вопросу о резервах повышения бюджетного потенциала муниципальных образований

В связи с процессом децентрализации управления в Российской Федерации устойчивое состояние входящих в ее состав муниципальных образований становится одним из ключевых элементов поступательного социально-экономического развития страны.

Реформирование системы местного самоуправления, осуществляемое на основании закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и призванное унифицировать его территориальную организацию и разграничить полномочия между уровнями власти, до сих пор не создало достаточной финансово-экономической основы для функционирования местного самоуправления. Доходная база муниципалитетов Вологодской области после реформы местного самоуправления 2003 г. снизилась практически в 3,3 раза, рост расходных полномочий повлек увеличение трансфертной зависимости местных бюджетов от вышестоящего уровня в 5 раз. Удельный вес безвозмездных поступлений в доходах местных бюджетов за последнее десятилетие превысил 55%, при этом он имел тенденцию к росту. Данные тенденции носят общероссийский характер. Преодоление бюджетного кризиса местных бюджетных систем требует новых задач в области управления муниципальным развитием.

Исследование резервов укрепления и повышения бюджетного потенциала муниципальных бюджетов Вологодской области позволило определить объем возможного увеличения доходных поступлений на 1,7–3,3 млрд руб., или 14,1–27,7% собственных доходов местных бюджетов Вологодской области (*табл. 1*).

Помимо вышеперечисленных мероприятий к мероприятиям по расширению бюджетного потенциала муниципалитетов можно отнести следующие резервы:

1) Особое внимание следует уделить методике расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности с позиций оптимальности их распределения между муниципальными образованиями. Согласно бюджетному законодательству РФ, при расчете уровня бюджетной обеспеченности поселений учитываются только их налоговые доходы. Такой подход устанавливает зависимость механизма распределения дотаций, и как следствие, расходов бюджета в большей степени от размера налоговых поступлений. В свою очередь, это нарушает два принципа бюджетной системы Российской Федерации:

принцип минимизации размера дефицита бюджета, достижение которой возможно лишь при учете всех доходов (ст. 33 БК РФ);

принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов, означающего, что расходы не могут быть увязаны с определенными доходами и источниками финансирования дефицита бюджета (ст. 35 БК РФ).

³ Печенская Мария Александровна (Россия, г. Вологда) – к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

Таблица 1. Мероприятия, направленные на расширение бюджетного потенциала муниципальных образований Вологодской области

Мероприятие	Обоснование	Фактическое значение показателя	Предлагаемый вариант / Дополнительный резерв	Бюджетный эффект	
				млн руб. в год	% от собственных доходов местных бюджетов
Закрепление за местными бюджетами дополнительных нормативов отчислений по налогам на совокупный доход (по налогу, взимаемому в связи с применением УСН)	<p>Нормами ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» к вопросам местного значения муниципальных образований отнесены вопросы по поддержке и развитию малого и среднего предпринимательства. Действительно, именно на местном уровне возможно наиболее эффективное применение механизмов финансовой и имущественной поддержки бизнеса.</p> <p>Однако возможность поддержки субъектов предпринимательства за счет их администрирования у местной власти весьма ограничена в силу слабой значимости данных поступлений в местных бюджетах. В современных условиях важно создать систему стимулирования развития малого и среднего предпринимательства, а также совершенствования системы его налогообложения за счет закрепления за местными бюджетами дополнительных налоговых доходов. В настоящее время в Вологодской области существуют следующие нормативы отчислений от налогов на совокупный доход: муниципальные районы: 100% ЕНВД, 50–100% ЕСХН; городские округа: 100% ЕНВД, 100% ЕСХН, 100% в связи с применением патентной системы налогообложения; поселения: 30–50% ЕСХН. Остальной норматив зачисляется в региональный бюджет.</p> <p>Объем поступлений в региональный бюджет данных налогов составил: в 2013 г. – 720 млн руб., в 2014 г. – 1653 млн руб., в 2015 году – 1728 млн руб.</p>	Норматив от 30%	Норматив 100%	720–1728	6,0–14,6
Установление норматива отчислений по налогу на прибыль до 10%	<p>С целью повышения заинтересованности муниципалитетов в развитии бизнеса на их территориях, а также увеличения вклада предприятий в формирование достойной среды обитания для своих работников. Объем поступлений налога на прибыль в бюджет региона составил: в 2013 г. – 5957 млн руб., в 2014 г. – 7582 млн руб., в 2015 г. – 6549 млн руб.</p>	Норматив 0%	Норматив 10%	596–758	5,0–6,4

Снижение задолженности по местным налогам в местных бюджетах	<p>Органы местного самоуправления имеют право косвенного влияния на налоговую задолженность перед бюджетом.</p> <p>Развитие механизма привлечения физических лиц к ответственности за уклонение от регистрации имущества на объекты недвижимости.</p> <p>Разработка механизма налогообложения незавершенных объектов строительства.</p> <p>Введение в Налоговый кодекс РФ нормы об обязанности налоговых органов представлять в местные финансовые органы информацию о начисленных и уплаченных суммах налогов, задолженности и недоимках в разрезе налогоплательщиков, реструктурированных платежей в разрезе отраслей экономики и видов налогов. Разработка системы статистических показателей, необходимых органам местного самоуправления для формирования информации по налоговым поступлениям и льготам.</p> <p>Закрепление в Налоговом Кодексе РФ минимальных предельных ставок имущественных налогов, зачисляемых в местный бюджет.</p> <p>Проведение работы по выявлению хозяйствующих субъектов (филиалов, представительств), имеющих рабочие места и осуществляющих деятельность на территории муниципальных образований, но не перечисляющих налог на доходы физических лиц.</p> <p>Контроль за миграцией юридических лиц с целью выявления организаций, осуществляющих деятельность на территории региона без постановки на налоговый учет.</p> <p>Сумма задолженности по местным налогам в местные бюджеты составляла</p> <p>в 2013 г. – 268 млн руб.;</p> <p>в 2014 г. – 297 млн руб.;</p> <p>в 2015 г. – 372 млн руб.</p>	2,1–3,1% собственных доходов	0% собственных доходов	268–372	2,3–3,1
--	---	------------------------------	------------------------	---------	---------

<p>Обеспечение полного финансирования делегированных органов местного самоуправления с вышестоящего уровня полномочий</p>	<p>Закрепление нормы о том, чтобы передача делегированных полномочий осуществлялась не федеральным законом, а актами Президента или Правительства (в зависимости от того, в чем подчинении находится соответствующий федеральный орган исполнительной власти), что повысит оперативность подготовки нормативно-правовой базы о передаче полномочий.</p> <p>Введение нормы об ограничении объема передаваемых государственных полномочий, обязательных к исполнению (например, можно установить предел (в виде определенного процента от общих расходов регионального или местного бюджета), свыше которого передаваемые полномочия принимаются к исполнению и реализуются нижестоящими органами власти только на добровольной основе).</p> <p>Разработка механизма соответствия расходного обязательства по полномочию и переданного доходного источника на его исполнение, в т. ч. путем компенсации не только полной стоимости передаваемых полномочий, но и стоимости дополнительных затрат, связанных с их осуществлением на местах.</p> <p>В 2013–2015 гг. не финансировались до 3% передаваемых на муниципальный уровень расходов, которые возникли вследствие принятия нормативных актов на вышестоящих уровнях власти.</p> <p>На покрытие оставшихся расходов ОМСУ вынуждены были искать собственные средства, что отрицательно повлияло на оценку использования бюджетного потенциала муниципальных образований.</p>	<p>97–99%</p>	<p>100%</p>	<p>90–439</p>	<p>0,8–3,7</p>
<p>ИТОГО</p>				<p>1674–3297</p>	<p>14,1–27,7</p>

В Вологодской области о некорректности существующего метода распределения финансовой помощи между поселениями свидетельствует тот факт, что в ряде поселений неналоговые поступления составляют свыше 80% доходов бюджета, при этом в конце года на счетах главных распорядителей данных поселений остаются неиспользованные средства (табл. 2).

Предлагаемый вариант

Считаем необходимым при расчете дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений учитывать все статьи налоговых доходов и ряд неналоговых поступлений. Для того чтобы не вызвать деструктивный эффект и не уменьшить мотивацию органов местного самоуправления поселений в развитии неналоговых платежей, по нашему мнению, не следует учитывать неналоговые доходы, объем которых зависит от эффективности управления муниципальной собственностью.

Для повышения объективности распределения дотаций между поселениями предлагаем внести изменения в методику расчета дотаций из фонда финансовой поддержки поселений региона. Формула расчета индекса доходного потенциала (ИНП_i) останется прежней:

$$ИНП_i = \frac{ДП_i}{Ч_i} / \frac{ДП}{Ч}$$

где:

ИНП – индекс доходного потенциала i-го поселения;

ДП_i – доходный потенциал i-го поселения;

Ч_i – численность постоянного населения i-го поселения;

ДП – суммарный доходный потенциал всех поселений, входящих в состав муниципального района;

Ч – численность постоянного населения муниципального района.

Таблица 2. Доля неналоговых поступлений и остатков средств бюджетов в собственных доходах бюджета поселения Вологодской области в 2015 году, %

Наименование поселения	Неналоговые доходы	Остатки средств бюджетов	Наименование поселения	Неналоговые доходы	Остатки средств бюджетов
Центральное	66,3	22,8	Туровецкое	55,1	5,5
Идское	52,2	68,9	Калининское	65,8	5,2
Юркинское	55,8	6,4	Медведевское	56,8	38,1
Васильевское	54,0	50,8	Ирдоматское	62,6	67,1
Коневское	61,9	29,8	Югское	82,1	60,3
Нижнекулойское	53,9	18,7	Домшинское	87,4	119,4
Семеновское	51,4	39,5	Ершовское	51,7	13,1
Андроновское	53,0	15,4	Любомировское	73,3	46,7
Алешинское	70,0	18,1	Раменское	70,7	306,2
Николоторжское	50,1	38,6	Чуровское	63,9	16,2
Ферапонтовское	56,6	16,7	Боровецкое	57,0	17,2

Источники: данные Департамента финансов Вологодской области; расчеты автора.

Изменения предлагается внести в формулу расчета доходного потенциала (ДПи) поселения:

$$ДП_i = \sum НП_{ij} - C_i + D_i + ННП_i$$

где:

ДП – доходный потенциал i-го поселения;

НП_{ij} – налоговый потенциал i-го поселения по j-му налогу;

C_i – субвенция из бюджета i-го поселения в областной бюджет;

D_i – расчетный размер дотации j-му поселению из бюджета муниципального района за счет субвенции из областного бюджета;

ННП_i – неналоговый потенциал в части платежей от передачи в аренду земельных участков.

Указанные изменения, внесенные в методику расчета дотаций из регионального фонда финансовой поддержки поселений, позволят более рационально перераспределять финансовые ресурсы между поселениями.

2) Разработка механизма, позволяющего установить равномерность распределения межбюджетных трансфертов муниципальным образованиям в течение финансового года с учетом их сокращения в декабре.

Возникает два риска – остаток бюджетных средств на счетах главных распорядителей и сокращение межбюджетных трансфертов в следующем финансовом году по причине неосвоения в текущем году.

Так, в декабре 2015 г. было получено практически 15% от годовой суммы межбюджетных трансфертов, в конце года на счетах главных распорядителей бюджетных средств муниципалитетам хранилось 185 млн руб. (рис.). Муниципалитетам в срочном порядке необходимо использовать данные средства, так как в противном случае по данным расходным статьям в следующем году финансирование не поступит.

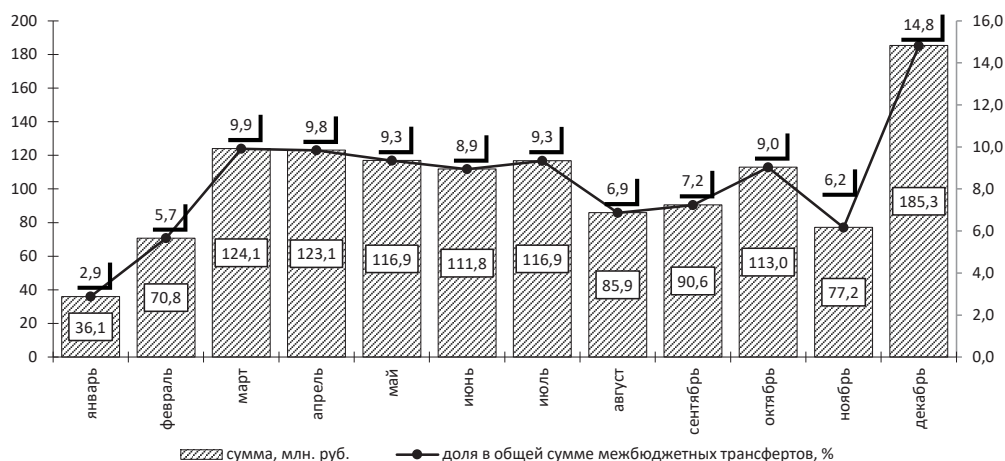


Рис. Помесячная динамика поступления межбюджетных трансфертов в муниципалитеты Вологодской области из областного бюджета в 2015 году

Низкое качество организационной работы и несвоевременная подготовка документов приводят к более позднему освоению трансфертов и в ряде случаев к уменьшению поступлений из вышестоящих бюджетов по сравнению с первоначальными значениями.

Предлагаемые меры повышения межбюджетного планирования:

- введение в Бюджетный кодекс нормы, закрепляющей распределение межбюджетных трансфертов субъектам РФ к первому чтению проекта федерального бюджета на очередной финансовый год;
- исключение субсидий из перечня целевых трансфертов, подлежащих в случае неосвоения возврату, поскольку они передаются на софинансирование программ социально-экономического развития;
- применение сценарного подхода при составлении бюджета, что позволит увеличить маневренность бюджетной политики и станет безусловным гарантом исполнения социально значимых обязательств при неблагоприятной конъюнктуре;
- повышение взаимосвязи стадий бюджетного планирования и составления отчетности об исполнении бюджета⁴.

3) Разработка механизма максимального сочетания уровня налоговой нагрузки и уровня благосостояния населения

Сохранение оптимального уровня налогообложения в настоящее время является одной из основных задач российской налоговой политики и оказывает непосредственное влияние на величину бюджетного потенциала муниципальных образований. При несоответствии объемов налогового бремени и реальных финансовых возможностей налогоплательщиков неизбежно возникает тенденция к уклонению от уплаты налогов, что в конечном итоге приводит к сокращению налогового потенциала муниципалитетов как составляющей бюджетного потенциала.

Достижению оптимального уровня налогообложения способствует сочетание величины налоговой нагрузки с уровнем благосостояния населения на территории муниципалитета. Тем не менее, в регионе присутствуют муниципалитеты, в которых величина налоговой нагрузки не соответствует уровню социально-экономического развития. Так, Междуреченский район в 2012 и 2015 гг. занимает 8 место по уровню среднемесячной заработной платы на одного работника и только 26 место по уровню налоговой нагрузки. Бабаевский район, занимающий первое место по уровню налоговой нагрузки, занимает только четвертое место по уровню заработной платы (*табл. 3*).

Предлагаемые меры:

- обоснование подхода к установлению налоговых ставок, принимая во внимание уровень социально-экономического развития муниципального образования и уровень достатка его жителей;

⁴ Формирование отчёта в начале следующего финансового года не позволяет при составлении бюджета на очередной год учитывать недостатки бюджетного процесса прошлого года. Разрыв между отчётом об исполнении бюджета предыдущего года и планированием бюджета на очередной год приводит к тому, что неэффективные направления деятельности продолжают финансироваться, а на развитие новых приоритетов расходов недостаточно средств.

**Таблица 3. Сочетание уровня налоговой нагрузки
с уровнем благосостояния населения Вологодской области**

Наименование района (городского округа)	Рейтинг по налоговой нагрузке в области		Рейтинг по заработной плате в области	
	2012 г.	2015 г.	области	2015 г.
Бабаевский	1	1	4	4
Вашкинский	17	22	10	9
г. Вологда	3	2	3	2
Вожегодский	27	27	11	10
Кирилловский	14	8	6	6
Кичменгско-Городецкий	12	6	12	11
Междуреченский	26	26	8	8
Никольский	7	3	9	12
Нюксенский	4	10	1	3
Сямженский	22	15	5	5
Харовский	19	11	7	7
г. Череповец	8	12	2	1

Источники: данные Росстата, Департамента финансов Вологодской области; расчеты автора.

– проведение анализа финансовой обоснованности корректирующих коэффициентов по специальным налоговым режимам и имущественным налогам на предмет их соответствия экономическому положению территорий с учетом достижения баланса интересов малого бизнеса и местных бюджетов.

Расчет количественного эффекта в виде дополнительных налоговых поступлений в местные бюджеты по данным мероприятиям затруднен вследствие ограниченности данных, представленных в открытом доступе муниципальной статистики, и высокой вариативности возможных результатов по расширению потенциала местных бюджетов.

Важно отметить, что реализация обозначенных мер приблизит муниципальные образования к их становлению равноправными участниками стратегического планирования не на бумаге, а по факту, но потребует целенаправленной и слаженной работы на всех уровнях бюджетной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухвальд, Е.М. О бюджетных ограничениях муниципального стратегического планирования [Текст] / Е.М. Бухвальд, М.А. Печенская // Самоуправление. – 2016. – № 9 (102) – С. 16–20.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М. : Эксмо, 2017. – 432 с.
3. Ильин, В. А. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации [Текст] / В.А. Ильин, Т.В. Ускова // Федерализм. – 2012. – № 3. – С. 7–18.
4. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2015 год: Официальный сайт Министерства финансов

РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minfin.ru/common/upload/library/2016/06/main/Rezultaty_provedeniya_monitoringa_mestnykh_budzhetrov_za_2015_god.pdf

5. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая [Текст] : текст с изм. и доп. – М. : Эксмо, 2017. – 1488 с.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 03.01.2017) // КонсультантПлюс : справочно-поисковая система;
7. Одинцова, А.В. Местное самоуправление как институт развития / А.В. Одинцова // Федерализм. – 2015. – № 2 (78). – С. 87–100.
8. Печенская, М.А. Развитие межбюджетных отношений в России в 2000 – 2015 гг. / М.А. Печенская // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 2. – С. 117–130.
9. Полтерович, В.М. Трансплантация экономических институтов / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – С. 24–50.
10. Ashworth, G. Selling the City: Marketing Approaches in Public Sector Urban Planning [Text] / G. Ashworth, H. Voogd. – London: Belhaven, 1990. – 281 p.
11. Ward, S.V. Selling Places: The marketing and Promotion of Towns and Cities 1850-2000 [Text] / S.V. Ward. – London : Spon.

Прогрессивная шкала налогообложения как важнейший фактор экономического роста и социального благополучия в государстве

Аннотация. В статье рассматривается прогрессивная шкала налога на доходы физических лиц. Анализируется опыт прогрессивного налогообложения за рубежом и его результаты. Предлагается введение такой системы налогообложения в РФ с целью пополнения бюджета и решения социально-экономических проблем.

Ключевые слова: налог, налог на доходы физических лиц, прогрессивная шкала налогообложения, плоская шкала налогообложения.

Система налогообложения представляет собой важное средство перераспределения национального дохода, главный инструмент социально-экономической политики государства. Так как она является серьезным рычагом влияния в руках государства, с ее помощью можно воздействовать на многие стороны жизни страны: доходы бюджета, уровень рождаемости, развитие бизнеса и т. д. В центре всех систем налогообложения находится налог на доходы физических лиц (НДФЛ). При этом, установив такой налог, законодатель стремился создать наилучшую правовую модель, которая могла бы обеспечивать равномерность налогообложения различных слоев населения.

Налог на доходы связан с потреблением, и он может либо стимулировать потребление, либо сокращать его. Поэтому главной проблемой является достижение оптимального соотношения между экономической эффективностью и социальной справедливостью налога. Это означает, что необходимы такие ставки налога, которые могли бы обеспечивать максимально справедливое перераспределение доходов при снижении ущерба интересам налогоплательщиков, но с максимальной эффективностью и полезностью для бюджета государства. Эта проблема осложняется тем, что на разных этапах экономического развития приоритет может отдаваться либо экономической эффективности, либо социальной справедливости, в соответствии с чем и выбирается шкала налогообложения.

Для достижения большей социальной справедливости и вместе с этим большей экономической эффективности для бюджета государства в подоходном налогообложении необходимо введение прогрессивной шкалы налогообложения. Особенность прогрессивной шкалы в том, что ставка подоходного налога здесь является дифференцированной и возрастает по мере роста дохода налогоплательщика. Это означает, что, чем больше доход, тем большая часть его изымается в процентном соотношении в виде налога.

Прогрессивное налогообложение вошло в практику в результате классовой борьбы, благодаря давлению рабочего класса. Впервые оно было введено в Великобритании в 1798 году. В начале XX века прогрессивный подоходный налог был введен во многих европейских странах. В США прогрессивное налогообложение было введено в 1913 году.

¹ Понамарчук Артем Викторович (Россия, г. Вологда) – студент 2 курса, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина.

Впервые в России подоходный налог был установлен в начале 1916 года и должен был быть введен в действие с 1917 года. Но революционные события в стране отменили принятые ранее законы. И он так и не вступил в силу. Однако идея о введении этого налога была поддержана в СССР. Это был единственный налог, существовавший в стране при практически полном отсутствии налоговой системы. В советские годы предприятия и организации перечисляли определенные суммы отчислений с доходов².

Следует отметить, что налогообложение – это явление не только финансово-экономическое, но также и политическое, поэтому во взглядах на ту или иную систему налогообложения всегда находят отражение те или иные классовые противоречия, политические интересы, вид экономической системы, преобладающей в государстве, и даже идеология. Пропорциональное налогообложение намного легче переносит состоятельный класс, так как оно ослабляет налоговый пресс по мере увеличения объекта обложения, объем налогооблагаемой базы. Прогрессивное же налогообложение затрагивает высшие, обеспеченные классы гораздо больше и тем сильнее, чем выше растет прогрессия обложения и совокупные доходы этого класса. Именно поэтому богатые классы в большинстве случаев всегда выступают против этого способа налогообложения. Финансовые консультанты, эксперты, а так же экономисты, которые защищают интересы обеспеченных слоев населения, всегда находят доводы против прогрессивного налогообложения.

Шкала налога на доходы физических лиц – один из самых показательных критериев определения «левизны» и «правизны» экономики, то есть является ли экономика в государстве социалистической или либеральной, а также определения расстановки политических сил в государстве.

Также необходимо обратить внимание на тот факт, что существует мнение, согласно которому система налогообложения зачастую зависит от политического режима в государстве и от того, какой общественный строй преобладает. Так, многие российские банкиры, экономисты, политики, общественные и государственные деятели, представители бизнес-сообщества считают прогрессивную шкалу налогообложения пережитком советского прошлого. Если более точно, то ее неудачным способом перераспределения доходов населения в целях становления социальной справедливости, повышения уровня общего благосостояния общества и, как следствие, увеличения уровня жизни страны, а также связывают с так называемой «уровнировкой» на пути становления социализма и коммунизма. Таким образом, прогрессивная шкала налогообложения ассоциируется у большинства людей с тоталитарным политическим режимом, с коммунистической идеологией нашего государства в прошлом. Однако такое мнение видится ошибочным и неправильным. В связи с этим нельзя с ним согласиться. При утверждении обратного – отрицается очевидное.

Одним из альтернативных вариантов плоского налогового исчисления является прогрессивная шкала подоходного налога, которая действует во многих развитых странах

² Повышение ставки налога на доходы физических лиц, Наумкина Т.В., Наумкин А.П. // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65463>

Запада. Так, в современном мире, а именно в США, Канаде, странах Западной Европы (Англии, Бельгии, Финляндии, Франции, Швеции, Швейцарии, Германии, Италии, Нидерландах) и многих других странах, существует прогрессивная шкала подоходного налога. Перечисленные страны невозможно обвинить в отсутствии рыночной экономики, либеральной и открытой экономической политики, в тоталитаризме или становлении на путь социализма. Это те самые государства, которые на сегодняшний день стали своеобразным эталоном демократии, свободных рыночных отношений, в которых наилучшим образом развиваются институты гражданского общества, которые можно с уверенностью назвать правовыми государствами, в которых уровень жизни один из самых высоких в мире.

Введение прогрессивной шкалы подоходного налога позволило бы перераспределить налоговое бремя, практически освободить от налогов людей, находящихся на грани выживания, и в то же время сделать основной упор на налоговое обложение сверхдоходов. Так, в большинстве стран существует необлагаемый подоходным налогом минимальный годовой заработок. Соответственно в Российской Федерации было бы уместным освободить от налогообложения ту категорию населения, доходы которой не превышают минимальный размер оплаты труда (МРОТ), либо признанных малоимущими или нуждающимися в социальной помощи и поддержке.

Целью введения таких изменений в налоговое законодательство является решение следующих важнейших задач социально-экономического развития России:

- повышение доходов мало- и среднеобеспеченных слоев населения;
- устранение огромного имущественного неравенства населения;
- увеличение доходной части бюджета (1);
- повышение уровня жизни слабозащищенных слоев населения;
- снижение неразумного растрачивания доходов.

Одновременно с введением прогрессивной шкалы налогообложения видится возможным ввести, как в странах ЕЭС, налоги на роскошь (на элитную недвижимость, дорогие автомобили, яхты, ювелирные украшения и т. п.), тогда эффект будет гораздо выше.

Неслучайно именно прогрессивное налогообложение личных доходов граждан широко применяется в подавляющем большинстве стран мира. При этом граждане с низкими доходами в экономически развитых странах чаще всего полностью освобождены от НДФЛ: так, в США нулевая ставка применяется при доходах до 8450 долларов в год, в Швеции – до 306000 шведских крон, в Швейцарии – до 16100 франков, в Австрии – до 10000 евро, в Ирландии – до 5210 евро, в Испании – до 2400 евро, в Норвегии – 36000 норвежских крон, а в Австралии – до 6000 австралийских долларов³.

Если рассматривать НДФЛ Германии, то там действует правило: чем выше зарплаты, тем выше налоги. Германия считается одной из немногих стран в Европе, которая достигла максимального отсутствия теневой экономики. В Германии также существует необла-

³ Преимущества прогрессивного налогообложения физических лиц, Тихонов Ю. А., Пудовкина О. Е. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 17. – С. 741–745. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46323.htm>.

гаемый налоговый минимум для налога на доходы физических лиц. В год он составляет 5616 евро для одиноких граждан, для семейных пар – 11 232 евро⁴.

Из этого видно, что прогрессивная шкала и высокие ставки подоходного налога широко применяются в развитых странах. При этом акцент делается на увеличение налоговой нагрузки богатых слоев населения.

Можно сделать вывод, что прогрессивное обложение доходов населения присуще практически всем развитым странам мира.

По мнению В.К. Захарова, «одним из существенных недостатков отечественной налоговой политики является ее ярко выраженная фискальная направленность. Наряду с фискальной функцией на первый план должна выйти и социальная функция, посредством которой происходит реализация социальных обязательств государства и перераспределение доходов между различными категориями граждан с целью поддержания социального равновесия в обществе»⁵. Сегодня в мировой практике наиболее распространенной формой реализации социальной направленности налоговой политики является использование прогрессивного налогообложения, соответствующего принципам социальной справедливости, т. е. «богатые платят больше» и в абсолютном, и в относительном измерении.

В своей работе «Модернизация России: проблемы и пути их решения» Р.И. Нигматулин, А.В. Чуев, М.Д. Абрамов, К.А. Бабкин, В.А. Кашин, Е.А. Корчевой, Б.И. Нигматулин, А.Ю. Шевяков пишут: «Переход нашей страны к рыночной экономике и перестройка механизма перераспределения национального дохода привели к появлению множества социальных проблем, наиболее острой из которых является чрезмерная дифференциация доходов населения»⁶.

В качестве основного аргумента для обоснования введения плоской шкалы налога выдвигался следующий тезис – крупные доходы будут выведены из теневого сектора экономики. Однако на практике данная реформа оправдала себя частично, так как в период с 2000 г. по настоящее время социально-экономическое неравенство только усиливается: разрыв между богатыми и бедными, по данным Федеральной службы государственной статистики, сильно увеличивается.

По мнению В.А. Кашина, А.В. Чуева, М.Д. Абрамова, В.В. Панкова, Л.В. Костылевой, основной целью государства в сфере налогообложения должно стать формирование социально ориентированной налоговой политики, что соответствует объективным закономерностям развития демократии. В качестве меры по смягчению упомянутых соци-

⁴ Повышение ставки налога на доходы физических лиц, Наумкина Т.В., Наумкин А.П. // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65463>

⁵ Влияние прогрессивности шкалы налогообложения доходов физических лиц на благополучие стран мира, В. К. Захаров, Е. И. Голикова // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1 (195). – С. 136–161.

⁶ Модернизация России: проблемы и пути их решения, Нигматулин Р. И., А. В. Чуев, М. Д. Абрамов, К. А. Бабкин, В. А. Кашин, Е. А. Корчевой, Б. И. Нигматулин, А. Ю. Шевяков. – М. : Автономная некоммерческая организация «Экспертно-аналитический Центр по модернизации и технологическому развитию экономики», 2012. – 541 с.

альных проблем Российская академия наук в 2013 г. в Докладе РАН «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» предложила ввести прогрессивную шкалу налогообложения доходов физических лиц, а также ввести налоги на богатство и роскошь⁷.

Таким образом, введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц действительно актуально для экономики России и позволит решить ряд важных социально-экономических проблем.

Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод: введение прогрессивной шкалы налогообложения необходимо проводить с учетом характера и уровня доходов населения. Органам государственной власти необходимо разработать эффективный механизм контроля доходов и расходов, чтобы исключить «теневой заработок», уход от налогов. При этом нужно будет учитывать как опыт развитых стран, так и уже имевшую место практику применения прогрессивных ставок в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влияние прогрессивности шкалы налогообложения доходов физических лиц на благополучие стран мира, В. К. Захаров, Е. И. Голикова // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 1 (195). – С. 136–161.
2. Модернизация России: проблемы и пути их решения, Нигматулин Р. И., А. В. Чуев, М. Д. Абрамов, К. А. Бабкин, В. А. Кашин, Е. А. Корчевой, Б. И. Нигматулин, А. Ю. Шевяков. – М. : Автономная некоммерческая организация «Экспертно-аналитический Центр по модернизации и технологическому развитию экономики», 2012. – 541 с.
3. Повышение ставки налога на доходы физических лиц, Наумкина Т.В., Наумкин А.П. // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/03/65463>
4. Преимущества прогрессивного налогообложения физических лиц, Тихонов Ю. А., Пудовкина О. Е. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 17. – С. 741–745. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46323.htm>
5. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике: доклад РАН / под ред. А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. – М. : РАН, 2013. – 93 с.
6. Теория и история налогообложения. учеб. пособие / Е.Ю. Жидкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 480 с.

⁷ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике: доклад РАН / под ред. А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. – М. : РАН, 2013. – 93 с.

Влияние субъективной оценки качества жизни на потребительское поведение населения

Аннотация. В статье показано, что население с высоким субъективным качеством жизни имеет более высокий уровень материального благосостояния, гораздо увереннее чувствует себя в условиях резких негативных изменений в экономике, чем население с низким и средним качеством жизни, готовы предпринимать активные действия по поиску дополнительного заработка, а также имеют возможность использовать собственные сбережения как определенную «подушку безопасности».

Ключевые слова: качество жизни, потребительское поведение, сбережения.

Вопросы повышения качества жизни населения неразрывно связаны с исследованиями в области потребительского поведения, которое можно рассматривать как комплекс действий и реакций субъектов в сфере потребления, включающий экономический интерес и социальное взаимодействие. Следует отметить, что потребительское поведение хоть и предполагает наличие рациональности действующего субъекта, стремящегося достичь удовлетворения своих потребностей с максимальной выгодой, социальная составляющая ограничивает его качественными условиями жизнедеятельности общества, спонтанностью и непредсказуемостью действий отдельных индивидов. Исследования в области типологизации потребительского поведения в различных слоях и кластерах населения в российской практике ведутся еще с конца второй половины XX века и посвящены в большей мере группам населения, различающимся по уровню и структуре доходов, располагаемым ресурсам и расходам на конечное потребление [3; 4].

В то же время в недостаточной степени изучены особенности потребительского поведения в относительно крупных социальных группах, например, в различных по степени восприятия собственного качества жизни. Данные группы достаточно неоднородны и не могут быть сведены лишь к типологизации материального положения. Важность применения самооценок при характеристике качества жизни в данном случае объясняется многоуровневостью и аморфностью рассматриваемой категории, не имеющей четкой формулировки и порождающей наличие большого количества методик его измерения [2]. Использование субъективных оценок при характеристике качества жизни населения позволяет сфокусироваться больше на самоопределении собственного качества жизни индивида относительно других.

В связи с этим анализируется потребительское поведение населения региона в зависимости от степени восприятия качества жизни. Информационную базу исследования составили данные социологического опроса «Качество жизни», проведенного ИСЭРТ РАН в Вологодской области в 2016 г. Опрос проводится методом раздаточного анкетиро-

¹ Россошанский Александр Игоревич (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН.

вания по месту жительства респондентов на территории Вологды и Череповца, а также восьми районов области (Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского и Шекснинского). Общий объем выборочной совокупности составил 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 3%.

Выделение вышеобозначенных социальных групп осуществлялось на основе возможных вариантов ответа («высокое», «среднее» и «низкое») на вопрос «Как бы Вы оценили качество Вашей жизни?». При этом учитывались не только данные социальные группы, но и все население региона в целом.

По результатам исследования за 2016 г. выявлено, что в Вологодской области подавляющая часть населения характеризовала свое качество жизни на среднем уровне (70% респондентов), 24% – на низком и только 6% – на высоком. При этом подчеркнем, что в последнем случае качество жизни ассоциировалось, в первую очередь, с наличием счастливой семьи и крепким здоровьем (около 70% опрошенных по каждому ответу, *табл. 1*), во вторую – с хорошей работой и высоким материальным благосостоянием (55 и 45% соответственно). Вышеобозначенное характерно для всех выделенных групп, которые различаются по качеству жизни. Вместе с тем в «полярных группах» (с низким и высоким качеством жизни) важность наличия хорошей работы и высокого материального благосостояния была значительно выше.

Схожая закономерность прослеживается и в том случае, когда рассматривается достаточность денежных средств для хорошей и очень хорошей жизни (*табл. 2*). Как показали результаты социологического опроса, население, которое на высоком уровне оценивает качество жизни, отличается большей скромностью в представлениях о необходимом уровне дохода по сравнению с остальными (54 тыс. рублей против 79 тыс. рублей в месяц на одного члена семьи в условиях низких самооценок).

В то же время при повышении субъективных оценок качества жизни наблюдается переход от патерналистских ожиданий к партисипаторным механизмам в случаях непредвиденного и резкого ухудшения материального положения (*табл. 3*). Так, для группы населения с низким качеством жизни в случае ухудшения материального положения

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас означает «высокое качество жизни?», % от ответивших (респонденты могли выбрать до 3 вариантов ответа)

Вариант ответ	Высокое	Среднее	Низкое	В среднем по области*
Счастливая семья	66,7	73,5	59,5	69,8
Крепкое здоровье	60,5	69,1	71,2	69,1
Хорошая работа	45,7	56,7	51,4	54,8
Высокое материальное благосостояние	46,9	43,4	47,8	44,6
Разнообразный и полноценный отдых	16,0	21,6	18,7	20,6
Безопасная внешняя среда	14,8	11,8	12,8	12,2
Благоприятная экологическая ситуация	6,2	10,4	10,9	10,3
Развитая инфраструктура	9,9	9,7	5,9	8,8
Другое	0,0	0,7	0,3	0,5

* Ранжировано в порядке убывания по региону в целом.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какой размер денежных средств на одного члена семьи в месяц, по Вашему мнению, необходим, чтобы жить...»

Вариант ответа	Высокое	Среднее	Низкое	В среднем по области
Удовлетворительно	18 864	20 565	20 157	20 382
Хорошо	33 851	36 547	36 243	36 343
Очень хорошо	54 210	65 351	78 922	68 108

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Что Вы готовы предпринять в случае резкого ухудшения Вашего материального положения?», % от ответивших

Вариант ответа	Высокое	Среднее	Низкое	В среднем по области
Буду больше работать / постараюсь найти дополнительные источники дохода	61,7	43,0	29,1	40,6
Сокращу расходы	44,4	52,2	43,9	49,8
Буду участвовать в акциях протеста	7,4	4,4	7,5	5,3
Ничего не буду делать	4,9	8,7	10,6	9,0
Возьму кредит в банке или в долг у близких, друзей	7,4	6,0	6,4	6,2
Буду продавать свое имущество	1,2	2,2	3,4	2,4
Буду тратить сбережения	18,5	4,3	2,8	4,7
Затрудняюсь ответить	4,9	10,8	22,1	13,2

первоочередной мерой выступает сокращение расходов (44%), во вторую очередь – дополнительный заработок (29%), при этом десятая часть не собираются предпринимать каких-либо действий, а почти четверть затруднились с ответом на вопрос. В условиях высокого качества жизни – поиск дополнительных источников доходов, а также использование накоплений и сбережений (62 и 19% соответственно).

Отметим, что у населения со средним и низким качеством жизни причиной невысокой заинтересованности в использовании собственных накоплений в условиях ухудшения материального положения, скорее всего, является их низкая сберегательная активность. В условиях высокого качества жизни – сбережения имеются у 57%, в двух других группах – 27% и 13% соответственно. Среди факторов, ограничивающих формирование сбережений у населения с высоким качеством жизни, – отсутствие самодисциплины, недостаточность доходов, а также отсутствие мотивов к сбережениям (26%, 23% и 17% соответственно, табл. 4), у населения со средним и низким качеством жизни – материальный фактор (вариант ответа «сегодняшние доходы не позволяют этого сделать» встречается в 65% и 77% случаев соответственно).

Данные результатов опроса, представленные в табл. 5, достаточно хорошо, на наш взгляд, коррелируют с содержательной характеристикой необходимых условий, обеспечивающих высокое качество жизни. Важно отметить, что высокий уровень материального благосостояния имеет большее значение для населения с низкими самооценками качества жизни по сравнению с остальными.

Это во многом объясняется покупательной способностью доходов – лишь у 2% населения с низким качеством жизни не возникает трудностей с приобретением автомобиля, большинство же испытывает трудности при покупке товаров длительного пользования

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если Вы (Ваша семья) не делаете сбережений, то почему?», % от ответивших

Вариант ответа	Высокое	Среднее	Низкое	В среднем по области
У меня не хватает собранности и самодисциплины, чтобы копить	25,7	16,1	14,4	15,9
Сегодняшние доходы не позволяют этого делать	22,9	65,3	77,3	67,3
Из-за нестабильной экономической ситуации	14,3	19,5	16,3	18,4
Нет надежных способов хранения сбережений, велик риск их потерять	5,7	11,2	9,3	10,5
Сбережения делать невыгодно, в настоящее время лучше тратить, чем копить	5,7	20,1	7,7	16,2
В принципе не нужны сбережения	17,1	12,7	3,8	10,3
Другое	2,9	2,0	1,3	1,8
Затрудняюсь ответить	20,0	6,5	5,4	6,6

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?», % от ответивших

Вариант ответа	Высокое	Среднее	Низкое	В среднем по области
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	33,8	2,2	0,0	3,4
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	36,3	14,1	2,0	12,4
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	26,3	59,9	33,6	51,8
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	2,5	21,6	53,2	28,2
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится брать в долг	1,3	2,1	11,2	4,2

(34%) и продуктов питания (53%), для 11% населения данной группы денег не хватает даже на приобретение продуктов питания. Не вызывает удивления и тот факт, что 65% и 17% представителей данной группы относит себя к бедным и нищим соответственно и только 9% – к людям среднего достатка.

Таким образом, как показало исследование, группы населения, различающиеся по степени восприятия качества жизни, имеют определенные особенности потребительского поведения. С ростом субъективных оценок касательно собственного качества жизни в значительной степени модифицируются представления о необходимых составляющих высокого качества жизни. Для всех рассматриваемых групп населения высокое качество жизни ассоциируется, в первую очередь, со счастливой семьей и крепким здоровьем, а наличие хорошей работы и высокого материального статуса отодвигается на второй план, однако по мере снижения самооценок качества жизни значимость последних существен-

но повышается (под высоким качеством жизни подразумевают наличие хорошей работы 57% и 51% населения со средним и низким качеством жизни соответственно, высокое материальное благосостояние – 43% и 48% соответственно). Меньшая зацикленность на материальном статусе может объясняться тем, что для группы с высоким субъективным качеством жизни характерен более высокий уровень материального благосостояния, они гораздо увереннее чувствуют себя в условиях резких негативных изменений в экономике, чем население с низким и средним качеством жизни, готовы предпринимать активные действия по поиску дополнительного заработка, а также имеют возможность использовать собственные сбережения как определенную «подушку безопасности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракелова, И.В. Маркетинг лояльности в потребительской экономике: теория, методология, практика [Текст]: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.э.н. / И.В. Аракелова. – Волгоград, 2014. – 53 с.
2. Россошанский, А.И. Структура качества жизни населения в российских и зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] / А.И. Россошанский, Е.А. Чекмарева // Социальное пространство. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/1803>
3. Шабунова, А.А. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты [Текст] : препринт / А.А. Шабунова, Г.В. Белехова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 134 с.
4. Ярашева, А.В. Типология регионов по потребительскому поведению домохозяйств [Текст] / А.В. Ярашева, Е.А. Макарова // Народонаселение. – 2015. – № 3. – 77–84.
5. Feuerstein, R. Mediated Learning Experience: a theoretical review. In: Mediated Learning Experience (MLE): theoretical, psychosocial and learning implications / R. Feuerstein, S. Feuerstein. – London: Freund Publishing House Ltd., 1994. – pp. 3–51.
6. Mehrabian, A. An approach to environmental psychology / A. Mehrabian, J.A. Russell – Cambridge, MA, USA; London, UK: MIT Press, 1974. – 331 p.
7. Piaget, J. The child's conception of the world. / J.T. Piaget, A. Tomlinson, J. Tomlinson. – London: Harcourt, Brace and Company, 1929. – 402 p.
8. Sheth, J.N. Customer Behavior and Beyond / J.N. Sheth, B. Mittal, B.I. Newman. – The Dryden Press, 1999, – pp. 6–35.

Теоретико-методологический подход к анализу факторов надежности коммерческого банка

Аннотация. Целью исследования является разработка авторского теоретико-методологического подхода к анализу факторов надежности коммерческих банков. Обоснована актуальность и необходимость учета специализации деятельности банка, в соответствии с которой рассмотрены внешние и внутренние факторы надежности банка.

Ключевые слова: коммерческий банк, надежность, факторы, специализация деятельности.

Одним из важнейших условий обеспечения устойчивого состояния экономики страны является надежность банковской системы, которая напрямую зависит от финансового состояния каждого коммерческого банка. В современной экономике на банки воздействует множество различных факторов, что требует от менеджмента банков оперативного принятия решений и своевременной адаптации к меняющимся условиям. Таким образом, в настоящее время крайне актуальными являются вопросы, связанные с анализом факторов, влияющих на надежность кредитных организаций.

Факторы, влияющие на надежность банков и банковской системы, рассматриваются в работах многих авторов, например, И.В. Благодатских [2], Т.И. Паутинка [5], В.П. Попова [6], М.Г. Раджабова [7] и др. Как правило, все факторы делят на две категории: внутренние и внешние. К внешним относят макроэкономические [1], т. е. такие факторы, которые определяют внешнюю среду функционирования кредитных организаций, например:

- уровень экономического развития (темп роста ВВП);
- отраслевая ориентация экономики;
- политическая стабильность в стране;
- доля государственного сектора в экономике,
- проработанность банковского законодательства;
- располагаемые доходы населения;
- уровень инфляции;
- стабильность национальной валюты;
- уровень развития фондового рынка;
- уровень конкурентной среды на рынке банковских услуг;
- функционирование системы страхования вкладов и др.

Эта группа факторов большинством ученых подразделяется на общеэкономические, финансовые, политические, правовые, социально-психологические и форс-мажорные. Совокупность экономических факторов отражает состояние экономики. Так, при экономическом росте, как правило, увеличивается число субъектов хозяйствования, растут экономические связи, что способствует росту спроса на банков-

¹ Селезнева Надежда Алексеевна (Россия, г. Екатеринбург) – стажер-исследователь, Институт экономики УрО РАН.

ские услуги как со стороны предприятий и организаций, так и со стороны населения. В случае кризисного воздействия наблюдаются противоположные процессы, угнетающие банковскую систему в целом, усложняющие деятельность отдельных банков, снижая их надежность. Развитие банковской системы может сдерживаться под влиянием таких факторов, как чрезмерная налоговая нагрузка, отсутствие достаточных финансовых ресурсов для осуществления банковских операций, убыточность значительного числа крупных и средних предприятий, общее снижение уровня доходов населения и пр. Финансовые факторы включают в себя влияние изменений в финансовой сфере, таких как изменение процентной ставки, динамика цен на фондовой бирже и пр. К политическим факторам относятся решения органов власти и государственного управления на всех уровнях. Правовые факторы отражают изменения законодательства: законов, нормативно-правовых актов, распоряжений и пр., регулирующих деятельность банков. Социально-психологические – это факторы, включающие изменения в социальной сфере: экономические ожидания населения, доверие к банковской системе и пр. Форс-мажорные обстоятельства являются следствием стихийных бедствий и непредсказуемых событий, которые приводят к сбоям в деятельности банков. Ряд авторов [3; 4] отмечает, что наибольшее влияние на надежность банков оказывают именно внешние факторы, задавая определенные, не зависящие от самих банков условия деятельности.

Внешние факторы надежности можно классифицировать в зависимости от специализации деятельности банка. При этом под специализацией деятельности банка в настоящей работе понимается функциональная дифференциация деятельности, которая проявляется в преобладании определенных банковских операций, характеризующих способ формирования активов, пассивов, а также доходов и расходов. Таким образом, специализация выявляется с помощью вертикального анализа бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах банка. Существенно преобладающие статьи указывают на специализацию банка. На *рис. 1* представлены факторы, наибольшим образом влияющие на надежность банка в зависимости от специализации деятельности. При анализе надежности банка показатели, соответствующие наиболее важным факторам, должны иметь больший вес по сравнению с остальными показателями. Анализ факторов, влияющих на надежность банка, также имеет существенное значение при составлении прогноза надежности. Точность прогноза будет зависеть от полноты учета факторов и степени их влияния на анализируемый банк.

Под внутренними факторами понимается набор факторов, который формируется самим коммерческим банком и зависит непосредственно от его деятельности. Внутренние факторы, влияющие на надежность банка, можно разделить на три группы:

- организационные (например, уровень профессиональной подготовки сотрудников);
- технологические (техническая оснащенность и исправность оборудования, использование инновационных технологий и т. п.);
- финансово-экономические факторы (состояние ликвидности и платежеспособности, репутация банка, положение акционеров и др.).

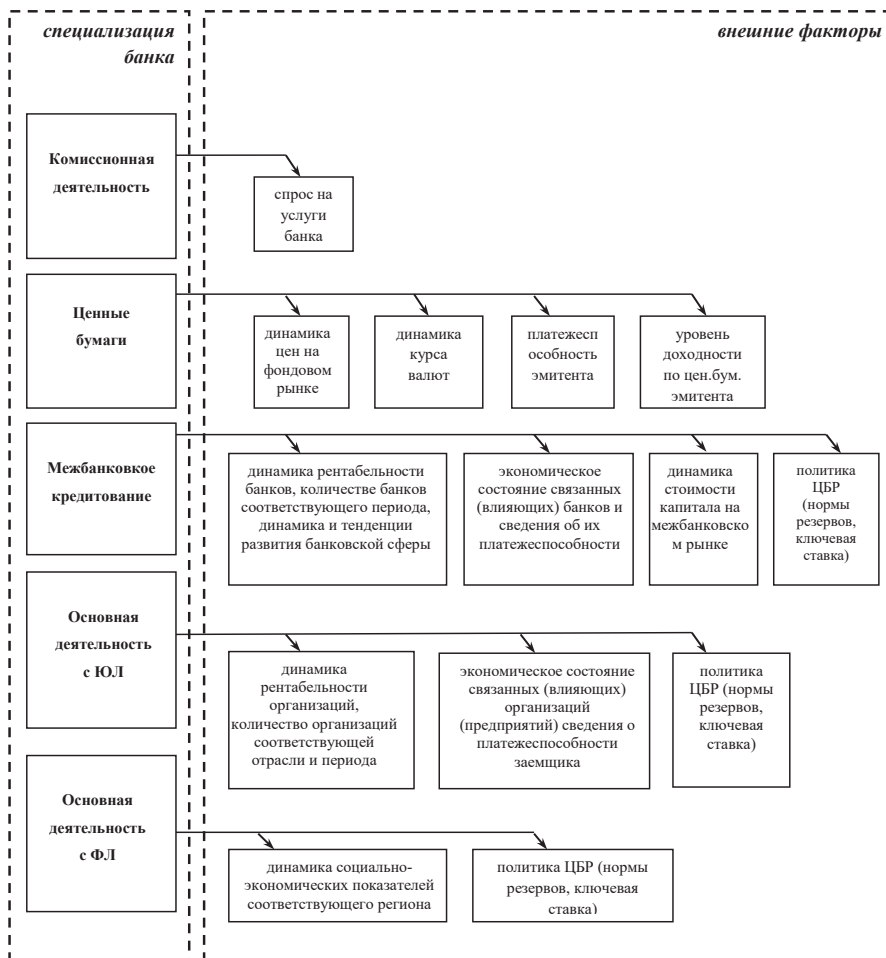
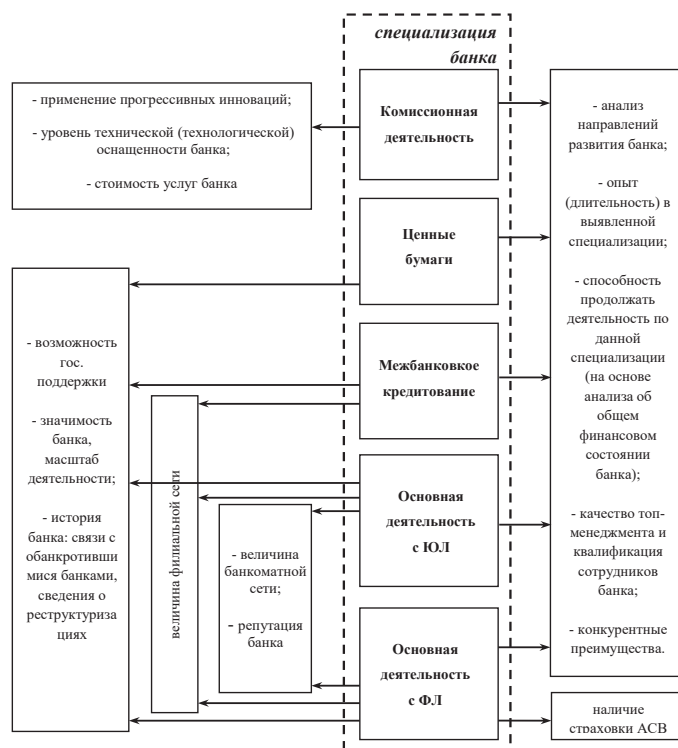


Рис. 1. Внешние факторы надежности банка в соответствии со специализацией деятельности
 Источник: составлено автором.

Рассмотрим влияние внутренних факторов в соответствии со специализацией деятельности банка (рис. 2).

Перечень внешних и внутренних факторов, способных оказать воздействие на надежность коммерческого банка, индивидуален и зависит от особенностей его работы. Таким образом, в данной статье предложен теоретико-методологический подход к анализу факторов надежности коммерческого банка, в соответствии с которым следует учитывать специализацию деятельности каждого кредитного учреждения, на которую указывают преобладающие статьи отчетности банка. Различные специализации банковской деятельности позволяют составить различные наборы факторов, при этом факторы могут иметь разный вес. Это позволит дать более точную оценку и составить прогноз надежности банка или банковской системы в целом.



**Рис. 2. Внутренние факторы надежности банка
в соответствии со специализацией деятельности**
Источник: составлено автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко В.А. Комплексная оценка влияния макроэкономических факторов на банковскую деятельность / Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 3 (32). С. 211 – 214.
2. Благодатских И.В. Анализ факторов, влияющих на устойчивость коммерческого банка / Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С.290 – 293.
3. Гурылева Е.К. Ключевые факторы успеха банковской деятельности / Факторы успеха: сборник научных статей. 2013. № 1 (1). С. 18 – 20.
4. Михалев А.С. Факторы надежности банковской деятельности / Проблемы безопасности российского общества. 2012. № 3. С. 191 – 197.
5. Паутинка Т.И., Савенко Т.А. Факторы устойчивости региональной банковской системы [Текст] / научный журнал «Апробация». 2014. № 8 (23). С. 123 – 126.
6. Попова В.П. Оценка качества активов коммерческого банка в контексте макроэкономических факторов и стабильности банковской системы / Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2014. № 6. С.95 – 103.
7. Раджабова М.Г. Анализ факторов, определяющих условия банковской деятельности в регионе / Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 105 – 110.

Рыночная стоимость активов территории

Аннотация. В статье раскрыты особенности оценки рыночной стоимости активов территории как инструмента анализа ее финансовой устойчивости. Показано, что оценка активов является сложным многофакторным комплексом показателей. Систематизированы методы оценки финансовых активов и приведены формулы расчета этих активов. Проанализированы принципы использования бета – коэффициентов при оценке финансовых активов территорий. Среди главных проблем выявлена низкая эффективность использования методик оценки государственных средств территорий, а также сроки их использования.

Ключевые слова: финансовые активы, безрисковая ставка, вексель, капитал, финансы территории, рыночная прибыль.

Определение затрат на привлечение акционерного капитала представляется сложным процессом, требующим принятия определенных решений. Существуют два традиционных способа такой оценки активов территорий, описанных в научной литературе [2]. Первый предполагает использование моделей роста дивидендов. В настоящее время он не очень часто используется корпорациями. Метод, который обычно используется в приблизительно 81% корпораций, – это оценка финансовых активов. Небольшое количество других фирм пользуются модифицированными версиями этой модели. Модель оценки финансовых активов чаще всего выражается следующим образом:

$$\Phi_a = \Phi_c + (P_p - \Phi_c)K_b, \quad (1)$$

где:

Φ_c – безрисковая ставка;

P_p – рыночная прибыль;

K_b – бета-коэффициент компании.

Величина в скобках известна как премия за риск на рынке. Она выражает сумму дополнительного дохода, полученного при дополнительном риске [5].

Формула представлена простой, но подход к подбору значений может привести к различным оценкам затрат на активы капитала [3]. Многие научные источники предлагают использовать 90-дневный вексель казначейства для определения безрисковой ставки. Од-

¹ Суходоев Дмитрий Викторович (Россия, г. Нижний Новгород) – к.э.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Стожарова Татьяна Владимировна (Россия, г. Нижний Новгород) – к.э.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Суходоева Людмила Федоровна (Россия, г. Нижний Новгород) – к.э.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

нако на практике это используется не всегда. Многие корпорации пытаются подогнать период действия безрисковой ставки под запланированную длину проекта. Поэтому многие компании используют другие векселя казначейства.

Теоретически 90-дневный вексель казначейства как разработанный изначально идеально вписывается в модель оценки финансовых активов территорий, так как инвесторы не несут материальных потерь в случае каких-либо изменений в процентных ставках. Это не относится к долгосрочным векселям [9]. Однако наиболее вероятной причиной использования долгосрочного векселя является то, что он действительно представляет кредитный риск для актива, которым владеют на всем протяжении проекта. Он является довольно реалистичной моделью оценки затрат на привлечение акционерного капитала.

Использование бета-коэффициента также может служить причиной возникновения различных сложностей. По финансовой теории бета-коэффициент должен относиться к будущему. Однако в реальности его довольно трудно рассчитать, так как будущее не поддается анализу [4]. Поэтому корпорациями при работе с моделью оценки финансовых активов территорий используется бета-коэффициент, относящийся к прошлому. Стандартная формула расчета бета-коэффициента (Кб) выглядит следующим образом:

$$Кб = (Da - p)/(Dn), \quad (1)$$

где:

Da = доход на акционерный капитал;

P = постоянная регрессии;

Dn = доход на рыночный портфель.

Достоверность такого относящегося к прошлому бета-коэффициента находится в существенной зависимости от выбора еще пары величин, использующихся в расчетах. Первая – это используемый в анализе период времени [6]. По статистике, чем больше временных периодов используется при расчетах, тем достовернее их результат. Это чревато включением в расчеты не относящейся к делу информации. Также данные для расчетов могут быть представлены в виде ежедневных, еженедельных и ежемесячных показателей. Использование слишком короткого или слишком длинного периода времени может приводить к выдаче нерелевантной информации или информации, снижающей качество расчетов.

Далее величина доходов на рыночный портфель, используемая в расчете бета-коэффициента, должна касаться портфеля, состоящего из всех активов территорий, имеющих риски, включая такие нетрадиционные активы, как, например, человеческий капитал [9]. Решением здесь является использование основных средних рыночных показателей для расчета бета-коэффициента. Независимо от того, из какого источника взят показатель, бета-коэффициенты будут различными в зависимости от того, как интерпретируется регрессия.

Премия за риск на рынке – еще одна область, в которой для получения высоких результатов территории должны быть приняты практические решения. Премия за риск на

рынке – это сверхприбыль, полученная дополнительно к безрисковой ставке. Для определения методов, которые следует использовать, а также для определения потенциальных результатов нужно проанализировать рыночную прибыль.

Исследования показывают, что для определения финансовых результатов территории целесообразно использовать показатель будущей рыночной прибыли. Здесь мы сталкиваемся с той же самой проблемой, что и при расчете бета-коэффициента. Будущая биржевая прибыль неизвестна. Поэтому необходимым становится проведение финансового анализа рыночной прибыли. Первый этап – это выбор рынка. Решение должно быть соответствующим, т. е. для определения премии за риск на рынке должен использоваться тот же самый средний показатель рыночной цены, что и для расчета бета-коэффициента.

При управлении финансами территории можно использовать как арифметический, так и геометрический показатель прибыли [7]. Арифметическая прибыль – это просто средний показатель величин прибыли, имеющих место в прошлом. Если предыдущие доходы были стабильными и независимыми, этот метод должен привести к самым достоверным показателям. Исследования показывают, что возникающая при его применении проблема автокорреляции делает арифметический показатель прибыли ошибочным.

Геометрический показатель рыночной прибыли – это внутренняя ставка дохода, показывающая норму доходности, которую инвестор получил бы на рынке фактически [8]. Геометрический показатель дает более четкое представление о том, сколько денег заработано в реальности. Средний геометрический показатель всегда будет ниже среднего арифметического, а также эта разница будет увеличиваться по мере нарастания степени неустойчивости рынка.

Не существует однозначного направления определения премии за риск на рынке. Отдельные корпорации используют при его расчете геометрический, другие – арифметический показатель прибыли. Третьи просто устанавливают фиксированную ставку и постоянно используют ее. Важно разбираться в том, какой именно метод используется и какое влияние он оказывает на общий результат расчета. Стандартного подхода не существует. Финансовые менеджеры, работающие в данной области, должны ясно излагать свои соображения, так как они не могут в данном случае положиться на некий практический образец. От этого в большой степени зависит, захочет ли корпорация принять тот или иной проект бюджета капиталовложений. Неверная оценка стоимости капитала корпорации может сказаться в материальном плане на финансовой устойчивости территорий. Руководители корпораций должны делать все возможное, чтобы максимально вникнуть в тонкости процесса составления бюджета капиталовложений и находить наиболее приемлемые для инвестиционных проектов решения.

В данном исследовании рассмотрен процесс определения средней процентной ставки по всем источникам финансирования территории и определены предложения по ее расчету. Руководитель территории может проанализировать деятельность корпораций в области составления бюджета капиталовложений и оценить достоверность получаемых данных. Планирование капиталовложений еще до того, как тот или иной проект будет рассмотрен, предусматривает оптимизацию процесса управления финансами территории.

Финансовые отделы корпораций чаще всего выполняют стандартные экономические работы, а деятельность их руководителей не воспринимается как деятельность территориального масштаба. В данной работе было продемонстрировано то, что руководители финансовых отделов идеально справились бы с управлением в любой области деятельности компании. Их стратегическое видение при соответствующей квалификации позволяет создать финансовый проект с максимальной долей прибыли для территорий. Он будет особенно действенным в деле максимизации доходов акционеров при одновременном предоставлении им четких данных о финансовом процессе территорий, являющемся образцом целостности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова И. В. Обеспечение комплексного развития коммерческого предприятия // И. В. Большакова, Е. А. Галочкина, О. М. Гринева. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2013. – 245 с.
2. Копасовская Н.Г., Большакова И.В. Совершенствование системы регистрации бизнеса в России: проблемы и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3-2 (56-2). С. 872–875.
3. Стожарова Т.В. Социально-экономическая конкурентоспособность как элемент развития субъектов экономики // Экономика и предпринимательство. 2017. № 1 (78). С. 229–233.
4. Суходоев Д.В., Суходоева Л.Ф., Иванова В.А. Коммерческие взаимодействия в интернет-пространстве // Актуальные проблемы экономики. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 156–158.
5. Суходоев Д.В., Стожарова Т.В., Суходоева Л.Ф. Качественный состав региональных финансовых взаимосвязей // Экономика и предпринимательство. 2016. № 8 (73). С. 210–213.
6. Суходоев Н.Д. Экономическая привлекательность предприятия // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-2 (59-2). С. 722–725.
7. Суходоев Н.Д. Регулирование организационных изменений // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3 (59-3). С. 441–444.
8. Суходоева Л.Ф., Никитин С.А., Стожарова Т.В. Социально-ответственное регулирование финансовой деятельности компании // Экономика и предпринимательство. 2015. № 9-1 (62-1). С. 864–867.
9. Суходоева Л.Ф., Суходоев Д.В., Стожарова Т.В. Информационное пространство коммерческих взаимодействий // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-2 (59-2). С. 747–752.

Развитие рынка производных финансовых инструментов в контексте повышения эффективности развития экономики

Аннотация. Рассмотрена необходимость развития рынка производных финансовых инструментов на макро- и микроуровнях. Описаны основные каналы влияния рынка ПФИ на экономический рост, охарактеризованы ключевые положения развития финансовых рынков развитых стран и приведена краткая характеристика рынка ПФИ в Республике Беларусь.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты, рыночная инфраструктура, экономический рост, внебиржевой рынок, биржевой рынок.

Производные финансовые инструменты (далее – ПФИ) в настоящее время становятся одним из ключевых элементов финансовой системы государства благодаря широким возможностям их применения. Возникновение ПФИ было связано с необходимостью минимизации финансовых и ценовых рисков организаций в периоды повышенной изменчивости мировых финансовых и товарных рынков. На сегодняшний день целесообразность развития национальных рынков производных финансовых инструментов определяется в двух плоскостях:

а) на микроуровне: производные финансовые инструменты могут использоваться субъектами экономической деятельности в качестве инструментов хеджирования рисков и для получения дополнительной прибыли от изменения цен на активы финансового рынка, тем самым повышая эффективность функционирования этих субъектов;

б) на макроуровне: на развитом рынке производных финансовых инструментов формируется справедливая цена на контракты, что является важнейшим фактором повышения привлекательности финансового рынка для иностранных инвесторов. Кроме того, глубокий и ликвидный рынок ПФИ способствует повышению экономического роста страны, а также является механизмом рыночного прогнозирования цен.

Ряд исследователей сходятся во мнении, что развитие рынка ПФИ как элемента финансового рынка влияет на экономический рост посредством изменений в таких сферах:

- предоставление достоверной информации и распределение капитала,
- мониторинг предприятий и контроль за процессами корпоративного управления,
- содействие осуществлению торговли, а также диверсификация и управление рисками,
- увеличение сбережений,
- упрощение процесса обмена товарами и услугами [1, с. 4].

Реализация названных положительных изменений обеспечивается функциональным назначением производных финансовых инструментов. В частности, их использование позволяет перераспределять финансовые риски и повышать информационную эффек-

¹ Юзефальчик Инна Владимировна (Беларусь, г. Минск) – аспирант, Белорусский государственный экономический университет.

тивность посредством оперативного формирования сведений о цене контракта, тем самым способствуя снижению асимметричности информации на рынке и эффективному перераспределению капитала участников рынка. Кроме того, институционализация рынка ПФИ является основой повышения ликвидности рынка и стандартизации условий заключения сделок, положительным следствием которой является снижение издержек ведения переговоров и транзакционных затрат в целом. Наконец, развитие рынка ПФИ способствует повышению доверия участников рынка и снижению рисков исполнения сделок за счет внедрения механизмов централизованного клиринга.

ПФИ могут обращаться как на организованном (биржевом) рынке, так и на неорганизованном (внебиржевом, OTC рынке). К биржевым инструментам относят, как правило, фьючерсы и опционы, а внебиржевыми инструментами являются форварды, свопы и другие ПФИ, в том числе представляющие собой комбинацию названных инструментов. К настоящему времени в мировой практике наибольшее распространение получили сделки форвард, фьючерс и опцион благодаря простоте заключения и исполнения контракта. Сравнительная характеристика биржевого и внебиржевого сегментов рынка ПФИ отражена в *табл.*

По нашему мнению, в современных условиях финансовой глобализации и интеграции эффективное функционирование рынка производных финансовых инструментов, как и любого другого сегмента финансового рынка, не является возможным, с одной стороны, при отсутствии соответствующей нормативной правовой базы, а также стандартов надзора, контроля и регулирования, отвечающих международным нормам и правилам, а с другой стороны, без полноценной рыночной инфраструктуры.

Международный опыт свидетельствует о необходимости пересмотра существующей практики регулирования рынка ПФИ в мире в целом, поскольку кризисным явлениям

Таблица. Сравнительная характеристика сегментов рынка ПФИ

ПРИЗНАК	БИРЖЕВОЙ РЫНОК	ВНЕБИРЖЕВОЙ РЫНОК
Виды инструментов	Фьючерсы и биржевые опционы	Форварды, опционы и свопы
Открытость условий сделки	Сделки заключаются на бирже путем открытого торга	Сделки заключаются конфиденциально путем прямых переговоров между контрагентами
Условия контрактов	Стандартные контракты с общедоступной опубликованной спецификацией, разрабатываемой биржей	Уникальные условия заключения и исполнения контрактов (вид и качества базового актива, его количество, цена, срок и иные условия)
Исполнение контрактов	Сделки являются, как правило, расчетными (беспоставочными)	Большинство контрактов завершается физической поставкой актива
Доступность информации	Цены, условия контрактов и объемы сделок прозрачны и общедоступны	Цены, условия контрактов и объемы сделок менее прозрачны
Условия торговли	Биржевой аукцион – контрагенты неизвестны; исполнение контрактов гарантирует клиринговая палата	Участники рынка известны друг другу; в некоторых случаях сделки осуществляются с помощью посредников
Степень ликвидности рынка	Позиции легко ликвидируются, рынок ликвидный	Позиции не так легко закрываются или передаются другим участникам
Источник: [2, с. 50].		

в экономике зачастую предшествуют «кризисы регулирования». В связи с этим степень влияния рынка ПФИ на развитие экономики в целом определяется в том числе уровнем развития законодательной базы и рыночной инфраструктуры.

К настоящему времени реформы в сфере регулирования рынка ПФИ в мире осуществляются на основании двух основных законодательных актов, принятых группой стран G20: в США – Закон Додда-Франка, в ЕС – Директива о рынках ПФИ (MiFID II / MiFIR) и Директива регулирования рыночной инфраструктуры (EMIR) [3, с. 177]. Стоит отметить, что цели и результаты регулирования рынка производных финансовых инструментов в США и Европейском Союзе являются схожими и направлены на увеличение прозрачности рынка ПФИ и снижение рисков совершаемых операций, что будет способствовать снижению степени негативного воздействия рынка ПФИ на стабильность финансовой системы в мире и в отдельных странах [3, с. 180].

Вместе с тем реализация на практике всех видов операций с ПФИ, тождественных их основным функциям, заключающимся в хеджировании, арбитраже и спекуляции, не представляется возможной без наличия полноценного финансового рынка. Отметим, что в развитых странах становление и развитие финансовых рынков характеризовалось следующими тенденциями:

во-первых, важной предпосылкой наличия емкого и ликвидного рынка ПФИ является наличие связанных сегментов финансового рынка, посредством которых образуется справедливое ценообразование сделок, а также повышается ликвидность и эффективность рынка ПФИ;

во-вторых, гибкий и ликвидный рынок ПФИ является ключевым шагом к переходу от фиксированного к плавающему обменному курсу;

в-третьих, внебиржевой сегмент рынка ПФИ в значительной степени превосходит биржевой (более 80% сделок заключаются на неорганизованном рынке), а предложение рынка ПФИ формируют в основном небольшие коммерческие банки [4].

В Республике Беларусь предпосылками развития рынка производных финансовых инструментов является текущее состояние финансового рынка в целом, основными характеристиками которого являются:

- недостаточный уровень законодательного регулирования порядка бухгалтерского учета и налогообложения сделок с ПФИ;
- несовершенство инфраструктуры рынка ПФИ;
- недостаток ликвидности и узкий спектр обращающихся биржевых и внебиржевых инструментов;
- недостаточный уровень развития риск-менеджмента на предприятиях, а также отсутствие осведомленности участников рынка о возможностях применения ПФИ.

Полагаем, что развитие рынка ПФИ в Республике Беларусь целесообразно осуществлять с учетом лучших мировых практик, результативность которых свидетельствует о том, что рынок ПФИ становится неотъемлемой частью рыночной экономики любой страны. В свою очередь создание полноценного рынка производных финансовых инструментов позволит устранить существующий недостаток инструментов управления

финансовыми рисками, наиболее актуальными из которых для предприятий Республики Беларусь являются валютные и ценовые. Применение на практике действенных инструментов управления рисками позволяет обеспечивать эффективность функционирования и поддерживать финансовую устойчивость субъектов экономической деятельности, что соответственно способствует привлечению зарубежных инвестиций в экономику страны и увеличению объемов экспорта товаров и услуг.

Таким образом, необходимость развития рынка производных финансовых инструментов определяется возможностями этих инструментов создавать благоприятные условия для экономического роста за счет способности ПФИ эффективно перераспределять финансовые потоки, совершенствовать процесс управления рисками и мобилизовать ресурсы субъектов экономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Does the Institutionalization of Derivatives Trading Spur Economic Growth? P. Rodrigues, C. Schwarz, N. Seeger [Electronic source]. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2014805. – Date of access: 03.05.2017.
2. Лахно, Ю.В. К вопросу о развитии российского рынка деривативов / Ю.В. Лахно // Фондовый рынок. – 2013. – № 14 (542). – С. 49–54.
3. Васина Е. Регулирование рынка ПФИ в ЕС и США: общее и отличия. Право и управление XXI век, № 2 (35), 2015, с. 177–182.
4. Франке Й. Рынки валютных деривативов. Зарубежный опыт / Й. Франке, Р. Кирхнер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/finsector/forexhedging/>. – Дата доступа: 03.05.2017.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ

Алферьев Д.А. Оптимизация программы выпуска инновационной продукции промышленных предприятий при условии достижения нескольких единовременных целей	7
Альнакула М. Внутренний контроль как механизм реализации риск-ориентированного подхода к организации системы управления	13
Ахмедина Э.А. Предоставление государственных услуг малому и среднему бизнесу в Республике Башкортостан в 2016 году	16
Бельский А.М. Информатизация общественной организации как ключевой аспект повышения эффективности ее деятельности	20
Богданова Е.Е. Практика применения матрицы БКГ в стратегическом менеджменте для определения положения компании на рынке	27
Василенко В.Н. К вопросу о понятиях пространственного развития.....	31
Ворожейкин Д.В. Современная российская региональная практика государственного регулирования региональной экономики	38
Гамукин В.В. Структура валового регионального продукта субъектов федерального округа как квазирегиона.....	42
Гибадуллин А.А. Развитие приграничных территорий в рамках формирования общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза.....	47

Гладченко С.А., Растворцева С.Н.	
Инвестиции в основной капитал регионов Центрального федерального округа России: динамический анализ.....	50
Егорихина С.Ю.	
Становление института магистратуры в России	54
Кельсина А.С.	
Проблемы развития института аспирантуры в России	58
Кимадзе М.В.	
Геостатистический подход в развитии региона.....	63
Ковальчук Ю.А., Степнов И.М.	
О паллиативной роли «чудесного инвестора» в стратегиях социально-экономического развития регионов	66
Косыгина К.Е.	
Некоммерческий сектор – участник социально-экономического процесса	72
Котов Е.В.	
Реиндустриализация экономики непризнанного государства: имплементация мирового опыта	79
Кузнецова Е.П.	
Особенности взаимодействия малого и крупного бизнеса.....	86
Кузьмин И.В.	
Направления развития международного сотрудничества территорий в инновационной сфере.....	92
Леонидова Е.Г.	
Направления повышения привлекательности внутреннего туризма региона.....	97
Лукин Е.В.	
Тенденции и перспективы роста российской экономики.....	102
Мельников А.Е.	
Содействие структурной модернизации промышленного сектора экономики старопромышленных регионов СЗФО	109
Неволина Е.С.	
Бедность населения как ограничитель экономического роста страны	114
Нечаева Е.С.	
Конкурентоспособность предприятия как фактор устойчивого развития региона	121
Николенко П.Г., Терехов А.М.	
Сущность концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК и сельскими территориями.....	127

Растворцева С.Н., Кумар Д.Н.	
Роль туристской сферы в экономическом развитии региона	136
Сидоров А.С.	
Международная экономическая интеграция как фактор развития территорий.....	143
Стрекалова А.С.	
Экологический маркетинг территорий как инструмент преодоления глобальных проблем человечества	146
Суходоев Н.Д.	
Ресурсный потенциал как фактор устойчивого развития экономики	150
Трофимова Н.В.	
Особенности современного экономического развития Челябинской области.....	154
Усков В.С.	
Роль и значение малого предпринимательства в обеспечении экономического роста страны	158
Уханова Ю.В.	
К вопросу о гражданской позиции российской интеллигенции	165
Федотова Т.А., Сидоренко А.Ю.	
Развитие человеческого капитала в условиях повышения конкурентоспособности страны	173
Филипович А.В.	
Проблема оплаты труда при выполнении дорожных строительных работ	177
Чугуров Д.Н.	
Зеленая экономика: содержание, проблемы и приоритетные направления	179
Якушев Н.О.	
Экспортная специализация России и ее регионов: тренды и инструменты развития	184

**СЕКЦИЯ 2.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ**

Анищенко А.Н.	
К вопросу о государственной аграрной политике, направленной на снижение территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства.....	190

Артамонов И.В.	
Возможности использования ГИС-системы в анализе доступности инфраструктуры здравоохранения региона	195
Артамонова А.С.	
Роль негосударственных некоммерческих организаций в решении социальных проблем региона.....	201
Астратова Г.В., Рущицкая О.А.	
Основные тенденции развития рынка органической продукции на Урале	206
Березиков С.А.	
Исследование процессов технологической трансформации и оценка уровня технологического развития промышленности в регионах Севера и Арктики.....	216
Биев А.А.	
Транспортно-логистический аспект организации поставок нефтепродуктов и моторного топлива в субъектах Арктической зоны России.....	224
Ворошилов Н.В.	
Роль института местного самоуправления в пространственном развитии территорий: новации 2017 г.	228
Заушицына Л.Л.	
Формирование модели экономического развития высокотехнологичного территориального кластера и методики оценки ее экономической эффективности.....	235
Кинзябаев Ш.Р.	
Индикаторы имиджа Республики Башкортостан в 2016 году	242
Клевцов О.И.	
Стратегическое планирование развития территорий в рамках становления Евразийского экономического союза.....	246
Кожевников С.А.	
Проектное управление как инструмент обеспечения комплексного развития территорий	250
Колесников Н.Г., Колесникова Н.В.	
Пространственное распределение экономической активности в Республике Карелия: показатели и закономерности	255
Копытова Е.Д.	
Современное состояние, проблемы и перспективы развития химического комплекса России.....	263

Куцкий Н.В.	
Проектный офис как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления региона	272
Латышева Н.В.	
Теоретические аспекты конкурентной среды лесного комплекса	277
Лихачева Т.Н., Калашников К.Н.	
Состояние социальной сферы сельских территорий Северо-Западного федерального округа	280
Морошкина М.В.	
Формирование конкурентной среды в приграничном регионе (на примере российско-финского взаимодействия)	286
Носков В.А., Шишелов М.А.	
Проблемы и направления повышения эффективности сельской экономики на примере лесного сектора Республики Коми	292
Павлов К.В.	
Система показателей, характеризующих социально-экономические взаимосвязи между приграничными регионами	298
Толстогузов О.В.	
Системные факторы развития экономики регионов	311
Чуланова З.К.	
«Умное сообщество» как новая парадигма управления социально-экономическим развитием.....	319
Шейкин Д.А.	
Кластерно-ориентированное экономическое развитие регионов: институциональный опыт зарубежных стран.....	324
Янкевич Е.М.	
Подходы к оценке конкурентоспособности туристской организации	327

**СЕКЦИЯ 3.
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ
ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИИ**

Абдувалиев Ф.Т.	
Налоговое стимулирование финансовой самодостаточности регионов Узбекистана	334
Бушукина В.И.	
Оценка уровня финансовой безопасности регионального российского банка.....	341

Галухин А.В.	
Кластерный анализ долговой устойчивости регионов Российской Федерации	346
Кремин А.Е.	
Влияние функционирования малого предпринимательства на финансовую самостоятельность муниципальных образований	352
Леваева Л.Ю., Кучеренко С.Ю.	
Обеспечение прозрачности бюджетного процесса	357
Микляева К.А.	
Актуальные аспекты обеспечения самофинансирования разных типов муниципальных образований	364
Печенская М.А.	
К вопросу о резервах повышения бюджетного потенциала муниципальных образований.....	371
Понамарчук А.В.	
Прогрессивная шкала налогообложения как важнейший фактор экономического роста и социального благополучия в государстве.....	380
Россошанский А.И.	
Влияние субъективной оценки качества жизни на потребительское поведение населения	385
Селезнева Н.А.	
Теоретико-методологический подход к анализу факторов надежности коммерческого банка	390
Суходоев Д.В., Стожарова Т.В., Суходоева Л.Ф.	
Рыночная стоимость активов территории	394
Юзефальчик И.В.	
Развитие рынка производных финансовых инструментов в контексте повышения эффективности развития экономики.....	398

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА
И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы II международной научно-практической
интернет-конференции
(г. Вологда, 16–18 мая 2017 г.)

Оригинал-макет И.В. Артамонов
Корректор М.В. Чумаченко

Подписано в печать 28.12.2017

Формат 70*108/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 35,7. Тираж 500 экз. Заказ № 359

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Тел. +7(8172) 59-78-03, e-mail: common@vscs.ac.ru

ISBN 978-5-93299-386-6



9 785932 993866